

love_sf

Дана
Арнаутова

Евгения
Сергеевна
Соловьева

Двойная звезда. Том 2

Айлин Ревенгар предстоит стать избранной Претемнейшей Госпожи, но найти деньги на учебу в Академии нужно сейчас. Неважно, что для этого придется разогнать кладбищенскую нежить и вскрыть склеп – для отважной не-леди это не проблема. Сложнее не попасться строгим учителям. Для Аластора приезд в столицу – черед замечательных приключений. Но лучшее из них ждет его среди могил под завывание умертвий. Грегору Бастельеро казалось, что жизнь после окончания войны грозит лишь скукой и рутинной... Если бы он мог знать будущее, то попросил бы друга-короля вернуть его в действующую армию. А уж если бы будущее мог предвидеть сам король... Но пока восходящая Двойная звезда – всего лишь юная девушка, мечтающая о любви и балах, успехах в учебе и шалостях. Ее бдительно опекают братья-Вороны и недолюбливают некоторые соученицы. А еще – ее уже любят. Но кто?

приключенческое фэнтези, романтическое фэнтези
2019

ru

On84ly

FictionBook Editor Release 2.6.7
2019-07-18
Текст предоставлен правообладателем
1a19f40e-a910-11e9-9468-0cc47a5f137d
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)

Часть третья
«Не леди и ее рыцарь»

Глава 1. Игры белого змея

В дверь аудитории вежливо постучали, заставив Грегора на половине фразы прервать лекцию о способах диагностики и снятия многоуровневых проклятий.

– Войдите! – раздраженно бросил он, недоумевая, кому и что могло понадобиться.

Учебный день, первый в новом семестре, только начался, и все adeпты особого курса – теперь уже только десять, кольнуло что-то внутри – пришли вовремя и сосредоточенно рисуют в тетрадях схему энергетических потоков.

Дверь открылась ровно настолько, чтобы в аудиторию просочился дежурный мэтр в до того ярко-желтой мантии, что глаза резало. Кажется, это был именно тот иллюзорник, что при первом визите Грегора в Академию безуспешно пытался спрятаться от него в нише с доспехами.

– Мэтр Бастельеро! Милорд магистр Эддерли просил напомнить вам, что через час состоится заседание Совета глав гильдий, – торжественно изрек он и, покосившись на заинтересованно замерших адептов, многозначительно добавил: – По вашему вопросу. Вовремя напомнил! По опыту зная, насколько штабное командование склонно к затягиванию жизненно важных решений, и убедившись, что глава Академии нимало от них не отличается, Грегор успел смириться, что заседание Совета состоится не раньше, чем произойдет Разлом. И даже тогда идею о запрете порталов провалят единогласно.

– Прекрасно, – уронил он, одарив иллюзорника внимательным взглядом, от которого тот почему-то побледнел и едва заметно попятился. – Благодарю, коллега.

– Так я... пойду? – уточнил иллюзорник, нервно покосившись на дверь.

– Я вас не задерживаю, – сухо подтвердил Грегор и перевел взгляд на адептов.

Шестеро глядели на него с восторженным любопытством. Против ожидания, среди них не было Саймона Эддерли. Сын магистра, перебравшись вместе с Аранвеном за последнюю парту, то и дело бросал обеспокоенные взгляды на Айлин Ревенгар, сидевшую между ними и сосредоточенно чертившую в тетради. Следует признать, причины для беспокойства у юношей были: за время вакаций Ревенгар изрядно похудела, осунулась и сильно побледнела. Не осматривая ее Грегор каждый день, заподозрил бы проклятие, последствия неосторожной клятвы или излишнее внимание Претемной. Но тогда он, по крайней мере, знал бы, что делать! И сделал бы, видят Семеро. А вот лекарства от горя еще не придумал ни один целитель.

Только поэтому Грегор сделал вид, что не заметил, как в середине лекции Аранвен, не глядя никуда, кроме доски, сунул в ладошку Ревенгар конфету в яркой бумажке!

Интересно, он действительно думает, что Грегор ничего не слышит и не видит лишь потому, что стоит за преподавательской кафедрой? Он вспомнил себя адептом и вздохнул. Ну да, именно так все эти юные бестолочи и считают! А с кафедры, между прочим, прекрасный обзор всего кабинета, да и на слух опытные некроманты обычно не жалуются. Обертка же шуршит!

– Урок окончен, господа адепты, – сказал он, подумав, что полчаса из оставшегося до Совета времени уйдет на то, чтобы освежить в памяти собственные выкладки и продумать достаточно убедительную речь.

А Эддерли, к пророку не ходи, наверняка потребует Барготом проклятые учебные планы на всю неделю, которыми Грегор, как ни постыдно признавать, до сих пор не озаботился.

– Можете быть свободны. К следующему занятию каждый предоставит мне письменную работу по одному многоуровневому проклятию, способу его диагностики и снятия.

Авторские проклятия приветствуются, – добавил он, чуть повысив голос, и адепты оживленно зашумели.

– А что такое авторское проклятие? – растерянно спросила Ревенгар.

– Лично изобретенное, милая Айлин, – спокойно объяснил Аранвен и, бросив быстрый взгляд на Саймона Эддерли, добавил: – Предлагаю немедленно над этим поработать, раз у нас есть немного свободного времени до следующей лекции. Вы же не откажетесь отправиться с нами в библиотеку?

Девчонка, залившись краской, кивнула, и Грегора царапнуло глупой досадой: страшно и представить, что за проклятие изобретет эта троица! Да одной Ревенгар больше, чем достаточно, чтобы озадачить по крайней мере половину Фиолетового факультета – в структуре ее умертвия до сих пор не удалось разобраться никому! – а до чего они додумаются вместе?

«Ты же сам был доволен, что эта парочка за ней присматривает, – одернул себя Грегор. – Если изобретут что-то новое, тем интереснее. Главное, чтобы смогли это снять».

Он проводил взглядом покидающих аудиторию адептов. Ревенгар, Аранвен и Эддерли выходили последними, причем Саймон размахивал руками так беспорядочно, словно пытался поймать невидимую муху, и громким яростным шепотом увлеченно излагал что-то о блуждающих по всему телу прыщах. Похоже, разработка проклятия уже началась.

– Это примитивно и не изящно, Саймон, – услышал Грегор спокойно-укоризненный голос Аранвена, прежде чем дверь за ними закрылась.

Сев к столу и взглянув на абсолютно чистый лист, на котором следовало написать план занятия, он от души позавидовал адептам. Составить проклятие, даже в два-три уровня, сущие пустяки в сравнении с положенной преподавателям бумажной волокитой! Сам Грегор в годы учебы составлял их десятками на одном лишь вдохновении, а если вдохновения вдруг не хватало, достаточно было представить лицо какого-нибудь неприятеля. В бытность Грегора адептом этим неприятелем чаще всего оказывался Роверстан...

Разумеется, ничего подобного Грегору делать не собирался, но...

Он отложил перо и полюбовался составленным в задумчивости заклинанием: попавший под него разумник должен был терять жизненную силу до тех пор, пока... пока... о, пока не женится! Отличный ограничитель для подобного распутника. А чтобы было еще интереснее, можно добавить второй ограничитель: пока не женится на Гвенивер Ревенгар. Такому умнику прекрасно подойдет самая глупая женщина, какую только знал Грегор! Еще раз перечитав формулу, он с сожалением скомкал лист и бросил его в корзину для бумаг. Как бы ни хотелось отвертеться от проклятых планов, за него никто их не напишет. Нечего и затягивать.

Когда он поставил последнюю точку в последнем листе, до совета оставалось не больше двадцати минут. Зато планов перед ним лежала полная дюжина, пусть и написаны они были неразборчивым от торопливости почерком! «И пусть Эддерли делает с ними, что хочет», – подумал Грегор с легким приятным злорадством, несколько подпорченным подозрением, что проклятые планы никто не читает, а используются они исключительно для осложнения жизни преподавателей.

Собрав листы и от души потянувшись – и кто бы подумал, что от составления планов так затекает все тело? – Грегор вышел из аудитории и неторопливо направился к Башне Совета. В первый учебный день Академия гудела, как встревоженный улей. Мимо Грегора сновали ученики, бросая на него боязливо-восторженные взгляды, с дальней лестницы доносился отчаянный шум, будто там ловили упыря или, что было куда вероятнее, кто-то дрался, а встречные преподаватели смотрели на все это безобразие с благожелательными улыбками. Правду сказать, Грегор сам испытывал непривычное снисходительное умиление, глядя на буйную молодежь.

Умиление, впрочем, он испытывал недолго. Ровно до того момента, как, свернув за угол, в малый холл, ведущий к лестнице в башню, увидел знакомые медно-рыжие волосы и...

Проклятье! Караул! Что ли, этот разумник!

Дважды мысленно проговорив изобретенное проклятье – в первый раз торопливой скороговоркой исключительно ради успокоения, а во второй – с мстительной неспешностью, Грегор успокоился настолько, чтобы увидеть главное. Что рыжие волосы отнюдь не торчат во все стороны и не заплетены в две косы, а уложены в гладкий низкий узел. Что черная одежда собеседницы Роверстана – вовсе не ученическая мантия, а изящное, пошитое по последней придворной моде траурное платье. И, наконец, что женщине, только что величественно подавшей разумнику руку для поцелуя, никак не меньше тридцати!

– Вы так изменились, господин Роверстан, – произнесла дама с неприятно задевшей Грегора томностью. – Если бы вы знали, как я рада видеть вас!

– И я рад нашей встрече, леди Ревенгар. Сочувствую вашей потере, – учтиво и подобающе сочувственно произнес разумник, целуя воздух над самыми пальцами леди.

Гвенивер Ревенгар? Это и есть жена Дориана?!

«Ну и дрянь, – подумал Грегор с холодной злобой. – Не прошло и месяца со смерти мужа, а она очаровывает нового мужчину! Трижды проклятие! Хорошо, что Дориан об этом не узнает. А Роверстан, следует признать, ведет себя куда достойнее этой... леди! У него, по крайней мере, хватает чести почтить память давнего недруга, не флиртуя с его женой! Минутку! – спохватился он тут же. – Какая, собственно, нелегкая принесла Гвенивер Ревенгар в Академию? Впрочем, о чем тут думать? Она могла приехать только из-за дочери – но вот зачем?»

От Гвенивер Ревенгар и Роверстана его прикрывала разделяющая холл плетеная ширма, сплошь увитая какими-то вьющимися растениями вроде плюща, но обильно и ярко цветущими – работа стихийников – и Грегор замер за ней, стараясь не проронить ни слова. От уверенности, что подслушивать и подсматривать не подобает истинно благородному человеку, он успешно избавился еще на войне, хотя в обычной жизни, разумеется, не унился бы до подобного. Но если речь идет об одной из его подопечных, следует узнать о возможных неприятностях как можно раньше!

– Могу ли спросить, что привело вас в Академию? – поинтересовался разумник по-прежнему учтиво, но Грегор ясно услышал в его голосе равнодушие и едва заметное нетерпение.

Ну конечно! Роверстан обязан присутствовать на Совете и наверняка направлялся именно туда, когда повстречал леди Ревенгар. И не стоит сомневаться в том, что заданный ради обычной вежливости вопрос она воспримет всерьез. Что ж, тем лучше!

– Дело в моей дочери, господин Роверстан, – вздохнула леди Ревенгар и, поспешно достав из поясной сумочки кружевной платок, промокнула влажно заблестевшие глаза – такие же ярко-зеленые, как и у старого Морхальта. – Она... я не знаю, просто не знаю, что с ней делать! Видят Семеро, я изо всех сил желала быть ей хорошей матерью, хоть это и непросто. Вы ведь видели ее, не так ли?

– Разумеется. У вас прелестная дочь, леди Ревенгар, – улыбнулся разумник с неожиданно искренней, насколько мог судить Грегор, теплотой.

– Благодарю! – бросила леди с таким отчаянием в голосе, словно вместо комплимента услышала горестную новость. – Если вы ее видели, то должны понимать, почему мне было так сложно! Она так похожа на моего отца, своего деда. И все же я стремилась дать обоим детям соответствующее образование, прививала им достойные манеры. Конечно, Айлин всегда было далеко до Артура, поверьте, он идеальный сын, но она хотя бы старалась! А потом, едва у Айлин проснулась магия, она превратилась в маленькое чудовище! Она оскорбила Артура, едва вернувшись домой! Правда, мальчик был отчасти виноват – вам-то я могу об этом рассказать! Он дал понять Айлин, что она должна приветствовать его как наследника рода. Конечно, раньше времени, и, боюсь, здесь есть и моя вина, ведь это я всегда учила сына, что он должен вести себя как подобает наследнику, но... Она позволяет себе неподобающие вольности, она... она, наконец, ударила брата, а затем...

Леди Ревенгар снова промокнула глаза, и Грегор поразился, насколько же мать и дочь не похожи между собой! И это при почти одинаковых чертах лица! Тот же тонкий, еле заметно вздернутый нос, те же пухлые губы, те же миндалевидные глаза. И все-таки каждая, самая мелкая деталь облика Айлин Ревенгар свидетельствовала о текущей в ее жилах золотой крови Трех дюжин, чего и в помине не было у леди Гвенивер. Лицо дочери казалось отчеканенным на лучшей оружейной стали, матери – вылепленным из белой чинской глины.

– А затем погиб мой дорогой супруг, – глухо произнесла леди Ревенгар. – В день его отъезда Айлин предупреждала об опасности. Просила его остаться дома, и если бы я только присоединилась к ее просьбе... Возможно, Дориан и в самом деле никуда не поехал бы и остался в живых! Но когда его спутники привезли его тело... Я была вне себя! От горя, и от того, что в смерти моего возлюбленного мужа есть, вероятно, и моя вина! Кажется... я наговорила Айлин лишнего...

«Лишнего?! – яростно подумал Грегор. – Убедить ребенка, что любимого отца убила ее магия, – это всего только «лишнее»?! Клянусь Претемнейшей, или вдова Дориана – самая глупая женщина во всем Дорвенанте, или она жестокая лицемерная дрянь!»

– ...А она в ответ отсеклась от рода, вы можете представить себе подобное? В присутствии посторонних людей, сослуживцев Дориана! Она... она даже не приехала на его похороны! А сегодня... – Высокий голос леди Ревенгар задрожал и упал почти до громкого шепота. – Я приехала, чтобы забрать ее домой, после такого потрясения семья должна держаться вместе, вы же согласны со мной? Я встретила ее около часа назад, сказала – пусть собирается, мы с братом ждем ее дома, а она... Только подумайте, она заявила, что не знает меня! Что ее братья рядом с ней, и ей незачем никуда ехать – она и так дома! Представляете?! А эти... – Гвенивер Ревенгар осеклась, словно едва не выругавшись. – Юные лорды Аранвен и Эддерли ее поддержали! Сказали – я обозналась... Лорд Аранвен сказал... – Она прикрыла глаза и повторила изменившимся голосом, словно читая по памяти затверженные стихи: – Сказал, что Вороны мэтра Бастельеро – одна семья. Что если их сестра утверждает, что я ошиблась, так оно и есть. И что у милой Айлин девять братьев, и все они – в Академии...

«Вороны Бастельеро? – приятно поразился Грегор. – Однако!» От Аранвена он подобного точно не ожидал, это не восторженный Саймон Эддерли.

Заморгав и промокнув глаза в третий раз, леди глубоко вдохнула и коснулась кончиками пальцев рукава белой мантии разумника.

– Господин... Дункан, прошу вас, помогите мне! Вы ведь магистр, вы наверняка можете повлиять на лорда Эддерли... убедить его! Академия пагубно влияет на мою дочь, вы ведь сами видите. У меня нет других знакомых магов, к которым я могла бы обратиться! Что, если лорд Эддерли мне откажет?!

«Забрать домой? Ревенгар?! И изводить ее придирками и упреками?! Ну уж нет! Что бы тобой ни двигало, я не дам превратить девочку в бледную тень идеального братца!» – подумал Грегор, едва сдерживая ледяное бешенство и стараясь не думать, что же он сделает, если разумник согласится помочь этой курице, а Эддерли позволит ей увести девочку из Академии.

– Я понимаю ваше состояние, леди Ревенгар, – успокаивающе проговорил Роверстан, словно бы не обратив внимания ни на внезапную фамильярность вдовы, ни на коснувшиеся его рукава дрожащие пальцы. – И с радостью помог бы вам всем, что в моих силах, но...

– Но?! – вскинулась леди Ревенгар, уставившись на разумника с надеждой.

– Но ваша дочь – некромантка и боевичка, – с мягкой жесткостью напомнил Роверстан. – И магесса изрядной силы, поверьте! Кроме того, девочка недавно пережила большое горе, а это крайне плохо сказывается на самоконтроле мага! В Академии она постоянно находится под присмотром и не причинит вреда ни себе, ни другим. Если же вы ее увезете... Пожар – самое малое, что может грозить вашему дому! Один случайный выплеск – и девочка, сама того не желая, поднимет мертвые. Уверю вас, обычно они вовсе не так милы и дружелюбны, как ее пес! А если она призовет к дому банши? Я не говорю уже о смертельных проклятиях...

«Что он несет? – поразился Грегор, глядя на абсолютно серьезное, искренне озабоченное лицо белого магистра. – Уж не повредился ли милорд разумник рассудком? Да ни один некромант не способен призвать банши, а уж проклинать Ревенгар научится, дай Претемная, если только к пятому-шестому курсу. У девчонки к этому суший антиталант, у нее и простейшая-то порча получается с трудом и через два раза на третий!»

На лице леди Гвенивер между тем отразился настоящий ужас – она даже побледнела и уставилась на разумника умоляюще.

– Но что же мне, в таком случае, делать?! – вырвалось у нее так отчаянно, что в иной ситуации Грегор, пожалуй, посочувствовал бы несчастной женщине. – Я не могу подвергнуть моего мальчика такой опасности, а оставить Айлин здесь тоже не могу. Вы ведь сами видите, ее поведение совершенно непристойно!

– Обычно, если родители не готовы обучать ребенка в Академии, они нанимают мага, чтобы тот контролировал выплески силы и учил на дому, – задумчиво откликнулся разумник. – Но в вашем случае, леди Ревенгар, это едва ли возможно. Во-первых, вам понадобятся сразу два мага немалой силы. Во-вторых, они должны будут поселиться в

вашем доме. Возможно, вам и удастся найти таких учителей для дочери, но как скоро? С вашего позволения, леди Гвенивер, самое разумное – это оставить девочку в Академии, где она не навредит ни себе, ни вам с сыном...

Гвенивер Ревенгар явно заколебалась. То ли испугалась умертвий, то ли ей претила сама мысль о том, чтобы поселить в доме двоих посторонних магов. Какая, впрочем, разница? – Но... – нерешительно начала она. – Но ведь ее репутация – честь всей семьи! Что, если Айлин нас опозорит?

– Насколько я успел заметить, – возразил Роверстан с оттенком еле заметного неодобрения в голосе. – Адептка Ревенгар прекрасно воспитана и исключительно благоразумна для своего возраста. Кроме того, если вы пожелаете, я готов лично присматривать за вашей дочерью, миледи.

– Вы и в самом деле присмотрите за ней? – быстро уточнила леди Гвенивер. – О, дорогой господин Роверстан, вы даже не представляете, как я... нет, как мы с Артуром вам признательны! Вы меня просто спасаете! Как я могу вас отблагодарить?

– Не стоит благодарности, миледи, мне будет приятно оказать вам услугу, – учтиво откликнулся разумник. – Жаль прерывать нашу беседу, но мне и в самом деле пора. Прошу простить, дела гильдии...

– О, разумеется! До встречи, господин Роверстан, – вынужденно попрощалась Гвенивер Ревенгар, и разумник, коротко поклонившись, направился к башне.

Грегор, с трудом дождавшись, пока леди покинет малый холл, поспешил за ним, но догнать смог только на третьем пролете лестницы – слишком уж большая фора была у Роверстана!

– Доброго дня, милорд магистр, – сухо поприветствовал он разумника. – Не объясните ли, что за чушь вы несли насчет банши и смертельных проклятий?

– Доброе утро и вам... мэтр, – холодно улыбнулся Роверстан. – Вижу, вы совершенно случайно услышали наш разговор? Что ж, извольте: эту, как вы изволили выразиться, чушь я нес, чтобы выбить из головы леди всякую мысль о том, чтобы забрать адептку Ревенгар из Академии. Как видите, у меня это получилось. Чем больше леди Ревенгар будет бояться дочь, тем лучше для девочки.

– Неужели вы не верите, что вдова Дориана искренне хочет примириться с дочерью? – язвительно уточнил Грегор.

Черные глаза разумника заледенели.

– Я верю в то, мэтр Бастельеро, – процедил Роверстан, глядя на него, как на крысу, нагло выбежавшую на самое видное место Архивов. – Что леди Ревенгар искренна в каждом порыве души. И в то, что завтра она возненавидит дочь с той же искренностью. И в то, что она запрет девочку дома до ее, скажем, пятнадцати лет, а затем убедит нового главу рода как можно скорее выдать сестру замуж – искренне заботясь о ее благе, разумеется. Вам, в отличие от меня, выпала удача не знать леди Гвенивер в юности, так прислушайтесь же хоть раз к человеку, который знает, о чем говорит! Смею надеяться, я удовлетворил ваше любопытство?

Грегор, ошеломленный столь неожиданным выпадом, молча кивнул.

– Превосходно, – одними губами улыбнулся Роверстан. – В таком случае, мэтр, предлагаю поспешить. Не хотелось бы опоздать на Совет, мы и так потеряли много времени по милости леди Ревенгар!

* * *

– Ну проходите же, милорды, проходите! – с некоторой сварливостью изрек Великий Магистр, небрежно объединяя одним обращением и Грегора, и Роверстана, простолюдина, но магистра Гильдии, то есть лицо, приравненное по статусу к дворянину. – Вы заставляете себя ждать!

– Приносившие самые искренние извинения, – очень учтиво отозвался Роверстан, а Грегор молча поклонился, понимая, что Архимаг явно не в духе и раздражать его еще сильнее ненужными оправданиями не стоит.

– Присаживайтесь, – поморщился Великий Магистр.

Грегор посмотрел на стол заседаний и увидел два свободных места – похоже, сегодня его допустили в избранное общество Совета! Правда, сидеть ему придется рядом с Роверстаном. Но стоит поторопиться, чтобы вторым соседом оказался Эддерли, а не Волански!

Он поспешно сел рядом с Фиолетовым магистром, и Роверстан занял последнее свободное место, покосившись в сторону сидевшего на конце стола иллюзорника с едва уловимой настороженностью. В чем-то Грегор, вспоминая прошлый Совет, его понимал: сегодня перед Волански стоял кувшин с дымящимся шамьетом.

– Этьен, мальчик мой, – сказал Великий Магистр. – Огласите причину сегодняшнего совета!

Райнгартен, видимо, исполняющий в Совете обязанности секретаря, поднялся, взял лежащий перед ним лист и зачитал с него, словно не мог сформулировать это самостоятельно:

– Его светлость Бастельеро, маг Фиолетовой гильдии, представляет на рассмотрение Совета Ордена исследование магической аномалии. По мнению лорда Бастельеро, наличие данной аномалии требует пристального внимания Ордена и немедленных действий по ее устранению. Лорд Бастельеро считает, что магические воздействия, произведенные во время недавней войны, заметно нарушили рисунок силовых потоков и структуру ткани мироздания в определенных областях Дорвенанта. Лорд Бастельеро полагает, что дальнейшее применение заклятий, в особенности порталного перемещения, приведет к критическим поражениям вышеупомянутой ткани мироздания и появлению очагов контакта с потусторонними сущностями, в просторечии именуемыми Прорывами. Посему лорд Бастельеро предлагает запретить порталные перемещения на срок в несколько лет, ограничившись только самыми необходимыми случаями.

«Почему то же самое нельзя было сказать по-человечески? – молча удивился Грегор. – В три раза короче и гораздо понятнее. Впрочем, да, это ведь Райнгартены! Эжен тоже умудряется простую фразу: «Противник пошел в атаку», – облечь в три абзаца официального словоблудия».

Он покосился на противоположную сторону изогнутого дугой стола и увидел, что место Зеленого магистра занято, на нем, хмурясь то ли с непривычки, то ли от раздражения словесными экзерсисами Райнгартена, сидит мэтр Бреннан. Похоже, старого целителя все-таки уговорили возглавить гильдию! Грегор искренне порадовался – еще один разумный человек в этом сборище!

– Прекрасно, мой мальчик, – кивнул Райнгартену Великий Магистр и обвел совет внимательным тяжелым взглядом. – Кто хочет высказаться?

– Позвольте мне? – уточнил магистр Кристоф и, получив поощрительный кивок Кастельмаро, развел руками. – Признаться, я не понимаю, что именно так обеспокоило нашего юного коллегу. Предположим, дела обстоят именно так, как он говорит. Предположим даже, Прорыв и в самом деле произойдет. Что с того? Это будет не первый Прорыв даже на моей памяти! У нас, хвала Семерым, хватает стихийников, чтобы запечатать порталы, и вполне достаточно боевиков, чтобы перебить выбравшихся в мир демонов...

«Проклятье, Кристоф, что вы несете! – вскипел про себя Грегор, изо всех сил сдерживаясь. – Кто спорит, ваши воспитанники – лучшее оружие Дорвенанта, но лишь последний болван станет лупить по рапире булыжником только потому, что она прочна! Зачем подставлять боевиков под удар, если в этом нет никакой необходимости? Вы хоть представляете, о каком количестве жизней пойдет речь, не сумей мы предотвратить Прорывы? Или вы просто настолько не доверяете моим суждениям?!»

– Благодарю, магистр Кристоф, мы вас поняли, – спокойно кивнул Кастельмаро и взглянул на Синего магистра. – Магистр Адальред? Дело касается непосредственно вас, порталное перемещение полностью в ведении Синей гильдии. Что скажете?

– Я против, – буркнул артефактор, взглянув на Грегора с явной неприязнью. – Не сомневаюсь в компетентности мэтра в области некромантии, но в стихийной магии, насколько мне известно, он не силен. Оплата работы порталов составляет едва ли не треть годового дохода Ордена, и лишиться такого источника поступлений только потому, что мэтр Бастельеро чего-то испугался, мы не можем!

– Мы поняли вас, магистр Адальред. Магистр Эддерли? Речь идет о предложении вашего ученика, что скажете?

«Ну же, Эддерли! Ведь в вас куда больше здравого смысла, чем в любом представителе этого Совета, вы должны, обязаны понять, что речь идет о жизни и смерти!» – подумал Грегор, сжимая под столом кулаки.

Боковым зрением заметив движение слева, он скосил глаза: Волански неторопливо налил в кружку шамьет, осторожно попробовал, скривился, видимо, обжегшись, и поставил кружку на стол – прямо перед Роверстаном.

Тот еле заметно поморщился и посмотрел на иллюзорника неодобрительно. Не успел Грегор с легким злорадством подумать, что пятна от шамьета на белой мантии будут смотреться еще выразительнее, чем от вишни, как Роверстан сделал едва уловимое движение кистью – и дымящаяся кружка, скользнув по столу, оказалась прямо перед Грегором.

«Р-разумник!» – раздраженно подумал Грегор, и тут наконец заговорил Эддерли.

– Я поддержал бы моего ученика, – осторожно произнес Фиолетовый магистр. – Будь от моей поддержки какая-то польза. К сожалению, я не разбираюсь ни в порталных перемещениях, ни в магических аномалиях, за исключением некротических. Поэтому пока воздержусь от комментариев.

«И присоединюсь к мнению большинства, которое, разумеется, провалит такой убыточный проект!» – со злобной досадой подумал Грегор и мстительно отодвинул кружку с шамьетом в сторону Эддерли.

– Я против, – резко бросила Уинн, не дожидаясь позволения говорить. – Магистр Адальред прав. С каждым годом у нас все больше адептов, неспособных заплатить за обучение, и мы не можем позволить себе лишиться дохода от порталов. Или же нам следует пересмотреть правила приема в Академию...

Кастельмаро бросил на алхимичку быстрый взгляд из-под косматых бровей, и она умолкла так резко, словно подавилась.

– Эта тема, если нам и придется ее поднять, предназначается для отдельного совета, магистр Уинн, – негромко изрек Великий магистр, и Уинн, кажется, даже съежилась, хотя никакой угрозы в словах старого стихийника вроде бы не было. – Сейчас мы говорим только о докладе мэтра Бастельеро, и ваша позиция нам предельно ясна. Итак, трое магистров против, лорд Эддерли воздержался... Этьен, мальчик мой, вам слово.

– Только прошу милорда Райнгартена вернуть мне шамьет, – проворчал Волански негромко, но так отчетливо, что услышали все присутствующие и дружно посмотрели на стол.

Злополучная кружка и в самом деле стояла перед изрядно озадаченным подобным оборотом Райнгартеном.

– Да-да, конечно! – спохватился стихийник и, изящно манипулируя силовым потоком, передвинул ее обратно по столу к Эддерли, затем к Грегору, к Роверстану и, наконец, к Волански.

Иллюзорник, завладев потерей, хмыкнул и отпил шамьета. К удивлению Грегора, на столь бесцеремонное нарушение регламента никто из магистров не откликнулся. Разве что Кастельмаро, тихонько хмыкнув, поинтересовался:

– Позвольте спросить, Волански, к чему этот балаган с кружкой?

– Никакого балагана, милорд Великий магистр, – откликнулся Волански, мечтательно глядя на Кастельмаро одним глазом. Второй был устремлен в дальний угол зала. – Я всего лишь хотел немного остудить шамьет! Между милордами Бастельеро и Роверстаном такая чудесно прохладная атмосфера! Совершенно не понимаю, зачем они унесли мою кружку... Уинн презрительно фыркнула, Кастельмаро снова усмехнулся и кивнул Райнгартену.

– Мы слушаем вас, мой мальчик!

– Лорд Бастельеро, несомненно, сильный маг, – осторожно сказал Райнгартен и покосился на Грегора. – Однако я, как и милорд магистр Адальред, считаю его тревогу необоснованной. Я внимательнейшим образом изучил доклад мэтра, – он чуть поклонился в сторону Грегора, – произвел собственные расчеты и не обнаружил настолько серьезных изменений в энергетических потоках. Ткань мироздания в Озерном крае и впрямь сильно истощена, здесь мэтр Бастельеро совершенно прав, однако я ответственно заявляю: для самовосстановления структуры мира более чем достаточно не использовать в тех местах

боевую магию. Учитывая, что война, благодаря мэтру Бастельеро, наконец-то окончена, выполнить это условие нетрудно.

«Это конец, – с отчетливой обреченностью понял Грегор. – После такого заключения стихийника против меня проголосует даже Эддерли. Что бы ни сказали остальные трое, хотя уж они-то понимают в этом вопросе еще меньше Кристофа. Проклятье! Ну почему, почему никто и никогда не слушает предупреждений, пока не становится поздно?!»

– Благодарю, мой мальчик, – улыбнулся Кастельмаро Райнгартену едва ли не отечески. – Кто-нибудь еще хочет высказаться или приступим к голосованию?

– С вашего позволения, мне есть что сказать, – веско уронил Роверстан, и Грегор едва не закрипел зубами.

Еще раз выслушать, как он ничего не понимает в стихийной магии, да еще от этого разумника! Видит Претемнейшая, это уже слишком!

– Возможно, только возможно, – спокойно продолжил Белый магистр, неторопливо обводя взглядом присутствующих, – уважаемый мэтр Бастельеро и в самом деле ошибается. Хотя я, в отличие от магистра Райнгартена, склонен согласиться, что опасность более чем реальна. Так как я – опять же в отличие от магистра Райнгартена – во время вакаций отправился в Озерный Край лично, чтобы осмотреться на местности. Изменения в ткани мира столь сильны, что это почувствовал даже я, и уж тем более почувствовали бы вы, дорогой Этьен! Если бы сочли нужным немного попутешествовать, – добавил он, тонко улыбнувшись онемевшему от неожиданности Райнгартену. – Однако верно и то, что полный запрет порталов действительно не лучшим образом скажется на финансировании Академии. Мое предложение: не запретить полностью, но ограничить платное использование порталов и указать членам Ордена на необходимость крайне осторожного их использования. Скажем, на... Мэтр Бастельеро, за сколько времени, по вашим расчетам, должна была восстановиться энергетическая структура при полном запрете порталных перемещений?

– Три-пять лет, – выдохнул Грегор, не в силах поверить своим ушам.

Роверстан его поддерживает? Его, старого противника? Он действительно настолько благоразумен или просто играет в очередную сложную интригу? Вот и Райнгартен смотрит на разумника с плохо скрытым изумлением и недовольством, явно не ожидая подобного удара! Между прочим, сам подставился, не сочтя нужным навестить место, о котором идет речь. Теперь слова Роверстана, увидевшего все своими глазами, имеют совсем другой вес. Грегор вспомнил признанный символ Белого факультета – змея, кусающего собственный хвост. Претемная Госпожа, как же не хочется быть благодарным этой хитроумной разумнической твари! Второй раз за день, если вспомнить Гвенивер Ревенгар!

– Благодарю, – кивнул Роверстан и продолжил: – Ограничить, скажем, на десять лет.

Прибыль Синей Гильдии, несомненно, снизится, но не иссякнет совсем, а вероятная угроза будет ликвидирована. Если же кто-то считает, что все обойдется и так, хочу напомнить, что упавший с крыши Академии маг имеет весьма высокую вероятность не свернуть себе шею. Однако я не помню, чтобы кто-то из присутствующих прыгал оттуда, чтобы проверить эту вероятность!

– Поддерживаю магистра Роверстана! – быстро сказал Бреннан и поспешно пояснил: – Любой целитель скажет, что лучше побережься и предупредить болезнь, чем лечить ее!

Смею думать, что к Прорывам это относится в полной мере?

– Поддерживаю магистров Роверстана и Бреннана, – откликнулся передумавший воздерживаться Эддерли.

– Поддерживаю, – закивал Волански, а Кристоф развел руками, сказав:

– Что ж, если взглянуть на предложение мэтра Бастельеро таким образом, то его определенно стоит поддержать. В конце концов, для боевиков найдется и другая практика!

– Согласен, – благодушно подвел итог Великий магистр. – Пятеро магистров из восьми – полагаю, результат очевиден. Совет окончен, господа, проект мэтра Бастельеро принят с небольшими исправлениями.

Бледный, изжелта-серый свет луны заливал кладбище, пятнал старые склепы, увязал в голых узловатых ветвях ветел. Промерзшая земля, покрытая тонким слежавшимся слоем снега, в этом сиянии казалась отвратительно безжизненной, и тени от надгробий и склепов ложились на нее косыми полосами, подчеркивая, что людям здесь нечего делать. Живым, разумеется. Но все-таки в том, чтобы провести ночь на кладбище, нет ничего страшного! Тем более что рассвет уже вот-вот наступит!

Если бы только не ветер... Ветер то скреб ветличьими лапами по склепам, и камни противно скрипели и хрустели, как чьи-то кости под чьими-то зубами, то завывал где-то в отдалении, прикидываясь хищной стаей. Ну и... ну и подумаешь! Пусть простолудины страдают суевериями, а настоящие дворяне ветра не боятся, вот! И дрожат только от холода!

Аластор поежился, завернулся в плащ еще плотнее и тоскливо посмотрел на небо. Луна нагло торчала над самым высоким склепом и всем видом намекала, что на рассвет надеяться не стоит – еще и полночь не миновала. Издевается! Точно издевается!

И зачем ему понадобилось это дурацкое пари? Оскорбился он, видишь ли, поспорил аж с четырьмя юными лордами, что просидит до рассвета на беспокойном кладбище! Добро, если бы кладбище и в самом деле оказалось беспокойным! Вот если бы прямо сейчас откуда-нибудь вылез упырь – Аластор бы ему показал! Не зря же его хвалит учитель фехтования! Да-да, если бы какой-нибудь упырь... или мертвое... или...

Хруп.

Аластор вздрогнул. От неожиданности, разумеется, только от неожиданности! Шаги? Да нет, кто может ходить по кладбищу в такое время? Смотритель?

Хруп...

Осторожно так ходить, крадучись... Зачем бы смотрителю ходить по кладбищу с подобной опаской, если он имеет полное право здесь находиться? В отличие от Аластора, кстати. Если отец узнает, что его наследник не проводит ночь дома, как положено порядочному юноше... Наверное, лучше встретиться с мертвым!

Хру-у-уп...

Да где же оно? Слева... или нет, справа! Там, где его заслоняет фамильный склеп Корсонов! Огромный, высокий, вычурной постройки, желтый, как сыр, в этом проклятом лунном свете!

Хруп-хруп-хруп.

Пальцы сами собой сомкнулись на рукояти рапиры. Оно учуяло Аластора! Точно учуяло, иначе зачем бы ему так торопиться? Бойтся, небось, что поздний ужин сбежит!

А не дожидетесь, почтенная нежить, наследник лорда Вальдерона никогда не покажет врагу спину! Интересно, обрадуется ли отец, если Аластор принесет ему голову неведомой нежити для зала фамильных трофеев? Страшную, кошмарную.... То есть внушающую благоговение голову, вот! С тремя рядами ядовитых клыков, покрытую шипами и с горящими красными глазами! Ох, Пресветлый, помоги справиться с таким чудовищем...

Хруп.

Неведомая нежить наконец показалась из-за склепа. Длинный черный саван еле заметно колыхался, словно чудовище плыло по воздуху. Голову нежити покрывала длинная рыжая... шерсть? Или грива? Морда была столь похожа на девичье личико, что у Аластора встали дыбом волосы. Лучше бы это был упырь! А это – обманник! Точно-точно, старая экономка в усадьбе рассказывала об этих тварях. Притворяются прекрасными девами, завлекают юношей и выгрызают им сердце! Да, именно! Вон, сжимает что-то в руке... то есть в лапе...

Что-то, похожее формой на яблоко. Да-да, надо думать об этом, как об обычном яблоке... Обманник поднял лапу ко рту – и тишину пререзал мерзкий влажный хруст. Аластор даже задохнулся от ужаса и отвращения. На целое мгновение задохнулся! Но потом!

Существо издало какой-то странный сип, словно подавилось, подняло голову, уставилось на Аластора снизу черными провалами глаз и загробным голосом прохрипело:

– Ты что, дурак – ночью на кладбище орать?! А если бы я сюда не пришла?! Вот накликал бы упырей на свою голову!

«Если бы ты не пришла, я бы не орал!» – зло подумал Аластор и тут же осекся.

Нежить же не умеет говорить! Это всем известно! Но если это не нежить, то кто? Глядя сверху, с крыши склепа Корсонов, на рыжую шевелюру и темный саван, оказавшийся обычной теплой накидкой, он почти понял, кто может ходить ночью по кладбищу, но тут совсем рядом – и не с одной стороны, а со всех одновременно! – завывли.

Только теперь Аластор понял, что никогда не спутает голос обычной живой девчонки с тихим, вибрирующим, пронизывающим насквозь, вымораживающим нутро воем нежити. Во рту стало солоно – кажется, он невольно прокусил губу. Руки сами дернулись: зажать уши, не слышать этого воя, сжаться в комок... А может, спрыгнуть с крыши и бежать что есть духу? Не догонят! А девчонка – совершенно незнакомая...

Бежать?! Стыд и гордость накатили огненной волной, мгновенно смыв леденящий ужас. Ну нет! Вальдероны не бегают! И не бросают беззащитных девиц на растерзание упырям!

Аластор распластался на гладкой мраморной крыше животом, свесился вниз, насколько мог, чтобы не соскользнуть, – и протянул девчонке руку.

– Хватайся! Быстро!

Ее ладонь оказалась теплой. И цепкой. А девчонка – легкой и ловкой. Она так запросто вспорхнула на крышу склепа, что Аластор даже позавидовал. И впервые подумал – как же сюда забрался он сам? Высоко ведь, а стены хоть и в мраморных завитушках, но скользкие, да и руки ему никто не протягивал!

Нежить взвыла снова. Уже совсем близко. Зашевелились ветви ближайших кустов, потом совсем иначе, противно и опасно захрустел смерзшийся снег. И вокруг их убежища засветились гнилостно-зеленым огнем пять... десять... ох, Пресветлый, два десятка! – пар глаз. Темные существа, даже внешне уже не очень похожие на людей, на полусогнутых конечностях подобрались к склепу, окружили его и усталились вверх, на ускользнувшую от них добычу. Несмотря на всю омерзительность происходящего, Аластору было очень приятно осознавать, что нежить толпится внизу, а он с девчонкой – здесь, на крыше.

Он покосился на девчонку – та разглядывала упырей без малейшего страха, скорее, с таким озабоченным интересом. Ее рыжая макушка доставала ему всего по плечо, и Аластор тут же окончательно успокоился: если толпу нежити не боится девочка гораздо младше него, то ему и подавно не стоит! Он же мужчина! И рапира у него есть... Хорошая рапира, надежная, из лучшей фраганской стали!

Подумав, Аластор снял плащ, расстелил на крыше и похлопал по нему ладонью.

– Садитесь, миледи, – предложил он.

Девочка бросила на него благодарный взгляд и села, Аластор со всей возможной вежливостью опустился рядом, тщательно следя, чтобы не задеть ее локтем. Жаль, нет еще одного плаща, чтобы накинуть девице на плечи. Ее накидка хоть и плотная, но выглядит не очень теплой, а снять свою куртку и предложить ей будет слишком фамильярно, пожалуй. Да и коченеть от холода не хочется – какой из него тогда получится боец?

– Благодарю, милорд?..

Девочка, а ей ведь не больше двенадцати-тринадцати лет, совершенно спокойно покосилась на него, словно не видела ничего неприличного или опасного в присутствии незнакомого юноши рядом. Впрочем, они ведь сейчас познакомятся? Аластор впервые подумал, что свод правил этикета, выученный им полностью, не дает рекомендаций на любой случай. В нем точно не написано, как представиться незнакомке, встреченной в полнолуние на кладбище, если рядом с вами не родители или другие достойные люди, а толпа нежити.

– Аластор, младший лорд Вальдерон, – откликнулся он, приподнимаясь и изображая поклон. – Прошу прощения за странные обстоятельства нашей встречи. Вы позволите узнать ваше имя?

– Айлин, – улыбнулась девочка.

Улыбка у нее оказалась очень милая. Словно не только губы улыбаются, но и глаза, и каждая веснушка по отдельности. Личико в форме сердца, как его рисовали сестры Аластора в альбомах, будто осветилось изнутри, и стало ясно, что глаза у девочки то ли синие, то ли зеленые, при лунном свете не разобрать, но очень яркие, блестящие и чуточку лукавые. И на щеках – ямочки. Аластору тут же захотелось улыбнуться самому. И как можно было принять ее за обманника?

– Айлин... а дальше?

– Просто Айлин! – отрезала она, разом перестав улыбаться, и, подумав, добавила: – И я не леди, так что можно на «ты». Хочешь яблоко?

– Хочу, – согласился Аластор, решив не настаивать.

В конце концов, если леди желает сохранить инкогнито, долг дворянина – подчиниться. И вообще, он сам про нее все узнает! Не может она оказаться простолюдинкой! Что он, девиц из низших сословий не видел? У нее осанка сразу выдает благородную кровь. И манеры. И храбрость! Да и вообще, ни одной не дворянке в голову не придет звать дворянина «на ты», а он ведь ей представился по всем правилам.

Яблоко, точнее, сразу два, она вытащила из поясной сумки. Именно такие, как любил Аластор. Крупные, крепкие, с тонкой кожицей, ароматные! Одно протянула ему.

– Благодарю, – пробормотал Ал и откусил кусочек – сок так и брызнул во все стороны.

На языке вертелось множество вопросов, и выбрать, какой же задать первым, было не так-то просто, но яблоко весьма помогало думать. Во всяком случае, уже на третьем кусочке Аластор решился.

– Айлин, что ты делаешь одна на кладбище, да еще и ночью? Если это не секрет...

– Работаю, – беззаботно откликнулась она, подумала и поправилась: – То есть собиралась работать, а тут эти упыри... Интересно, откуда их столько взялось?

– Работаете? – пораженно переспросил Аластор – Зачем? И как?..

Происходящее запахло безумным, но увлекательным сном. Ладно еще упыри, в конце концов, на кладбище в полнолуние даже положено быть упырям, но юная леди, которая работает?! Это, воля ваша, гораздо невозможнее любых упырей!

Разве она не может просто попросить денег у родителей? Или ее род разорен? А может быть, она сбежала от семьи? Может, ее принуждали к помолвке с каким-нибудь отвратительным старым... купцом? Нет, это уж слишком, ни один дворянин до такого урона семейной чести не опустится. Значит, с аристократом! Богатым, но старым и отвратительным, и она вынуждена...

Вот поэтому она и скрывает родовое имя! Зачем бы еще ей это делать?

Леди... то есть, конечно, просто Айлин, вспыхнула и закусила губу.

– Ну... понимаешь, иногда маги... и не только маги, а кто угодно, перед смертью делают разные захоронки... Чаще всего в фамильных склепах. Или просто на кладбище. Сюда ведь мало кто ходит, обычные люди боятся таких мест и правильно делают. А я... я узнала... то есть мне случайно рассказали про такой клад. Его спрятал один человек, а потом его убили. У него даже наследников не осталось. Иначе я бы не стала брать чужое, честное слово! Вот. И я подумала, что ему в Садах Претемной этот тайник уже точно ни к чему. А я... мне очень нужны деньги...

Она опустила взгляд и вздохнула как-то очень по-взрослому.

Аластор хотел было переспросить – и почти тут же понял, о чем она. Понимание оглушило. Не то чтобы подобные вещи запрещались законом (если, конечно, нашедший клад не забывал отдать королю положенную долю!) – просто мало кто на это решался. Днем на кладбищах бывает людно, а ночью... Если вдуматься, упыри – это еще не самое опасное, что может поджидать незадачливого кладоискателя! Можно наткнуться на мертвые, а оно страшнее хищного, но неразумного упыря. Или на неупокоенную душу какого-нибудь безумного мага. На банши, обманника, кровопийцу-стригоя... Так что если кто на такое и отваживался, то разве что в крайнем отчаянии или перебрав чего-нибудь горячительного. И даже тогда – не в одиночку!

А уж так, без защиты и помощи... Аластор вспомнил виденное пару лет назад тело невезучего кладоискателя, деревенского парня из их земель, решившего жениться на дочке местного старосты, а для этого – непременно отыскать клад, зарытый, по местной легенде, как раз на кладбище, у могилы старого мага-целителя... Аластору потом не меньше месяца снились кошмары.

А эта девочка... Да она ведь еще совсем маленькая! И вообще, неужели она добралась сюда по ночному городу, а потом пойдет домой?! Одна! По улицам, где ее могут...

Он сглотнул вязкую, загорчившую вдруг слюну. Сочувствие и восхищение чужой отвагой переплелись и спутались в клубок – такой, какие он не раз видел в матушкиной корзине для рукоделия, только колючий – и застряли в горле, мешая вдохнуть. Он сглотнул еще раз, потом еще.

Каких-нибудь полчаса назад Аластор был твердо уверен, что больше не пойдет ни на какое кладбище. Во всяком случае, ночью. Но не теперь. Неважно, какого она рода и для чего ей нужны деньги. Уж точно не на всякие девичьи глупости, как Мэнди и Лоррейн. Ради кружев и сережек встречей с упырями не рискуют. И если так...

– Знаешь, я мог бы... то есть хочу... Я хочу тебе помочь. Если ты не против.

Айлин заморгала. Уставилась на него в упор – недоверчиво и настороженно, Аластор успел уже подумать: «Не согласится!» – но она вдруг просияла.

– Ты серьезно? Спасибо тебе, ты не представляешь, какое огромное спасибо! Копать вдвоем быстрее! И веселее. Все, что найдем, – поделим, ты не думай...

«Не нужно ничего делить!» – хотел было сказать Аластор, но вдруг понял, что обидит Айлин. Она предложила от души! А мысль о том, чтобы самому заработать денег, показалась вдруг необычайно привлекательной. В конце концов, кто из этих столичных юношей умеет зарабатывать? И не азартными играми, а настоящей работой? А он, Аластор, сможет! Нет, конечно, половину он у нее не возьмет, об этом не может быть и речи. Но вот несколько монет, просто чтобы самому поверить в это настоящее, восхитительно прекрасное приключение! А потом... потом на них же купит ей какой-нибудь подарок! Расспросит осторожно у сестер, что в этом сезоне модно у столичных девиц, и купит. Вот только...

– Упырей бы отогнать, – вздохнул он. – Лучше, конечно, убить, но я не знаю, как убивают упырей.

Айлин снова заулыбалась широко и беззаботно. Даже махнула рукой.

– Упыри – это ерунда, Пушок с ними разберется! – И, не дожидаясь вопроса, пояснила: – Пушок – это моя собака, он сейчас проверит все кладбище и прибежит. А уж потом можно будет искать клад.

– Хорошо, подождем, – согласился Аластор, изнывая от любопытства: ну как собака может справиться с упырями? Впрочем, лучше увидеть самому! – А как ты узнаешь, где искать? Или тебе сказали точное место?

– Ну, не совсем точное... – вдруг отчего-то смутилась Айлин и очень старательно принялась разглядывать толпящуюся внизу нежить. – Я знаю, что клад спрятан в склепе Корсонов. В этом самом, на котором мы сидим! А тот, кто мне рассказал... Он думал, это просто история! Ох, наверное, если он узнает, что я пошла сюда... Боюсь, он разозлится. А может, и нет, он ведь сам уже призрак, а они совсем иначе смотрят на мир.

– Призрак? Что, прости?

– Призрак! Штатный призрак Фиолетового факультета!

Аластор моргнул. Внимательнее осмотрел девочку, подмечая все, почему-то незамеченное раньше: строгое кольцо с каким-то цветным камешком на руке, точно такое, как у виденных им магов, да и накидка отделана шнуром... в лунном свете разобрать его цвет не удавалось, но она же сама сказала – фиолетовый!

– Так ты... некромантка? – выдохнул Аластор, замирая от ужаса и восторга.

Про некромантов говорили многое. Их опасались и уважали, как опасаются и уважают все, что связано с Претемной Госпожой. Ими восхищались, как и боевиками, ведь Красные и Фиолетовые маги – главная сила Дорвенанта!

А еще – лорд Бастельеро, герой, прогнавший фраганцев, тоже некромант! Аластор вспомнил, каким увидел его на балу, который сам король давал в честь главнокомандующего. Резкие черты лица, бледная кожа, холодные пронзительные глаза. И на черно-алом с золотом мундире – орден Льва, высшая награда, которую дают только за спасение страны!

Мэтр-командор Бастельеро выглядел как настоящий герой! И как настоящий некромант. Айлин же совершенно не была похожа на некромантку. Не может ведь быть у некромантов веснушек и пушистых рыжих кудрей, вроде бы заплетенных в косы, но так и пытающихся выбиться из них?

– Ну да! Но я только учусь. Я еще на первом курсе, – торопливо уточнила Айлин и бросила взгляд вниз.

Аластор тоже, ругая себя за то, что совершенно забыл об упырях! Разговорился с леди и забыл об опасности, позорище!

Упыри, к сожалению, никуда не пропали. Кажется, их стало даже больше! Правда, они уже не были – молча сидели вокруг склепа и тарачились. Время от времени то один, то другой принимались царапать землю лапами, но больше никакого беспокойства не проявляли. Ну и ладно, до рассвета еще далеко. Подождем этого... Пушка!

– А как ты познакомилась с призраком? – любопытствовал Аластор, одним глазом поглядывая на упырей – пусть не думают, что он о них забыл!

Айлин вдруг помрачнела и нахмурилась. Аластор мысленно обругал себя за бестактное любопытство и уже совсем было хотел сказать, что если ей неприятно, то отвечать не нужно, однако не успел.

– Встретилась, когда пошла в учебный склеп Академии, – явно нехотя проговорила Айлин. – По делу, ты не думай. Хотя... Если бы милорды мэтры про это узнали – я бы, наверное, неделю конюшню чистила...

* * *

Замерев у двери в склеп, Айлин настороженно осмотрелась по сторонам. Прислушалась.... Нет, в коридоре не было ни души. Если дежурный мэтр-преподаватель и обходил эту часть подвалов, то или раньше, или позже – а может, он вообще спал. Все-таки уже почти три часа пополуночи!

Айлин невольно поежилась. Конечно, бояться в Академии нечего. Тем более в склепе. Тем более – некромантке. Просто... просто неудобно, вот. И темно. И Пушок, наверное, обиделся, что она не взяла его с собой, но уж тогда их точно кто-нибудь услышал бы! Что-то, а цоканье стальных когтей попробуй не услышать.

Она глубоко вдохнула, сунула руку в карман, нащупывая мелок, к сожалению, самый обычный, а вовсе не заговоренный. Да ладно! И такой подойдет! В конце концов, дело вовсе не в мелке, а во вложенной силе, а силы ей хватит. Должно хватить!

Дверь склепа открылась с еле слышным скрипом, хотя в тишине коридора и он едва не заставил Айлин вздрогнуть. Изнутри потянуло запахом пыли и затхлости и легкой прохладой, как в подземных ходах имения Ревенгаров. Помедлив еще секунду, Айлин шагнула через порог, и в то же мгновение дверь за ее спиной захлопнулась. С таким стуком, словно ее кто-то специально толкнул! Айлин сглотнула и щелкнула пальцами, создавая светлячка. Полноценный магический светильник ей, конечно, пока не по силам, но вот фонарик – вполне! Яркий рыжий огонек отлетел в дальний правый угол, и в склепе слегка посветлело. Достаточно, чтобы осмотреться, но совершенно недостаточно для того, зачем она пришла!

Склеп ничем не отличался от любого другого. Ну разве только тем, что располагался не на кладбище, а прямо в здании Академии, и надгробие в нем было всего одно... Айлин быстро создала еще трех светлячков, разместив их в оставшихся углах, и, прищурившись от яркого, после прежней темноты, сияния, прочитала высеченную на камне надпись: «Мэтр Киран Лоу». Судя по датам на надгробье, неведомый мэтр умер ужасно давно, больше шестидесяти лет назад! И было ему целых тридцать лет.

Айлин показала, что это имя она где-то уже слышала, но вспомнить, где именно, она не смогла. Хотя это все равно не повод быть невежливой!

– Прошу прощения, что потревожила ваш прах, почтенный мэтр, – вежливо обратилась она к надгробью. – Надеюсь, вы не в обиде за поздний визит? С вашего разрешения, я останусь здесь совсем ненадолго, а потом немедленно уйду.

Ответа Айлин, разумеется, не получила, но ей почему-то вдруг стало до странности спокойно, почти уютно! И откуда-то пришла твердая уверенность, что все получится!

Достав из кармана мелок, она опустилась на колени, подпернув подол мантии так, чтобы не запутаться и не наступить на него ненароком, и принялась старательно вычерчивать семилучевую звезду.

Конечно, пока ничего подобного ей не преподавали – и призыв духов должен был начаться только в этом семестре, причем весной – но Айлин сразу же после сдачи экзаменов выпросила учебники у мэтра-библиотекаря, и он дал. Даже похвалил ее за тягу к знаниям! Совсем как магистр Эддерли, когда она попросила разрешения сдать экзамены не вместе со всеми, а раньше. Все равно она осталась в Академии на весь остаток каникул, и заниматься ей ничем, кроме учебы, не хотелось.

Не хотелось и вспоминать теперь о нескрываемом сочувствии в глазах магистра, и о Саймоне с Даррой, примчавшихся сразу, как только они узнали, где Айлин. Друзья-побратимы сидели с ней молча и долго, не зажигая в комнате свеч, а потом Саймон обнял ее и сказал: «Мой брат погиб на войне, и его жена ушла вслед за ним. Я стараюсь думать, что Дилан просто уехал. Ты ведь знаешь, мы встретимся со всеми, кто нам дорог, в Садах Претемной, когда придет наше время». И Дарра так же молча кивнул. Айлин сделала вид, что ей легче, но они не понимали. Они ничего не понимали в том, что ее гложет. Только лорд Бастельеро нашел нужные слова, сказав, что она не виновата, но и ему Айлин не поверила до самого конца...

Как все-таки хорошо, что в склепе такой ровный пол... вот, звезда уже готова, и такая же аккуратная, как на картинке в учебнике! Айлин полюбовалась на нее целую минуту, а потом принялась вписывать в каждый луч звезды старинные руны. Путь, Призыв, Граница...

– Какая интересная комбинация! – раздался за спиной веселый и приятный, но такой неожиданный голос, что Айлин невольно вскочила, наступила все-таки на подол мантии, едва не упала и замерла в ужасно неустойчивой позе на одной ноге. – А в мое время адепты не посылали Баргота в задницу к ледяным... умертвиям? Какое богатое воображение! Выпрямившись, наконец, Айлин медленно обернулась, пытаясь придумать, как объяснить дежурному мэтру (а кому же еще?!), что она делает в склепе среди ночи. И снова замерла. Мэтра, остановившегося у нее за спиной и разглядывающего звезду вызова с явным восторгом, она не знала.

По Академии сегодня дежурил уже совсем пожилой, невысокий и седой мэтр Лорис из Голубой Гильдии, а этот маг был очень, очень высок, худощав и ярко, пронзительно рыж! Почти так же, как и сама Айлин. Волосы у него были острижены совсем коротко, – выше ушей! – и торчали во все стороны. Кончик тонкого острого носа подергивался, будто мужчина принюхивался, карие глаза искрились весельем, а плутовской улыбкой и вообще всем лицом мэтр отчаянно напоминал Лиса-Хитролиса из сказки.

Тут Айлин сообразила, что ведет себя невежливо – стоит и нагло рассматривает незнакомого преподавателя! Она потупилась и торопливо поклонилась.

– Здравствуйте, мэтр!

Незнакомец оторвался от звезды и уставился на нее с таким изумлением, как будто с ним дверь заговорила! А потом протянул руку и ткнул Айлин пальцем прямо в живот! Палец прошел насквозь, и тут-то она наконец сообразила, почему не слышала ни шагов, ни дыхания. Просто-напросто мэтр – призрак! Как замечательно! Значит, она точно может призывать духов! И призовет, вот только... только дочертит руны. Ой, интересно, а почему мэтр сказал про Баргота и умертвий?

Нужно спросить!

– Ты... ты что, меня видишь? – уточнил призрак недоверчиво, не дав ей и рта раскрыть.

– Конечно, я вас вижу, мэтр, – вежливо согласилась она, гадая, кто же это такой?

Ой, вот глупая! Наверное, это мэтр Лоу, раз он здесь похоронен?

– Не может быть! – решительно объявил призрак и облетел Айлин кругом. – Я же не являлся! С ума сойти, я думал, такого не бывает... И давно это у тебя? Давно ты видишь призраков? Как тебя зовут и сколько тебе лет? Кто тебя учит? И кого ты собираешься призвать? Ах да, учтивости ради, я Киран Лоу. К вашим услугам, миледи, и все такое. Но ты можешь звать меня просто мэтр Киран.

Он запустил руку в волосы и растрепал их окончательно. Выглядело это так забавно, что в любой другой момент Айлин бы, наверное, не удержалась от смеха, но сейчас... сейчас... Она заморгала, надеясь унять жжение в глазах, с трудом сглотнула и вытолкнула сквозь подступивший к горлу ком:

– Адептка Айлин Ревенгар, к вашим услугам, милорд. Я хотела... то есть хочу... Мне очень нужно увидеть отца! – Лицо призрака удивленно вытянулось, и Айлин, опасаясь, что ее прогонят или позовут дежурного, торопливо выпалила: – Пожалуйста, мэтр! Мне... я только хочу с ним попрощаться! Он погиб, а я не смогла приехать на его похороны! Я только попрощаюсь и сразу уйду...

Призрак возмущенно замахал руками.

– Вот девчонки! С чего ты такое обо мне думаешь?! Я вовсе не собирался тебя прогонять! Оставайся сколько хочешь и приходи еще, одному в этом склепе так тоскливо! Сюда же редко приходят, разве что когда адепты учатся вызывать призраков. Между прочим, ты первая, кто со мной поздоровался, разрешения спросил... Я помочь тебе хочу, а вовсе не гнать!

– Помочь? – осторожно переспросила Айлин, от удивления сразу поверив. – А... в чем?

– Ты неправильно начертила руны, – объяснил мэтр Киран и, взглянув на ее наверняка растерянное лицо, объяснил: – Древние руны пишутся не слева направо, а справа налево. Вам их еще не преподают, да?

Айлин залилась краской. Ох, какая же она самоуверенная дура! Решила, что сама разберется, и вот, пожалуйста... если бы не мэтр Киран... Но как же теперь призвать отца?

– А зачем? – мягко спросил мэтр и, присев на корточки, заглянул ей в глаза.

Айлин пораженно заморгала и поспешила объяснить. Как это – зачем? Но ведь... нужно же попрощаться, разве нет? Сказать отцу, что она его любит и сделает все, чтобы он ей гордился...

Призрак тихо хмыкнул и покачал головой.

– Уж это он знает и так. Мы это чувствуем. Совсем не так, как живые. Твой отец тоже тебя любит, можешь мне поверить. Но он уже ушел в Сады Претемной, а оттуда ты его не дозовешься. И знаешь, пожалуй, это к лучшему. Он точно хотел бы, чтобы ты помнила его веселым и живым! Все этого хотят, когда уходят.

Айлин хотела было засыпать мэтра десятком вопросов. Почему он решил, что отец уже в Садах? Почему мэтр Киран, так давно умерший, не ушел в Сады сам? Почему он удивился, что Айлин его увидела? Но тот протестующе вскинул ладони.

– Ну нет, мы так до утра не закончим разговор! Ты лучше приходи еще. Я тебя научу древним рунам. И призыванию. И еще чему-нибудь. Кстати, мы ведь похожи, знаешь? Я тоже был Двойной Звездой! Правда, твои искры сильнее. Придешь? Очень хочется поговорить с кем-нибудь живым, узнать новости...

Он посмотрел на Айлин с такой надеждой, что она торопливо закивала.

– Конечно, милорд мэтр! Обязательно! Только... можно, я приду с Пушком?

– С тем самым умертвием, о котором вся Академия говорит? – оживился призрак. –

Отлично! Приходите вместе! И... – Он замялся, подбирая слова, взмахнул рукой и выпалил: – Если сможешь, принеси яблоко! Или пирожок... но яблоко лучше!

– К-конечно, милорд мэтр, – пролепетала Айлин, отчаянно гадая, кто же сошел с ума, она или мэтр Киран, не вынеся призрачного существования! – А разве призраки могут есть?

– Есть могут все, – фыркнул мэтр. – В следующий раз покажу.

* * *

– В общем, тогда выяснилось, что мой дар – видеть призраков, – закончила Айлин. – И говорить с ними, конечно. А редкость – потому что мне не нужно призывать их ритуалом, можно просто позвать. Представляешь, сколько интересного знают призраки? Мэтр Киран, к примеру, мне рассказал про этот клад. И вообще он очень много интересного знает... Ой, Пушок! Ну наконец-то! Смотри!

Заслушавшийся Аластор вздрогнул от неожиданности, взглянул вниз и вздрогнул еще раз: отсюда, с крыши, было прекрасно видно, как к столпившимся внизу упырям несется огромная белая собака... Интересно, что это за порода?

– Невийский волкодав! – гордо сообщила Айлин и, вдруг смутившись, добавила: – Бывший.

Почему бывший, Аластор не понял, а переспросить не успел: волкодав в два длинных скачка добрался до склепа и обрушился на снова взывавших упырей. Как ни странно, убегать с кладбища больше не хотелось, да и вой теперь не казался страшным. Может, потому что трудно бояться, если твоих противников разгоняет одна-единственная собака? Пусть даже и огромная.

– А почему ты сама их не прогнала? – полюбопытствовал Ал, глядя, как упыри удирают, забыв о добыче.

Белый пес догнал одного, вцепился зубами в загривок, мотнул мордой... Послышался мерзкий хруст, скрип, вой нежити оборвался, и Аластор торопливо отвернулся. Пусть волкодав упыря хоть ест, но не любоваться же на это! Да-а-а, теперь понятно, почему Айлин не побоялась идти сюда ночью совершенно одна. Хотя это все равно неправильно!

Если некому ее провожать, это может делать он! И обязательно будет делать. Прямо сегодня и начнет.

– Я пока не умею, – развела руками Айлин. – Я же только на первом курсе, мы еще не проходили упырей! Вот если бы умертвия, с ними у меня получается. Ну и вообще, знаешь, сколько силы нужно на такое количество! Сюда бы все некроманты столицы сбежались, и уборкой конюшни я бы точно не отделалась. Давай попробуем слезть? Упыри уже не вернутся, это точно.

«Еще бы! – мысленно согласился Аластор, уловив очередной скрежет и хруст – уже в отдалении. – Некому будет возвращаться. И хорошо! Вот только как бы теперь отсюда выбраться?»

Он вздохнул и посмотрел на обвивший стену склепа плющ. Ненадежный какой-то... Но что поделывать?

Спускался Аластор долго. Намного дольше, чем залезал, это уж точно, и когда в подошвы толкнулась земля, обрадовался едва ли не больше, чем появлению Пушки. Отдышавшись, он поднял голову и улыбнулся Айлин как можно увереннее.

– Плющ крепкий! Слезай, я тебя поймаю!

Глава 3. Лев и роза

Сегодня история Ордена снова была первым уроком, и Айлин уже предвкушала очередной потрясающий рассказ магистра Роверстана. Конечно, дома ее тоже учили хроникам Дорвенанта и окрестных земель, но гораздо скучнее. Обычно наставник рассказывал Артуру про войны, которые вели древние короли, и в его лекциях было множество имен, названий и дат, которые даже Артур едва запоминал, что уж говорить про Айлин. У магистра Роверстана те же самые исторические события оживали, а про каждого из великих королей, магов и полководцев он знал какие-нибудь забавные подробности, которые незаметно и прочно закреплялись в памяти.

Ну как можно не запомнить, что король Кристиан Первый одержал три великие победы и каждую отмечал тем, что приказывал называть всех мальчиков, родившихся в этом году, Кристианами? Ох и много же королевских тезок жило в то время! Как только они между собой не путались? А королева Береника Прекрасная велела разбить все зеркала Дорвенны, когда увидела у себя первый седой волос! Когда же подросли ее дочери, закрылась в своих покоях и не выходила из них до самой смерти, никому не показывая постаревшего лица, даже приказания Королевскому Совету отдавала через закрытую дверь... Ужас, но как интересно!

Так что на лекцию Айлин примчалась одной из первых, заняла полюбившееся место в углу за последним столом и принялась раскладывать перья и тетради. Остальные первокурсники постепенно расселись впереди, а последними в аудиторию вошли Ида с Лионорой – неразлучная парочка. После случая с порчей они обе не разговаривали с Айлин, делая вид, что ее вовсе нет рядом. Даже на фехтовании Ида упросила мэтра Вильмара больше не ставить их вместе, и мэтр, пожав плечами, назначил им обоим партнеров из мальчиков, а после первого же занятия одобрительно сказал Айлин, что она явно делает успехи.

Раньше Айлин обрадовалась бы этой похвале, но теперь вид рапиры вызывал острую горькую тоску, стоило вспомнить единственный урок, который дал ей отец... Запретив себе думать об этом, она встрепенулась: в аудиторию как всегда стремительной упругой походкой вошел магистр Роверстан. Адепты подобрались, а Ида поправила смоляно-черные локоны, собранные на затылке красивой серебряной заколкой, и села ровнее.

– Доброго утра, юноши и девушки, – приветливо улыбнулся магистр, взбега на деревянный подиум у стены и становясь за высокую кафедру. – Сегодня мы добавим в копилку ваших знаний кое-что интересное и будем надеяться, что она не переполнится. Айлин невольно улыбнулась шутке – магистр Роверстан такой веселый и любезный! Правда, он тоже не терпит на занятиях шума и болтовни, но ведь никто из преподавателей этого не позволяет. И правильно, а то можно пропустить что-то интересное! Но вот мэтр

Денвер хоть и добрый, а на его занятиях улыбаться совершенно не хочется. Не говоря уж о лорде Бастельеро...

Она поймала себя на том, что отвлеклась, и старательно прислушалась. К ее удивлению, магистр рассказывал о Дорве Великом, основателе Дорвенанта. Разве эту тему не прошли в начале года, когда Айлин не было в Академии? В любом случае, она с радостью послушает!

– Как вы, должно быть, помните, – мягко плыл по аудитории бархатный низкий голос магистра, – наш великий король Дорве происходил из знатнейшего северного рода. Не вдаваясь в тонкости титулования, мы можем назвать его вольфгардским принцем, потому что отец Дорве был всевластным повелителем обширных земель. Дорве, его третий сын, с юности отличался огромной силой, воинским дарованием и непокорным нравом, который смирляла только почтительная любовь к родителям и двум старшим братьям. Отец Дорве мудро распорядился его талантами, отправив юного принца на завоевание окрестных непокорных племен и позволив ему собрать свиту и боевой отряд по собственному вкусу. Уже тогда Дорве проявил будущий гений правителя тем, что принимал в дружину лучших воинов и умелых магов независимо от их происхождения. К нему шли несправедливо обвиненные в преступлениях, осиротевшие и разоренные наследники, своевольные изгнанники и беглецы из других родов. Дорве принимал всех, одаряя их своей защитой и требуя взамен верности, так что вскоре войско его выросло и стало грозной силой...

Айлин вспомнила портрет великого короля, виденный в книге, и подумала, что Дорве чем-то похож на магистра Роверстана. Самую малость! Конечно, у предка всех Дорвеннов были светлые волосы и голубые глаза, которые он передал своим потомкам, но рост и стать...

Плечи у магистра точно такой же ширины, а лицо – мужественное и доброе, в точности как у Дорве на картине. И борода такая же, только черная, а кожа смуглая, будто у арлези́йца или итлийца... Ох, нехорошо так думать, неприлично. Конечно, ей это только кажется, мало ли на свете рослых широкоплечих людей, вот и нос у магистра совсем не дорвенантский, а с горбинкой, словно клюв у хищной птицы...

– Когда Дорве вернулся домой после многочисленных побед, многие стали завидовать ему и нашептывать королю, что младший принц слишком горд и замыслил отобрать престол у своего брата, наследника трона. Его людей обвиняли в непочтительности и буйном поведении, а когда Дорве заступался за них, соблюдая долг сюзерена перед вассалами, это ставили ему в вину. Наконец, на пиру по случаю помолвки его старшего брата вспыхнула ссора...

Голос магистра уносил Айлин куда-то далеко, и она будто собственными глазами видела то, о чем рассказывает Роверстан. Вот суровые северные воины, высокие и широкоплечие, сидят за длинным столом прямо в кольчугах и с топорами за спиной. Они едят огромные куски жареного мяса, пьют вино из больших кубков, смеются и спорят между собой...

– Брат принца Дорве, старший сын вольфгардского короля, соби́рался жениться на прекрасной знатной девушке, – продолжал магистр, и в аудитории стало тихо, словно адепты забыли, как дышать. – Она была известна не только своей красотой, но и умом, и добродетельным поведением, и все знали, что сердце Дорве тоскует по невесте его брата. Один из людей Дорве, перебрав хмельного, сказал, что по вольфгардским обычаям девушка должна принадлежать тому, у кого больше чести и славы, а это, конечно, Дорве. Ведь он мечом расширял пределы королевства, пока наследник отсиживался дома. Среднего принца возмутили эти дерзкие речи, а поскольку он был магом, то бросил в говорившего смертельное заклятие, сказав, что столь наглый рот следует засыпать могильной землей. Воин Дорве упал замертво, и тогда уже возроптали его соратники, а Дорве воскликнул, что давал клятву защищать каждого из своих людей, и эта клятва превыше голоса крови и почтения к старшим. Он выхватил меч и поразил своего брата, не ожидавшего удара! Магистр Роверстан помолчал, оглядывая замерших адептов, и мягко сказал:

– Так великий королевский род был погублен гордостью и невоздержанностью. Запомните этот урок, юные господа адепты, будущие могущественные маги. За совершенное преступление Дорве был изгнан из земель своего отца, и вместе с ним ушли все его люди, отборное войско, державшее в страхе врагов королевства. Сердце старого короля не выдержало потери сразу двоих сыновей, и вскоре он умер, а его наследник остался без помощи обоих братьев и погиб в битве. Земли его были захвачены и поделены между победителями, так что от былой славы рода ничего не осталось.

– А как же принцесса? – пискнула Лионора, чуть ли не впервые на памяти Айлин подав голос.

– Невеста старшего сына объявила, что хоть и невольно, однако тоже виновна в этом раздоре. Она последовала за принцем Дорве в изгнание, став его женой, верной помощницей и ближайшим советником, – сказал магистр, и по аудитории прокатилась волна шепотков. – Кто из вас может назвать ее имя?

Первокурсники недоуменно переглядывались, и даже Айлин, к своему стыду, поняла, что не может ответить. Легенду о принце Дорве она, конечно, знала, но его невесту книги называли не по имени, а Лебединой девой. Лебединой? Лебедь! В памяти вспыхнула красивая эмалевая пряжка, которой Дарра застегивает зимний плащ. Белый лебедь на серебре. Она же знает, чей это герб!

– Аранвен? – сказала она тихонько, вовсе не желая привлекать внимание, но магистр улыбнулся и кивнул ей с кафедры, а Ида, метнув в Айлин раздраженный взгляд, так же тихо фыркнула.

– Совершенно верно, adeptка Ревенгар, – подтвердил магистр Роверстан. – Это была леди Аран, прозванная Лебединой девой, и их с Дорве старший сын стал наследником королевского рода Дорвеннов, а младший основал славный род Аранвен. А кто может рассказать, как появились Три дюжины знатнейших семей Дорвенанта, опора королевской семьи?

Это Айлин, разумеется, тоже знала, еще бы ей не была известна история происхождения Ревенгаров! Но она плотнее сжала губы и решила помолчать: пусть отвечают другие.

Кайлан Саграсс, ее нынешний напарник по фехтованию, поднял руку и, дождавшись одобрительного кивка магистра, выпалил в точности по учебнику:

– Три Дюжины – это ближайшие сподвижники Дорве Великого. Они пришли вместе с ним из Вольфгарда, преодолев немыслимые опасности, и остались ему верны во всех испытаниях. За это Семеро Благих даровали им искру магии, и теперь в семьях Трех Дюжин рождается больше всего одаренных детей.

– Вы совершенно правы, Кайлан, – снова кивнул магистр, знающий каждого адепта не только по родовому имени, но и по личному, как давно подметила Айлин. – Из всех человеческих добродетелей Благие боги превыше всего ценят верность, будь это любовь, дружба или служение монарху. Три дюжины самых верных воинов Дорве стали первыми дворянами нового королевства и могущественными магами. Остальные дворяне Дорвенанта либо получили титул позже за другие заслуги, либо их предки приехали в Дорвенант из иных земель. Но мы здесь, в Ордене, все братья и сестры независимо от благородства крови. Не так ли?

Адепты решительно закивали, а Айлин не могла не подумать, что без таких сестер, как Ида с Лионорой или Иоланда, она бы с радостью обошлась! Хотя вот такие братья, как Саймон и Дарра, это совсем другое дело... Она вспомнила проклятие, придуманное ими по заданию лорда Бастельеро, и едва не хихикнула. Ой, что будет! Ведь прямо сейчас Саймон, у которого первая лекция – этикет, и он ходит на нее по желанию, должен начать эксперимент. Ну а что, лорд Бастельеро ведь сам сказал, что проклятие должно быть снимаемым! А как это определить и доказать, если не наложить его на кого-нибудь?

Нет-нет, они не стали бы делать настоящую пакость, как Ида! Саймон, правда, предлагал отомстить кому-нибудь из старых недругов, но Дарра укоризненно сказал, что прыщи – это грубо. И вообще недостойно их изобретательности. Проклятие должно быть таким, чтобы случайная жертва не слишком пострадала, а лорд Бастельеро оценил изящество решения. Они просидели в библиотеке два часа, шепотом споря и оглядываясь на мэтра библиотекаря, заподозрившего неладное и отказавшегося выдавать им какой-то старинный том с жутким названием. Дарра просто пожал плечами и сказал, что в таком случае велит привезти его из дома. У него-то есть экземпляр, подаренный матушкой, он просто не стал брать его в Академию. И Айлин снова не поняла, почему библиотекарь бросил на них такой странный взгляд и пробурчал что-то о безумных леди и запрещенных трактатах.

– Не обращай внимания, – махнул рукой Саймон. – Все книги, по традиции переплетенные в человеческую кожу, считаются запрещенными и адептам не выдаются. Но у Аранвенос библиотека даже лучше, чем у нас, – добавил он с искренней завистью, и Дарра кивнул.

А потом Айлин узнала, что есть спящие проклятья, которые активируются, если жертва выполнит определенное условие. Или, наоборот, нарушит. Ой, то есть все сказки, которые она читала...

– Ну да, – подтвердил Саймон. – Про веретено и спящую красавицу, про двенадцать лебедей... Нарушил условие – поплатился, и хорошо еще, если ты это условие знаешь. Но ладно уж, – покосился он на Айлин, – давайте сделаем что-нибудь безобидное. Например, проклятие, от которого человек начинает говорить наоборот. Переворачивает слова с конца на начало. Забавно получится!

– Годится, – кивнул Дарра и принялся рисовать на грифельной доске сложную схему энергетических потоков.

Потом они обсуждали, какой предмет проклясть, и Саймон сказал, что съездит домой и привезет розу из оранжереи своей матушки. Ее можно будет зачаровать и оставить где-нибудь в малом холле. Любой, кто просто возьмет ее в руки, будет в безопасности, но проклятие проснется, если розу кому-то подарят. А уж в том, что среди зимы кто-то непременно цапнет подобную редкость, можно не сомневаться!

– Но мы ведь потом снимем проклятие? – спросила Айлин, с беспокойством переводя взгляд с Саймона на Дарру и обратно.

– Разумеется! – успокоил ее Аранвен. – Определим воздействие, запишем результаты и снимем.

Вот так и получилось, что весь вечер они провозились над заданием мэтра Бастельеро, зато приманка получилась настолько удачная, что если бы Айлин не знала секрет этой розы – точно бы сама ее подобрала. Такую свежую, нежно-кремового цвета, едва распустившуюся... Можно и не сомневаться, что ее непременно кому-то подарят! А Дарра укоризненно посмотрел на Саймона и шепотом, когда думал, что Айлин не слышит, сказал ему, что розу надо было взять не одну. «Саймон, ты не галантен», – прямо так и сказал! Саймон что-то ответил, оправдываясь, и вид у него был обескураженный, как у Пушки, которого застали за проделкой.

Айлин представила лукавую веселую морду Пушки и почему-то сразу вспомнила вчерашнего нового знакомого. Лорд Аластор Вальдерон... Ох, он был такой забавный, когда принял ее за нечисть и взлетел на высокий склеп! Но храбрый, этого не отнять. И учтивый. И с ним было спокойно и весело, в точности как с Пушким. Конечно, не так, как с Саймоном и Даррой, но ведь они ее названные братья, а этого Аластора она едва знает. Может, он и вовсе больше не придет, решив, что знакомство с какой-то странной девицей не подобает наследнику лорда. Ну и пусть!

Вот если бы она представилась как Айлин Ревенгар, он бы точно захотел с ней общаться, но именно потому Айлин и не назвала своего имени. Она больше не леди, вот! И раз так, можно делать, что захочешь, даже знакомиться с кем-то без позволения матушки! С кем-то, кому будет интересна она сама, а не ее семья и репутация...

Мысли Айлин, не выпавшейся из-за вчерашнего похода на кладбище, поплыли куда-то вдаль. Голос магистра Роверстана звучал так сладко и мягко! Он перечислял родовые имена Трех Дюжин, адепты старательно записывали, и Айлин, у которой потяжелели и принялись слипаться веки, утешила себя тем, что уж это ей точно без надобности. Она сама может не только перечислить все эти фамилии, но и навскидку мгновенно ответить признаки любой семьи, выученные, чтобы узнать их при встрече. Да и всех дворян, вроде бы, этому учат! А голос у магистра низкий, и слышится в нем бархатистое низкое урчание, словно говорит не человек, а огромный лев. Арлезийский, как в особняке у Саймона! Точно-точно, арлезийские львы как раз черные. С гладкой блестящей шерстью и пышной гривой. Они собирают ее в хвост, как магистр Роверстан, чтобы не падала на лицо, когда стоишь за кафедрой. «Львы – за кафедрой?» – усомнилась Айлин, но решила, что это вполне логично. И вообще, из магистра вышел бы отличный лев! Куда там скелету, который анимировал Саймон...

Ее уносило все дальше, и вот уже магистр Роверстан представился ей в виде скелета, стоящего в библиотеке особняка Эддерли, но почему-то без головы. Ах да, череп же в коллекции магистра. Матовой желтизной отливает на полочке, красуясь на почетном месте, и под ним золотая табличка со списком прижизненных достижений. А скелет подбирается к

черепу, хватает его – и вот магистр, воссоединившись всеми частями тела, сбегает из особняка.

Она представила магистра Роверстана уже не скелетом, а во плоти, одетым в белый фехтовальный костюм. За ним, задрав подол мантии, чтоб не мешала, гоняется по саду магистр Эддерли, возмущаясь, что господин разумник сбежал с определенного ему места. А Роверстан почему-то скачет по садовым дорожкам на четвереньках, как лев – на лапах... Да, так магистра не поймать! И вообще, как ловят арлезийских львов? Наверное, их приманивают! Айлин как живую увидела Иоланду, с лукавой улыбкой идущую по саду и рассыпающую по дорожкам розовые шелковые цветочки, по которым магистр Роверстан должен прийти прямо в ловушку. А он вылезает из кустов, подходит на четвереньках к цветочной россыпи, пропитанной духами Иоланды, нюхает, морщит нос и оглушительно чихает!

– Кхм... – услышала Айлин и вскинулась, не понимая, где она.

Хихикнула Ида, обернувшись и глядя на нее с презрительным ехидством, слышались еще чьи-то смешки, но Айлин пропустила их мимо ушей. Магистр Роверстан смотрел на нее из-за кафедры с очень странным выражением лица, и Айлин отчаянно покраснела. Нет! Разумники не умеют читать мыслей! Ведь не умеют же?! Ой-ой-ой... Да она же заснула прямо на лекции!

– Вы хорошо себя чувствуете, адептка Ревенгар? – участливо спросил магистр, продолжая смотреть на нее с явным беспокойством.

Айлин, сгорая от стыда, кивнула, а Ида, наверняка ожидавшая, что преподаватель отчитает ее за такое безобразие, насмешливо фыркнула. Ну и пусть! Обращать внимание на всяких... Айлин опустила глаза, пряча взгляд от магистра, и услышала:

– Тогда продолжим, господа адепты. Итак... Назовите мне основное отличие королевского рода Дорвеннов от остальных семей Трех Дюжин.

– Разная внешность в семье? – предположил кто-то из адептов, и Роверстан неодобрительно покачал головой.

– Вы невнимательны, юноша. Что еще хуже, вы непочтительны к королевской семье. Если вы не сочтете за труд взять любую книгу по истории и взглянуть на портреты их величеств, то увидите, что они точно так же обладают семейным сходством, как и любой род из Трех Дюжин. Все Дорвенны высокие, у них крепкая фигура и правильные крупные черты лица. Светлые волосы и кожа, голубые или серо-голубые глаза, иногда зеленых оттенков, но тоже непременно светлые. Нет-нет, я не о внешности.

Неудачливый адепт смутился, а Роверстан заговорил опять:

– Как известно, внешность, за редким исключением, сохраняется во всех законных линиях Трех Дюжин. Я говорю об исключениях, поскольку они все-таки есть. – Он посмотрел на Айлин, и она замерла от почти тошнотворного страха, но магистр, даже не сделав паузы, продолжил: – Например, оба юных принца, сыновья его величества Малкольма, – образец крови Дорвеннов, но благородные юные принцессы черноволосы и черноглазы в свою прекрасную мать, ее величество Беатрис Итлийскую.

Адепты снова понимающе закивали, а у Айлин отлегло от сердца. В прямом смысле слова отлегло – оно даже застучало ровнее. Что бы она делала, приведи магистр в пример ее саму?

– У бастардов сохранение родовой внешности случается, – ровным голосом продолжил магистр, – но далеко не всегда. Иногда меняется цвет глаз и волос, иногда – черты лица или тип фигуры. Но есть более важный признак, безусловно характерный для законных Дорвеннов и имеющий огромное значение для королевства. Подумайте, что это может быть, вы же маги.

Он замолчал, и Айлин принялась напряженно перебирать только что услышанное, ища подсказку. Маги... маги... Речь не о внешности, значит... Что, опять ей придется отвечать? После такого позора? Но ей показалось, что она нащупала путеводную нить, оставленную магистром в своих рассуждениях. Магия! А действительно... Она подняла руку и, набрав воздуха, выдохнула:

– Можно?

Роверстан благожелательно кивнул.

– Вы говорили, – осторожно начала Айлин, – что Благие боги одарили Три Дюжины магической искрой. Но... я никогда не слышала про королей-магов. То есть...

Она смешалась, чувствуя себя глупой и не в силах объяснить, что имеет в виду, но Роверстан тепло улыбнулся.

– Именно, адептка Ревенгар. Представители королевского рода Дорвеннов никогда не рождаются магами. Будь они одаренными, им пришлось бы подчиняться власти Ордена, поэтому Благие Семеро в мудрости своей не посылают им искру, чтобы будущие короли могли без помех осуществлять справедливость для всех своих подданных.

– Никогда? – растерянно поразила Айлин. – Совсем?

– Если они рождены в законном браке, – невозмутимо подтвердил магистр. – Для королевских бастардов это правило не действует, напротив, боги часто одаряют их искрой. Но власть – это огромная ответственность, и ее цена велика. Дорвенны правят и магами, и профанами, поэтому стоят над всеми своими подданными по праву рождения, а не личного могущества. Более того, благодать законной королевской крови так велика, что истинный Дорвенн может усмирить любого мага, сам не обладая магической искрой. Не спрашивайте меня – как, это тайна королевского рода. Но именно поэтому Дорве Великий стал предводителем своих людей, среди которых было много талантливых и могущественных магов. Боги послали ему силу править верными и усмирять непокорных. Пожалуй, на этом сегодняшнее занятие следует закончить. К следующему занятию, господа адепты... – Бам-м-м-м! Учебный колокол возвестил окончание урока. – Извольте прочитать главу учебника, рассказывающую о правлении Дорве Великого, – закончил магистр, как всегда безупречно рассчитав время.

Сойдя с подиума, он прошел по проходу между рядами и вышел из аудитории, не глянув на Айлин, но ей почему-то показалось, что она чувствует спокойный внимательный взгляд магистра. Отогнав глупое ощущение – в самом деле, ну зачем ему это? – Айлин торопливо собрала вещи в ученическую сумку. Роза! Нужно скорее отыскать Саймона и Дарру, вдруг их приманку уже кто-то нашел? Она же пропустит самое интересное!

* * *

Шум драки Грегор услышал, когда до холла нижнего этажа, того самого, где Роверстан недавно разговаривал с матерью адептки Ревенгар, оставалась не одна сотня шагов.

Прикинул расстояние, силу азартных воплей – и прибавил шаг. Однако... Неужели традиция межфакультетских потасовок до сих пор соблюдается? Ну а почему нет, Орден ведь как раз силен... традициями. Он вспомнил Совет по поводу закрытия порталов и досадливо поморщился. Ладно, что случилось, того не изменишь. Но где остальные преподаватели? Это ведь оживленное крыло, где постоянно идут занятия!

Перед поворотом к холлу он снова прислушался и поставил щит – на всякий случай. Магия в честных академических драках решительно не поощряется, очень уж трудно ее контролировать в общей свалке, но даже если просто прилетит в лоб вазон с цветами, приятного в этом мало. А в том, что по холлу сейчас летает все, что в принципе можно оторвать и кинуть, нет никаких сомнений.

Он завернул за угол и едва удержался, чтобы не присвистнуть. Драка? Да это слабо сказано!

Посреди холла катался огромный ком, сплетенный из рук, ног, тел и голов. Мантии с цветной оторочкой мелькали так быстро, что даже тренированный взгляд Грегора едва успевал различить признаки факультетов, и пока он мог лишь сказать, что общий фон драки – ало-фиолетово-желтый. Странно. Некроманты и боевики – вечные соперники, в этом как раз ничего необычного нет, но какого демона вмешались иллюзорники?

И где, Баргот их побери, дежурные преподаватели? В его время ни одна драка не длилась так долго, чтобы помешать наставникам пройти по холлу. Здесь же кабинеты магистров рядом!

Чутье некроманта уловило слабое веяние чужого внимания, слишком спокойного и сильного, чтобы принадлежать кому-то из дерущихся. Грегор окинул взглядом галерею над холлом и ожидаемо увидел туманную дымку возле перил, в самом удобном месте для наблюдения за холлом. Ах вот как! Милорды магистры развлекаться изволят?

Решительно свернув к лестнице, огибающей холл, он поднялся на галерею, прошел по ней до слегка выступающей вперед площадки, огражденной перилами, и нырнул под полог иллюзий.

– А, Грегор, здравствуйте, мой мальчик! – жизнерадостно отозвался магистр Эддерли, не отрываясь от происходящего внизу.

Магистр Кристоф приветливо кивнул, тоже не сводя взгляда с холла, а Роверстан – и этот здесь! – облокотился на перила, будто не замечая Грегора, и заметил:

– Я бы сказал, дорогие коллеги, что фиолетовые ведут. Они уже оттеснили красных от середины холла к стене.

– Разумеется, оттеснили, – недовольно буркнул Кристоф. – Все старшие курсы сегодня на тренировочном поле, а это что, малыши! Шестой, максимум, седьмой... Была бы здесь хоть дюжина старшекурсников...

Грегор с недоумением воззрился на преподавателя, который явно сожалел, что драка не приобрела еще больший размах, а потом на двух других, которые этому ничуть не удивились. Да они это серьезно!

– А ваших, дорогой Роверстан, я вообще там не вижу! – не унимался Кристоф, на что разумник лучезарно улыбнулся:

– И не увидите, дорогой магистр. Они же не боевики, им голова нужна не только для того, чтобы доблестно сносить ею цветочные горшки. Они, я полагаю, ведут наблюдение...

– Простите, милорды, – вмешался Грегор. – Но мы что, так и будем на все это смотреть, ничего не предпринимая? Или я пропустил момент, когда Устав Академии стал разрешать драки?

Снизу слышались подбадривающие вопли: боевики, собравшись, наконец, вместе, ударили в центр обороны некромантов и снесли его, но тут же с боков их взяли в клещи два фланга – единый фиолетовый и смешанный, разных факультетов. Грегор подавил совершенно недостойное преподавателя желание перегнуться через перила и дать своим пару советов... И поймал тоскливый взгляд магистра Кристофа, в котором это желание читалось так явственно, что на миг Грегор почувствовал себя разумником.

– А вы полагаете, что можете их остановить? – меланхолично поинтересовался Роверстан, еще удобнее облокачиваясь на перила. – Неужели армейский опыт не научил вас не отдавать приказы, которые попросту никто не выполнит?

«В каком смысле «не выполнит»? – поразился Грегор. – И это они тоже серьезно?!»

Шагнув к перилам, он оглядел весь холл, прикинув площадь, и сделал поправку на его высоту, из-за которой часть задействованной силы неминуемо развеется. «Кладбищенский холод»? «Вороний ужас»? «Могильная плита»? Нет, все не то. Половина адептов отправится напрямик отсюда в больничное крыло, за что мэтр Бреннан не поблагодарит. Пожав плечами, он просто обрушил вниз ледяную волну некроэнергии, а следом, усилив голос магией, рявкнул:

– Пре-кра-тить!

«Ить... ить... ить...», – откликнулось эхо под сводами холла.

Клубок тел возле ширмы распался, и стало ясно, что он состоял из трех иллюзорников и одного боевика... Несколько первокурсников-некромантов, облепивших здоровенного иллюзорника, посыпались с него, как спелые яблоки, а боевые действия посреди холла замерли, потому что все адепты вдруг разом пригнулись, зажимая уши ладонями, а потом ошеломленно заозирались вокруг.

– Разойтись по аудиториям! – рявкнул Грегор, уменьшив громкость, чтобы звук не резал уши, но хватило и этого – адепты рванули из холла, едва не сбивая друг друга с ног и напрочь забыв о недавней драке.

Иллюзорники, некроманты, боевики и стихийники – все вперемешку. Впрочем, мантий с белой оторочкой Грегор там и вправду не заметил, а сине-голубой факультет, как и целители, занимался в другом крыле.

– Коллеги? – услышал он все такой же безмятежный голос Роверстана, обернулся и увидел, как Эддерли что-то отдает разумнику, а тот опускает это в кошелек на поясе.

Кристоф, хмыкнув и бросив на Грегора странный взгляд, тоже покопался в кармане мантии, достал серебряную монетку и отдал Роверстану, сообщив:

– Мельче нету. Не беспокойтесь насчет сдачи.

– Как скажете, – беззаботно отозвался Роверстан, подкинул денежку на ладони, ловко поймал и, убирая в кошелек, с издевательской серьезностью сказал:

– Благодарю, милорд Бастельеро. Вы были неподражаемы.

Закусив губу, Грегор покосился вниз, где стремительно разбегались последние драчуны, потом – на трех мерзавцев. То есть, простите, магистров! Магистры – изумительное сочетание алой, фиолетовой и белой мантий! – ответили ему взорами невинными и доброжелательными, разве что у Эддерли еще читалось легкое сочувствие к бывшему ученику.

– Простите... – тихо сказал Грегор, старательно сдерживая бешенство. – Вы что же, спорили? На меня?

– Зачем же на вас? – поразился Роверстан. – На деньги, разумеется! К слову, лично я в вас нисколько не сомневался, дорогой коллега. И ставил на то, что вы прекратите любое безобразие, которому хватит глупости произойти в вашем присутствии. Взгляд у него был откровенно издевательский, но тон – учтивый до отвращения, и если бы Грегор сейчас взрезал по холеной физиономии разумника кулаком, его бы попросту никто не понял. Всего-то невинная шутка!

– А что, у белой гильдии настолько плохо с финансами, – выдохнул он все на той же рвущейся наружу ярости, – что ее магистру приходится сшибать медяки, как уличному мальчишке?

– Успокойтесь, Бастельеро, – дружески посоветовал Кристоф и тут же добавил: – Если вас обижают исключительно низкие ставки, то все впереди. Никто из нас не сомневается в вашей будущей блистательной карьере.

Твари Барготовы! Пр-р-реподаватели, чтоб их! Даже Эддерли!

Грегор глубоко вдохнул и выдохнул, напоминая себе, что швыряться заклятиями посреди Академии – крайне дурной тон, а в собственных коллег – вдвойне. Хотя какие они ему коллеги после такого?!

– Ну-ну, Грегор, мальчик мой, – усмехнулся Эддерли. – Не принимайте так близко к сердцу. Здесь всегда творится что-нибудь этакое!

– Не вводите мэтра Бастельеро в заблуждение, милорд, – откликнулся Роверстан, снова отворачиваясь и с интересом оглядывая опустевший холл. – Обычно все намного хуже. Или интереснее, как посмотреть. Вот когда я стал магистром...

– А вы, коллега, сами виноваты, – слегка сварливо сообщил Кристоф. – Кто же становится магистром в тридцать два года? Кстати, Грегор, и вправду отличная работа. Но если бы не вы, красные победили бы!

Эддерли очень невежливо фыркнул, ухитрившись вместить в этот звук глубочайшие сомнения по поводу доблести боевиков и, одновременно, полную убежденность в победе некромантов – Грегор даже мимолетно позавидовал подобной выразительности. Наверное, она приходит с практикой.

– А меня вот интересует другое, – задумчиво сказал Роверстан, продолжая разглядывать что-то внизу. – Милорд Эддерли, ваш сын, случайно, не болен? Простоять все время битвы на ее краю и не вмешаться – это на него совершенно не похоже. Или это влияние Аранвена?

– Саймон? – встрепнулся магистр. – Где?

– А во-о-он... – с удовольствием наябедничал магистр разумник, указывая на дальний край холла, где троица адептов в темных мантиях перебежала от одного поваленного вазона к другому, явно что-то разыскивая. – Еще и Ревенгар с ними. Как любопытно...

– Саймон! – рывкнул Эддерли, и Грегор молча поразился: голос магистра раскатился по холлу без всякой магии.

– Ну и что все это означает, молодые люди? – с опасной вкрадчивостью поинтересовался Эддерли через пару минут.

Роверстан и Кристоф, разумеется, молчали, не вмешиваясь в дело чужого факультета, а Грегор едва сдержал смехок. Дарра Аранвен, как всегда невозмутимый, стоял под возмущенным взглядом магистра почти величественно и уж точно с полным хладнокровием, словно итлийский дог лучших кровей. Саймон Эддерли, напротив, напоминал пастушескую овчарку-полукровку: опасно зубастая пасть, но невинные глаза, полные легкого удивления – в чем можно обвинить такую лапушку? И между ними разве что не подпрыгивал рыжий, лохматый и кучерявый щеночек – воплощенная наивность и радость жизни. «Ой, а что-то случилось, да? – всем своим видом спрашивала Айлин Ревенгар, умилительно хлопая ресницами, и ее огромные зеленые глазища радостно сверкали. – Что-то интересное, да?»

Даже Кристоф фыркнул, взирая на это прелестное безобразие, а Дарра с достоинством ответил:

– Прошу прощения, милорд. Мы выполняли лабораторную работу.

– Да, работу! – влез Саймон, но поймал взгляд отца и смолк, а Аранвен так же размеренно продолжил:

– Это был эксперимент в учебных целях, милорд. Мы наблюдали за результатами, и я их записал, а потом мы решили найти опытный образец. К сожалению, он погиб.

И предъявил сломанную и полурастоптанную розу. Живую. Среди зимы. Нет, ничего особенного, конечно, тем более в Академии, полной стихийников, но... Грегор пригляделся к розе. Ах, паршивцы! Но красиво, не поспоришь.

– Лаборато-орная... – протянул Эддерли тоном, не обещающим ничего хорошего, и тоже присмотрелся к розе. – И кому же, позвольте узнать...

– Кхм! – поспешно выступил вперед Грегор. – Полагаю, милорд магистр, это моя вина!

Роверстан издал странный звук, к которому Грегор предпочел не прислушиваться, а то все-таки придется вызвать эту разумническую змею на дуэль. Ну хоть попытаться в очередной раз...

Дальше все оказалось просто. Так просто, что Грегор только диву давался, неужели он в годы обучения был таким же безнадежным балбесом? Эта троица и вправду из лучших побуждений и учебного рвения зачаровала розу, положила ее на видном месте и спряталась, чтобы, как изящно выразился Аранвен, «результаты наблюдений оказались максимально беспристрастными». «Ну конечно не потому, – про себя съязвил Грегор, – что иначе могли бы сами огрести неприятностей».

Розу нашел юный боевик с четвертого курса и тут же, даже не задумавшись, преподнес девице-иллюзорнице. Девица поначалу сама расцвела, подобно розе, но почти сразу обнаружила, что подарок с подвохом: благодарность, которую она попыталась пролепетать, обернулась набором нечленораздельных звуков. Решив, что над ней мерзко пошутили, иллюзорница сломала подарок о физиономию незадачливого ухажера, а тот огляделся вокруг, обнаружил мирно проходящую по своим делам парочку некромантов и решил, что это их подлых лап дело. Ну а что, раз порча – значит, некроманты! «Очень несправедливое и крайне предвзятое мнение о нашем факультете», – имел наглость сообщить Аранвен искренне обиженным тоном.

На последней фразе Роверстан снова издал подозрительный звук, похожий на стон, и торопливо отвернулся, Кристоф закусил губу, а Эддерли торопливо сказал:

– Ну хватит, хватит. Хм... Мэтр Бастельеро, зачтите им лабораторную, будьте добры.

– Да, милорд магистр, – кивнул Грегор.

– А за учиненные беспорядки, – нахмурился Эддерли. – Три дня... нет, неделя отработок на конюшне после занятий! Ревенгар, вас это не касается.

– Милорд магистр! – выпалила девчонка, снова едва не подпрыгнув. – Но я тоже! Тоже... виновата! Можно мне тоже на конюшню? Я люблю лошадей, правда!

– Не сомневаюсь, – безнадежно согласился Эддерли. – На конюшню так на конюшню. Вон с глаз моих!

Троицу словно ветром сдуло, причем Грегор готов был поклясться, что Ревенгар, поджавшую ноги, юные лорды просто унесли по воздуху, подхватив под руки, очень быстро и, главное, отработанно, словно долго тренировались.

– Мерзавцы... – одобрительно и с некоторой завистью прокомментировал Кристоф, а Роверстан кивнул, сдавленно хрюкая и сотрясаясь от смеха.

– Достойная смена некоторым, – устало съязвил Эддерли, и Грегор на миг ему посочувствовал.

А потом вспомнил, что эти трое – его личные адепты, значит...

– Прошу прощения, милорды, – сухо поклонился он. – Меня ждут дела.

Уже прошел половину галереи до лестницы и услышал за спиной голос просмеявшегося, наконец, Роверстана:

– Предлагаю повысить ставки на следующий раз, коллеги. Золотой флорин?

Что ответили остальные, Грегор, скрипнув зубами, не расслышал.

Глава 4. Война мантий

Аластор открыл глаза и тут же зажмурился – солнце в них так и брызнуло! Ой-ой, это же сколько он проспал? И к завтраку его почему-то не разбудили...

Неужели он пропустил утреннюю тренировку по фехтованию, на которую договорился сходить с новыми друзьями? Неудобно получилось. Еще, чего доброго, подумают, что он не явился, потому что вчера струсил и не пошел на кладбище? Ну нет, он им докажет! Если только... Да нет, не могло же ему присниться, что он ходил на кладбище и познакомился с леди Айлин? То есть просто Айлин! Или могло?! По здравому размышлению, огромная стая упырей на главном кладбище столицы и разгоняющий их белый волкодав в самом деле походили на затянувшийся увлекательный сон. И леди Айлин слишком отважна и хороша собой, чтобы не оказаться всего лишь грезой! И как бы он не во сне залез на крышу склепа по обледевшей стене?!

Нет, не может быть! Аластор вскочил, торопливо перебирая в памяти малейшие детали прошедшей ночи, и упал на колени перед кроватью. Вернувшись домой в четвертом часу утра, усталый и окоченевший, он не смог придумать достаточно надежного тайника и взятую из найденного клада долю добычи – совсем небольшую, только чтобы хватило на подарок Айлин! – спрятал именно в кровати, между матрацем и деревянным основанием. Если ему не приснилось, то трофей должен по-прежнему быть там... о Пресветлый, только бы это был не сон!!!

Пальцы наткнулись на завернутый в ткань твердый предмет, и Ал наконец-то перевел дух. Все-таки это случилось наяву!

Он осторожно вытянул сверток из-под матраца и невольно улыбнулся. Его добыча была крепко увязана в плотный яркий платок в красно-фиолетовую клетку и с монограммой «А» в углу. Остаток сегодняшней безумной ночи живо всплыл в памяти.

...Айлин, цепляясь за плющ, быстро спустилась до середины стены, а оттуда доверчиво прыгнула ему в руки, ни капли не сомневаясь, что Аластор ее поймает, раз обещал! И он, конечно, поймал, а потом поставил на замороженную землю, отпустил и сделал шаг назад, смутившись от такой фамильярности – вдруг юная леди подумает что-то не то?

– Благодарю, – ясно улыбнулась она и сделала реверанс.

Аластор поклонился в ответ и тут же с любопытством спросил:

– А что теперь?

– Искать клад, разумеется! – как-то даже удивленно откликнулась Айлин и со вздохом призналась: – Мэтр Киран сказал, что он спрятан в склепе Корсонов, но точного места не знал и сам. А беспокойного призрака... – она огляделась по сторонам, – ...здесь нет. Но мэтр сказал: «По ходу дела разберешься», – значит, надо разбираться!

Аластор, представивший было, что сейчас откуда-нибудь появится еще и злобный неупокоенный дух, немного расслабился. Нет, он, конечно, не боится, еще чего! Просто... просто упыри и дух – слишком много для одной ночи! Хотя на призраков тоже интересно было бы посмотреть.

– Давай подумаем сами, – предложил он. – Внутри склепа клада быть не может, он заперт. Значит, снаружи. Может быть, он закопан под склепом?

«Тогда искать можно, пока не посинеет, – подумал он разочарованно. – От холода! И чем мы станем копать, ведь у нас ни одной лопаты, а земля промерзла...»

К его облечению, Айлин решительно замотала головой. Так решительно, что даже капюшон сбила.

– Не может быть! Мэтр Киран рассказывал, что захоронку здесь делали тоже зимой и втайне, свежую рытвину сторож сразу бы заметил!

«И верно», – подумал Аластор и, подойдя к стене склепа почти вплотную, принялся обшаривать камни и завитушки сначала на высоте своего роста, потом все ниже и ниже. Семеро, благословите отца, который, пока Аластор был совсем еще маленьким, часто играл с ним в стражники-разбойники и никогда не отговаривался тем, что занят.

– Что ты делаешь? – удивленно спросила Айлин, и Аластор невольно почувствовал прилив гордости.

Вот! Вот сейчас она увидит, что наследник рода Вальдеронов умеет не только на склепах от нежити прятаться.

– Получается, хозяин клада не мог его ни закопать, ни занести в склеп, – объяснил он, вспоминая, как когда-то давно отец учил его самого устраивать и искать тайники. Правда, для игры, но какая разница? – А если прятал все же здесь, то, скорее всего, тайник прямо в стене, и хозяин клада о нем знал. Может, какая-то из этих завитушек сдвигает один из камней? Или в кладке есть фальшивая плита.

Айлин посмотрела на него восхищенно, отчего Аластору стало чрезвычайно приятно, но ничего не сказала. Вместо этого подошла поближе и тоже принялась простукивать камни. Тайник нашел все-таки Аластор. Одна из мраморных плиток облицовки примерно на высоте его плеча отозвалась на стук куда звонче соседок. А потом и нажатую поддалась! – Ух ты... – восторженно пробормотала Айлин. – Давай посмотрим, что внутри? Только я первая, вдруг там магическая ловушка?

Аластор со вздохом посторонился – обычных ловушек он не опасался, но магические и впрямь лучше смотреть магу – и Айлин без колебаний сунула ладошку в открывшийся проем. Пощупала там и вытащила небольшую деревянную коробку очень потрепанного вида.

– Вот! – сказала она так гордо, что Аластору немедленно стало жутко интересно, что же там такое. – Давай где-нибудь сядем и посмотрим?

Честно признаться, клады Аластор представлял иначе. Например, в виде сундучка. Или хотя бы горшка, доверху наполненного золотыми... ладно, хотя бы серебряными! – монетами. А содержимое коробки напомнило ему шкатулку матушки с украшениями, вышедшими из моды или сломавшимися, да так и не починенными за ненадобностью в поместье. Ал заметил пару свернувшихся змейками цепочек, слишком тонких и не украшенных ни одним драгоценным камнем, чтобы оказаться дворянскими гербовыми цепями. А еще – массивный серебряный браслет, торчащий вверх сломанной застежкой, и рассыпавшиеся по всей коробке крупные жемчужины разорванного ожерелья... Блеснуло, кажется, кольцо... Ах да, и все-таки несколько монет!

Собранные в шкатулке вещицы никак не могли принадлежать одному и тому же человеку: слишком уж разные и с виду – судя по жемчужинам, ожерелье при жизни было куда изысканнее браслета! – и, наверное, по цене? Значит, хозяин клада был попросту вором? Аластор чуть было не возмутился, но вовремя себя одернул: с чего он, собственно, взял, что прятать ценности могут только честные владельцы? Если подумать, то должно быть как раз наоборот! Он поворошил содержимое – ну нет, ни браслета, ни цепочек, ни кольца он не возьмет, вот разве что пару жемчужин? Их тут еще много останется... А вот если украсить этими жемчужинами подарок, который он купит Айлин, это ведь будет достойно?

– Можно? – спросил он, осторожно вынимая из коробки ровно две жемчужины, и Айлин поспешно закивала, кажется, даже не взглянув, что он там достал.

– Конечно, бери, что хочешь! Я бы без тебя в жизни не нашла этот тайник!

– А откуда твой наставник... ну, призрак! Откуда он вообще про него знает? – спохватился Аластор, разрываясь от любопытства.

– Ну... – Айлин, кажется, смутилась. – Насколько я поняла, когда он еще был адептом, в Академии завелся воришка... Ты не думай, такого в Академии вообще-то не бывает, просто однажды... Ну вот, и как-то раз он украл курсовую работу у одного артефактора, друга мэтра Кирана. Они ее вместе делали. Настоящий неразменный золотой, представляешь?! То есть не совсем настоящий. Его нельзя было использовать, потому что на самом деле этот золотой маскировал под себя обычный медяк... или даже сухой листик. В общем, что у хозяина оказалось в кармане. Но им же никто не собирался пользоваться, только защитить курсовую!

«Действительно, нечестно, – подумал Аластор. – Но с другой стороны, если просто показать наставнику – и все, то ничего страшного? И вообще, как интересно быть магом и изобретать такие... штуки! Вот бы познакомиться с этим мэтром Кираном!»

– Тогда мэтр Киран с другом решили выследить воришку и... побить, наверное. И выследили до этого самого склепа! Только сделать ничего не успели: тот хотел открыть тайник, а на него набросились упыри. Мэтр Киран хотел помочь, но не успел, – закончила Айлин с жутковатой простотой и выбрала из шкатулки примеченные Аластором монеты,

шесть золотых старой чеканки – профиль на аверсе был совсем не похож на короля Малкольма!

Поводив ладонью над монетами, она уверенно выбрала одну – видимо, ту самую, неразменную! – и вернула ее в шкатулку.

– Мэтру Кирану отдам, – решила она, а остальные пять положила на крышку шкатулки и придвинула к Аластору. – Бери!

Аластор вздохнул, отодвинул пальцем две монеты и посмотрел на Айлин.

– Остальное твое.

И вдруг осекся, пораженный страшной мыслью: что, если это чудесно безумное приключение вот так и закончится?! И они больше никогда не встретятся?

– Миледи... то есть Айлин! – торопливо выпалил он. – Ты же не в последний раз ищешь клад, правда? Мы ведь увидимся еще? Тебе нужна помощь, ты сама говорила. Как я тебя найду?

– Других кладов я пока не знаю, хоть они бы мне игодились, – очень взросло вздохнула Айлин. – Но я спрошу мэтра Кирана, вдруг он что-нибудь подскажет. Только не завтра! Мне бы все-таки выпасться перед занятиями. И соседка теперь уедет домой только на следующие выходные. Хочешь, встретимся через неделю? Ты знаешь, где находится Академия?

Аластор гордо кивнул. Кто же, прожив в столице больше недели, этого не знает?

– Если сможешь выбраться из дома и не передумашь, то приходи к Академии накануне выходного дня. В половине первого ночи, – предупредила Айлин. – Только не к главным воротам, а к северной стене. Отсчитай от главных ворот две сотни шагов, там и встретимся. Ты сразу узнаешь место, на том участке стены плещ, прямо как здесь!

– Я приду, – твердо пообещал Аластор.

И вдруг задумался – как же нести домой добычу? Сунуть в карман? Но в плаще у него карманов нет, как и в камзоле, а поясной кошель он оставил дома. Нести в руках? Или сунуть внутрь перчаток?

Айлин между тем сунула коробку в поясную сумку и взглянула на Аластора, который одной рукой держал жемчужины с монетами, а другой неловко застегивал плащ, сдернутый со склепа и накиннутый на плечи.

– Подожди! – решительно сказала она и, вытащив из собственного кармана платок, протянула ему. – Завяжи в него! Так точно ничего не потеряешь. Он чистый и мой собственный, не академический!..

* * *

Аластор еще раз полюбовался свертком – платков такого узора и яркости он не видел еще ни у одной леди! И у матушки, и у сестер платки просто белые, зато отделанные кружевом и тонкой вышивкой. Может быть, это такая столичная мода? Или цветные платки носят только маги? Как бы это узнать?

От платка сладко пахло яблоками и чем-то еще, неуловимым и непонятным, в точности как от леди Айлин, и Аластор вздохнул. Как же здорово, что она настоящая! И как жаль, что еще совсем маленькая, даже младше Мэнди и Лоррейн! Но он все равно разузнает, из какого она может быть рода. И вообще все о ней разузнает! Вот прямо после завтрака и спросит у родителей, в каком роду встречаются такие рыжие волосы и веснушки?

Поспешно сунув сверток с трофеями обратно под матрац, Аластор принялся приводить себя в порядок, благо, свежую одежду и кувшин для умывания принесли, пока он спал. Все слуги в поместье, а теперь и в особняке, знали, что будить заспавшегося наследника не нужно – проснется сам, зато и оденется, и умоется самостоятельно!

Поплескавшись в приятно прохладной воде и пригладив щеткой непослушные светлые лохмы, Аластор стянул их бархатной лентой, оделся и вышел из комнаты. И почти тут же из своей спальни в коридор вышел отец.

– Доброе утро, мой мальчик, – улыбнулся он. – Вижу, ты хорошо выспался? Прекрасно. Я хотел поговорить с тобой. Пойдем в кабинет.

– Разумеется, милорд отец, – растерянно ответил Аластор и тут же спохватился. – Доброе утро!

Интересно, что случилось такого важного, что отец хочет обсудить это наедине? К счастью, долго гадать не пришлось: столичный особняк их семьи был не слишком велик, в отличие от дома в поместье, и кабинет отца находился в этом же крыле.

В кабинет отец пропустил Аластора первым, плотно притворил дверь и, подойдя к массивному письменному столу, достал из верхнего ящика лист бумаги. И придвинул к себе чернильницу.

– Сегодня ты провел большую часть ночи не дома, не так ли? – спросил он мягко, и Аластор едва не онемел от изумления.

Откуда отец знает?! Аластор же ушел и вернулся с черного хода, его даже никто не видел... Проклятье! Никто, кроме сторожа, который открыл ему этот черный ход! Вот предатель, сразу отцу нажаловался! А Аластор ему, между прочим, еще монету дал!

Взглянув на его обескураженное лицо, отец тихонько хмыкнул и усмехнулся.

– Не волнуйся так, мой мальчик. В твоём возрасте ночные отлучки более чем естественны, и я вовсе не собирался тебя бранить. Столица – это всегда множество соблазнов для юношей, но мне хотелось бы верить, что ты будешь достаточно... осмотрителен?

– Разумеется, милорд! – горячо заверил Аластор, не совсем понимая, что отец имеет в виду, но искренне намереваясь выполнить обещание и быть осмотрительным.

Во всем! Вот для следующей вылазки за кладом он непременно возьмет сумку, как у леди Айлин, и второй плащ, и фляжку шамьета, и булочку – наверняка Айлин их любит! И даже веревку на случай, если опять придется куда-нибудь забираться...

Отец кивнул, удовлетворенный обещанием, и, обмакнув перо в чернильницу, написал на листе несколько строк. А потом пододвинул лист к Аластору.

– Здесь адреса самых пристойных столичных... заведений, сынок. Приятная обстановка и красивые дамы, исключительно избранное общество. Пообещай мне, что не пойдешь в иные... места, даже если будут приглашать другие юные дворяне.

Заведений? Красивые дамы? Аластор бросил взгляд на лист и покраснел: в самом верху каллиграфическим отцовским почерком было выведено слово «Страстоцвет». И адрес. Это же... это...

Он едва не выпалил, что вовсе не собирался посещать подобные места! Зачем ему продажная любовь, если он отдаст сердце только прекрасной добродетельной девушке, как всегда учили его родители! Но тут же спохватился: зато какое прекрасное объяснение для его будущих ночных отлучек! То есть он вовсе не собирается врать отцу, ни в коем случае! Он просто не будет рассказывать о поисках клада, чтобы никого не волновать, а адреса возьмет. Вдруг... пригодятся? Ну просто чтобы знать, куда именно его могут пригласить столичные знакомые, и не чувствовать себя провинциалом в разговорах.

– Благодарю, милорд отец, – произнес Аластор с подобающей учтивостью. И, глядя на понимающую улыбку, вдруг решился. – Я хочу спросить... Не знаете ли вы, в каком роду встречаются рыжие, как огонь, леди? И с веснушками, – добавил он смущенно.

Отец подался вперед и посмотрел на него с любопытством.

– Неужели твое сердце похитила какая-то девица, мой мальчик?

– Вовсе нет! – запротестовал Аластор. – Ничего подобного! Просто... просто... Просто скажите, если знаете, милорд!

– Рыжеваты и веснушчатые Райнгартены, – сжалился отец. – Но в этом поколении у них нет ни одной юной леди. И в старшей, и в младшей ветви лорды еще не женаты и не имеют детей. А столь ярко-рыжих, как ты описываешь, в Трех Дюжинах вовсе нет. Ты уверен, что речь идет о леди?..

– Уверен! – с жаром ответил Аластор, вспомнив тонкое лицо Айлин, ее осанку и манеры. – Только я... я видел ее один раз в городе и не смог узнать род...

– На балу в честь мэтра-командора я видел рыжую даму точь-в-точь того оттенка, как ты описываешь, – припомнил отец, нахмурившись. – Правда, у нее не было веснушек, но ведь веснушки можно свести... Так вот, та дама – жена лорда Ревенгара, и как я слышал, у них двое детей, мальчик и девочка. Но едва ли дочь Ревенгаров может оказаться твоей таинственной незнакомкой, ведь она должна быть такой же блондинкой, как и отец. Впрочем, если эта девица – дворянка, рано или поздно ты встретишь ее в обществе, а если она из купеческого, скажем, сословия, то это неподходящее знакомство. Ты ведь это

понимаешь, мой мальчик? – добавил он мягко, но таким непреклонным тоном, что Аластор послушно кивнул.

Да, если Айлин... Если она действительно не благородной крови, отец никогда не разрешит ему... А что, собственно, не разрешит? Аластор же не собирается делать ей предложение! Она еще совсем маленькая... Просто очень умная, храбрая, и с ней невероятно интересно. Она не хихикает глупо, как другие девицы, не жеманничает, стреляя глазками и прикрываясь веером, не обсуждает часами ленты, прически и наряды. Ни одна знакомая Аластору девица не пошла бы разыскивать тайник в кладбищенском склепе в сопровождении одной лишь собаки! И не грызла бы яблоко, глядя на стаю упырей. И... Нет, пусть эта тайна останется только его собственной. Даже отец ее не поймет, а уж юным дворянам, с которыми он поспорил, тем более ничего нельзя рассказывать! Не дай Пресветлый, кто-то из них обронит хоть одно насмешливое или неучтивое слово про его новую подругу!

– Позвольте вас оставить, милорд? – вежливо спросил он, и отец благосклонно кивнул. Чинно выйдя из кабинета, Аластор чуть ли не вприпрыжку промчался по коридору, съехал по перилам, – благо, никто не видел, только горничная, убиравшая холл, старательно отвела взгляд – забежал на кухню, ухватив кусок пирога, и, жуя его на ходу, помчался в конюшню. Ах да, плащ! И кошелек! И шпага! С полдороги вернулся обратно, уже рассудительно прикинув, что еще взять с собой в город. Ему обязательно нужно сегодня же попасть в какой-нибудь модный дамский магазин. А то если спросить сестер или матушку, они мгновенно поймут, к чему это, и тогда от расспросов до следующего Солнцестояния не избавишься. А у него дела! К концу недели ему нужно придумать и заказать достойный подарок для Айлин. Неважно, леди она или нет.

* * *

– Скажите, мой мальчик, – задумчиво поинтересовался Эддерли, придвигая кружку со свежим шамьетом и с неповторимой вальяжностью раскидываясь в кресле. – Вы не думали о том, чтобы взять еще парочку предметов? Например, снятие проклятий у шестого-седьмого или рунные плетения у десятого? У вас явный талант к преподаванию.

Грегор, после истории с розой ожидавший чего угодно, только не последней фразы, едва не поперхнулся своим напитком и взглянул на магистра с недоверчивым изумлением.

– Вы шутите? – осторожно осведомился он. – Милорд, вам ли не знать, что я никогда не думал об этой стезе? То, что я пришел в Академию, это чистая... случайность!

– Конечно-конечно, – закивал Эддерли. – Но разве не случайности правят нашей судьбой? Вы один из самых блистательных мастеров поколения, если вовсе не сильнейший. Немного вспыльчивы и горячи, но рассудительность приходит с возрастом. Ах, если бы с ним приходила только рассудительность, а не ломота в костях, седина и хм... ладно, мы не об этом.

Он отпил еще шамьета и взял с блюда ореховое печенье, которое к столу преподавателей пекли прямо на кухне Академии. Когда-то Грегору очень хотелось попробовать именно это печенье, щедро украшенное изюмом и цукатами, неизменно румяное и вызывающее у адептов зависть своей недоступностью. Вот не странно ли? К его услугам всегда были лучшие кондитерские Дорвенны, а хотелось именно того, что попросту не подавали на ученический стол.

Теперь Грегор знал, что в печенье, рецепт которого вряд ли изменился за пару дюжин лет, нет ничего особенного, зато подогретое вино, сдобренное специями и слегка разбавленное медовой водой, это истинный эликсир для утомленного лекцией горла. Шамьет, обожаемый в Академии и вошедший в огромную моду при дворе, он пытался оценить, но искренне не понимал, почему все так его нахваливают. Либо горькая гадость, если без меда, либо сладкая – если с оным. Эддерли, напротив, шамьет обожал, и по его распоряжению в комнату преподавателей на каждой перемене подавали кувшин горячего свежесваренного напитка и легкие закуски. Вот как сейчас, между третьим уроком и четвертым, когда до обеда еще далеко, но легкий завтрак уже успел забыться.

– И все-таки, Грегор, – мягко, но настойчиво гнул свою линию магистр, – подумайте над моим предложением. Коллеги-некроманты вас уважают, адепты от вас без ума. Мой собственный сын влюблен в вашу манеру преподавания со всей пылкостью юности.

«Вороны Бастельеро» – слышали уже? Особый спецкурс лорда Бастельеро зовет себя в вашу честь, и это уже разлетелось по всей Академии.

– Детские глупости, – буркнул Грегор, пряча взгляд в чашку с дымящимся напитком. – Мальчишки в этом возрасте излишне романтичны.

И все-таки на сердце снова стало теплее, причем совсем не от горячего вина с медом. Когда лучшие юные маги факультета восхищаются тобой и выбирают в качестве знака твой герб, это... Ну, не льстит, конечно, но безусловно приятно. Наверное, ради этого и идут в преподаватели? Признание того, что можешь повести кого-то за собой не только на войне, но в мирное время. Дар передать то, что знаешь и умеешь, воспитать в мальчишках то, что считаешь основой характера. И когда-нибудь новая основа Ордена будет смотреть на мир твоими глазами...

– Мальчишки – да, – задумчиво согласился Эддерли. – Саймон только возрастом приближается к совершеннолетию, нравом он еще совсем ребенок. Однако ими предводительствует Дарра Аранвен, а этот юноша далеко пойдет. Ангус готовит из него своего преемника, и я давно заметил, что юный Дарра никогда и ничего не делает необдуманно. Но сейчас он тоже кажется весьма воодушевленным. Во всяком случае, затея с перьями принадлежит именно ему.

– Перья? – спросил Грегор, чувствуя, что разговор начинает его смущать.

– О, Грегор, вы невнимательны, – усмехнулся Эддерли. – Присмотритесь же к своим адептам! Они уже второй день носят в прическах серебряные шпильки в виде перьев. Вороньих, если вы вдруг усомнитесь. Черное серебро из лучшей ювелирной мастерской Дорвенны, заказанное лично Даррой Аранвеном. Вы и в самом деле не видели? С кем-то другим я бы в это ни за что не поверил, но на вас это так похоже!

Грегор и в самом деле смутно вспомнил, что на последнем занятии особого курса заметил в прическе Ревенгар какую-то странную безделушку, ничуть не помогающую девчонке удерживать в порядке непослушные рыжие кудри. Те все равно норовили выбиться из кос и окружить лицо хозяйки огненно-золотым ореолом. Ревенгар, надо отдать ей должное, с норовистыми завитками честно сражалась, но обычным орудием в этой неравной борьбе ей служили широкие ленты, а шпилька... Разве вот это удержишь шпилькой? Все равно что ее любимое умертвие посадить на поводок из одной нитки. Присматриваться к юношам ему как-то в голову не приходило. А теперь... Вот как на это все прикажете отозваться?

Отчитать и запретить? Промолчать и сделать вид, что не заметил?

– Это дети, Грегор, – хмыкнул Эддерли, явно насквозь видевший его размышления. – Они обожают учителей больше, чем родителей, потому что мы, как умелые садовники, растим не только их разум, но и душу. И выражают это обожание по-своему. Главное, будьте осторожны. Они возведут вас на пьедестал, и вы останетесь там ровно до тех пор, пока не разочаруете их чем-то. Но стоит вам это сделать – и возмущение их будет столь же сильным, как до этого любовь. Ученики охотно прощают наставников, которые им безразличны, но от своих кумиров требуют безупречности.

– Полагаете, мне следует это прекратить? – прямо спросил Грегор, откидываясь на спинку стула и радуясь, что в комнате больше никого нет.

Впрочем, окажись рядом кто-то еще, умница Эддерли этот разговор бы не затеял.

– Зачем же? – пожал плечами пожилой магистр. – Я уверен, что вы не научите дурному ни моего сына, ни прочих... воронят. Юношам нужно за кем-то тянуться. А вы, Грегор, для них идеал. Истинный аристократ древнейшей крови, герой войны, могущественный маг и Избранный нашей великой покровительницы, Претемнейшей Госпожи. Полагаю, сотни юнцов по всему Дорвенанту мечтают быть на вас хоть немного похожими, так с чего этим мальчишкам быть другими. Они пока не понимают, что вы не только статуя в Зале Славы Академии, но и живой человек со своими слабостями. Это меня несколько тревожит, но я искренне надеюсь, что вскоре они достаточно поумнеют. Кстати, – усмехнулся он в ответ на явное смущение Грегора, – вы так и собираетесь носить не преподавательскую мантию, а камзол? Нет-нет, лично я не против! Но вы же понимаете, что это делает вас еще более... заметным?

«Вызывающе выглядящим, – мрачно перевел Грегор деликатное определение магистра. – Но мантия? Нет, только не это!»

– Ну... – извиняющимся тоном ответил он. – Я не думаю, что всего один преподаватель в камзоле нарушит устои Академии настолько, чтобы это...

– Один? – насмешливо изогнул все еще темные брови Эддерли. – Ну-ну...

Дверь распахнулась, и в комнату стремительно влетел мэтр Ирвинг, молодой преподаватель, работающий то ли с пятым курсом, то ли с восьмым – Грегор как-то не запомнил. Ирвингу на вид было лет тридцать-тридцать пять, и он напоминал фраганскую борзую длинным худощавым телом, острыми умными глазами и порывистыми движениями. А еще он всегда был одет в длинную фиолетовую мантию, как и положено порядочному мэтру-некроманту. Хм...

– Доброго дня, милорды, – жизнерадостно поздоровался Ирвинг, хватая чистую чашку и торопливо наливая шамьет. – Чуть не опоздал! Еще немного, и колокол прозвенит, а у меня в горле пересохло, словно в Арлезийской пустыне!

– Доброго дня, мальчик мой, – благожелательно ответил Эддерли и выразительно покосился на Грегора.

Вместо мантии на Ирвинге был камзол! Не военного образца, больше напоминающего мундир, а штатского, только гораздо скромнее обычного. Плотное черное сукно и фиолетовое шитье по воротнику, обшлагам и застежке. Аметистовые пуговицы. Узкие белые манжеты виднеющейся под камзолом рубашки. Исключительно пристойный и сдержанный вид. Но какого Баргота?! Это же Академия! Преподаватель в камзоле...

Грегор подавил нервный смешок, представив, как будет звучать его возмущение. Эддерли разглядывал их обоих весело и с явным удовольствием.

– Кстати, милорд Бастельеро, – обратился к Грегору Ирвинг, ухитряясь говорить членораздельно, несмотря на набитый печеньем рот. – Вы не могли бы как-нибудь заглянуть ко мне на лекцию? Мы проходим упокоение призраков и умертвий, мне бы хотелось показать adeptам работу настоящего мастера.

– Да, разумеется, – выдавил Грегор.

Ирвинг, благодарно поклонившись, в три огромных глотка выхлебал изрядную кружку шамьета, схватил с полки толстенный том «Кладбищенского bestiария» и выскочил в коридор.

– Вот так вот, – хмыкнул Эддерли. – Непривычно, правда? Одно дело – на практических занятиях, да и то преподаватели старой школы негодуют. Но ведь он и на лекции так ходит! И не только он. Боевики, кстати, тоже подхватили, им эти мантии давно поперек горла стоят. Не размахнуться, мол, не швырнуть чем-нибудь таким! Что-то я не замечал, чтобы Кристофу мешала мантия. Как в молодости сбивал с завязанными глазами Молотом Пресветлого птичку на звук, так и сейчас влепит ничуть не хуже.

– Извините, милорд, – мрачно отозвался Грегор, чувствуя себя действительно неловко. – Я сожалею. Если это как-то поправит дело, я завтра же...

– Да полно вам, – благодушно махнул рукой магистр. – Поверьте моему опыту, людям всегда что-то мешает! Кому-то – чужие камзолы и мантии, кому-то – их содержимое. Плохим танцорам, говорят, мешают слишком тесные чулки... Мне вот мешают лишние сорок... ладно, тридцать лет! Когда вам будет столько же, вы научитесь отделять действительно важные вещи от всяких... войн за мантии. О, Денвер! – обернулся он к двери, в которую входил чрезвычайно мрачный пожилой мэтр, при виде которого Грегор снова почувствовал неприятное тянущее смущение. – Ну, хоть для разнообразия скажите, что у нас все хорошо!

– Как пожелаете, – желчно ответил Денвер, сбрасывая маску благодушия, которую надевал на уроки к adeptам-первокурсникам. – У нас все просто замечательно! Драммонд принес в аудиторию к боевикам полмешка заговоренных крыс и выпустил их во время лекции магистра Уинн. И что, вы думаете, сделала эта почтенная м-м-магесса? Вскочила на кафедру и завизжала! А галантные идиоты с Красного факультета кинулись крыс истреблять. Угадайте – чем?

– Только не говорите, что Молотом? – в священном ужасе уточнил Грегор, мгновенно представив объем разрушений.

И хорошо еще, если обошлось без жертв!

– Именно! – рявкнул Денвер. – И еще врет, мерзавец, что не собирался их выпускать, а просто оставил мешок в углу, собираясь в столовую! Крыски, мол, сбросили

обездвиживающее заклятие... Обездвиживающее! У Драммонда! Кому врет, негодяй? А у боевиков ни одного целого стекла в аудитории не осталось!

– Ну так надо было не по стеклам кидаться, а по крысам, – невозмутимо парировал Эддерли. – Скажите Кристофу, что его косорукие мазилы сами виноваты. Что-нибудь еще?

– Гринхилл, – с ядовитым удовольствием сообщил Денвер, – зачаровал горгулью на третьем этаже, и она начала распевать непристойные песни. Магистр Адальред пообещал оторвать ему голову, но мне удалось договориться, что голову Гринхиллу мы оторвем сами, пусть артефакторы не беспокоятся. Горгулью, правда, придется менять, непристойные песни она больше не поет, зато цитирует «Большой свод кошмаров», а это, сами понимаете, то еще чтение, первокурсники боятся рядом проходить.

– Какой способный мальчик, – одобрителем отозвался магистр. – В лаборатории его на неделю, и пусть котлы хоть поют, хоть танцуют, лишь бы чистые были.

– А юные Эддерли, Аранвен и Ревенгар... – начал Денвер, и Грегор вскинулся.

– Они же на отработках, – сказал он в искреннем недоумении. – И вообще, кажется, притихли.

– Притихли, – злорадно подтвердил Денвер. – Очень заняты были всю неделю. После занятий честно отрабатывали на конюшне, зато вечерами, оказывается, вскрывали склад музея, выносили оттуда неиспользованные чучела, разбирали их на составляющие и пытались собрать дракона. Дракон не дракон, но тварь получилась такая, что мне самому поплохело, когда увидел. Сплошные зубищи, когти, шипастый хвост... А когда собрали, запустили эту мерзость с крыши целительского флигеля во время урока танцев!

Он обреченно обвел взглядом магистра, сидящего с непроницаемым лицом, и Грегора, искренне не знающего, что сказать, и со вздохом добавил:

– И что, вы думаете, сделала эта тварь, когда целители с воплями разбежались? Принялась жрать кусты! Какие-то редкие экземпляры, за которые Бреннан озверел хуже любого дракона. Нет, я его в чем-то понимаю, сожри тварь парочку адептов, их бы еще много осталось! Но она травоядная! Эта троица, видите ли, поставила ограничивающее условие! Уволюсь к Барготу! Эддерли, ну что вы так смотрите! Поговорите со своим оболтусом! Он в этом году совсем невыносим! Они же Ревенгар на этого дракона посадили! Как самую маленькую и легкую. А она была в полном восторге, разумеется!

– Я поговорю, – с тем же непроницаемым лицом пообещал Эддерли. – Непременно!

Дракон, говорите? Ну... это несомненный шаг вперед по сравнению со скелетами.

Язвительно фыркнув, Денвер забрал с полки какие-то бумаги и двинулся к двери, но у самого порога обернулся и посоветовал:

– А лучше пусть с ними Бастельеро разбирается. Все эти красавцы с его курса, между прочим!

И вышел.

Пару минут в комнате стояла полная тишина. Эддерли безмятежно допивал шамьет, Грегор вспоминал...

– Скажите, магистр, – сказал он, наконец, совершенно обреченно. – Я же помню себя прежнего. Как вы за столько лет меня даже не прокляли ни разу? Какая-то особенная преподавательская магия?

– Она самая, – мечтательно улыбнулся Эддерли. – Она самая! Каждый раз, глядя на вас и слушая, что вы еще натворили, я успокаивал себя тем, что адепты вырастают, и некоторые из них, самые талантливые и потому самые хлопотные, возвращаются в Академию преподавателями. Это и есть высшая справедливость, мальчик мой. И я надеюсь, она вас очень утешит, когда будете разговаривать со своими... Воронами.

– Я запомню, – сказал Грегор сдержанно, встал и поклонился. – Прямо сейчас и пойду... тренироваться. Если позволите.

Очень аккуратно закрыв за собой дверь комнаты для отдыха, он оглядел пустой коридор. Колокол прозвенел с четверть часа назад, и все адепты были на занятиях, пройти мог разве кто-то из преподавателей, у кого оказался свободный промежуток в расписании. Грегор потянулся к энергетическим линиям, свернул их в любимую, до совершенства отработанную «Могильную плиту» и стал прикидывать, куда бы запустить этим чудовищным заклятием. Стену – жалко, окно слишком узкое. «Плита» у него всегда выходила на славу.

– Хм... – услышал он за спиной ненавистный знакомый голос. – Вы не возражаете, если я пройду? Не хотелось бы... внезапности.

– Идите, – сквозь зубы процедил Грегор, остро жалея, что брошенную на голос плиту на внезапность и вправду уже не спишешь.

А как было бы славно!

– Благодарю! – откликнулся Роверстан, проходя мимо.

Грегор оглядел его и едва не закричал зубами. Не камзол, нет. Но и не мантия. Новое одеяние разумника было щегольски приталено, а его край не доходил до колена на ладонь, и из-под него виднелись свободные белые брюки. Больше всего это напоминало ненавистный Грегору фраганский мундир, только белый и пошитый у лучшего столичного портного. Бар-ргот его... «Война мантий», – вспомнились Грегору слова Эддерли, и подумалось, что мудрый некромант, конечно, прав, но люди по своей природе существа не слишком умные, а Академия куда более безумное место, чем ему раньше представлялось.

Глава 5. Редкая птичка

– ...А потом мы вылезли через окно прямо на крышу Академии! И я подумала, почему люди не летают как птицы? А Саймон сказал, что как птицы – это неинтересно, вот если бы как драконы... А Дарра сказал, что почему бы и нет? И мы сделали дракона! Ну, то есть... почти дракона. Крылья – от горгульи, а морда – от вурдалака, а потом Саймон его анимировал! Только дракон все время немножко перекашивался, и Дарра сказал, это из-за того, что у него неправильная тяжесть где-то в центре, но если ее сместить... Я на нем даже летала! Один раз! И со всадником он не перекашивается...

Аластор вздохнул и ругнулся про себя, надеясь, что Айлин ничего не заметит. Опять эти Саймон и Дарра! Нет, он очень любил истории про жизнь в Академии, а уж рассказы про лорда Бастельеро готов был слушать хоть всю ночь напролет. Но Саймон и Дарра, про которых Айлин говорила с такой восторженной нежностью, ему категорически не нравились. Может, они и достойные юноши, но разве допустимо так рисковать жизнью леди? На драконе они ее катали, вообразите только! А что теперь делать Аластору?! Как вообще можно превзойти полет на драконе?!

– А мэтр Бастельеро так ругался, – добавила Айлин с горестным вздохом. – Понимаешь, когда дракон приземлился, он съел кусты какой-то живянки, я пока не знаю, что это, но магистр Бреннан очень возмущался! И сказал, что тогда он заберет дракона в музей целителей. Как компенсацию. А мэтр сказал, что мы – некроманты, и значит все, что мы делаем: розы или драконы, – тоже принадлежит Фиолетовой гильдии. А магистр Бреннан заявил, что в таком случае сажать новую живянку тоже будет Фиолетовая гильдия. Причем лично мэтр Бастельеро! А мэтр и глазом не моргнул! Но потом назначил нам отработки в лабораториях гильдии. С упырями!

Она встряхнула головой, сбрасывая капюшон, и Аластор заметил у самого ее левого виска заколку, чрезвычайно похожую на настоящее воронье перо, только блеснувшую в лунном свете серебром.

– Это новая столичная мода? – спросил он осторожно, и Айлин смущенно хихикнула.

– Нет! Это новая форма особого курса! То есть... ты же знаешь, какой герб у мэтра Бастельеро, правда? А раз мы его Вороны, то должны быть перья! Это Дарра придумал, и заказал тоже он. А еще мы теперь здороваемся между собой. Вот так!

Она вскинула руку и коснулась серебряного пера двумя пальцами.

Опять Дарра! Ну что это такое, везде он! Драконы, перья... А Аластор, между прочим, всего-то помог найти клад, который Айлин и сама, наверное, нашла бы. Вот бы отыскать еще один или показать ей что-нибудь такое, чего она никогда раньше не видела! Что-нибудь волшебное! Вот только что?

Он закусил губу, с сожалением понимая: что бы он ни придумал, вряд ли это превзойдет развлечения, которые Айлин могут предложить ее взрослые соученики. Да еще из таких знатных состоятельных семей. Нет, Вальдероны тоже отнюдь не бедны, и если Аластор попросит у отца разрешения ухаживать за Айлин, как положено, ему, разумеется, выделят

любую разумную сумму по необходимости. Только вот как раз этого им и нельзя... Какие ухаживания, ведь они даже не смогут объяснить, как и где познакомились! И встречаться им разрешат под присмотром кого-нибудь из взрослых, а заниматься на этих встречах исключительно всякими приличными вещами! И вообще, причем здесь ухаживания? Это же... Айлин! Милая, доверчивая, славная... совсем как его сестренки, только лучше! Аластор придирчиво оглядел ее накидку и поправил воротник, сбившийся набок. Айлин ясно улыбнулась, глядя снизу вверх, и все глупые мысли об ухаживании разом вылетели из головы. Да он ведь до сих пор не знает ее полного имени! Кто ее родители... Почему она скрывает свое имя... Сначала это действительно было веселой игрой – притворяться, что они рыцарь и леди из приключенческого романа, повстречавшиеся инкогнито и скрывающие правду о себе.

А потом он заметил, что когда рассказывает что-нибудь о родителях или сестрах, Айлин искренне улыбается, но потом неизменно грустит. Очень вежливо и едва заметно – и все-таки улыбка ее тускнеет, а в глазах появляется такое странное выражение... Аластор отдал бы почти что угодно, лишь бы навсегда прогнать эту ее тоску! И ведь не спросишь, в чем дело. Он пробовал, но наткнулся на вежливую холодную отповедь и всерьез испугался, что Айлин больше не придет. Он ведь даже не знает, как ее найти в Академии и можно ли это сделать!

– Чем сегодня займемся? – бодро спросил Аластор, скрывая замешательство. – Снова будем что-то искать?

– Нет... – Айлин помотала головой и вздохнула, а потом принялась сосредоточенно разглядывать носки своих теплых ботиночек. – Я спрашивала мэтра Кирана, но он больше не знает кладов. Призраки... они ведь не всезнающи. А мэтр Лоу никогда не покидает свой склеп. Он как-то сказал, что его незаконченное дело – Академия. Мэтр очень хотел быть преподавателем. Но его почему-то не взяли...

– Жаль, – искренне сказал Аластор обо всем сразу: и о печальной судьбе уже хорошо знакомого ему по рассказам Айлин веселого призрака, и о том, что сегодня приключения не будет. И тут же спохватился: – Но ты ведь не уйдешь? Мы можем заняться чем-нибудь другим!

– Правда? – просияла Айлин и доверчиво посмотрела на него. – А чем?

– Ну... погулять, например. Если ты не против!

Он подал ей руку, и Айлин, кончиками пальцев оперевшись о его ладонь, в точности как положено леди самых изысканных манер, поднялась со скамьи. К стене Академии в этом месте примыкал маленький парк. Даже не парк, а просто несколько аллей, с одной стороны выходящих к реке, а с другой – заканчивающихся стоянкой извозчиков, по ночному времени совершенно пустой. Именно сюда выходил потайной ход, когда-то проделанный все тем же мэтром Кираном. Похоже, во времена своей юности бывший некромант был изрядным нарушителем правил.

– Я совершенно не против, – заверила его Айлин и солнечно улыбнулась, так что даже в свете одного-единственного фонаря стали видны ямочки на ее щеках.

Отличные ямочки, кстати, насколько Аластор разбирался в женской моде. Мэнди и Лоррейн позавидовали бы! Пухлые щеки сестрицы все-таки заполучили, истребив несметное количество булочек, а вот ямочки им никак не давались.

С сожалением отпустив руку Айлин, такую теплую в тонкой лайковой перчатке, Аластор отвязал поводья Искры от фонарного столба – редко где еще в столице можно увидеть такую роскошь, кроме как королевского дворца и Академии – и подвел кобылу к скамье. Вскочил в седло, самую малость красуясь хорошей посадкой – все Вальдероны истовые лошадики! – и протянул Айлин руку. Легко, как бабочка, Айлин оперлась носком сапога на стремя и вспорхнула в седло впереди Аластора. Села удобнее, так же доверчиво опираясь на его грудь спиной, и Аластор едва удержался от искушения зарыться лицом в медно-рыжие кудряшки. Вместо этого он поправил сползший с головы Айлин капюшон и тихонько вздохнул. Ну да, будет она еще рассказывать, что не леди. Только очень уверенная в себе аристократка может столь легко нарушать этикет. Или у магесс он другой? Но не настолько же!

– А куда мы поедем? – спросила Айлин, и Аластор вдруг понял, что как раз этого он и не знает.

В самом деле, ну куда можно отвезти благородную девицу в такое время? Часы на главной городской башне уже давно пробили полночь! Все кондитерские давно закрыты, а если в каком-то трактире до сих пор не погасили огни, то уж туда точно соваться не стоит. Парк возле королевского дворца? Там темно и скучно... Рыночная площадь пуста... Проклятье, но не может ведь он просто покатасть ее по ночным улицам, где, того и гляди, наткнешься на городскую стражу, а потом просто вернуть в Академию?!

Что же делать? Благие Семеро, подскажите...

— А где ты была в столице? — спросил он, пытаясь выиграть время и придумать ну хоть что-нибудь.

— Почти нигде, — с сожалением отозвалась Айлин. — Я ведь еще не могла выезжать...

Только у родственников... иногда. И однажды Саймон пригласил меня домой.

Снова этот Саймон! И можно не сомневаться, если спросить, окажется, что Дарра тоже был там. Эти достойные юноши хоть когда-нибудь разлучаются?! И зачем, спрашивается, им Айлин? Довольствовались бы обществом друг друга! Делали драконов, катались на них сами...

Аластор закусил губу, почти смирившись с позорным поражением в турнире, который сам же себе и придумал, но тут его осенило! Ну конечно! Самое красивое место Дорвенны великолепно всегда, независимо от времени суток! И если Айлин не видела королевский дворец, то она, считай, и не видела столицу!..

* * *

— Какое... чудо... — тихонько вздохнула Айлин, вцепившись руками в луку седла и восторженно озираясь по сторонам.

— Возле королевского дворца никогда не гаснут огни, — сказал Аластор с такой гордостью, словно это было его рук дело. — Жаль, что сегодня нет никакого торжества. Когда их величества давали бал в честь мэтра-командора Бастельеро, и площадь, и дворец были усыпаны магическими светильниками. Как летнее небо — звездами!

— Вот бы посмотреть... — с капелькой зависти вздохнула Айлин. — А ты был на этом балу?

— Меня представляли их величествам как наследника рода, — отозвался Аластор.

Спрыгнув с лошади, он повел ее в поводу через площадь, не приближаясь к воротам, где дежурит бдительная стража, но так, чтобы Айлин могла разглядеть фасад королевского дворца за ажурной решеткой ограды. От ворот к дворцу вела прямая дорожка, по обе стороны которой раскинулись газоны и клумбы, а дальше, как рассказывал отец, весь дворец окружен садом, в котором гуляют придворные дамы и кавалеры, сами по себе или сопровождая членов королевской семьи.

— И ты видел королеву? Она и вправду такая красавица?

— Ее величество — чудо красоты! — горячо выпалил Аластор. — Сколько бы о ней ни говорили, словами этого не передать. Я видел, как она танцевала с лордом Бастельеро!

Такая величественная пара!

— Ну, лорда Бастельеро я вижу почти каждый день, — хихикнула Айлин. — А вот королеву и его величество — только на портретах. Если бы...

И она тут же помрачнела, словно вспомнив что-то очень неприятное.

— Давай проедем вдоль ограды до конца парка? — предложил Аластор. — В нем сейчас никого нет, но если повезет, увидим, как светятся знаменитые зачарованные фонтаны.

Эх, ну почему на дворцовой площади в такое время нет никаких торговцев цветами, горячим вином и сладостями, от которых в другое время не протолкнуться? Он бы купил Айлин всего, что положено дарить девушкам! Дуралей, ну почему раньше об этом не подумал? Зато она носит его подарок, заказанный в память об их первой встрече.

Шелковый шарф модного фиалкового цвета, расшитый крошечными белыми цветочками. И на концах — две пышные кисточки, словно распускающиеся из крупных жемчужин — тех самых, что он взял как свою долю клада. Обязательно нужно подарить ей что-нибудь еще, а пока...

— Давай, — согласилась Айлин, и снова закрутила головой, разглядывая башни ратуши на другом конце площади, дворцовые флигели, вдоль которых они шли, и деревья, что становились все гуще.

Потом ажурная кованая решетка сменилась высокой каменной стеной, и Аластору стало стыдно. Фонтаны, статуи и прочие чудеса дворцового парка остались по ту сторону —

похвастался, называется. Айлин, конечно, ни слова не сказала, но выглядеть хвастуном в ее глазах было невыносимо! А стена длилась и длилась... Вот уже и площадь закончилась, дальше какой-то переулок... Аластор закусил губу, глядя на каменную ограду, здесь уже совсем не такую высокую и роскошную, как на площади. Вон – в одном месте кладка изрядно выщербилась, а сверху и вовсе обвалилась...

– Айлин, а хочешь побывать в дворцовом парке? – выпалил он.

Сердце замерло от сладкого ужаса, и несколько мгновений он очень хотел, чтобы она не согласилась! Если их поймают...

– В парке? – выдохнула Айлин так, словно он предложил ей сесть на трон Дорвенанта и примерить корону – самое меньшее! – А... как? Нас ведь не пустят?

– А мы ненадолго! – с той же отчаянной безнадежной храбростью заявил Аластор. – Посмотрим – и обратно!

Хоть бы там не было стражи. «Пожалуйста, Пресветлый, – взмолился Аластор, – я ведь не так часто прошу тебя о чем-то, верно? Ты же ценишь храбрость, ну так помоги мне совсем чуть-чуть! Пусть там не будет стражи, а с остальным я справлюсь и сам! Она так смотрит...»

Айлин и вправду глядела на него горящими восторгом глазами, и под этим взглядом Аластор, не раздумывая, сунулся бы в пасть дракону, не то что во дворцовый сад!

– А Пушок? – спросила она, мгновенно уловив план Аластора. – Он нас не выдаст?

– Пусть остается здесь и покараулит Искру. Можешь ему приказать?

– Попробую, – с некоторым сомнением сказала Айлин и, спрыгнув с седла, присела перед огромным волкодавом, который до сих пор удивлял Аластора совершенно не собачьей понятливостью.

Аластор тем временем привязал повод Искры к выросшему в щели мостовой крепкому на вид кустику и достал из седельного мешка заветную веревку, которую припас после первого свидания с упырями. Вот и пригодилась! Лесенка, конечно, была бы надежнее. Ну ничего, в следующий раз он и это учтет.

– Вроде бы он меня понял, – с той же неуверенностью сказала Айлин, поднимаясь и отряхивая подол накидки. – Веревка? Аластор, ты... такой предусмотрительный!

От ее восхищенного взгляда стало так тепло, что Аластор едва не сбросил плащ, но вовремя опомнился. Нет, холодно будет. А если Айлин захочет посидеть на скамье, плащ тем более пригодится – можно подстелить.

Приметив на стене удобный выступ, он связал на конце веревки петлю. Раз, другой... Ну неужели из-за такой мелочи ничего не выйдет?

– Попробуй еще разок! – сказала вдруг Айлин и стала рядом, сосредоточенно глядя на стену.

Аластор взмахнул веревкой и – вот это да! – петля послушно оказалась в нужном месте и точно легла на выступающий камень. Айлин радостно пискнула и подпрыгнула.

Через стену они перебирались быстро и сосредоточенно. Первым, разумеется, Аластор, сверху присмотревшийся к тихому, слегка заснеженному и далеко видимому насквозь парку. Луна как раз вышла из легкого облачка, и черные ветви деревьев сплетались в небе ажурным узором немыслимой красоты. Вдали виднелось нежное золотистое сияние – те самые фонтаны, наверное.

Аластор обернулся к Айлин, вцепился в веревку, подтягивая повисшую на ней девочку, и втащил ее на стену. Перекинул веревку и снова спустился первым.

– Мы ведь ненадолго? – с непривычной робостью спросила Айлин, оказавшись по нужную сторону стены. – Ал, я не хочу, чтобы у тебя были неприятности...

Ну да, если их поймают, попадет именно Аластору – он мужчина, к тому же старший. Ну и хорошо! Дворянин должен отвечать за свои поступки, не сваливать же вину на девицу!

– Мы только посмотрим на фонтаны! – решительно сказал он, подавая Айлин руку. – Они должны быть где-то в той стороне!

И ни одного цветочка – зима еще... А как было бы красиво, найди он в этом черно-белом безмолвии хоть одну чудом сохранившуюся розу! Маг, наверное, смог бы вырастить ее прямо на кусте. Или нет?

Они прошли по аллее до самого источника золотистого света, в самом деле оказавшегося фонтаном. Огромная чаша, наполненная водой, сияла изнутри, и стоящая на пьедестале

посередине статуя – тоже. Совсем юная девушка, одетая лишь в длинное одеяние без рукавов и со множеством складок, наклонилась к воде с кувшином, но смотрела не вниз, а на Аластора с Айлин. Собранные в высокий узел волосы, лукавая улыбка на тонком беломраморном лице, обнаженные руки... Девушка была прекрасна и чем-то похожа на матушку! Наверное, взглядом и улыбкой. Такой же милой и искренней!

– Смотри, она как будто сейчас заговорит! – с восторгом выдохнула Айлин, тоже глядя на статую. – И вода светится!

Она наклонилась, стянула перчатку и зачерпнула из чаши фонтана пригоршню прозрачной воды, в ладони оказавшейся самой обычной. Дала ей пролиться сквозь пальцы, и вода, падая обратно в фонтан, снова вспыхнула и заискрилась, будто расплавленное золото. Аластор его никогда не видел, но представлял примерно так. В сиянии фонтана Айлин сама выглядела изящнейшей золотой статуэткой, спрятанной в теплую накидку. Капюшон с ее головы опять сполз, и медно-рыжие волосы казались окруженными ореолом, а лицо будто просияло изнутри...

– Это аллегория Вдохновения работы Алессандро Бертиниоли, – раздался вдруг позади холодный вежливый голос. – Очень известная скульптура. Понимаю и разделяю ваше восхищение, но все-таки хотелось бы узнать, кто вы такие и что здесь делаете.

* * *

Незнакомец еще говорил, а Айлин увидела, как разом подобрался Аластор. Шагнул вперед, будто прикрывая ее, развернул плечи и вскинул голову, оказавшись выше и взрослее, чем ей всегда казалось. А потом отвесил церемонный малый поклон, придерживая рукой шпагу у бедра, и таким же ровным бесстрастным голосом сообщил:

– Прошу прощения, милорд. Я понимаю, что мы здесь незваные гости, но заверяю своей честью, что не имел в мыслях ничего недостойного.

Айлин, тоже рывком обернувшись от фонтана, испуганно вцепилась в снятую перчатку, глядя, как эти двое замерли друг напротив друга. Незнакомец был вряд ли старше Аластора, так же светловолос и плечист, но немного ниже и одет так легко, словно вышел из дома недалеко и ненадолго. Одинаково правильные приятные черты лица, упрямые подбородки и взгляды, скрестившиеся, словно шпаги. Только что не лязгнули.

– Простите, это я виновата! – с неприличной поспешностью выпалила Айлин, тоже шагая вперед. – Я... очень хотела посмотреть знаменитые дворцовые фонтаны. А... мой спутник был столь любезен, что не смог мне отказать.

Улыбнувшись самой благовоспитанной улыбкой – даже ма... леди Гвенивер наверняка осталась бы довольна! – она присела в медленном старательном реверансе и грациозно выпрямилась, не забывая держать спину прямой, а складки накидки – прилично расправленными.

Незнакомец растерянно моргнул, отвел взгляд от Аластора и с удивлением глянул на Айлин. Потом снова глянул на Аластора – и тот едва заметно пожал плечами. Айлин много раз видела этот снисходительный жест и взгляд у мужчин, когда те говорят о женских просьбах.

– О, конечно... – понимающе протянул юноша. – Если таково было желание леди...

Он поклонился, тоже тронув пояс в том месте, где на бедре должна была висеть шпага, но не нашел ее и слегка нахмурился. Да, явно выскочил второпях!

– Мы не хотели никому доставлять неудобства, – поспешно сказал Аластор. – И если позволите вас покинуть...

Айлин перевела дух с некоторым облегчением. Может быть, все еще обойдется? Любой дворянин поймет другого дворянина, выполняющего прихоть дамы, пусть она и выглядит взбалмошной маленькой дурочкой. Ничего! Лишь бы этот юноша не позвал стражу! Сам он явно имеет право здесь находиться, иначе не держался бы с такой уверенностью. Сын кого-то из придворных, живущих во дворце?

– Зачем же так сразу? – пожал плечами незнакомец. – Если юная леди просто хотела увидеть фонтаны... Простите, я не представился. Лорд Криспин, к вашим услугам.

Его взгляд блеснул, и Айлин снова подумала, до чего они с Алом похожи. У обоих улыбка будто появляется в светлых ясных глазах на миг раньше, чем на губах.

– Лорд Аластор Вальдерон, к вашим услугам, – снова ответил поклоном Аластор. – Моя спутница – леди Айлин.

Если новый знакомец и удивился, почему Айлин представили просто по имени, то ничего благовоспитанно не сказал. А ведь он и сам представился странно. Криспин – это личное имя или родовое?

Что-то вертелось у Айлин в памяти, точно связанное с именами, но она решила вспомнить это потом, если сразу не получается. Кем бы ни был этот юный лорд Криспин, он не позвал стражу, храни его Семеро! А значит, еще может быть, что они с Аластором выпутаются из истории. Ух, как жаль, что нельзя назвать себя! К леди Ревенгар, сколько бы ей ни было лет, любой отнесся бы с должным почтением! Но... нельзя. Она сама так решила! И не будет прятаться за родовым именем при первом же случае, когда оно может послужить щитом.

– Рад знакомству, – отозвался юноша. – Позвольте узнать, милорд, вы не видели тут мальчика? Возрастом примерно как эта юная леди и светловолосый, как я. Не думаю, правда, что мальчиков здесь может быть много, – с досадой добавил он. – Перепутать сложно.

– Нет, – покачал головой Аластор. – Мы никого не видели. Но мы здесь недавно и не гуляли по саду, просто... прошли от стены к фонтану.

– От стены? – блеснул острым интересом взгляд Криспина. – А... Ну ладно, неважно. Жаль... Это мой младший брат. Он частенько сбегает перед сном в парк, и если я его не найду, матушка будет недовольна.

– Понимаю, – сочувственно и очень взросло сказал Аластор. – Мои младшие сестры тоже любили сбежать и спрятаться где-нибудь, пока не подросли. Может, у него есть любимые места? Беседка или какой-нибудь грот?

– Да если бы, – безнадежно махнул рукой Криспин. – Он может быть где угодно! А искать его со слугами мне бы не хотелось. Это все-таки дворец...

Ну да, если поднимется шум, обоих братьев наверняка накажут. Айлин точно наказали бы, если б она спряталась где-нибудь и не явилась в спальню в положенное время. А этот Криспин наверняка хороший брат, если хочет прикрыть шалости своего младшего. Но как так можно?! Она бы ни за что не стала доставлять хлопоты брату, который бы так о ней беспокоился! Ведь слушается же она Дарру! Саймона слушаться не обязательно, он и сам в любой момент может учинить такое, что Дарра только за голову хватается.

Глядя на обеспокоенного Криспина, она почувствовала себя совсем взрослой и преисполненной ответственности. И как же обидно, что эти двое разговаривают между собой, не обращая на нее никакого внимания. Ладно – почти незнакомый Криспин... но Аластор! А она... она, между прочим, могла бы помочь!

– Если для вас это так важно, милорд, – вставила Айлин, поймав паузу в разговоре, – я могла бы найти вашего брата. Ну, то есть не совсем я...

– Миледи?

От снисходительно-удивленного взгляда Криспина, в котором, как в зеркале, Айлин увидела вздорную маленькую девчонку, у нее даже уши загорелись. А вот не надо недооценивать магесс!

– Айлин действительно многое может, – спохватился Аластор. – Если вы позволите.

– Ох, да я что угодно позволю, – вздохнул Криспин и наконец соизволил заметить ее перстень на руке без перчатки. – О, так вы...

– Адептка Академии, – сухо и с должным достоинством сказала Айлин. – И буду весьма признательна, если мое присутствие здесь останется секретом, милорд Криспин.

Ну почему его имя звучит так знакомо? Ладно, потом...

Она повернулась к стене, едва видимой в просвет между деревьями, сосредоточилась и беззвучно, одними губами, позвала:

– Пушок?

Айлин так и не поняла до сих пор, как волкодав ухитряется слышать ее издалека. Явно ведь не ушами, а как-то иначе. Но стоило ей пожелать... Правда, ему наверняка придется бежать через ворота, а там... Ой, там ведь стража! Его не пустят и попытаются прогнать! Что же она наделала? Снова сосредоточившись, Айлин попыталась отозвать Пушка, объяснить ему, что не надо...

И тут увидела белое пятно, стремительно приближающееся от стены, где они перелезали. Пушок летел по саду беззвучно, как привидение, едва касаясь земли огромными лапами, и

Криспин охнул, а потом невольно попятился, Айлин же преисполнилась законной гордости и позволила себе один-единственный победный взгляд на нового знакомого.

– Пушок! – велела она, когда огромный волкодав, ничуть не запыхавшись – ну да, он же не дышит по-настоящему – сел у ее ног, показав из пасти лоскут языка и с интересом глядя на Криспина. – Искать! Искать мальчика! У вас есть какая-нибудь вещь брата, милорд? – обратилась она к Криспину.

– Н-нет... – ответил тот, глядя на Пушка широко открытыми глазами. – Это ведь волкодав? А почему белый?

– Потому что он мертвое, – невозмутимо сказала Айлин. – Это я его создала! Ну ладно, попробуем так...

Она присела перед Пушком на корточки, положила ему на морду ладонь и попыталась объяснить без слов. «Мальчик». «Вроде меня». «Похожий вот на этого...» Она оглянулась на Криспина, и Пушок тоже серьезно посмотрел на Криспина и Аластора, будто сравнивая, потом поднял морду... «Он ведь не может нюхать, – снова удивилась Айлин. – Как и слышать... Но как-то ухитряется... Наверное, все дело в том, что он не знает о своей смерти. Вот и ведет себя как живая собака».

Пушок, немного «понюхав» воздух, встал и деловито потрусил куда-то вглубь сада.

– Ваш пес что-то нашел? – недоверчиво спросил Криспин, проводив его взглядом.

– Это собака Айлин, – невозмутимо пожал плечами Аластор. – И я не помню случая, чтобы он что-то не нашел, если Айлин ему приказала. Идемте, милорд?

* * *

Юноша, представившийся Криспином, шагал рядом, и Аластор голову сломал, где же он его видел. Их точно не представляли друг другу, и ни в одном доме из тех, где Аластор бывал один или с семьей, они не встречались. Но что-то удивительно знакомое было в голосе и повадках Криспина, в том, как он откидывал рукой волосы со лба, досадливо дергал уголком рта и смотрел хмуро, но не раздраженно...

Странный парень, хотя вроде бы неплохой. Во всяком случае, он не позвал стражу, за что Аластор был искренне благодарен. А что смотрит на Айлин с вежливой снисходительностью, так это даже хорошо, меньше будет думать, что магесса, явно не достигшая возраста самостоятельности, делает ночью в компании молодого человека. Наверное, решил, что Айлин – сестра Аластора или кузина?

Пушок бежал вперед уверенно, словно точно знал, чего от него хотят и где это найти.

Айлин едва поспевала за его быстрой рысью и размашистыми шагами Аластора и Криспина. К счастью, идти оказалось совсем недалеко. Крошечная рощица плакучих ив – всего пять-шесть деревьев – полукольцом окружила небольшой пруд, и Пушок, подбежав к одной из них, встал на задние лапы и по обыкновению не залаял, а зашипел.

– Уйди! Уйди, плохая собака! – раздалось из ветвей, и в ярком лунном свете стало видно, что на ветке почти у самой верхушки сидит, прижавшись к стволу, мальчишка.

Пушок сел под ивой, всем самодовольным видом показывая, что никак не согласен с таким определением и собака он хорошая. Даже замечательная! А если кто-то думает иначе, то он, наверное, обед. Или ужин...

– Хороший мальчик! – подтвердила Айлин, тиская пса, а Криспин подошел к стволу и мрачно поинтересовался:

– Ты что, ночевать там собрался? А ну слезай!

– Не слезу! – с вызовом заявил мальчишка и покачался на ветке. – А если сам полезешь – заберусь выше и упаду!

– Тин, слушай... – начал было Криспин, но почему-то осекся, глянул на Аластора, потом на Айлин – и безнадежно предложил: – Слезай, а? Я завтра попрошу разрешения взять тебя на охоту.

«Так вот из-за чего это все? – хмыкнул Аластор. – Наверное, отец Криспина собрался на серьезного зверя, иначе почему не взять двенадцатилетнего парня? На кабана или медведя ему, конечно, рано, меня самого на них взяли только в прошлом году...»

– Не разрешат, – угрюмо и очень уверенно сказал мальчишка. – А я не девчонка, чтобы дома сидеть! Никуда не пойду, ясно? Здесь останусь! А ты иди-иди, папенькин любимчик!

– Тин... – сдавленным от злости голосом начал старший брат, и тут Аластор решил, что пора вмешаться.

Что он, собственных сестер не помнит с их вредностью? Хотя они всего на год младше, зато капризничать умели – куда там этому любителю охоты.

– Оставьте вашего брата в покое, милорд, – сказал он самым любезным и серьезным тоном, на какой был способен. – Хочется ему сидеть на дереве – да ради Семерых!

Криспин кинул на него возмущенный взгляд, но тут Айлин поддержала, медовым голосом, изрядно напоенным ехидством, добавив:

– В самом деле, может, у него отрастут крылья, и он станет настоящим украшением парка!

– Ага, вроде статуи Вдохновения! – хмыкнул Криспин, прищурившись и подмигнув Аластору. – Мысль прекрасная, миледи, но боюсь, фонтаны в парке уже заняты и новую статую пристроить некуда.

С дерева донеслось злобное фыркание.

– Айлин, а может, его просто сбить? – громко спросил Аластор, подмигивая теперь уже подруге.

– Яблоко не дам! – поспешно отозвалась та. – Да и не получится яблоком – высоко слишком.

– Зачем яблоком? – так же громко удивился Аластор. – Молотом Пресветлого! Ты ведь можешь? А мы с милордом Криспином его внизу поймем...

– Ал, ты с ума сошел? – прошипела по-змеиному Айлин, возмущенно на него уставившись. – По живому человеку – Молотом? Да ты... ты...

– Он же этого не знает, – так же тихо сказал Аластор, искренне недоумевая, почему веселая насмешница Айлин вдруг так вспыхнула.

Что он такого особенного сказал?!

Айлин насупилась, потом вздохнула...

– А знаете, отличная мысль! – поддержал вдруг Кристиан и тоже ей подмигнул. – Как мне с ним надоело возиться, вы не представляете! Сбивайте, миледи, я позволяю!

– Ну, как скажете... – отозвалась Айлин и подняла руки к небу.

Вокруг ее пальцев и запястий вспыхнуло зловещее фиолетово-зеленое сияние, и даже Аластору, который уже видел в ее исполнении настоящий Молот Пресветлого, а не эту фальшивку, стало вдруг не по себе.

– Эй, не надо! – раздалось с ивы. – Я слезу! Крис, а ты уши драть не будешь? Обещаешь?

– Обещаю, – серьезно сказал Криспин, пряча ухмылку. – Но если завтра меня самого из-за тебя дома оставят, получишь по шее.

– Ладно... – мрачно раздалось с ивы, и ветки явственно захрустели, так что Аластор даже забеспокоился.

Добравшись до нижней ветки, мальчишка ловко спрыгнул с нее, явно красуясь. Хмуро и с вызовом глянул на брата и Аластора, с некоторым интересом – на Айлин.

– Миледи, моя искренняя благодарность, – поклонился Криспин. – А теперь, если позволите, я отведу его домой.

– Да, конечно, нам тоже пора, – спохватилась Айлин. – Правда ведь, Аластор?

– С вашего позволения, милорды, – тоже поклонился Аластор Криспину и угрюмо глядящему на него Тину.

Интересно, что у него за полное имя? Тимоти? Тиндалл? Тинлейв?

– Если не возражаете, я вас провожу, – сказал Криспин с таким простым достоинством, что Аластор не нашел слов, чтобы отказаться, но новый знакомый сам понял его затруднение: – Не беспокойтесь, я помню, что вы попали сюда не совсем обычным путем, но выйти вам лучше через ворота. Не знаю, известно ли вам, но после полуночи дворцовую стену с обеих сторон постоянно обходят стражники. Мне бы не хотелось, чтобы у вас... возникли сложности. А со мной караул на воротах выпустит вас беспрепятственно.

– Благодарю, – выдохнул Аластор, чувствуя себя немыслимым болваном.

Ну в самом деле, как можно было решить, что дворцовый парк не охраняется? Не иначе, у него всякое разумение отшибло.

Они прошли назад той же аллеей, причем Тин все время пытался то потрепать Пушка за холку, то потеряться в каких-то кустах, чтобы потом выскочить из них и пробежать вокруг вприпрыжку, то подобрать ветку и швырнуть ее Пушку... Аластор всерьез посочувствовал новому знакомому – у него самого от проделок Тина уже в глазах мельтешило. Словно тому не двенадцать лет, а пять-шесть! Айлин вряд ли намного старше, но насколько

рассудительнее! Возле дворца Тин свернул куда-то к боковому входу, бросив брату: «Сам дойду, раз обещал», – а Криспин, проводив его взглядом, только вздохнул.

У самых ворот их действительно встретил караул, и Аластор насторожился, пытаясь представить, что будет, если Криспин переоценил свое влияние на дворцовую стражу.

Однако новый знакомый небрежно кивнул капитану, сообщив: «Мои гости слегка задержались. Будьте любезны, откройте ворота», – и высоченный стражник поспешно кинулся распахивать тяжелую створку, закрытую на ночь.

– Не знаю, как вас и благодарить, милорд, – искренне сказал Аластор. – Поверьте, я очень ценю ваше доверие и услугу, которую вы нам оказали. Обычно... я не настолько легкомыслен.

– А, пустое, – улыбнулся Криспин и протянул руку, прямо и так же искренне глянув ему в лицо. – Это оказалось очень весело. Я был бы рад снова увидеть вас и вашу милую спутницу. Вы ведь представлены ко двору?

– Да, конечно, – отозвался Аластор, мучительно пытаясь вспомнить, ну где же они все-таки встречались. – Правда, мы нечасто бываем во дворце, только по особым случаям...

– Что ж, если решите заглянуть, прикажите, чтобы меня известили, я буду рад вас принять. Миледи, мое почтение! Ваше искусство превышает всех похвал.

Айлин молча присела в глубоком реверансе. Слишком глубоком. И, выпрямившись, посмотрела на Криспина как-то странно, а тот ответил ей извиняющейся улыбкой.

– Ваше высочество...

Капитан стражи, подойдя, отдал Криспину честь, и только тогда Аластора осенило.

Никаких оправданий для подобного невежества быть просто не могло! И не было... Ну как он не вспомнил имя наследника?! И второго принца, ведь Тин – это, конечно, же, Кристиан... И неважно, что Аластор никак не ожидал встретить наследного принца ночью в парке, без свиты и регалий! Болван!

– Я прошу прощения, ваше высочество... – начал он, но Криспин прервал его, подняв руку:

– Нет-нет, без церемоний, прошу. Хотя бы не сегодня. И... мое приглашение в силе. Лорд Вальдерон, леди Айлин...

Айлин снова сделала реверанс, Аластор поклонился, а когда выпрямился, Криспин, кивнув, быстро пошел вглубь парка.

– С ума сойти, – сказала Айлин, когда Аластор отвязывал кобылу, дождавшуюся их у выхода с площади. – Даже если бы я рассказала это в Академии, кто мне поверит? Как думаешь, Ал, он всерьез нас пригласил в гости?

– Не знаю, – помолчав, ответил Аластор. – Его высочество – очень достойный юноша.

– Ага, – хихикнула Айлин. – Старший – достойный юноша, а младший – редкая птичка. Жаль. Мне кажется, вы могли бы подружиться.

«Да, пожалуй, – подумал Аластор. – Но если это была простая вежливость, – продолжил он про себя, – будет чрезвычайно глупо и некрасиво напоминать ему об этом знакомстве. Нет, если я когда-нибудь стану служить при дворе... в гвардии, например... и принц снова одарит меня вниманием, тогда это не будет случайностью. А пока не стоит навязываться. Вальдероны не ищут королевских милостей, они служат королевской семье ради чести, а не ради выгоды».

Глава 6. Призраки любят яблоки

– Это издевательство какое-то, – проворчал Аластор, вогнал лопату в землю и сердито вытер пот со лба.

Помогло не слишком: ночь выдалась такой теплой, насколько это вообще возможно в начале весны. Земля давно оттаяла, того и гляди – из нее вскоре полезет первая трава, и даже деревья шумели как-то иначе, веселее. Да, зря он по привычке надел все тот же теплый зимний плащ, надо было подобрать что-то полегче, но теперь поздно жалеть. И вообще, лучше пусть будет жарко, чем холодно...

То есть в самом начале ночи, притаившись в тени стены Академии, Аластор именно так и думал, пока не увидел Айлин, выбиравшуюся из своего тайного выхода с лопатой. И еще немного потом, пока они не добрались до главного столичного кладбища.

Аластору ужасно хотелось спросить, что они собираются выкопать? Ведь клады, насколько он успел узнать за месяц их странной тайной дружбы, не зарывают в землю. В земле клад может испортиться, зимой его не выкопать, а весной и осенью землю может размыть – и твой тайник найдет, чего доброго, кто-то чужой. Да и вообще, глупость это – копать, если можно устроить тайник в склепе! И вдруг – лопата!

Но у Айлин было столь задумчивое и вдохновенное лицо, что Аластор решил немного потерпеть. Все равно ведь она ему все расскажет! Сама ни за что не утерпит!

У самого кладбища, стоило только привязать Искру к коновязи, как Айлин обхватила его руку и потянула за собой, тихо скомандовав Пушку проверить кладбище, а потом найти ее. Пес вильнул хвостом и исчез в темноте, а Аластор вздохнул: как, должно быть, здорово иметь такую собаку! Пушок все-все понимает, и от самой Академии он бежал рядом с Искрой без малейших усилий, а ведь Искра – очень резвая кобыла! И никакие упыри с ним рядом не страшны. Вот бы поохотиться с ним в поместье на обычную дичь! На кабана или на медведя...

Интересно, почему молчит Айлин? Обычно она охотно рассказывала всякие забавные случаи из жизни в Академии. Аластору иногда казалось, что он лично знает и соседку Айлин по комнате, девицу Иоланду, любительницу канареек, и самого лучшего во всем Дорвенанте... нет, во всем мире! – преподавателя истории, магистра Роверстана, и, конечно, мэтра Бастельеро! О нем Айлин говорила с особенным восторгом, и Аластор его полностью разделял: как можно не восхищаться лордом Бастельеро! Он же настоящий герой, самый блестящий дворянин столицы, первая шпага Дорвенны и, как говорят, лучший друг короля!

– Здесь! – прервала Айлин его мысли, останавливаясь прямо перед одним из склепов.

В ярком свете луны герб на фронте был отчетливо виден: крылатый змей, хвост свернут кольцом... Чей же это герб? Ах да, конечно, семья Мэрли!

Айлин звонко щелкнула пальцами, и Аластор поспешно прикрыл глаза ладонью: как он уже знал, магический фонарик после такой темноты кажется поначалу ярким, словно солнце! К тому же у Айлин они выходили раз от раза все больше... Неужели Аластор знаком с ней всего месяц? Ну, может, чуть дольше.

Пожалуй, он мог бы пересчитать и вспомнить каждую встречу, оставалось только сожалеть, что их так мало. Все ночи на выходных, и еще раз пять им с Айлин удалось встретиться среди недели, когда ее соседка отправлялась ночевать в комнату к подружкам, чтобы вволю поболтать и заняться всякими важными девичьими делами. Да, совсем немного, но Аластору казалось, что он знает ее всю жизнь! Как собственных сестер, если не ближе.

Чего стоило одно их знакомство с принцами! Аластору иногда жутко хотелось воспользоваться любезным приглашением его высочества Криспина, но останавливала мысль, что это и вправду была обычная учтивость, и принц либо посмеется над попытками предложить ему дружбу, либо отнесется к ним с недоумением. Интересно, Айлин вспоминает это их приключение?

Айлин тем временем достала из сумки толстую тетрадь, открыла на середине и принялась сосредоточенно всматриваться в написанное. Аластор заглянул ей через плечо, но страницы покрывали такие неразборчивые закорючки, что ему не удалось опознать ни одного слова. Интересно, как она здесь что-то разбирает?

– Ага-а-а... – протянула Айлин наконец, переведя взгляд с тетради на склеп, и вынула из ножен, висящих на поясе, нож – тонкий и короткий, с полированной костяной рукоятью. Настоящий ритуальный нож некромантов! Хоть и ученический.

Подобрав подол мантии, она процарапала на земле странно изломанную линию, обводящую порог склепа, и взглянула на Аластора.

– Надо обкопать порог по этой линии. Справишься?

– Конечно! – заверил ее Аластор. – А зачем? Раньше мы такого не делали!

– Иначе мы в склеп не войдем, а тайник внутри, – объяснила Айлин. – Понимаешь, последним здесь похоронили мастера-артефактора, а он поставил на место своего будущего упокоения защиту. Еще при жизни! Мэтр Киран подсказал, как ее снять. Правда, не всю, а

только первый слой, чтобы в склеп войти. И сказал, что дальше разберемся по ходу дела... значит, надо разбираться!

Аластор только вздохнул, берясь за лопату. Кажется, «разбираться по ходу дела» было любимой фразой призрачного мэтра. Интересно, не поэтому ли он так рано умер?

* * *

За час земляных работ Аластор не просто согрелся – взмок. И это несмотря на то, что теплый плащ, подбитый мехом, он сразу же отдал Айлин: не хватало, чтобы она замерзла, пока будет ждать! А еще изрядно устал: выяснилось, что час занятий фехтованием или верховой ездой ни в какое сравнение не идут с часом долбления оттаявшей, но плотно слежавшейся земли.

– Издевательство! – повторил он громче. – Айлин?

В ответ раздался сочный хруст. В воздухе запахло яблоком.

– Ну Айлин!

– А?

– Я копаю уже час, может, защита уже снялась? Или ее вообще нет?

Он с надеждой взглянул на Айлин, оседлавшую оградку, хрустящую яблоком и уткнувшуюся в свою тетрадь. И все-таки, что она там разбирает-то?

– Да Айлин же!

– А? – Она подняла голову, одарила и Аластора, и канавку одинаково отсутствующим взглядом и помахала надкушенным яблоком. – Рой-рой, не отвлекайся!

– Да сколько можно? Откуда твой наставник вообще взял, как снять эту защиту, хотел бы я знать?!

– Я тоже очень хотел бы это знать, – прозвучал за его спиной голос.

Призрак голоса.... Или голос призрака?

Спина мгновенно заledenела, в затылок словно северный ветер подул, и по шее побежали мурашки. Аластор медленно обернулся и столкнулся взглядом с высоким сухопарым стариком в длинной синей мантии. Старик разглядывал его – нет, их с Айлин! – с искренним интересом и выглядел бы совершенно обыкновенно... если бы не висел в воздухе. И если бы сквозь него нельзя было разглядеть выброшенную из ямы землю.

Проклятье, как вести себя с призраком? Ох, кажется, вся надежда на Айлин!

Айлин как раз торопливо вскочила с оградки, закрыла тетрадь, сунула ее в сумку, вытащив взамен еще одно яблоко. И поклонилась.

– Доброй ночи, милорд магистр Мэрли! Ваш старый друг просил меня передать вам поклон и спросить... – Она подняла яблоко почти к самому лицу, так что золотистый свет магического фонарика заиграл на глянцево-алой коже. – Спросить, не соскучились ли вы по яблокам из сада Великого магистра Логрейна?

На заклинание ее слова похожи не были, но на призрака они почему-то оказали совершенно чудесное действие! Его глаза странно блеснули. Если бы мэтр был жив, Ал поклялся бы, что в них сверкнула слеза. Но разве призраки могут плакать? А лицо смягчилось, и голос зазвучал куда теплее!

– Я искренне рад познакомиться с такой милой юной леди, к тому же знакомой с моим другом! Позвольте узнать ваши имена?

– Меня зовут Айлин. Не леди, просто Айлин. И позвольте представить вам моего друга.

Аластор, младший лорд Вальдерон, – улыбнулась она, и Аластор торопливо поклонился.

– Счастлив знакомству, милорд магистр, и к вашим услугам!

– Взаимно, молодые люди, – церемонно поклонился старик в ответ и взглянул на Айлин так пристально и изучающе, что у Аластора мурашки побежали по спине, и ему очень захотелось встать между подругой и призраком.

Так, на всякий случай!

– Достойное желание, – тихо согласился призрачный магистр. – Но не стоит опасаться, юноша, я не сделаю ничего плохого ни вам, ни юной леди... Полагаю, – прибавил он куда громче, – вы пришли за моим наследством?

– Если вы позволите его взять, милорд магистр! – с торопливым смущением откликнулась Айлин и покраснела.

Аластор молча кивнул. Конечно, если у клада есть хозяин, то бесчестно забрать его без разрешения!

– Что ж... – протянул старик после долгого молчания. – За годы смерти я, должен признаться, сильно поумнел. Я отдам вам мои сокровища, но с одним условием.

– Каким? – подозрительно уточнил Аластор, и призрак тихо хмыкнул.

– Видите ли, юноша, при жизни я был изрядным самодовольным ослом. Не вдаваясь в подробности, скажу, что мои лучшие работы я завещал похоронить вместе со мной. Мои бестолковые родственнички еще додумались бы их продать! – воскликнул он негодуя. – А чтобы до моего тела не добрались кладбищенские воры, я установил, как и сказал юной леди мой единственный друг, несколько степеней защиты. Главная из них – сам гроб. Только умерев, я понял, что запер сам себя в этом склепе не только телом, но и душой! Я не могу уйти в Претемные Сады, пока кто-нибудь не вскроет гроб и не заберет мое наследство, а вскрыть его может только маг – и только с моей помощью! И покинуть склеп я тоже не мог, мешал внешний контур защиты, тот самый, который вы сломали, юноша... Так вот, условие простое: юная леди... – Призрак поклонился в сторону Айлин. – ... с моей помощью взломает защиту гроба и поможет мне попасть в склеп Академии. Я хочу встретиться с Кираном прежде, чем уйду к Претемной Госпоже. Вы согласны?

– Я... да, конечно, – пробормотала Айлин, а Аластор снова молча кивнул.

В голосе призрака была такая тоска, что перехватывало горло. Нельзя лишать человека последнего упокоения и вдобавок обрекать его на страшное одиночество и безнадежное ожидание. А если бы они с Айлин не пришли? Бедный старик так и остался бы навечно узником собственной могилы? Вот теперь Аластор понимал, как получают безумные неупокоенные духи и почему таким почтением пользуются некроманты, главные посредники между тем миром и этим.

– В таком случае следуйте за мной, – то ли попросил, то ли приказал магистр, повернулся к склепу и накрыл ладонью здоровенный навесной замок.

Призрачная ладонь прошла сквозь металл, и Аластор услышал тихий въедливый скрежет – замок открылся.

– Проходите, – выдохнул призрак едва слышно, словно разом обессилев, и просочился в склеп прямо сквозь доски.

Аластор, вытащив замок из скоб, открыл дверь, учтиво пропустил Айлин вперед и только потом вошел сам. С любопытством огляделся – внутри склепа рыжий магический фонарик горел еще ярче, чем на воздухе, – и ощутил легкое разочарование. Склеп как склеп, у их семьи вот точно такой же. Разве что нет сидящего на собственном надгробье призрака... хотя кто знает?

А вот Айлин не стала оглядываться, а сразу направилась к призраку.

– Я готова, милорд магистр!

– Похвальное рвение, адептка, – улыбнулся старик. – Мел у вас при себе? Свечи? Нож? Превосходно! При такой предусмотрительности вас ждет большое будущее!

И, понизив голос, принялся торопливо объяснять что-то про «сплетение потоков», «фоновую некротическую эманацию» и какие-то «интерсекции». Айлин слушала с напряженным вниманием, время от времени понимающе кивала, и Аластор снова пожалел, что он не маг. Сейчас бы тоже понимал каждое слово...

Айлин вытащила из кармана накидки мел и принялась чертить прямо на надгробии звезду-семилучевик, а потом вписывать в каждый луч по три символа от острия к центру звезды.

– Прекрасно, адептка! – одобрил магистр, как только звезда была вычерчена. – Очень, очень достойный для вашего возраста энергетический контур... Знаете что, скажите Адальреду, что я принял у вас годовой зачет по начертательной артефакторике! Что значит, «не поверит»? Открою вам страшную тайну, деточка, любой старый занудный маг был когда-то юным, глупым и безрассудно самонадеянным. Ну, почти любой, – улыбнулся он с таким насмешливым самодовольством, что сразу стало ясно, кого магистр имеет в виду среди исключений. – Если Адальред вам не поверит, передайте ему привет и напомните, как на десятом курсе он взорвал мою лабораторию, за которой приглядывал. – Айлин хихикнула, и Аластор тоже улыбнулся, а призрак, подмигнув, продолжил: – Теперь перейдем к главному, я воспользуюсь вашей силой, чтобы разрушить охранное заклятие. Расслабьтесь и не сопротивляйтесь, будет немного неприятно. Силу следует выдавать свободно, но с разумной бережливостью, запомнили?

– Да, милорд магистр, – решительно кивнула Айлин, побледнев так, что у Аластора сжалось сердце.

Ну почему, почему Семеро не одарили его искрой? Он бы тоже помог!

Руки магистра, обхватившие ее плечи, окутало зеленовато-синее свечение, такое же призрачное, как он сам, и потекло вниз – к ладоням Айлин, а от них – на вычерченную звезду. Когда семилучевик медленно, словно нехотя, засветился в ответ, магистр отрывисто и резко продекламировал несколько слов и опустил руки.

– Свободен, – шепнул он недоверчиво. – Юный лорд?..

– Да, магистр? – откликнулся Аластор, встревоженно глядя на Айлин, побледневшую так, что даже веснушки почти исчезли.

– Не волнуйтесь, юноша, с девицей все в порядке, – подбодрил его призрак. – Небольшая отдача от заклинания. Теперь ваша очередь помогать. Поверните, будьте добры, семисвечник в изголовье...

Уставший удивляться Аластор молча повернул светильник – и мраморная плита с высеченным именем со скрежетом отодвинулась, обнажив самую обычную крышку гроба.

– Благодарю, – кивнул призрак с достоинством. – Теперь откройте его и заберите все, что найдете. Кроме моих останков, разумеется! И покинем, наконец, это место! Я хочу увидеться с Кираном... К тому же мне очень интересно взглянуть на зверя, который так ожесточенно царапает дверь моего склепа!

* * *

– Объедем еще три квартала, и на сегодня достаточно. Через час на улицы потянется народ, и ни один баргопоклонник не принесет жертву незаметно, – бросил Лионель Саграсс, тот самый боевик, что был с мэтром Денвером в день убийства адепта Морстена.

И он же – командир патрульной группы, в которую Грегор, наступив на горло собственной гордости, попросил его включить, едва о создании патрулей зашел разговор.

«Если нам не удастся найти убийц, то постараемся, по крайней мере, предотвратить следующие жертвоприношения!» – проворчал магистр Эддерли, и Грегор был с ним согласен: едва ли убийцы попытаются провести очередной ритуал, если город каждую ночь будет прочесывать группа магов! Плохо лишь, что групп только три, и в каждой всего трое-четверо магов, сменяющихся каждую ночь.

Застав как-то мэтра Денвера в кабинете Эддерли, Грегор нарочито почтительно осведомился, не решили ли наконец почтенные маги попросить помощи у короля? Еще пять-семь групп стражников, возглавляемых магами, патрулировали бы Дорвенну куда успешнее! Эддерли только вздохнул, а Денвер ядовито поинтересовался, неужели «дорогой Грегор» так и не отучился лезть туда, где ничего не смыслит? Может быть, уже пора понять, что причины могут быть не только у приказов бывшего мэтра-главнокомандующего, даже если эти приказы кажутся абсурдными посторонним людям? Грегор, стиснув зубы, молча стерпел и «посторонних» и «абсурдные приказы», умертвие Денверу под одеяло и Барготову мать в невесты! И вот уже месяц каждую третью ночь ездил верхом по улицам Дорвенны, чутко вслушивался в мельчайшие отголоски некротических всплесков, терпел вежливую неприязнь Саграсса – тот, кажется, упрямо винил Грегора в гибели товарищей, – и не находил ровным счетом ничего. Ни следа запрещенной или просто хоть сколько-нибудь сильной магии! Так, обычный ровный фон, как всегда в столице...

Претемная, как же чудовищно, до гнусного тоскливого отупения, хочется спать!

Вынужденное второе дежурство подряд измотало Грегора не меньше, чем самый длинный бой на его памяти – при Фарнельском озере. И голова трещит, как с перепоя...

Грегор остановился, проигнорировав неодобрительный взгляд Саграсса, и отцепил от пояса фляжку с карвейном. Хоть согреться! Да и головная боль, глядишь, пройдет. Он подумал, не предложить ли выпить и спутникам, все-таки вместе несут службу, но вспомнил неизменную холодную любезность, с которой относился к нему весь патруль.

О, они были очень учтивы, даже почтительны! Настолько, что сразу становилось ясно: считают его чужаком, навязанным по приказу свыше. «Милорд Бастельеро», «ваша светлость», «милорд мэтр»... Хотя друг друга звали попросту по родовому имени без всяких титулов, как и положено равным. А трое вообще были простолюдинами, и Саграсс, дворянин весьма неплохого рода, хоть и с фраганскими корнями, ничем не выделял никого

из своих людей. Грегор бы, может, и одобрил такое братство по Ордену, если бы ему самому в этом крошечном обществе нашлось достойное место. А делать первым шаг, который наверняка будет отвергнут, – много им чести! Даже в такой мелочи, как пущенная по кругу фляжка с карвейном.

С первого же глотка по жилам пробежал жидкий огонь, и даже дремота отступила, а вот затылок и виски, против ожидания, сдавило еще сильнее, как будто...

Как будто... Проклятье, слепой болван! Заспался на ходу!

– Выплеск некроэнергии! Не меньше двенадцати вспышек!

Саграсс, обычно едущий рядом, но сейчас обогнавший Грегора на добрых пять шагов, обернулся к нему с такой устало-терпеливой гримасой, что Грегор едва не вскипел. Пр-р-р-редводитель, Баргота ему навстречу! Как можно настолько не доверять чутью Избранного Претемной!

– Милорд... – начал Саграсс обреченно, но, бросив на Грегора один-единственный взгляд, подобрался и выдохнул: – Где?!

– Восток! – бросил Грегор, отчаянно жалея, что не может определить точного места.

Трижды проклятье! Если бы мог, не задумываясь, построил бы портал! Уж этот случай однозначно проходил по разряду «дела жизни и смерти»!

Саграсс, видимо, подумал о том же самом, и резко бросил:

– Ведите!

«Еще бы: «Ищи!» – скомандовал», – мрачно подумал Грегор, разворачивая и прищипывая коня. Ритуал требует времени, и пусть жертву уже не спасти, но если поторопиться, прихватят убийц прямо на месте преступления!

Они не успели совсем немного! Нарастающая боль в висках довела Грегора почти до самого центрального кладбища Дорвенны – и перед самыми воротами вдруг улеглась, оставив лишь легкую дурноту. Грегор все-таки прикрыл глаза, пытаясь высмотреть хотя бы призрак следа – ведь энергии здесь выплеснулось отчаянно много, едва ли неизвестный маг полностью впитал ее или развеял! – и заскрипел зубами. Ничего. Ровным счетом – ничего! Как и прежде.

– Ушел! – выдохнул он с тоскливой злобой, и у Саграсса, к счастью, хватило ума промолчать.

Боевик молча спешил, похлопал коня по морде и только тогда взглянул на Грегора.

– Осмотримся, – буркнул он. – Может, остались хоть какие-нибудь следы...

«Разумеется, остались!» – с сарказмом подумал Грегор. – Труп со вспоротой брюшиной и восьмиконечная звезда вызова. Что ж, по крайней мере, на сей раз это точно не адепт! Выйти за стены Академии в такое время – невозможно, уж я-то знаю...»

Кладбище осматривали в молчании. Следовало отдать Саграссу и его людям должное, боевики прочесали каждую аллею, заглянули во все кусты и рытвины в той части, где еще не хоронили. Вспомнив, что где-то неподалеку склеп Ревенгаров, Грегор снова ощутил мимолетный укол вины, но тут же приказал себе собраться. Дориана уже не вернешь, но еще можно спасти... кого-нибудь. Если не тратить время на бесплодные сожаления, если Барготов некромант хоть на этот раз ошибся в какой-нибудь мелочи...

«Барготов некромант, вот уж действительно!» – подумал Грегор и едва удержался от неуместного смешка.

– Здесь! – услышал он негромкий, но все равно почти оглушительный в звенящей рассветной тишине возглас Саграсса и поспешил на голос.

Однако! Не зря ему вспомнился Дориан!

Звезда вызова, начерченная прямо перед склепом Ревенгаров (Грегора снова кольнуло тягостной виноватой тоской), ничем не отличалась от двух предыдущих. А вот жертва...

Обойдя звезду от основания к верхнему лучу, Грегор наклонился, всматриваясь в искаженное, потерявшее краски лицо, и отшатнулся с изумленным проклятием.

Мэтр-лейтенант Дортмундер, боевой товарищ Дориана, один из его возможных невольных убийц! Ненадолго же он пережил Ревенгара... Претемная, да этот барготопоклонник действительно безумец! Поднять руку на одного из Трех Дюжин?!

Один из боевиков опустился на колено, тронул перстень на руке мертвеца и бессильно, но очень зло и заковыристо выругался – узнал собрата по гильдии.

«Зато, – подумал Грегор с невольным злорадством. – Орден больше не сможет скрывать появление сумасшедшего сектанта! Да стоит Малкольму узнать о смерти Дортмундера – и он немедленно поднимет на уши всю столицу – или я его ничего не понимаю в его характере! Впрочем... Дортмундер из младшей ветви, и насколько я помню, глава рода терпеть его не может: вместо того чтобы выгодно жениться и поправить дела семьи приданым, мэтр-лейтенант сбежал на войну, но и там не выслужил ни чина, ни ордена. Может ли случиться такое, что лорд Дортмундер предпочтет замять смерть племянника-неудачника? Но даже если и так! – яростно подумал он. – Я молчать не собираюсь, что бы там ни требовал Орден! Дворянин из Трех Дюжин – это не мальчишки простолюдины! Проклятый безумец уже лет в своих ритуалах золотую кровь! Кто дальше? Королевская семья?»

– Вы сможете его допросить, милорд? – раздражающе ворвался в его мысли голос Саграсса.
– Бесполезно, – нехотя буркнул Грегор.

Да, тратить силы на заведомо безнадежный призыв отпущенной души – глупость! Он отверл взгляд от тела Дортмундера, осмотрелся вокруг, не то чтобы всерьез рассчитывая найти какие-то следы убийцы, скорее для того, чтобы освежить взгляд: вдруг удастся обнаружить что-то новое?

И поперхнулся вдохом: совсем рядом, на колючей ветке разросшегося куста шиповника, висел лоскут плотного черного сукна размером с пол-ладони. Очень знакомое сукно, из такого шьют форменные накидки для адептов Академии! Нижняя часть лоскута была оторочена шнуром, сплетенным в два цвета.

Алый и фиолетовый.

Алый и фиолетовый!

Грегор зажмурился, пытаясь отогнать дикую картину: Айлин Ревенгар, неведомым образом выйдя за стены Академии, зарезала мэтра-лейтенанта Дортмундера прямо перед склепом Ревенгаров, чтобы отомстить за отца... Претемная, какая немыслимая, невероятная чушь?! Но что эта безумная девчонка здесь делала?!

«Пыталась вызвать дух Дориана, разумеется, – подсказал холодный и ясный внутренний голос. – Наверняка хотела попрощаться. И ушла до того, как сюда явились Дортмундер и его убийца».

От мысли, что барготопоклонник и Ревенгар разминутся чистым чудом, Грегора едва не затрясло. Проклятье, трижды проклятье...

– Вы что-то нашли, милорд? – осведомился Саграсс.

– Ничего. – буркнул Грегор.

Бросив взгляд через плечо и убедившись, что никто не смотрит, он быстро наклонился, отцепил лоскут от куста и сунул в карман куртки.

С бестолковой девчонкой он разберется сам! Если только она еще жива – непрошенная мысль заставила Грегора пошатнуться. Нет! Жива, должна быть жива! Иначе ее тело лежало бы рядом с Дортмундером... Если только его не спрятали. Или если ее не похитили. Что, если трижды проклятый убийца действительно спрятал девчонку и в следующий раз убьет уже ее?!

«Претемнейшая! – безмолвно взмолился Грегор всем существом так истово, как не молился, кажется, никогда в жизни. – Госпожа моя, пусть только она будет жива! Я сделаю что угодно, приму любой обет, собственную жизнь отдам, только бы не увидеть смерть Ревенгар, Баргот ее!..»

Он почти услышал тихий смешок и осекся. Вот уж действительно болван! Нашел, когда поинать Баргота! Возьми себя в руки!

Он прикрыл глаза, пытаясь успокоиться, и вдруг обострившимися до предела от гнева и ужаса чувствами увидел... нет, не увидел – почувствовал! – тень магического следа!

Тщательно затертого, так тщательно, что если бы не страх за Ревенгар...

– Он еще здесь, – бросил Грегор в напряженную, ждущую тишину за спиной. – Эта тварь не успела уйти! Смотрите в оба!

Осмотрелся сам, пытаясь угадать, где затаился полоумный убийца. За склепом? Или за вымахавшими едва не в человеческий рост кустами шиповника, еще лишенными листьев, но переплетенными так плотно, что спрятаться за ними не стоит почти ничего?

«Где же ты затаился, мразь?!»

Грегор снова прикрыл глаза – зрение только мешало. Вслушался в ветер, в запах мокрой кладбищенской земли, ища чужое присутствие... Сделал шаг вперед, и еще один, позволив вести себя не зрению или разуму, но чутью Избранного Претемной...

Метнувшуюся на него из-за склепа – все-таки из-за склепа! – темную тень он пропустил в сторону, тут же повернулся, открывая глаза и вскидывая руку, отбил кулак с намертво зажатым ритуальным ножом, поймал локоть нападавшего...

И одним намертво заученным движением вывернул его, вгоняя нож в чужое, вмиг потяжелевшее тело.

«Это основа основ, Грегор, – как наяву услышал он голос уже лет пятнадцать покойного деда, королевского некроманта. – Ритуальный нож должен быть с тобой даже там, где нет рапиры... Не ухмыляйся, и в борделе. Да хоть в отхожем месте. И применять его ты должен уметь не только для обрядов... Молчать, сопляк! Неблагородно будет, если тебе однажды вспорют живот только потому, что ты сочтешь нож неподобающим оружием! Сначала! Отбил кисть, обхватил локоть, вывернул! Помнишь?»

«Да, милорд. Помню».

Грегор, не отпуская руки уже покойного убийцы, – клинок вошел точно в сердце, как по учебнику, – поднял голову, нашел взглядом Саграсса. Тот почему-то был бледен, словно сам чудом избежал встречи с Претемной. И это лучший боевик службы безопасности Ордена?! Да, негодная смена Дориану Ревенгару и Дортмундеру.

– Оттащите падаль к звезде, – бросил Грегор, брезгливо разжимая пальцы и пинком переворачивая труп на спину.

И замер. От пинка темный капюшон убийцы свалился, открывая оскалившееся, искаженное безумной злобой лицо. Такое знакомое, такое...

– Пресветлый! – выдохнул Саграсс, дрожащей рукой очертив перед лицом символ меча. – Это же Тернер!

«Мэтр Тернер! – мелькнула совершенно бессвязная мысль. – Милый чудаковатый старичок-секретарь! Имеющий полный доступ и к запрещенным книгам, и ко всей информации Эддерли, и к любому адепту-некроманту. Вот как он спелся с Морстеном! И ведь сам же дал мне его адрес! Вот почему не ожидал удара убитый некромант... да и иллюзорник – они ведь прекрасно знали безобидного мэтра Тернера!»

Слепая безрассудная ярость захлестнула Грегора, вырвавшись наружу хриплым клекотом: – Вставай, тварь!

Труп не шевельнулся, в заледеневшем сгустившемся воздухе Грегор отчетливо услышал скрипучий старческий смешок.

В глазах потемнело – кто-то посмел сопротивляться?! Его призыву?!

– Встать немедленно! – рявкнул он, прибавив несколько слов, не имеющих ровно никакого отношения к высокому искусству некромантии, но оказывавших по-настоящему магическое действие в армии.

– Саграсс, да остановите же его! – услышал Грегор панический возглас где-то за спиной. – Он сейчас половину кладбища поднимет!

– Если вы немедленно не замолчите, он и вас поднимет, Блисс! Потому что я сам вас убью. Кто пропустил открытый склеп, не обыскав, тупицы?!

«Бар-р-рготовы болваны!» – мельком подумал Грегор и выкинул случайных коллег из головы. Не до них! Тернер, подергиваясь и перекашиваясь набок, как веревочная кукла в неумелых руках, начал вставать.

– О-о-отпусти-и-и, – пробубльнул секретарь, дергая губами так же неестественно, как и вставал.

– Кто твои поделщики, мразь?!

– Н-и-никто... – заскрипел Тернер и вдруг тонко завизжал: – Никто! Сам! Один! Старый стал, старый! Умирать не хотел! Книга!

Он закрутился, бестолково засучил руками, вцепился себе в лицо, бессвязно выкрикивая:

– Книга... книжечка! Молодость вернуть, уехать, жить... жи-и-ить!

– Как ты выбирал жертвы?

Тернер молчал, и Грегор снова дал волю кипящей в нем ярости, щедро окатив силой снова взвывшего старика. Как бы отчаянно ни сопротивлялся мертвый некромант, ему не тягаться с Избранным Претемной!

– Как ты выбирал жертвы, тварь?!

– Б-брал... б-б-рал, кого мог! – заскулил секретарь, неряшливым грязным кулем оседая на землю. – М-м-морстену денег дал, он сам паренька привел! Сам! Сам! Я н-не виноват!

– Дортмундер к тебе тоже сам пришел? – с ненавистью прошипел Грегор, и Тернер дергано закивал.

– Сам! Сам! Пришел, заплатил, просил поднять Ревенгара – прощения хотел попросить, что убил!.. А я его силу забрал, много силы, адептов не хватало... не хватало...

Грегор сцепил зубы, давя тошноту. Как глупо, как отвратительно глупо! Трое магов погибли только потому, что полоумный старый хрыч возжелал омолодиться! Претемная, как жаль, что его нельзя убить дважды! Подумать страшно, что было бы, попадись ему Ревенгар... Ревенгар!

– Кто еще был на кладбище, когда вы пришли? И кого ты видел после?

– Никого! Пусто! Пусто! Отпусти... – захрипел Тернер, царапая землю и закатив глаза так, что видны были только белки.

«Значит... значит, они все же разминулись, – подумал Грегор с облегчением. – Девчонка ушла с кладбища до того, как сюда явился этот мерзавец, слава Претемнейшей! Ну, я с ней разберусь!»

Он чуть ослабил концентрацию, позволяя душе покинуть тело. Голову тут же повело, накатила противная тошнотворная слабость.

«Перерасход силы! Позор какой... хуже первокурсника, право слово».

– Тело – в холодную Академию, – бросил он. Сглотнул, прогоняя тошноту, добавил: – И пошлите за Денвером как можно скорее. Пусть этого мерзавца допросят еще раз!

– Непременно, милорд, – откликнулся Саграсс, и Грегор впервые услышал в его напряженном голосе искреннее почтение. – Вы отправитесь с нами?

– Разумеется, – процедил он.

«Пока посыльный доберется до дома Денвера, пока старик проснется и прибудет в Академию... Должен же я убедиться, что Ревенгар вернулась в общежитие! Только бы вернулась...»

Глава 7. Похмелье чужого пира

Призрак магистра Мэрли оказался, к приятному удивлению, Аластора, совершенно не назойливым спутником. Он только громко восхитился Пушком, сообщив: «Изумительно искусная работа, сразу видна рука мастера! И как интересно сплетены потоки энергий! Айлин, дитя мое, у вас истинный талант! Какая жалость, что хотя бы одна из ваших искр не синяя, у вас могло бы быть блестящее будущее!» – и даже сделал попытку потрепать его за уши да окликнул Аластора, когда Айлин зацепилась краем накидки за колючий куст терновника.

Выдрать плотное сукно из длиннющих игл, к сожалению, не вышло, и Аластор, подумав, отрезал прицепившийся к кусту лоскут.

– Спасибо, – вздохнула Айлин и так горестно посмотрела на освобожденную накидку, что Аластор твердо решил подарить ей такую же.

И еще лучше! Подбитую мехом, вот! И отделанную шелковым шнуром! А когда Айлин откажется ее принять – непременно откажется, она же леди, это сразу видно, как ни скрывай! – он скажет, что только так может загладить ущерб, нанесенный ее подолу... Хм, как-то странно это звучит, даже в мыслях!

Магистр Мэрли издал сдвленный смешок, подтверждающий, что звучит и в самом деле странно, и Аластор возмущенно посмотрел на него, но старик уже отвернулся и сделал вид, что любит окрестностями.

А потом он молчал до самой Академии. Только когда Аластор, не доехав до главных ворот, остановил Искру, призрак лихорадочно оживился, облетел сначала лошадь, потом спешившихся Аластора и Айлин, метнулся к заросшему плющом участку стены и обратно...

Аластору даже стыдно стало, что они с Айлин задерживают так спешащего на встречу с другом старика! Но... доехав до Академии, они всегда задерживались у тайного лаза не меньше, чем на четверть часа, договариваясь о времени новой встречи или просто молча держась за руки, смотря на звезды и глядя довольно похрипывающего Пушка, грея ладони в густой белой шерсти – и жертвовать этим ритуалом Аластор был совершенно не готов!

Даже ради призраков!

А что, если?..

– Айлин?

Дождавшись рассеянного «а?», Аластор поспешно, пока затверженный с детства этикет не победил решимость, выпалил:

– Ты же все равно сейчас пойдешь в склеп, правда? Можно... можно мне с вами? Я очень хочу познакомиться с мэтром Кираном, а потом... потом уйду через тайный ход, никто не узнает, что я здесь был!..

Айлин растерянно заморгала.

– Но в Академию нельзя посторонним! Ал, я бы с радостью, но...

– Категорически нельзя, – строго согласился за спиной магистр Мэрли. Вот ведь вредный старикашка! И подумать только, Аластор ему еще сочувствовал. – Во всяком случае, без позволения дежурного мага или, в некоторых случаях, главы гильдии... Кстати, юноша, что налито во фляжку на вашем поясе?

– Карвейн, – мрачно буркнул Аластор, сгорая от стыда и досады.

Ну какая разница, что во фляжке! Ему уже целых шестнадцать, и он же никогда не пьет просто так... И вообще, если магистр Мэрли идет в гости к старому другу, то почему то же самое нельзя ему?!

– О-о-о-о... – протянул магистр каким-то странным голосом. – Это в корне меняет дело.

Полагаю, мой дорогой друг будет просто счастлив познакомиться с таким предусмотрительным юношей. Идемте вместе! Айлин, дитя мое, перестаньте смотреть на меня с таким изумлением! Уж вам-то, некромантке, должно быть понятно, что я всего лишь умер, а не уволен с должности, а значит, по-прежнему остаюсь магистром гильдии!

– Прошу прощения, милорд магистр! – торопливо извинилась Айлин, просяив. – И благодарю вас!

– Пустое, дитя мое, – величественно отмахнулся призрак. – Идемте, идемте же, наконец!

Айлин подошла к стене, просунула ладошку между стеблями плюща, прижала ее к камням и выдохнула длинное, неразборчиво свистящее слово. Воздух у стены задрожал, как будто над костром, и призрак молча шагнул вперед, скрываясь в камнях.

Аластор на мгновение замешкался – уж очень странно было шагнуть прямо в стену! Но тут в каменной кладке скрылся, проскользнув мимо него, Пушок – только хвост мелькнул, – а уступить в храбрости собаке, пусть даже мертвой?! Да ни один Вальдерон себе такого не позволит!

Зажмурившись, Аластор отчаянно рванулся вперед, пробежал несколько шагов сквозь теплый, какой-то влажный и неподвижный воздух и остановился, почувствовав на лице прохладное дуновение ветра. Открыл глаза, осматриваясь: прямо перед ним поднимались башни Академии. Не такие воздушно-прекрасные, как королевский дворец, но куда более внушительные и грозные!

– Величественное зрелище, – негромко согласился с его мыслями милорд магистр. – Однако не будем терять времени. Ваша милая подруга уже закрыла тайный ход, так поспешим же! Боюсь, у меня осталось совсем мало сил...

Узкая, едва протоптанная извилистая тропка вела от тайного лаза через густо заросший сад мимо обширных – наверняка тренировочных – площадок и заканчивалась у незаметной узкой двери, больше всего похожей на дверь черного хода. Но как же они попадут внутрь? Ее снова откроет магистр, как собственный склеп?

Аластор осторожно спросил об этом у Айлин, но она замотала головой.

– У меня есть ключ, – гордо сообщила она. – То есть копия ключа, но это неважно. Так что сейчас откроем!

Она положила ладонь на ручку двери – и тут же отдернула, изумленно ойкнув.

– Дверь открыта! Вот странность... Сегодня же дежурит милорд мэтр Тернер, а он такой дотошный! Он, когда дежурит, не засыпает, пока все-все двери не проверит и не закроет... Может быть, что-то случилось?

– Эту загадку вы можете разгадать и потом, адептка! – раздраженно бросил магистр Мэрли, и Айлин виновато кивнула.

– Прощу прощения, милорд магистр, мы уже идем...

Дверь беззвучно открылась в сумрачный, но не темный коридор, широкий, ровный и, кажется, каменный – цокот когтей Пушка здесь слышался каким-то особенно гулким. Да и их с Айлин шаги... А кроме звуков, ничего странного и необычного здесь не было, Аластор даже разочаровался немного.

Айлин остановилась через три десятка шагов у единственной во всем коридоре двери и кивнула Пушку.

– Сторожи!

Пес радостно всхрипнул и постучал хвостом по полу, а Айлин толкнула дверь, и призрак с невнятно сдавленным возгласом влетел внутрь. Аластор шагнул за ним и от души поразился: вот этот склеп был ничуть не похож на склеп! Пожалуй, если бы не надгробие у стены, то помещение походило бы на малый танцевальный зал, а если добавить к надгробью несколько соломенных мешков на подставках – то и на фехтовальный.

И никакого призрака, кроме магистра Мэрли, неподвижно зависшего в двух ладонях от пола и светящегося странным серебристым светом. Сияние то тускло, то снова обретало яркость, и Аластор каким-то нутряным, глубинным чутьем понял, что старик, кажется, до смерти чего-то боится!

– Лоу? – позвал магистр дрогнувшим голосом.

Тишина повисла такая густая, что ее впору было резать ножом.

– Лоу! Да выходи же!

– Уа-ха-ха! – потусторонне взвыло надгробье, и над ним взметнулся второй призрак, высокий и чем-то похожий на исхудавшую голодной зимой лисицу.

Аластор едва не отшатнулся! Но, взглянув на Айлин, как-то сразу успокоился: подруга-то явно не испугалась. И улыбалась так широко и счастливо!

– Как замечательно, что мы помогли милордам мэтрам, правда? – шепнула она. – Смотри, как они радуются!

Аластор покосился на то ли обнимающихся, то ли от души тузятых друг друга, бессвязно вопящих что-то призраков и кивнул. Что-то замечательное в этом, несомненно, было!

– Давай посмотрим на наследство милорда магистра? – предложила Айлин. – Им все равно пока не до нас.

– Давай, конечно! – согласился Аластор, которому ужасно интересно было узнать, ради чего магистр Мэрли обрек себя на призрачное существование. – Кстати, а почему он спрашивал меня про фляжку?

– Выпить, наверное, хотел! – тихонько хихикнула Айлин, прикрыв рот ладошкой. – Призраки же не могут... сами. Только если кто-то при них ест или пьет и пригласит их, тогда да. И даже тогда они съедят... ну, или выпьют... не саму еду, а ощущение, зато в полной мере. Ой, Ал, правду сказать, я сама не очень понимаю, как это все работает! Ну, давай же смотреть!

Сбросив накидку прямо на пол, Айлин уселась на нее, похлопала ладонью рядом, приглашая его присоединиться, и вытащила из поясной сумки кожаный кошель из плотной мягкой кожи, желто-коричневый и расшитый по горловине странными символами.

Горловину кошеля стягивал двухцветный шнур, почти такой же, как на отделке накидки Айлин, только фиолетовый сплетался не с алым, а с синим.

– Лоу, ты только посмотри на это! – послышался над головами голос магистра Мэрли, в котором с противоестественной гармоничностью сочетались радость и язвительность. – Твоя ученица и ее друг делят мое наследство!

– Конечно, – гордо согласился Лоу. – Это же моя ученица! Хотя могли бы нас подождать, – добавил он, облетев надгробье и укоризненно глядя на Айлин. – Мне тоже интересно, что могло породить это разнузданное воображение за те годы, что мы не виделись... Ух ты! – Карие глаза почтенного мэтра восторженно загорелись, а длинный костлявый палец

бесцеремонно ткнул в кошель. – Айлин, яблочко мое, ты даже не представляешь, что держишь в руках!

Аластор недоуменно взглянул на кошель, решительно не понимая, что в нем могло вызвать столь бурный восторг. Кто спорит, выглядел тот красиво, матушка и сестрицы наверняка бы поразовались, получи они в подарок что-то подобное... но вряд ли призрак имеет в виду красоту?

– Но вы же расскажете, правда? Мэтр Киран? Милорд Мэрли?

У Айлин, кажется, вовсе не обидевшейся на «яблочко», а то и вовсе пропустившей его мимо ушей, загорелись глаза.

– Это зачарованный кошель, – объяснил явно польщенный магистр. – Универсальное хранилище артефактов. Стоит спрятать туда любой артефакт, и его ауру не почувствует ни один маг! Кроме того, внутри кошель больше, чем кажется снаружи. Шатер туда, конечно, не убрать... Но вот необходимые артефакты, зелья и несколько смен одежды вполне поместятся. О конспектах, перьях и прочих ученических принадлежностях я уже не говорю. Ах да, чуть не забыл еще о нескольких мелочах: кошель заговорен от потери, а если кто-то попытается его украсть, то получит изрядный ожог!

Аластор с уважением взглянул на мешочек. Он и представлял, что существуют настолько полезные вещицы! Сколько же может стоить такая редкость? Наверное, куда больше осветительного шара, а то и двух! Если Айлин его продаст, то ей, пожалуй, хватит на... на целый год обучения!

Айлин судорожно вздохнула.

– Милорд магистр... это же настоящее сокровище! – пролепетала она. – Ваши родные...

– Болваны, неспособные его оценить! – отрезал магистр. – Дитя мое, не вздумайте отдать мое наследство им! И не благодарите, не благодарите... это самое малое, чем я мог с вами расплатиться за свою свободу!

Айлин молча кивнула, потянула за шнур – тот развязался легче легкого – и осторожно вынула тонкий браслет-цепочку. Серебряные звенья скрепляли маленькие семилучевые звезды из темно-фиолетового аметиста и большую, с мизинец длиной, серебряную же подвеску в виде ключа. Последним из кошельки выкатилось кольцо странного вида, медное, с непрозрачно-зеленым прямоугольным камнем. Оправа, до того вызывающе красного блеска, словно ее только что начистили, состояла из сплошных кудрявых завитков, будто так и норовящих растрепаться.

«На Айлин похоже!» – мелькнула у Аластора странная мысль.

– Универсальная отмычка! – гордо сообщил магистр Мэрли, указывая на подвеску. – Что это такое вы, полагаю, знаете? Превосходно! А вот этот браслет несомненно пригодится вам, милая моя девочка... Вы ведь уже поняли, что это, не так ли?

– Накопитель? – восторженно выдохнула Айлин, и магистр благосклонно кивнул.

– Совершенно верно! Накопитель, настроенный, кроме того, на поиск силовых линий... Да наденьте же его, наденьте, мне будет приятно. Юному лорду Аластору он, как вы понимаете, не пригодится.

– Милорд магистр? – осторожно окликнул Аластор. – А это кольцо... оно... что это за кольцо?

Лицо старика приобрело странное, торжествующе-тоскливое выражение.

– Это, мой любознательный юный лорд, предмет одного очень, очень давнего спора, – изрек он, поглядывая на мэтра Лоу с грустной хитрецей. – Однажды, лет семьдесят назад...

– Семьдесят пять, – поправил Лоу, не сводя взгляд с кольца. – Мэрли, старый ты прохвост... Семьдесят пять лет! Ты все-таки его сделал...

– Должен же я был доказать, что ты не прав! – фыркнул магистр Мэрли и быстро отвернулся, но Аластор все-таки успел заметить в его глазах тот же странный блеск. – Твоя смерть ничего не меняла в нашем споре! И вообще, не мешай рассказывать. Так вот, мои юные друзья, семьдесят пять лет назад два таких же юных тогда адепта нашли в запрещенной секции библиотеки описание любопытнейшего артефакта – абсолютного щита. Постоянно действующего, способного прикрыть носителя от любой враждебной магии, не требующего настройки... Он назывался Щитом Атейне в честь древней богини справедливости, уже совершенно забытой. Полагаю, что забытой к счастью, это наверняка была весьма кровавая дама.

– Но это же невозможно? – растерянно спросила Айлин, и магистр артефактор кивнул.
– Так сказал и я. Трактат, однако, убеждал в обратном, вплоть до схемы создания, довольно простой, надо признать. Единственный спорный момент состоял в том, что для создания щита требовалось три живых сердца. Разумеется, это условие немедленно заставило нас забыть о создании подобного артефакта. Однако через пару месяцев Киран заговорил об этом сам. Он почему-то был уверен, что должен быть другой, бескровный способ создать подобный щит. Мы заключили пари – я взялся найти такой способ, если только он и правда существует... К сожалению, Киран погиб, когда я только вышел... Даже не на возможность, а на ее слабый след. Но, как я уже сказал, его смерть ничего не меняла, я должен был доказать этому самоуверенному болвану свою правоту...

Голос призрака пресекся, а Аластор торопливо заморгал, надеясь прогнать жжение в глазах. Пыльно в этом склепе, вот что-то и попало... Не плачет же он, как Айлин!

Страшно и представить, что пережил магистр! Потерять единственного друга и положить много лет на создание вещицы, пусть даже бесполезной, но единственной, напоминавшей живому об ушедшем! А с этим надгробьем что-то не так, расплывается почему-то...

– Я закончил работу над артефактом за несколько месяцев до собственной смерти, – закончил призрак и с натужной веселостью добавил: – Теперь, Киран, авторитетно заявляю: все твои выкладки были полной чушью! Щит Всеблагой – мой артефакт, мне его и называть! – и правда отражает любую враждебную магию, как и было описано, но работает он, только будучи подаренным любящим человеком! И перестанет действовать, как только подаривший разлюбит!

– Так это не мои выкладки – чушь, а непредусмотренное ограничивающее условие! – возмутился мэтр Киран тоже дрожащим голосом. – Умей проигрывать, Мэрли!

Аластор, боясь снова расчувствоваться, перевел взгляд на блестящие завитки простой медной оправы. Абсолютный щит! Наверное, очень полезная штука, если ты маг... и ведь это и его артефакт тоже, правда? Хотя бы немного? Магистр сам сказал, что отдает наследство им обоим! Значит... значит, он может подарить его Айлин, и это будет достойно! Правда, магистр сказал, что щит работает, только если подаривший любит... Но ведь Аластор ее любит! Совсем не так, как об этом шепчутся всякие юные дворяне, – еще чего не хватало! – но никак не меньше, чем Мэнди или Лоррейн! Хотя вот странность – с сестренками он знаком всю жизнь, а с Айлин – меньше месяца... Но все равно!

– Ал? – услышал он, поднял взгляд на подругу и замер. Кровь бросилась в лицо – Айлин протягивала перстень ему! – Возьми, пожалуйста. Я дарю его тебе! У меня и так есть щиты, свои собственные, а ты не маг, и... в общем, возьми!

Аластор сглотнул и молча кивнул, накрыв ладонью ее руку.

– Вот и прекрасно, – услышал он делано беззаботный голос мэтра Лоу. – А теперь, юноша, не выпить ли нам? За встречу, знакомство, и чтобы ваши с моей милой ученицей приобретения хорошо носились? Мэрли сказал, что у вас есть карвейн!

«Какая жалость, что учитель по этикету не рассказывал, как правильно пить карвейн с призраками, если нет стаканов и в присутствии юной леди!» – невольно подумал Аластор, снимая фляжку с пояса, и сделал первый в жизни глоток обжигающе крепкого карвейна.

* * *

Хрипящего, взмыленного от бешеного галопа коня Грегор осадил у самых ворот Академии.

– Открыть ворота! – заорал Саграсс, отставший на какие-то полкорпуса.

От его вопля всполошились вороны, облюбовавшие частью стены академии, а частью – окрестные деревья, и снялись с мест, закружили над улицей, хрипло и недовольно каркая. Ворота, заскрипев, начали открываться с издевательской медлительностью, и Грегор грязно выругался про себя. «Глупее всего, – подумал он мрачно, – что эти минуты ровно ничего не решают, если Ревенгар все же вернулась в общежитие и сейчас мирно спит. И тем более бесполезны, если, не допусти Претемная, с ней случилась беда. Но эта проклятая неизвестность совершенно невыносима!»

Ворота наконец распахнулись настолько, чтобы пропустить всадников, и Саграсс, нетерпеливо приподнявшись на стременах, бросил:

– Мы доставим тело в холодную. Блисс! Немедленно отправляйтесь за мэтром Денвером. Милорд? Вы присоединитесь к нам?

– Позже, – вытолкнул Грегор сквозь стиснутые зубы. – Мне нужно закончить кое-какие дела.

– Как угодно, – сдержанно кивнул Саграсс, подстегивая коня и первым въезжая во двор Академии.

Спешиваться он не стал – сразу свернул к северному флигелю, учебному леднику Фиолетового и Зеленого факультетов.

Грегор же спешил, бросил поводья подбежавшему дежурному конюху, заспанному и взъерошенному, и направился к женскому крылу общежития, очень стараясь не торопиться, но мощеная дорожка словно сама бежала навстречу. На ней, как невольно отметил Грегор, не было ни единого следа: ни человеческого, ни собачьего, ни проталинки в выбелившей дорожку последней изморози, ни кладбищенской грязи. Ничего.

«Это ничего не значит, – упрямо подумал Грегор. – Могла ведь Ревенгар вернуться другим путем? Проклятье, да каким – другим?! Долетела по воздуху верхом на своем умертвии?! Пошла не по дорожке, а по траве, а затем вошла в комнату по стене через окно?! Претемная, какая же невозможная чушь! Но если... если ее и впрямь нет в комнате, если она все же не вернулась с кладбища... Тернер, я тебя и из Претемных Садов достану! Самого выпотрошу и кожу сдеру...»

Он все же не выдержал и, уже войдя в общежитие, сорвался на бег, одолел три лестничных пролета, почти этого не заметив, и остановился у самой двери комнаты Ревенгар. И замер, не решаясь толкнуть дверь, почти видя опустевшую комнату, застеленную с вечера кровать или, может быть, свернутый из одеяла валик, накрытый покрывалом, книги, которые она никогда больше не откроет...

«Грегор, возьми себя в руки, чтоб тебя! Если боишься открыть дверь – открой ее, наконец, и не смей бояться!»

От толчка дверь распахнулась, и Грегор шагнул за порог с той решительностью, с которой там, на границе, вел людей в атаку и бросал смертельные проклятия на остатках резерва. Бросилось в глаза приоткрытое окно, стопка книг на столе, пустая кровать – та, на которой должна была спать соседка Ревенгар...

И на второй кровати – смешавшиеся на подушке волосы, медно-рыжие и пшенично-светлые...

Барготовы подштанники! Да что здесь?!..

Грегор обошел кровать – и окаменел. Ревенгар, перемазанная то ли пылью, то ли кладбищенской землей, полностью одетая – разве что накидка висела на спинке кровати, да сапоги стояли у тумбочки – сладко спала, а рядом с ней так же безмятежно спал совершенно незнакомый Грегору мальчишка... нет, юноша! Лет шестнадцати на вид, не меньше, и так же совершенно точно не адепт, судя по одежде и отсутствию ученического перстня...

Проклятье! Да какая разница, адепт этот соплик или нет?!

У Грегора потемнело в глазах, а потом ослепительной вспышкой пришло воспоминание...

– Милорд Бастельеро! – Джастин, камердинер Малкольма, остановил Грегора у самых дверей королевской опочивальни. – Вам... прошу прощения, его величество еще спит! Вам туда нельзя!

– «В любое время дня и ночи, без вызова и доклада!» – продекламировал Грегор. –

Отойдите, Джастин, у меня срочное дело!

– Но...

Грегор молча толкнул дверь и вошел, не слушая, что там еще лепечет камердинер. И замер в дверях.

Малкольм не спал. Еще как не спал! И не он один! Его «Прекрасная Джанет», пустоголовая фрейлинка, льнула к королю кошкой в охоте, а Малкольм...

Грегора замутило от непристойной откровенности происходящего!

– Малкольм, – процедил он, как только смог вдохнуть.

Они даже не заметили, что кто-то вошел!

Малкольм поднял голову, уставился на Грегора бессмысленными глазами...

– Пошел вон, Бастельеро!

Девушка, тоже увидев наконец постороннего, взвизгнула, отстраняясь от любовника, и Грегор, с отвращением взглянув на нее, пожал плечами.

– Как прикажете, ваше величество. Я пришел поговорить с вами о ее высочестве Беатрис, но если вы заняты...

Беатрис... Имя опьянило, закружило голову, как лучшее вино, и Грегор с мстительной радостью увидел, как фрейлинка бледнеет и обхватывает плечи руками.

– Беатрис?! – взревел Малкольм зимним вурдалаком. – Убирайся к Барготу, я сказал! Я не желаю говорить о Беатрис, слышишь?!

– Попрошу вас выбирать слова, когда говорите о ее высочестве, – тихо проговорил Грегор, опустив глаза и еле сдерживая пылающую внутри ярость.

Проклятье, как Малкольм может опускаться до придворных распутниц, если всего лишь через месяц он станет мужем лучшей девушки мира? Самой прекрасной, самой добродетельной, самой...

– Если она тебе так по сердцу, женись на ней сам! – ощерился Малкольм, прижимая к себе фрейлинку и поспешно набрасывая на нее покрывало. – Я буду у тебя в неоплатном долгу, клянусь! А теперь – убирайся, наконец!..

...Юнец шевельнулся, промычал что-то неразборчивое, повернулся – и, обняв девчонку Ревенгар, как любимую игрушку, притянул ее к себе...

«Хорошо, что этого не видел никто, кроме меня... хорошо... Хорошо?! Еще миг! – подумал Грегор с внезапно накатившим холодным спокойствием. – Если этот щенок останется здесь еще хоть на миг, я убью его сам. Проклятье, не для того я клялся Дориану, что присмотрю за его дочерью, чтобы ее репутацию разрушил какой-то юный мерзавец!»

– Встать! – прошипел он так, как там, на границе, случалось шипеть разве что на лейтенантов-боевиков, вопреки строжайшим запретам затеявших смертельно опасную игру в «кукушку».

Вскочили оба: Ревенгар, вскрикнув, скатилась с постели, юнец сел, тараша на Грегора совершенно бессмысленные глаза.

– Мэтр Бастельеро! – ойкнула Ревенгар. – Простите, мэтр, я...

– Молчать, – процедил Грегор, глядя только на взъерошенного, помятого мальчишку.

Даже слишком помятого, будто... Грегор потянул носом и брезгливо скривился. Он еще и пьян, ко всему прочему? Глупая девчонка, да чем она думала? Как могла так себя скомпрометировать?! О Претемная, узнай об этом Гвенивер Ревенгар – и никто не убедит ее оставить дочь в Академии!

– С вами я разберусь позже. И поверьте, в ваших интересах быть предельно краткой и очень убедительной. И честной, разумеется. А вы... – Он сделал многозначительную паузу, и юнец заерзал, попытался пригладить торчащие лохмы. – Вам я даю пять минут, чтобы убраться самому и навсегда забыть дорогу сюда. И учтите, что делаю я это только ради бестолковой девицы, которую вы опозорили. Время пошло!

Юнец покраснел, побледнел, вскочил, наконец, с кровати, но вместо того, чтобы опростеться выбежать из комнаты, сжал кулаки и уставился на Грегора, набычившись.

– Лорд Бастельеро! Вы... То, что вы герой Дорвенанта, не дает вам права оскорблять ни леди Айлин, ни меня! Я – наследник лорда Вальдерона, и я требую, чтобы вы извинились! Хотя бы перед дамой!

«Вальдерон? Сын Джанет Вальдерон?! О, блудливым нравом сын пошел в матушку?!»

– Пошел вон, щенок, – с ласковым бешенством предложил Грегор. – Или предпочтешь, чтобы тебя спустили с лестницы?!

– Вы! Вы не посмеете! – фальцетом выкрикнул сопляк, и волна ледяной ярости накрыла Грегора с головой.

– Мэтр Бастельеро, пожалуйста! – тонко взвизгнула Ревенгар, юнец придушенно захрипел что-то невнятное, и Грегор, ухватив его за шиворот, поволок мерзавца к выходу из комнаты.

– Не вздумайте орать, – предупредил он холодно. – Клянусь Претемнейшей, если вы привлечете хоть чье-то внимание к комнате этой девицы – горько пожалеете!

Юнец смолчал, только попытался освободить воротник, но Грегор мстительно не позволил и разжал пальцы лишь, когда доволок наглого мальчишку до самых дверей холла.

– Забудьте сюда дорогу, – повторил он, глядя в налившиеся кровью голубые глаза. – Вы меня поняли?

– Вы!. – шепотом вскрикнул юнец. – Не смейте мне приказывать, слышите?! Я тоже дворянин, я... я требую, чтобы вы извинились! Или... или я вызываю вас!

– Я не убиваю бестолковых щенков, – процедил Грегор, едва сдерживаясь. – Но если вы еще раз появитесь рядом с этой адепткой, сделаю исключение. И не думайте, что ваша смерть будет легкой. А теперь потрудитесь вспомнить, что у вашего отца только один наследник, и проваливайте!

– Щенок, лорд Бастельеро, может вырасти в волкодава, – произнес странно успокоившийся вдруг мальчишка отчетливо, будто давал клятву. – Возможно, однажды он вырвет вам горло!

– Поговорим об этом, когда вырастете, – бросил Грегор. – Дежурный!

– Мэтр Бастельеро? – выскочил как из-под земли дежурный маг в синей мантии ровно в тот момент, как Грегор вспомнил, что когда он ворвался в общежитие, дежурного нигде не было.

Или он спал на посту, негодяй? Что за безобразие творится в общежитии? В него, выходит, может ворваться кто угодно и вломиться в комнаты адептов?! Нет, конечно, большая удача, что именно сейчас дежурного не оказалось на посту, не хватало, чтобы о скандальной выходке Ревенгар узнал кто-то посторонний, и все же... отвратительное разгильдяйство!

– Потрудитесь проводить юношу до ворот, – бросил Грегор мрачно. – И узнайте, не приехал ли мэтр Денвер. Если приехал, то передайте, чтобы не проводили дознание без меня.

И направился к лестнице – следовало немедленно поговорить с Ревенгар!

У ее двери Грегор снова остановился. Постучал – кто знает, вдруг девчонка переодевается? Не стоило бы входить без предупреждения... Да что там, и в первый раз не стоило!

«Видит Претемнейшая, – подумал Грегор с внезапно накатившей мучительной неловкостью. – Будь я уверен, что она жива, не стал бы вламываться таким образом! И, что бы там ни было, стоило расспросить ее, прежде чем... а, к Барготу! Что сделано, то сделано – главное, не совершать подобного в дальнейшем!»

Дверь открылась, и Ревенгар, иссиня-бледная и какая-то ужасно решительная, замерла на пороге, глядя на Грегора, как приговоренная к казни.

– Я могу войти, адептка? – стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче, спросил Грегор. Она молча посторонилась. Нехорошо...

– С юным лордом Вальдероном все в порядке, – сказал Грегор осторожно. – И я приношу вам свои извинения. А теперь прошу вас, Айлин, объясните ваше поведение. Вы ведь умная девочка! Вы знаете, что леди Ревенгар хотела забрать вас из Академии, так как опасалась за вашу честь?

Девчонка, до того безучастно смотревшая мимо Грегора, вздрогнула и уставилась на него возмущенно.

– Мэтр Бастельеро, я бы никогда!..

– Я верю, – согласился Грегор, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться. – Но вы ведь понимаете, что, зайдя в вашу комнату не я, а, скажем, дежурный по общежитию, и от вашей репутации не осталось бы ничего? Дело дошло бы до магистра Эддерли, и он оказался бы вынужден перевести вас на домашнее обучение. И я даже думать не хочу, что сделали бы с юным Вальдероном ваши друзья, адепты Аранвен и Эддерли!

Ревенгар опустила голову, съежилась, обхватив плечи руками, но не возразила ни словом, и у Грегора тоскливо заняло сердце. Интересно, так ли чувствуют себя целители, вычищая гной из раны?..

– Айлин, – терпеливо проговорил он. – Я верю, что у ваших... неосторожных действий были причины. И хочу их узнать. Ведь я отвечаю за вас как ваш куратор! Что вы делали на кладбище? Не отпирайтесь, – предостерег он вскинувшуюся было Ревенгар. – Я знаю, что вы там были. Вы порвали накидку, и я обнаружил лоскут. Итак?

– Я искала клад, милорд мэтр, – тихо ответила Ревенгар, глядя в пол.

– Вы... что? – переспросил Грегор, не в силах поверить собственным ушам.

– Искала клад, – четко и раздельно повторила она. – Я ничего не приму от Ревенгаров, вы это знаете! Но... учеба в Академии стоит дорого, а я не хочу оказаться в должниках!

Никогда! И я подумала, что если найду чей-нибудь тайник, то смогу заплатить за обучение, понимаете?

– Понимаю, – медленно кивнул Грегор, потихоньку уверяясь, что это чистая правда. Подобное бредовое решение просто не может оказаться вымыслом! – Вы отправились искать клад, и?..

– И встретила стаю упырей, – вздохнула девчонка. – В два десятка голов. Лорд Вальдерон спас мне жизнь – помог забраться на склеп, и мы познакомились, потом упырей разогнал Пушок, а лорд Вальдерон предложил проводить меня до дома... Мы очень замерзли, и он немного выпил, – призналась она тихо. – Ну, то есть сначала мне показалось, что немного, но получилось, что он не сможет добраться до дома, и я... Мэтр Бастельеро, я понимаю, что это неподобающе, честное слово, но не могла же я оставить человека, который спас мне жизнь, на улице?! Что, если он бы замерз насмерть или на него напали бы разбойники и зарезали?

«Вполне могли, – вынужденно согласился с девчонкой Грегор. – Не поспоришь, жизнь гораздо сложнее, чем это предусмотрено этикетом! И все же...»

– Хорошо, – сказал он вслух. – Оставить спасшего вас человека на улице и в самом деле было бы неправильно. Но, во имя Претемной, Айлин, как вы додумались уложить его в собственную постель, да еще и лечь рядом?! Почему вы не отвели его в комнату Аранвена и Эддерли, если хотели дать приют юному лорду?!

– Потому что, – прошептала Ревенгар, не поднимая глаз. – Мне пришлось бы объяснять, откуда я знаю лорда Вальдерона... Они обиделись бы и перестали со мной дружить...

«И это верно, – растерянно подумал Грегор. – И Эддерли, и Аранвен несомненно оскорбились бы до глубины души! Первый – тем, что мимо него прошло такое приключение, а второй – тем, что у него не попросили помощи... А девчонка не хочет быть должницей, еще бы, ведь она Ревенгар! Претемная, да есть ли предел гордости и упрямству Ревенгаров?!»

– Поэтому я привела его к себе, – закончила она. – И уложила на самую ближнюю кровать, а сама собиралась лечь на свободную, видите, Иоланда сегодня ночевала дома у родителей! Но я так ужасно устала, мэтр, я подумала, что только минутку посижу... а потом пришли вы...

– Я понял, – вздохнул Грегор. Как же все сложно... И, видит Претемнейшая, как же трудно подобрать нужные слова! – Айлин, что бы ни случилось, вы – леди Ревенгар. Любое пятно на вашей репутации пачкает не только честь вашей семьи, но и память вашего отца, не забываете об этом! Сегодня вы оступились, – добавил он чуть мягче. – К счастью, об этом никому не известно. Не повторяйте подобных ошибок впредь.

– Я... никогда...

– И не вздумайте покидать пределы Академии, особенно в ночное время! Вы же погибнуть могли, глупая девочка! Упыри – самая малая из опасностей ночной Дорвенны! Что же до оплаты вашей учебы... Я поговорю с магистром Эддерли, и, надеюсь, мы сможем найти для вас работу. Скажем, вывести крыс в Архивах и следить, чтобы не появились новые. Давно пора этим заняться, откровенно говоря! Вы меня поняли?

Айлин кивнула, а мэтр Бастельеро продолжил:

– И учтите, если вам придет в голову навестить юного лорда Вальдерона, послать ему письмо или связаться с ним иным способом, я буду считать виновным его, а не вас, и поступать соответственно. Вы ведь понимаете, что за поступки леди всегда отвечает мужчина? Не доставляйте этому юноше больших неприятностей, чем те, которые он уже получил.

– Да, милорд мэтр, – пробормотала Ревенгар, потупившись. – Простите... Возможно... может быть, вы позволите мне днем покинуть Академию? Совсем ненадолго?

– Если вы хотите посетить лорда Вальдерона... – начал Грегор, внутренне морщась: неужели эта глупая девчонка так ничего и не поняла и собирается уничтожить собственную репутацию окончательно?!

– Нет, милорд мэтр, – отчеканила она, вскинув голову и твердо посмотрев ему в глаза. – Я поняла все, что вы мне сказали. Но я... мне нужно навестить тетюшку. Если вы позволите. «Тетюшку?» – поразился Грегор, но вынужденно кивнул. Запретить Ревенгар покинуть Академию он, разумеется, мог – но пришлось бы объяснять причину... Хотя тому же магистру Эддерли, как только ему станет известно о запрете. А в том, что известно станет очень скоро, Грегор нимало не сомневался!

– Можете, – сказал он вслух. – Можете даже провести у нее все выходные. Но прошу вас, адептка Ревенгар, не совершайте больше ничего, о чем можете пожалеть.

* * *

Часы на главной башне Академии отбили пять, и Айлин подумала, что вряд ли сегодня вернется, а лучше действительно останется у тетушки и проведет с нею весь сегодняшний вечер и завтрашний день. До наемного экипажа из числа постоянно дежуривших за воротами Академии мэтр Бастельеро проводил ее лично. В любой другой день Айлин была бы непредставимо счастлива такому вниманию, но сегодня чувствовала себя пленным фраганцем, которого ведут от границы до самой Дорвенны под стражей. Интересно, разрешили бы пленному фраганцу прихватить с собой клад, если бы месьюр его случайно нашел?

Спрашивать об этом мэтра Бастельеро Айлин на всякий случай не стала, молча сунув найденную в склепе Корсонов шкатулку в сумку. Тетушка Элоиза точно придумает, кому продать найденное!

– Доставите юную леди... – Мэтр Бастельеро сделал многозначительную паузу, и Айлин поспешно выпалила адрес особняка Арментротов. – На Золотую улицу, к дому номер пять, никуда не сворачивая и не заезжая по дороге. Вы меня поняли, любезный?

– Так точно, ваша мажеская милость! – вытянулся возчик в полный рост, и мэтр Бастельеро бросил ему монету, а потом открыл дверь экипажа и помог Айлин забраться в него.

– Благодарю за вашу заботу, милорд мэтр, – благовоспитанно поблагодарила она.

– Не стоит благодарности, адептка, – с каменным лицом откликнулся мэтр Бастельеро, захлопнув дверцу.

Айлин почувствовала, как на душе скребет не то что кошка, а целый Пушок. Со стальными когтями. Настоящий Пушок, запрыгнувший в экипаж следом за ней, положил морду на подол ее мантии и вопросительно хрипнул.

– Я же пообещала, что поеду к тетушке, а вовсе не к Алу... то есть лорду Вальдерону, – отчаянно попыталась объяснить Айлин, и Пушок сочувственно засопел. – Так зачем предупреждать извозчика? Получается, мэтр мне совсем не верит? И к тому же Ал... то есть лорд Вальдерон... Он же больше никогда не захочет меня увидеть! Ой, Пушок, ведь мэтр так его обидел, и все из-за меня! Если бы я только не решила отдохнуть, если бы и правда отвела его к Дарре и Саймону! Но тогда обиделись бы они... Но я все равно попрошу тетушку Элоизу узнать, все ли в порядке с лордом Аластором! Ну то есть... ведь у тетушки непременно получится это сделать, правда?

Пушок постучал хвостом по полу кареты, лизнул ее руку, и Айлин, обняв его за шею, постаралась думать о хорошем. Совсем скоро она увидит тетушку! И та обязательно придумает, что делать с кладом, и наведет справки об Аласторе, и... Нет, конечно, искать с ним встречи Айлин не будет, ведь она же дала слово! Но, может быть, тетушка согласится передать ему извинения?..

– Приехали, ваша милость, – окликнул ее возчик, и экипаж, неловко дернувшись туда-сюда, остановился.

Дверь распахнулась, и Пушок, выскочив первым, радостно заскакал вокруг экипажа, а лакей тетушки Элоизы, в темной, без отделки, ливрее, подал Айлин обернутую плащом руку.

– Благодарю вас! – вежливо улыбнулась она и закусил губу, вспомнив, что не знает его имени. А ведь дома... то есть в особняке Ревенгаров, она знала всех слуг по именам! Ну что ж, больше она никого из них увидит. И очень жаль!.. – Скажите, дома ли госпожа Арментрот?

Вдруг тетушка уехала с визитом к одной из сестер? Или по делам мужа? Или в поместье?! О, Претемная, пусть она будет дома!

– Госпожа Арментрот в малой гостиной, ваша светлость, – ровно и в меру почтительно ответил слуга. – Осмелюсь доложить, не одна.

«Не одна?» – растерянно подумала Айлин, оглядывая двор. Ни одного экипажа! Значит, это точно не сестры тетушки Элоизы, и уж конечно, не леди Гвенивер... Наверное, лакей имел в виду, что тетушка вместе с мужем? Да, наверняка!

– Благодарю вас, – повторила Айлин и поспешила к дому.

Лакей проводил ее до самой малой гостиной, постучал в дверь и торжественно объявил:

– Младшая леди Ревенгар!
– Айлин? – вскрикнула тетушка с радостным удивлением, и у Айлин мгновенно отлегло от сердца.
Она не ошиблась! Ну и пусть, пусть леди Гвенивер от нее отеклась, все равно есть дом, где ее всегда рады видеть!
Лакей посторонился, пропуская Айлин в комнату, и быстро подошедшая к дверям тетушка заключила ее в объятия и поцеловала в лоб.
– Доброго дня, милая! Как же я рада тебя видеть!
– Доброго дня, тетушка, – шепнула Айлин, обнимая тетю Элоизу и вдыхая еле уловимый запах жасминной воды от ее платья.
Глаза защипало – то ли от радости, то ли от стыда – тетушка так обрадовалась ее приезду, а Айлин... А она приехала по делу!
– Ну, пойдем же к столу, – улыбнулась тетя, заглядывая ей в лицо и улыбаясь. – Ты ведь не откажешься от шамьета с твоими любимыми пирожными? И надеюсь, милая, тебя не смутит, что у меня гость?
– Благодарю, дорогая тетушка! С удовольствием выпью шамьета, а после этого вы ведь не откажетесь взглянуть на клад, который я нашла?.. – выпалила Айлин и осеклась. – Гость? – уточнила она шепотом, чувствуя, как кровь приливает к щекам.
О Претемная! Теперь гость тетушки Элоизы будет думать, что ее племянница – отвратительно невоспитанная особа! Какой позор!
– Клад? – с растерянным любопытством переспросила тетушка, вскинув тонкие брови.
– Кхм... – раздалось из глубины гостиной, и Айлин в ужасе прижала ладони к щекам.
Ой... но ведь не может же быть гостем тетушки...

Глава 8. Месьор Черный Лев из Арлезы

– Господин Роверстан, – подтвердила тетя Элоиза. – Добрый друг нашей семьи. Вы, полагаю, знакомы?
Айлин кивнула, не в силах сказать ни слова.
– Разумеется, дорогая Элоиза, – согласился магистр, учтиво поднимаясь навстречу Айлин. – Ваша племянница невероятно украсила скучную жизнь Академии. Я не рассказывал вам о битве за розу? Изумительная история, поверьте.
– О, – усмехнулась тетушка, взглянув на залившуюся краской Айлин. – Рассчитываю услышать ее немедленно... Впрочем, одну минуту.
Она сдвинула на край стола разложенные между нею и магистром бумаги, дернула за шнурок и велела вбежавшей горничной:
– Энни, дорогая, еще кувшин шамьета и прибор для моей племянницы.
– Да, госпожа! – прощептала горничная и выбежала из гостиной.
– Рассказывайте же, Дункан! – нетерпеливо попросила тетушка, и Айлин, присаживаясь на край выдвинутого для нее стула, осторожно удивилась.
Выходит, магистр и вправду не просто сватался к леди Гвенивер, а действительно дружен с тетей Элоизой, если она позволяет звать себя просто по имени и его зовет так же?
А еще он наверняка пользуется полным доверием господина Арментрота, если тетушка принимает гостя одна, без мужа и даже без камеристки. Конечно, для торгового сословия этикет не так строг, но даже среди магесс мало кто позволит себе такое, не боясь недовольства супруга, что уж говорить о купцах! Все-таки господин Арментрот очень любит свою жену.
Рассказчиком, как Айлин уже знала по собственному опыту, магистр был великолепным, а сейчас, не за кафедрой в Академии, а в доме тетушки Элоизы за чашкой шамьета, повествование выходило еще увлекательнее, чем лекции! Как ни трудно было в это поверить.
Милорд магистр так ярко и образно рассказывал и о том, как адепт-боевик подарил розу иллюзорнице («Неужели Иоланде?! – с восторженным ужасом подумала опоздавшая к началу эксперимента Айлин, услышав описание девицы»), и о том, что случилось позже, а

тетушка так искренне и заразительно смеялась, что у Айлин тоже невольно посветлело на душе.

Как же хорошо сидеть рядом с тетушкой, пить горячий шамьет, не взяв чашку за ручку тремя пальцами, как того требует этикет, а обхватив ее обеими ладонями, как любил делать отец, и слушать увлекательную историю про изобретательных адептов-некромантов! В изложении магистра Роверстана это так смешно! И как ему идет камзол цвета топленых сливок, пошитый, насколько может судить Айлин, по последней моде! Жаль, что магистр не ходит так в Академии. А может, и хорошо, что не ходит, если вспомнить страдания девиц...

– К слову, о каком кладе ты говорила, милая?

Спокойно-ласковый голос тетушки вырвал Айлин из задумчивости. Оказывается, история о розе закончилась, и в комнате уже некоторое время царило молчание.

Айлин смущенно прикусила губу. Говорить о поисках клада, а главное, о причине поисков в присутствии магистра Роверстана казалось ужасно неловким! Хотя... все равно ведь мэр Бастельеро расскажет милорду магистру Эддерли – сам так сказал, а значит, рано или поздно все узнают...

«Значит, нет никакого смысла скрывать!» – шепнул внутренний голос точь-в-точь с интонациями магистра Роверстана.

– Я нашла клад, – тихо призналась Айлин, разламывая ложечкой миндальное пирожное. – Самый настоящий. И надеялась, что вы, тетушка, придумаете, как можно его продать. Тогда я смогу заплатить за обучение в Академии, ведь...

Она осеклась, покраснев и не зная, как можно говорить о такой ссоре, которая произошла у нее с леди Гвенивер, при постороннем? Пусть он хоть сто раз друг тетушки!

– О... – протянул Роверстан, и они с тетушкой обменялись быстрыми понимающими взглядами. – Стремление к самостоятельности весьма похвально, милая леди. Вы позволите взглянуть на вашу находку?

– Конечно, милорд магистр, – пролепетала Айлин и, отвянув от пояса сумочку, разумеется, не ту, что досталась ей от магистра Мэрли, протянула ее разумнику. – Возьмите!

– Благодарю за доверие, – серьезно кивнул Белый магистр, а тетушка Элоиза, взглянув на Айлин с беспокойством, шепнула:

– Милая, но за твое обучение мы могли бы... – и осеклась.

Айлин почувствовала, что в глазах заципало. Неужели и тетушка не сможет ее понять?!

– Мэр Бастельеро предложил мне работу в Академии, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. – Присматривать за крысами в Архивах. То есть за тем, чтобы крысы не заводились. И я, конечно, согласилась. Но ведь эта работа... За нее никто не станет платить столько, чтобы мне хватило на обучение, а если станут...

– То вы сочтете это милостыней, не так ли? – мягко подсказал магистр Роверстан, и Айлин, закусив губу, кивнула.

– Вы поразительно похожи на вашего почтенного отца, – покачал головой разумник и осторожно перевернул сумочку над поспешно придвинутым к нему тетушкой плоским блюдом из белой чинской глины.

На драгоценном блюде клад показался ужасно маленьким и вовсе не таким великолепным, как в шкатулке. Кольцо выглядело тяжелым и грубым, браслет потемнел от времени, и сломанная застежка сразу бросилась в глаза, цепочки... да ведь они совсем тонкие! Вот, правда, жемчуг в заливавшем малую гостиную солнечном свете так и засиял!

– Гм... – сказала тетушка и, протянув руку, взяла с блюда одну из жемчужин. – Что скажете, дорогой Дункан?

– Двадцать золотых за все, – уверенно сказал магистр, и Айлин едва не ахнула.

Двадцать золотых? Так мало?! То есть... конечно, это очень, очень много, но... но ведь обучение в Академии стоит целых пять золотых в месяц! Ей не хватит и на полгода!

– Но ведь жемчуг весьма хорош? – уточнила тетя Элоиза.

– Жемчуг хорош, – согласился магистр. – Но ожерелье разорвано, а сверленная жемчужина сильно падает в цене...

– Когда вы так говорите, дорогой Дункан, о сверленных жемчужинах и прочем... я сразу вспоминаю, что вы наполовину арлезиец с их любовью к иносказаниям, – с ядовитой

ласковостью проворковала тетушка, и магистр благодушно усмехнулся, но ничего не сказал.

А Айлин, вспомнив тот сон, что приснился ей на лекции по истории, покраснела. Так магистр действительно из Арлезы? Прямо как... ой-ой! Нет, никаких львов! Даже черных! Ах да, магистр сказал, двадцать золотых... наверняка он знает, о чем говорит, иначе тетушка не попросила бы его оценить клад, правда? И если так, то где же взять недостающее?

– Заработать столько, чтобы прибыль покрыла ваше обучение, вы действительно пока не можете, – задумчиво протянул магистр Роверстан, разглядывая собственный перстень. – И, как уже наверняка знаете, клады встречаются совсем не так часто, как хотелось бы. Что ж, я вижу еще одну возможность, если позволите...

– Да, милорд? – вскинулась Айлин с надеждой.

Магистр наверняка придумал что-то замечательное, он же разумник!

– Вам известно, что орденом магессам позволено играть в азартные игры? – так мягко спросил магистр, что Айлин не сразу поняла суть вопроса, а поняв, залилась краской.

Конечно, она часто слышала об азартных играх! Муж тетушки Брайд, любитель подобных забав, однажды проиграл в карты все приданое своей же старшей дочери, лучшего коня и фамильный перстень! Правда, перстень ему удалось отыграть, но все же...

И леди Гвенивер утверждала, что азартные игры – чудовищное баргогово изобретение!

Хотя ужасно интересное, наверное... И если магистр утверждает, что магессам такое подобает, наверное, так оно и есть? Но какое это имеет отношение к Айлин?

– Но ведь я еще не магесса? – осторожно спросила она.

– Но вы можете поручить кому-нибудь сыграть от вашего имени, – улыбнулся магистр. – Например, мне. Если, конечно, сочтете меня достойным доверия...

Тетушка Элоиза тихо хмыкнула, но, когда Айлин бросила на нее осторожный взгляд, лицо тетушки было совершенно спокойным.

– Вы ничего не потеряете, – спокойно добавил разумник. – Если я проиграю, то верну вам вашу ставку. Если же выиграю, то мы поделим выигрыш. Вы согласны?

– Конечно, милорд магистр! – начала было Айлин и тут же спохватилась: – Только... Как я узнаю, что вы...

– ...Действительно играл? – уточнил Роверстан, усмехаясь, и Айлин, снова покраснев, кивнула. – О, не стоит смущаться, юная леди, такая предусмотрительность делает вам честь. Чтобы вы не сомневались, ваша милая тетушка могла бы оказать мне любезность и отправиться вместе со мной. Вы согласны?

Айлин радостно закивала. Конечно, если магистр отправится с тетушкой... Это совсем другое дело! И совсем немного, самую малость, досадно – если бы и она могла посмотреть на игру своими глазами!

– Мне чрезвычайно льстит ваше предложение, дорогой Дункан, – сказала тетушка так чопорно, что Айлин удивленно взглянула на нее и облегченно выдохнула – в глазах тети плясали смешинки. – Но я же не могу оставить племянницу, которая приехала ко мне в гости! Но если вы согласитесь взять с собой нас обеих... Кстати, тогда я могла бы обойтись в поездке без камеристки.

– Разумеется, – склонил голову магистр, но Айлин готова была поклясться, что он тоже прячет смех. – В таком случае мы отправимся, как только юная леди будет готова. Готова? Айлин встревоженно взглянула на тетушку. Но ведь у нее нет ничего, кроме мантии!

– Я забрала твои вещи из дома Ревенгаров, моя дорогая, – успокоила тетушка. – Полагаю, то платье, которое тебе сшили для обеда у Эддерли, вполне подойдет.

– Прекрасно, – согласился магистр. – Там, куда мы отправимся, не стоит появляться в мантии адепта, к тому же с красно-фиолетовой отделкой.

– А... куда мы отправимся, милорд магистр? – осторожно спросила Айлин.

– В Люрьезу, разумеется! – сказал Роверстан так спокойно, словно это было совершенно обычное дело, а сердце Айлин замерло от сладкого восхищенного ужаса.

Люрьеза! Столица еще недавно враждебной Фраганы! И милорд магистр не боится?! Или он так уверен, что им там ничто не угрожает? О, вот это приключение... Даже увлекательнее, чем забраться в дворцовый парк! Ну что страшного могло бы случиться с

ней в сердце Дорвенны? Самое ужасное – если бы их поймали, то сообщили бы в Академию. А отправиться в Люрёзу, к фраганцам, с которыми воевали отец и лорд Бастельеро...

Воспоминание о лорде Бастельеро слегка приглушило то восхитительное предвкушение, что ее охватило. Она обещала... А что она обещала? Не делать того, о чем может пожалеть? Ну так она попросту не будет жалеть, что бы ни случилось! Она ведь не идет гулять в сомнительной компании, а сопровождает тетушку, почтенную замужнюю даму. И их обеих сопровождает милорд магистр Белой Гильдии! Это совсем другое дело, правда?

Переодеться ей помогла горничная, вызванная тетушкой Элоизой, которая и сама удалилась, чтобы сменить домашний наряд на выездной. Айлин торопливо натянула то самое зеленое платье – и снова в глазах зашипало. Первый и последний раз она его надевала в гости к Эддерли, тогда еще был жив отец, и их семья была настоящей семьей, наверное... Решительно смахнув непрошеную слезинку, она глянула в зеркало, пока горничная быстро расплетала ей косу и укладывала в простой, но красивый узел. В зеркале отражалась она, Айлин, и в то же время кто-то другой. Претемная и Пресветлый, как же хорошо быть не леди и жить, как хочешь! Вот тетушка тоже вышла замуж не за лорда и счастлива!

– Ты готова, моя дорогая?

Тетя Элоиза вошла в комнату и одобрительно оглядела Айлин с ног до головы.

– Прекрасно выглядишь! Только... Катрина, подайте мой малый жемчужный гарнитур. – Она приняла от горничной коробочку и открыла ее. Айлин ахнула, увидев изящные серьги и кулон на тонкой золотой цепочке, а тетушка улыбнулась и сказала: – К этому платью непременно нужны украшения. Айлин, ты ведь примешь от меня маленький подарок?

Скажем, на прошедшее Солнцестояние. Я ведь так ничего тебе и не подарила.

Тетушка улыбнулась, и Айлин порывисто бросилась к ней, обняла и прижалась, прошептала:

– Не говорите так. Вы очень, очень многое мне подарили. Все эти годы... Я так вам благодарна за вашу любовь!

– Ну полно, полно, милая...

Растроганная тетушка обняла ее в ответ, а потом ласково отстранила, напомнив:

– Пора идти, нехорошо заставлять себя ждать.

Шурша синим атласным платьем, сшитым – и сомневаться не надо! – по последней фраганской моде, она вышла в гостиную, и Айлин с некоторой робостью последовала за ней. Вдруг в последний момент что-то помешает?

– А вот и мы, – весело объявила тетушка, и двое мужчин, беседующих у окна, разом обернулись. – О, дорогой мой, ты уже вернулся! До чего кстати! Господин Роверстан предлагает нам с милой племянницей увеселительную прогулку в Люрёзу. Ты присоединишься?

Айлин присела в реверансе, затаив дыхание, а господин Арментрот, невысокий, седой и полноватый, подошел и погладил ее по голове с обычной приветливой улыбкой, а затем поцеловал тетушку Элоизу в щеку и шутливо развел руками.

– Люрёза? После дня, который у меня выдался? Нет, милочка, отправляйтесь без меня.

Желаю вам хорошо повеселиться. Дункан, вы ведь позаботитесь, чтобы никакие галантные местьеры не похитили моих красавиц?

– Не извольте беспокоиться, дорогой Тимоти, – с такой же веселой любезностью отозвался Роверстан. – Ваши дамы сами могут похитить чье угодно сердце, так что мы вернемся с трофеями. Продолжим дело нашего непобедимого мэтра-командора и возьмем с Фраганы все, что он недополучил.

И Айлин поняла, что поездка все-таки состоится!

Путь до столичного портала пролетел так быстро, словно экипаж Арментротов, запряженный красивой четверкой итлийских гнедых, летел по воздуху. Тетушка и магистр Роверстан вполголоса обсуждали снижение пошлины на шелк, и Айлин только молча удивлялась: получается, что женщине понимать в торговых делах не так уж и неприлично? Вон как внимательно слушает тетушку магистр! А дома всегда говорили...

Впрочем, дома много чего говорили! Раз уж Айлин, учась магии, разбирается в сложных энергетических построениях, неужели она бы запуталась в денежных расчетах? Наверняка нет... Просто ей это неинтересно. Вот магия... Как было бы прекрасно закончить

Академию, а потом продолжить обучение и когда-нибудь стать преподавательницей! Ну а что, ведь магистр Уинн – тоже женщина! А управляет целой гильдией. Отец наверняка гордился бы...

– Приехали, – сообщил Роверстан, выглядывая в окно. – Надеюсь, милые дамы, вы не против прогуляться несколько шагов?

Айлин еще как была не против! Они с тетушкой покинули экипаж и прошли по длинной площадке к высокой каменной арке, самой обычной, только в нескольких шагах от нее Айлин кожей почувствовала растущее магическое напряжение.

– Нарушаем эдикт вашего драгоценного коллеги? – усмехнулась тетушка, беря Айлин под руку.

Магистр улыбнулся в ответ, отдавая несколько монет невысокому человеку в темном камзоле с синей отделкой. А потом сообщил:

– Мой драгоценный коллега никогда не умел правильно расставлять приоритеты. Кто сказал, что у нас не «дело жизни и смерти»?

Он произнес последние слова, забавно и очень похоже копируя тон лорда Бастельеро, и Айлин едва не удержалась, чтобы не хихикнуть, а потом вместе с тетушкой отважно шагнула в радужную пелену, затянувшую все пространство арки. На миг ее словно окатило ледяной водой, стало душно и тяжело дышать, потом – жарко... А потом все разом закончилось, и они просто вышли из арки с другой стороны. Ой нет, не просто – с другой! Айлин замерла, завороченно разглядывая широкую городскую площадь, на другом конце которой высилось какое-то длинное и высокое здание, украшенное множеством башенок.

– Извольте взглянуть, юная леди, – обратился к ней магистр, взмахом руки подзывая извозчика. – Это знаменитая Гранд Опера, где дают самые величественные и роскошные представления, балы и маскарады. Очень жаль, что сегодня у нас другие планы.

Он распахнул дверцу подъехавшего экипажа, помог сесть в него тетушке, потом протянул Айлин руку, и она оперлась на нее, даже сквозь тонкую лайковую перчатку невольно почувствовав, какие теплые и сильные у магистра ладони. Совсем как тогда, во время урока фехтования...

Слегка покраснев, Айлин юркнула в экипаж и села рядом с тетушкой, чинно расправив складки платья и накидки. Но тут же не удержалась и выглянула в окно. Гранд Опера, подумать только! Маскарады! Как это весело, наверное!

Магистр сел на скамью напротив них с тетушкой, и экипаж тронулся. Мимо окон поплыла улица, похожая на дорвеннскую и в то же время неуловимо чужая. В приоткрытое окошко кареты доносились выкрики уличных торговцев, и Айлин, усердно учившая итлийский и фраганский, как положено образованной леди, поняла, что разбирает в лучшем случае половину слов.

– Это ратуша Люрьеzy, – негромко называл магистр здания, мимо которых они ехали. – На самой высокой башне, обратите внимание, огромные часы, которые работают уже триста лет – и без капли магии! Только искусством мастеров, их создавших. Вон там дальше – Арсенал, но это вам вряд ли будет любопытно... Торговая палата... Умоляю, дорогая Элоиза, не сверкайте глазами с таким интересом, я с удовольствием сопровожу вас туда в другой раз. А это – особняк мадам Лассомбаль, знаменитой танцовщицы и близкой... подруги его величества Флоримона.

– Какой красивый... – восторженно прошептала Айлин, глядя на изящный золотисто-белый дом, словно сотканный из кружева. – Это ей король подарил?

– О да, его величество очень ценит искусство, – невозмутимо подтвердил магистр Роверстан, а тетушка почему-то еле слышно фыркнула и прикрыла губы веером. – Дальше, смотрите внимательно, милая Айлин, здание Фраганской Академии наук и изящных искусств. Прекрасная архитектура, хоть и не чисто фраганская, очень заметно итлийское влияние. А по другую сторону улицы...

– Простите, магистр, а вон тот дом? – указала Айлин взглядом на небольшой особняк, мимо которого они как раз медленно проезжали.

Возле этого дома стояло около дюжины карет, окна, несмотря на день, только близящийся к вечеру, были плотно затянуты шторами, и чуткий некромантский слух Айлин различил доносящуюся музыку. Может быть, там бал? Но зачем закрывать окна? А еще над парадным входом вместо герба владельца висела бронзовая вывеска прекрасной работы –

черная кошка выгибала спину, лукаво поглядывая на прохожих стеклянными зелеными глазами. В передней лапе кошка держала фонарь с красными стеклами, внутри которого ярко светился магический огонь.

– Ах, это... Это... литературный салон. Очень известный! Лучший во Фрагане...

Айлин снова не поняла, почему магистр едва уловимо замялся при ответе, а тетушка, снова прикрывая губы веером, очень любезно сказала:

– Вы так любите литературу, дорогой Дункан. Наверное, очень часто посещали этот... салон?

– Случалось, дорогая Элоиза, – безмятежно подтвердил магистр. – Но только до войны, разумеется.

– Можно подумать, во время войны вас бы сюда не пустили.

В голосе тетушки слышалось еле уловимое ехидство, на которое магистр ответил ласковой улыбкой и уточнением:

– Меня? Ну разумеется, пустили бы! Но я искренне считал это непатриотичным.

– Да неужели? – поразилась тетушка. – И вы пошли на такие жертвы? А как же литература? Посещали подобные... салоны в Дорвенанте или занимались... литературой в стенах Академии?

– В стенах Академии, дорогая Элоиза, – парировал магистр, – я занимался и занимаюсь исключительно преподавательской деятельностью. А общение с фраганцами на тему... литературы оставляю своему драгоценному коллеге, мэтру Бастельеро. Он ревностно занимался этим последний десяток лет, и фраганская сторона платила ему тем же. У них такие горячие... литературные отношения...

Тетушка фыркнула и спряталась за веером почти до самых бровей, а Айлин непонимающе переводила взгляд с нее на магистра Роверстана и обратно.

– Милорд Бастельеро интересуется книгами? – спросила она.

– Очень, – сказал магистр, и Айлин показалось, что он едва сдерживает смех. – Только не говорите с ним об этом, милое дитя. Мэтр чрезвычайно стесняется своего увлечения Фраганой. О, мы почти на месте!

Экипаж проехал в широко открытые ворота и остановился на площадке, где стояли несколько карет с гербами и без. Айлин выглянула в окно и увидела высоченный дом в три этажа. Большие окна, слегка прикрытые полупрозрачными занавесями, лепные карнизы вокруг здания, изображающие какие-то мифологические фигуры, широкое парадное крыльцо и над ним аккуратный портик... Очень красивый особняк, хоть и совсем в другом стиле, чем у мадам Лассомбаль. Интересно, а какими танцами она так прославилась и почему? Ведь танцевать умеют все аристократки. Может быть, мадам – знаменитая преподавательница?

Мягкий голос магистра прервал ее размышления:

– Прежде чем мы войдем, дорогая Айлин, я настоятельно прошу вас ничему не удивляться. Или хотя бы не показывать своего удивления слишком явно. В это место принято приходить инкогнито, это часть здешних традиций, и мы тоже представимся вымышленными именами. Точнее, представлюсь я, а вы будете просто моими спутницами – так приличнее. Элоиза, дорогая, вы собираетесь играть?

– Ну что вы, Дункан, – отозвалась тетушка, бросив на магистра почему-то насмешливый взгляд. – Я ведь не магесса, а обычная профанка, притом замужняя. Нет-нет, я всего лишь составлю вам компанию. Двадцать золотых, значит? Надеюсь, удача будет вам сопутствовать ради моей милой Айлин.

Айлин тоже на это очень надеялась! Конечно, магистр был столь любезен, что пообещал ей возместить потери в случае проигрыша, но это будет нечестно! Он и так оказывает ей слишком большую услугу. Наверное, они с дедушкой были очень дружны...

– Милорд магистр, – осмелилась она спросить, снова опираясь на руку Роверстана и выходя из кареты, – вы не знаете, как себя чувствует мой почтенный дедушка?

– Уже лучше, – отозвался разумник, помогая выйти тетушке Элоизе. – Но целители рекомендуют ему как можно больше покоя, так что он не принимает посетителей. Не обижайтесь на него за это, милое дитя.

Айлин и не думала обижаться, ей почему-то стало даже легче от мысли, что дедушка, то есть милорд Морхальт, вполне готов обойтись без ее общества. Стыдно признаться в таком, но она совсем не представляла, о чем стала бы с ним разговаривать...

Взяв тетушку под руку, Роверстан повел ее к парадному входу, и Айлин чинно пошла рядом, стараясь не думать о том, что случится, если в них распознают дорвенантцев. Ох, наверное, ей с ее неуверенным знанием фраганского лучше молчать!

Они поднялись по широкой лестнице крыльца, и важный лакей в синей, густо позолоченной ливрее распахнул перед ними дверь. Внутри, в огромном холле с высокими потолками, расписанными кудрявыми младенцами и неприлично раздетыми девушками – Айлин пришлось напоминать себе, что искусство не может быть неприличным! – их встретил еще один лакей с маленьким золотым подносом, на который магистр зачем-то положил свой орденский перстень! Разве... разве так можно?!

– Это необходимое условие, моя дорогая, – сказал Роверстан, видя ее изумление. –

Использовать магию – слишком большое искушение для многих нечестных или отчаявшихся людей. К тому же игроки суеверны... Знаете, есть примета, что новичкам непременно везет в их первой игре. Я бы объявил вас своим талисманом, но их, как видите, принято сдавать на входе!

Айлин робко улыбнулась шутке и подхватила тетушку под руку, вцепившись ей в локоть и стараясь, чтоб это не выглядело слишком отчаянно. Магистр тем временем что-то сказал встретившему их лакею и дал ему несколько золотых монет из поясного кошелька. Слуга поклонился, ловко спрятав деньги, провел их к следующим дверям в конце холла, и пришлось снова подниматься, теперь уже на второй этаж. Айлин жадно разглядывала все вокруг: живые цветы в высоких напольных вазах, сияющие хрустальные светильники, ковры и начищенный узорчатый паркет там, где их не было... Так вот как выглядит игорный дом! Роскошно, словно королевский дворец!

Очередной лакей встретил их у высоких дверей, ведущих во внутренние помещения дома. Айлин пропустила, разглядывая картину на стене, что сказал ему магистр, но слуга распахнул обе створки и провозгласил:

– Месьор Леон Нуар ди Арлезе со спутницами!

Что?! Айлин снова изумленно взглянула на магистра, ответившего ей слегка лукавой улыбкой, почти сразу спрятавшейся в густых усах. Арлезе? То есть арлезиец?

– Месьор Черный Лев из Арлезы? – Тетушка вскинула брови, весело глядя на Роверстана. – Ну и фантазия у вас, дорогой Дункан! Впрочем, вам изумительно идет!

– Рад это слышать, – безмятежно отозвался магистр и провел тетушку в двери, а следом вошла Айлин, не зная, верить ли собственным ушам, и если да – что это значит?

Черный Лев из Арлезы? Но... Он ведь не может знать! Просто не может. И снова этот лев... Может, милорду магистру просто нравится могучий зверь, символ его родины? Ох, Претемная, пусть это будет именно так!

И тут у Айлин все вылетело из головы, потому что стоило ей оказаться в огромном зале – и сотни звуков, запахов, красок и других непонятных ощущений разом обрушились на нее. Пожалуй, это было самое большое крытое пространство, что она видела до сих пор!

Десятки магических светильников заливали комнату ярким сиянием, и повсюду: у стен, окон и посередине зала – стояли небольшие столы, окруженные людьми. Между ними сновали слуги, разнося напитки и закуски, фланировали богато одетые дамы под руку с кавалерами, но больше всего было одиноких мужчин. Кое-кто повернулся к ним троем на несколько мгновений, но тут же снова потерял интерес.

– Наверху есть комнаты для частных встреч, – спокойно объяснил магистр. – Там играют по предварительной договоренности, а нам... Нам, пожалуй, подойдет вот это.

И он направился к столу в глубине зала, а Айлин с трепыхающимся, как пойманная птичка, сердцем последовала за ним, беспомощно вцепившись в тетушку.

– Все хорошо, милая, – тихо сказала ей тетушка по-дорвенантски, и Айлин только сейчас услышала, что в зале звучит невероятная смесь языков.

Люди разговаривали на фраганском, итлийском, арлезийском, еще на каких-то языках, которых Айлин не знала даже по звучанию, а кое-где – она ушам своим не поверила! – звучала и дорвенантская речь, правда, нечасто и негромко. И все-таки ей стало чуть-чуть легче. Примерно, как ягненку, окруженному волками и вдруг услышавшему далекий лай

пастушьих псов. Фраганцы оказались не такими страшными, как она представляла. Обычные люди, только много черноволосых и смуглых. А как роскошно и изысканно одеты дамы! Неужели это все магессы? Ах нет, какая она глупая, ведь мало кто из них играет! Наверное, это жены, сопровождающие мужей...

– А во что будет играть магистр? – тихо спросила Айлин, видя, как Роверстан встает на освободившееся место у круглого стола и машет им рукой.

– М-м-м... – задумалась тетушка. – Это не кости и не итлийское колесо. А из карт...

Полагаю, он предпочтет «кредитьон».

– Доверие? – перевела Айлин, удивляясь такому странному названию игры.

– Именно, дорогая. Это очень простая игра и очень интересная. Один из игроков, зачинщик, выкладывает на стол карту рубашкой вверх и называет вслух ее достоинство. Противник же должен решить, верит ли он зачинщику. После этого карта переворачивается, и если зачинщик обманул, а противник поверил, то выигрыш отходит зачинщику, если же наоборот, выигрывает противник. Совсем просто!

– И... можно выиграть много денег?

– Зависит от ставок, моя милая, а ставки обычно повышаются с каждым кругом, пока соперники на это согласны. Главное достоинство «кредитьона» – быстрота. Есть игры, партия в которых длится целый вечер, но нам они не подходят. Понимаешь теперь, почему милорд оставил перстень при входе?

– Да... выдохнула Айлин, действительно представив, что может сотворить маг разума, если главное условие победы в «кредитьон» – угадать, что думает соперник.

Разумники, конечно, не умеют читать мысли! Но... после черного арлезийского льва она уже не была в этом так уверена. Правда, милорд Роверстан собирается играть честно, раз расстался с орденским перстнем. Вдруг он проиграет?

– Идем, посмотрим, – улыбнулась тетушка и взяла с подноса проходящего мимо слуги два бокала с чем-то бледно-золотистым.

Один она вручила Айлин, второй поднесла к губам. Похоже, правило не есть и не пить на ходу, тщательно вызубренное дома, здесь тоже не действовало. И вообще, все вокруг только тем и занимались, что нарушали этикет!

Что происходило за столом, она не слишком понимала, несмотря на разъяснения тетушки.

То есть понимала, но никак не могла определить, выигрывает ли магистр. Он сидел с любезным и совершенно спокойным выражением лица, как и его соперники, только мелькали руки, переворачивая карты, и иногда блестели монеты, падая на зеленое сукно, которым был обит стол. Ах нет, это были не монеты... Большие металлические фишки вроде тех, на которые играли дети в гостиной Ревенгаров! Только разного цвета.

– А что это? – шепотом спросила Айлин, и тетушка снова поняла ее затруднение.

– Сюда приезжают гости из разных стран, милая. Пересчитывать одни деньги в другие – сложно и утомительно. Гости меняют свои монеты на «веселые флорины», так это называется, а потом, уходя с выигрышем, обменивают их на настоящие деньги. Очень удобно, только процент... Никогда не меняй деньги в игорном доме! Правда, здесь не подсунут фальшивку, за этим строго следят. И вино подают прекрасное.

Айлин отпила из бокала, который держала в руке совсем как взрослая леди, и едва не закашлялась: вино оказалось кислым и щипало язык. Фу, какая гадость! Она мужественно сделала еще глоточек, пытаясь понять, что так нравится тете Элоизе. Нет, все-таки невкусно!

А за столом тем временем происходило что-то странное! Кучка фишек перед милордом магистром то росла, то, напротив, уменьшалась, почти исчезая. Богато одетый господин тасовал колоду, раскладывая карты, потом собирал «веселые флорины» с магистра и его противника, карты падали на стол, открывались...

Айлин только поняла, что соперники милорда Роверстана постоянно меняются, а он так и сидит, обмениваясь с очередным игроком любезной улыбкой. Но фишки! Их ведь не становится больше! Фраганский господин, раздающий карты, постоянно забирает их у магистра целой кучкой, выдавая взамен одну-две. Это ведь... плохо? Или нет?

– Вот мерзавец... – с непонятым восхищением покачала головой тетушка и тут же спохватилась: – Не слушай, милая, все замечательно!

Как же замечательно? Айлин с наворачивающимися на глаза слезами смотрела, как магистр в задумчивости трогает серьгу в ухе, как снова исчезает перед ним горка «веселых флоринов», оставленная очередным соперником... Ну почему он не уходит? А вдруг проиграет не только ее деньги, но и свои? Да что там, наверняка давно проиграл!

Она глотнула еще кислого шипучего вина, только чтобы смочить пересохшее горло, и голова слегка закружилась, а внутри стало тепло. «Будь что будет, – обреченно решила Айлин. – Лишь бы магистр не обиделся на тетушку...»

Перед ее глазами стояли несчастные двадцать флоринов, которые стоил ее клад и которые, как оказалось, совсем ничего не значили в этом королевстве огромных денег! На некоторых столах Айлин видела горки фишек, в которых, по виду, были десятки, если не сотни флоринов. А сколько за это время проиграл магистр Роверстан, она и подумать боялась. Сейчас перед ним лежали пять или шесть «веселых флоринов» не приятного золотого цвета, как у других игроков, а каких-то мрачно-черных. И окружающие стол люди глядели на Роверстана с таким странным выражением... Наверное, они ему сочувствуют?

Очередной соперник магистра встал, и Роверстан, улынувшись, что-то сказал господину во главе стола и подвинул к нему оставшиеся «веселые флорины». Тот, поднявшись, поклонился, и люди вокруг зашумели, но Айлин не разбирала ни слова, старательно сдерживая слезы. Какая она все-таки невезучая! И щедро поделилась невезением с магистром!

Роверстан запустил другую руку в поясной кошелёк, вытащил горсть уже обычных монет и бросил их на стол. Мгновенно оказавшийся рядом лакей сгреб деньги, махнул рукой, и тут же с другого конца зала подбежали несколько слуг с полными подносами бокалов и закусок. Гомонящие люди вокруг разбирали все это и поднимали бокалы вверх, пока магистр шел от стола к Айлин и тетушке.

– При выигрыше положено угощать менее счастливых соперников, – невозмутимо сказала тетушка. – Это хороший тон.

– Выигрыше? – поразились Айлин. – А разве... милорд не проиграл?

– Почему это я проиграл, милое дитя? – весело удивился магистр, и Айлин увидела, что он в прекрасном настроении. – Наш выигрыш как раз меняют на обычные деньги!

Черные глаза Роверстана блестели и сверкали, улыбка уже не скрывалась в усах, а победно растягивала губы, и голос, всегда бархатный и низкий, превратился в урчащее мурлыканье.

– Дункан, вы напугали мою племянницу, – шутиливо упрекнула его тетушка, слегка тронув рукав камзола магистра веером. – Ушли играть с двадцатью полновесными флоринами, а в конце остались с полудужиной каких-то странных кругляшков! Первый раз вижу черные «веселые флорины». Один к тремстам?

– К пятистам, дорогая, к пятистам, – тем же мурлычащим тоном отозвался разумник. – Очень приятный вечер! Идемте? Не стоит испытывать удачу слишком настойчиво, эта леди и так была благосклонна к нам больше обычного.

– Месьор Нуар! – подскочил к ним лакей, и Айлин снова обрела способность понимать фраганскую речь. – Желаете карету? Будем счастливы видеть снова вас и ваших прекрасных спутниц! Для мадам и демуазель от нашего дома...

И он протянул магистру две корзинки с настоящими живыми фиалками, которые Роверстан, кивнув, повесил на руку.

– Карету до ближайшего портала, – согласился он. – Мои наилучшие пожелания вашему управляющему. Непременно навещу вас снова.

Поклонившись, лакей растворился в толпе, а магистр предложил тетушке Элоизе свободную руку. Айлин, которой теперь не терпелось узнать, сколько же они выиграли, шла рядом, старательно сдерживаясь, чтоб не запрыгать от нетерпения. Выиграли! И люди вокруг провожают их взглядами вовсе не из жалости! Магистр улыбался и кивал в ответ на поклоны, иногда бросал несколько слов, желая удачи, и Айлин видела восхищенные улыбки и горящие глаза... Как она вообще могла подумать, что милорд Роверстан проиграет?! Это же он! И как жаль, что нельзя никому, совсем никому рассказать о таком чудесном приключении! Аластор бы точно оценил...

Грусть, примешавшаяся к пьянящему веселью ноткой горечи, кольнула сердце, и Айлин вдруг захотелось оказаться дома. У тетушки или в Академии, в комнатке, которую она уже стала считать своей, что бы там ни думала на этот счет Иоланда! Выпить шамьета и

поверить, что черная полоса закончилась... Ведь закончилась, да? И обязательно, обязательно попросить тетушку узнать, как дела у Аластора! Она совсем забыла о друге, бессовестная, а ведь они теперь долго не увидятся... По крайней мере, пока Айлин не станет взрослой и не сможет сама решать, с кем общаться.

В холле магистру торжественно подали его перстень на подносе, и Роверстан вернул его на палец, а у крыльца к ним снова подскочил лакей, почтительно помог донести корзинки с цветами, а второй, вынырнувший у самого экипажа, подал Роверстану две коробочки, завернутые в серебристый шелк, и какой-то кожаный мешок. Айлин подумала бы, что там деньги, но для этого мешочек был слишком велик!

– Ваш заказ, месьор! Будем счастливы видеть вас снова!

Роверстан помог Айлин и тетушке Элоизе сесть в роскошную карету, и она так мягко покатила по мостовой, что Айлин невольно выглянула в окно – а действительно ли экипаж едет, а не плывет или летит?

– Рессоры, – небрежно уронил магистр непонятное слово. – Изумительная новинка. Элоиза, вам непременно нужно заказать такую. При состоянии дорог в нашей любимой, но изрядно обедневшей за годы войны столице это истинное спасение!

– Вы совершенно правы, дорогой Дункан, – согласилась тетушка. – Тимоти приходится очень много ездить по делам, а у него болят спина. Прекрасное изобретение, завтра же позабочусь. А теперь не томите, успокойте мою бедную девочку!

– Действительно, – улыбнулся магистр. – Итак, милое дитя, вы уже поняли, что такое «веселые флорины»?

Айлин робко кивнула.

– Тогда вам осталось узнать, что они меняются точно так же, как обычные деньги. Ведь в обычном золотом флорине – десять серебряных, а в серебряном – двадцать медных крон, которые делятся на полукроны и четверти. Так и «веселые флорины». Я просто обменивал их во время игры на фишки большего достоинства. Для удобства.

– И вы... выиграли? – осторожно спросила Айлин. – То есть не несколько штук, а много?

– Полдюжины «черных» флоринов, – продолжал улыбаться Роверстан. – По курсу игорного дома каждый из них оценивается в пятьсот обычных. Фраганских, разумеется, а они немного дороже дорвенантских.

Айлин честно попыталась посчитать, но способности к математике тоже, кажется, исчезли.

Получалось слишком много, это никак не могло быть правильным!

– Подставляйте колени, – хмыкнул магистр, глядя на ее мучения. – Ну же!

И, развязав мешочек, наклонил его в торопливо подставленный Айлин подол накидки.

Золотой дождь! Нет, водопад! Айлин, онемев, глядела на мгновенно потяжелевшую накидку, не в силах поверить глазам! Такого... просто не бывает!

– Примерно три тысячи фраганских флоринов двойными золотыми, – как-то очень буднично сказал магистр. – В пересчете на дорвенантские – больше. Ваша тетушка поможет с обменом, я полагаю.

Он запустил руку в огненно сияющий золотой ворох, набрал горсть и показал Айлин.

– Вот это – приблизительно ваша оплата Академии за год. Как видите, остается еще достаточно. Я бы советовал вам заплатить за два-три года, чтобы не думать о ближайшем будущем, а остальное вложить в какое-нибудь надежное и быстро растущее предприятие. Лучше не одно. Например, арлезийские верфи, торговый дом вашей тетушки и что-нибудь итлийское... Пряности, пожалуй, или шамьет. Могу поставить свой перстень против вашей корзины с фиалками, что все это в ближайшие лет двадцать не подешевеет, а будет только дорожать. Айлин?

– Да... милорд, – послушно отозвалась Айлин и с трудом оторвала взгляд от груды золота, каменной тяжестью нагрузившей ее колени. – А разве... разве так можно? Это же целое состояние!

– Именно, милое дитя, – сказал магистр неожиданно серьезно. – И потому я настоятельно вас прошу! Обещайте мне, что никогда не сядете за игорный стол, если у вас не будет двух-трех состояний, одно из которых не жалко проиграть. Вы ведь видели, сколько моих соперников потерпели неудачу? А это были весьма опытные игроки... Вы меня хорошо поняли, Айлин? Игра – это очень серьезное и зачастую страшное занятие, где на одного счастливого или бесчестного игрока приходится десятки проигравших. Ну-ну, не смотрите

так испуганно. Мы, арлезийцы, обычно удачливы. – Он улыбнулся. – Кстати, в Арлезе, например, можно выиграть не только деньги, но даже дворянский титул! А мой добрый друг дон Разн однажды проиграл все, кроме одежды! А потом отыграл обратно и деньги, и драгоценности, и парочку мешков золота, и еще должность бургомистра в придачу. Правда, последнее сразу проиграл обратно.

– Какой мудрый человек, – одобрительно сказала тетушка. – Быть бургомистром – это сплошная головная боль! Айлин, милая, давай-ка соберем твои деньги.

– Милорд Роверстан? – торопливо выпалила Айлин, пока тетушка ссыпала золото обратно в мешок. – Но я не могу взять эти деньги! Ну, то есть не все! Мы ведь договаривались, что поделим выигрыш! Он принадлежит вам! Это же вы...

Она запнулась, но магистр ласково улыбнулся и взял из блестящей и звякающей кучки монет на ее коленях один золотой.

– Вот моя доля! – торжественно провозгласил он. – Сохраню его на память о прекрасном вечере. И вам, милая Айлин, советую. Частичка удачи дорогого стоит... Ну а это – тоже на память! Нельзя покинуть Фрагану, не прихватив одно из ее главных сокровищ!

И он подал Айлин и тетушке Элоизе коробки, которые все это время лежали на сиденье.

– Дункан! – ахнула тетушка, разглядев что-то на шелке, которым был обернут подарок. – Мои любимые! Какая прелесть!

– Ваш постоянный жасмин, – подтвердил магистр, улыбаясь, как огромный кот. – А для вашей дорогой племянницы я позволил себе смелость сам выбрать аромат.

Духи? Настоящие фраганские духи?! Айлин стиснула коробочку, мгновенно забыв про золото! Интересно, какой у них запах? Ма... Леди Гвенивер предпочитает розу, тетушка Элоиза без ума от жасмина, а кузины и Иоланда с ее подругами меняют ароматы постоянно. Какие же духи подарил ей магистр?! И... можно ли принять такой интимный подарок? Она, конечно, больше не леди, но разве это прилично?

– Я надеюсь, эта поездка останется нашим секретом, адептка Ревенгар, – серьезно сказал магистр, и только его глаза весело блеснули. – Вы же понимаете, то, что позволено месьюру Леону Нуару, не совсем к лицу преподавателю Академии.

Айлин торопливо закивала, прижимая коробочку к груди. Сумасшествие, настоящее сумасшествие! Но какое прекрасное! Она вдруг вспомнила, что настоящая леди должна открыть подарок и должным образом поблагодарить дарителя! Серебристый шелк с крошечной бумажной этикеткой, написанной по-фрагански, словно сам собой развернулся под пальцами, и хрустальный флакон блеснул в луче солнца, упавшем в окно кареты. Айлин откупорила крышку, поднесла ее к носу... Тонкий аромат, одновременно полный сладости и горечи, разнесся по карете. Повеяло весной, теплом, чем-то чудесным, таким, отчего сердце замерло и снова забилось сильно и радостно.

– Цветущий каштан? – удивленно сказала тетушка. – Какой необычный выбор, Дункан! Айлин вдохнула его снова, и голова у нее закружилась. Кажется, теперь она знала, как пахнет счастье...

Глава 9. Уроки силы и смирения

– Лорд Вальдерон ожидает вас! – провозгласил дворецкий так торжественно, что Грегор внутренне поморщился.

Провинциальные дворяне! Отчего-то они так боятся показаться провинциалами, что вечно пытаются перещеголять жителей столицы во всем, от манер до отделки нарядов, и даже не понимают, что выглядят в лучшем случае смешно.

«Впрочем, мне-то что за дело? Хочется надеяться, что старший лорд Вальдерон не только добр, как утверждал Малкольм, но и умен – и что после сегодняшней встречи я больше никогда не услышу ничего об этой семейке!»

– Прошу вас, милорд Бастельеро, сюда... – почтительно предложил дворецкий, распахивая тяжелую дверь кабинета, по всей видимости.

– Благодарю, – уронил Грегор, входя и окидывая комнату беглым взглядом.

Хозяин дома, сидевший до того за письменным столом, поднялся ему навстречу, учтиво поклонился – и у Грегора потемнело в глазах: на долю мгновения показалось, что перед ним оказался Малкольм. Не тот, оплывший весенним сугробом, махнувший на себя рукой и топящий тоску в вине, каким Грегор видел его в последний раз, а такой, каким должен был бы стать за эти годы: заматеревший не хуже иного медведя, немолодой, но подтянутый и ловкий, с цепким внимательным взглядом.

– Лорд Бастельеро? Польщен.

Совершенно чужой голос разрушил наваждение.

– Лорд Вальдерон, – сухо откликнулся Грегор, поклонившись в ответ, но глядя не на лорда – слишком неприятно задевало его сходство с Малкольмом! – а на поспешно вставшую женщину, сидевшую до того рядом с мужем. – Леди Вальдерон.

Джанет Вальдерон присела в реверансе, поспешно опустив глаза, но Грегор успел увидеть мелькнувшую в них испуганную злость. О, кто бы сомневался, что она его узнает!

Выпрямившись, Джанет перевела взгляд на супруга.

– Себастьян, ты позволишь мне оставить вас?

– Конечно, милая, – улыбнулся жене Вальдерон, и у Грегора заныло сердце.

Видел бы это Малкольм! Его бывшая любовница, судя по всему, более чем довольна жизнью, а он... Как можно так опуститься из-за женщины, которая – видит Претемная! – не стоит и мизинца его жены! Грегор усилием воли подавил злость.

– Не желаете ли вина? Шамьета? – предложил лорд Вальдерон, глядя вслед жене.

– Благодарю, не стоит, – сухо отказался Грегор. – С вашего позволения, сразу к делу. Вам известно, где провел прошлую ночь ваш сын?

Радужную улыбку Вальдерона словно смыло.

– Мой сын, милорд Бастельеро, уже весьма взрослый юноша, – холодно произнес он. – И у меня нет причин сомневаться в его осмотрительности и разуме. Иными словами, я достаточно доверяю Аластору, чтобы не проверять, где он проводит ночи.

– В самом деле? – тихо переспросил Грегор, чувствуя, как притихшая с уходом леди Вальдерон ярость снова вскипает. – Так позвольте вас просветить. Ваш сын, милорд Вальдерон, провел прошлую ночь в Академии, более того – в комнате моей адепки, где уснул в ее постели, злоупотребив карвейном. И если бы девица не дала слово чести, что с ней не произошло... непоправимого, мы с вами разговаривали бы сейчас совсем иначе.

Вальдерон недоуменно нахмурился и скрестил руки на груди.

– Должен признать, милорд Бастельеро, я не совсем понимаю цель вашего визита. Прошу простить, – быстро добавил он. – Но, если слухи об Академии правдивы, то...

«То там творится еще и не такое! – перевел Грегор многозначительную паузу Вальдерона. – Проклятье! Трижды проклятье! Что он себе позволяет, этот профан?!»

– Из-за неразумного поведения вашего сына, – веско произнес он, – могла быть разрушена репутация девицы, за которую отвечаю я. Лично я. Можете считать, что пострадала бы моя честь.

– Это было бы весьма прискорбно, – согласился Вальдерон с любезностью, отчетливо отдающей издевательством. – Что ж, если дело обстоит таким образом, то мой сын, несомненно, был преступно беспечен. Но поверьте, милорд, Вальдероны всегда платят свои долги. Аластор поступит так, как должно поступать мужчине и дворянину. Если происхождение этой девицы достаточно высоко, мы в самом скором времени заключим помолвку. Вас не затруднит назвать ее имя, чтобы я мог как можно скорее навестить... будущих родственников?

«Помолвку? Помолвку?! Да что он себе возомнил? Чтобы девочка из Трех Дюжин вышла за какого-то провинциального дворянчика, который всю жизнь просидит в своем имении? О, для Вальдеронов этот брак будет невероятной удачей! И даже если Ревенгары возмутятся столь наглomu предложению, нет никаких сомнений, что брак одобрит лично Малкольм, попроси его об этом Джанет Вальдерон! А что потом? Свадьба в семнадцать лет и, разумеется, прекращение учебы – ведь в их глуши девчонке никогда не понадобятся ни орденский перстень, ни знания?! Нет, – поклялся Грегор, сцепив зубы. – Никогда. Пока я жив, дочь Дориана за сына Джанет Вальдерон не выйдет!»

– Вам нет нужды навещать ее родителей, тем более что отец девицы недавно погиб, а мать, как вы понимаете, не принимает гостей из-за траура, – сказал он с тем спокойствием, от

которого бледнели штабные офицеры. – Что же до происхождения юной леди, оно достаточно высоко, чтобы о ее помолвке, а тем более о браке с вашим сыном не могло идти и речи. Аранвены, Эддерли, возможно, Кагельмаро – но не Вальдероны! Я всего лишь хочу, чтобы ваш сын никогда больше не оказался рядом с ней. Вы понимаете меня, милорд? Никаких явных и тайных встреч, никаких писем или устных весточек.

– Нет, милорд, – холодно ответил Вальдерон. – Я вас не понимаю. Кровь Вальдеронов благородна не менее, чем кровь любого дворянина Дорвенанта, даже и ваша, пусть наш род и не так стар и славен. Вальдероны честно служили и служат королю и на войне, и в мире, хоть и не удостоились Ордена Льва. И уж не полагаете ли вы, что юноше шестнадцати лет можно просто запретить встречи с девицей, которая ему дорога? И лишь потому, что эти встречи не по душе ее наставнику? Да помилуйте, я не знаю ни одного юнца, которого подобный запрет не раззадорит еще больше!

– Меня не касается, как именно вы удержите сына от встреч и переписки, – равнодушно бросил Грегор. – Но если вы этого не сделаете... Не далее как вчера утром ваш сын бросил мне вызов. Не должно ли и мне поступить как мужчине, дворянину и офицеру Его Величества и принять его, как только юному лорду... Аластору, кажется... исполнится семнадцать?

Вальдерон побледнел так, словно его осенила своим плащом сама Претемная, и Грегор ощутил мимолетный укол жалости.

– Я понял вас, милорд, – отчеканил он, убирая руки с груди и опираясь ладонями о край стола. – Аластор не будет искать встреч с упомянутой девицей, не отправит ей ни одного письма и не ответит на ее письма, если таковые будут. Даю слово чести.

– Благодарю вас, – сухо ответил Грегор, поднимаясь. – Прощайте, милорд. Надеюсь, эта наша встреча была последней.

– Взаимно, милорд, – тускло ответил Вальдерон.

* * *

– Сегодня, господа адепты, у вас будет необычный урок, – сухо сообщил мэтр Бастельеро, пройдя вдоль выстроившихся в одну линию Воронов.

Айлин бросила на него настороженный взгляд: мэтр казался не на шутку разгневанным. Нет, наверное, встретить его кто-нибудь посторонний... то есть совсем посторонний! – он, пожалуй, ни о чем бы не догадался! Но Айлин-то видела мэтра Бастельеро почти каждый день и теперь заметила и его еще более прямую, чем обычно, спину, и колющий взгляд, и сжавшийся совсем в нитку рот...

Ой-ой, кто же так его разозлил?... И когда? Сейчас время четвертого урока, но мэтр ведет занятия только у особого курса, и, значит, это не другие ученики. Может быть, он поссорился с кем-то из преподавателей или получил плохие известия?

– ...Ревенгар? – раздался голос мэтра над самой ее головой, и Айлин вздрогнула от неожиданности. – Позвольте узнать, о чем вы так сосредоточенно думаете, когда я объясняю тему сегодняшнего урока?

– Ни о чем! – поспешно выпалила она.

И зря. Мэтр нахмурился еще сильнее.

– Скверно, адептка. На моих уроках следует думать о том, что я говорю, а не о... всяких посторонних вещах. И уж тем более не «ни о чем». Небрежность и невнимательность в практической некромантии могут стоить вам жизни, надеюсь, вы запомните эту простую мысль? То же относится и ко всем остальным, – добавил он, немного повысив голос. Айлин едва удержалась от желания виновато потупить, наоборот, выпрямилась еще больше. Почти как сам мэтр Бастельеро! Впрочем, он уже отвернулся и снова прошел вдоль строя.

– Сегодняшний урок, господа адепты, будет посвящен практическому призыванию призрака. Вы хотите что-то добавить, адепт Эддерли?

– Да, мэтр, – восторженно выдохнул Саймон, а Айлин подумала, что ни за что не стала бы прерывать милорда Бастельеро, когда он так явно чем-то рассержен! – Только не добавь, а спроси! Призывание призраков – это же тема седьмого курса!

– Благодарю за ценное замечание, Эддерли, – с убийственно-ироничной вежливостью кивнул мэтр. – Это все?

Саймон смущенно кивнул, и Бастельеро, не удостоив его больше ни словом, продолжил:

– Поэтому сейчас, господа, мы отправимся в учебный склеп Академии, где я расскажу вам о правилах призвания и покажу сам ритуал, а затем его проведет каждый из вас. Если же кого-то смущает опережение программы... – Он бросил остро-насмешливый взгляд на покрасневшего Саймона. – То этот кто-то может подождать до седьмого курса.

Он еще раз осмотрел притихших Воронов и кивнул каким-то своим мыслям.

– Следуйте за мной!

Едва поспевая за соучениками, потянувшимися за мэтром Бастельеро, – тот шел обычным широким и быстрым шагом, кажется, вовсе не заботясь о том, что кто-то может отстать! – Айлин невольно подумала, что вот если бы призывать призраков ее научили хотя бы два месяца назад! Может... Может, тогда она смогла бы призвать дух отца до похорон? Ведь тогда он пришел бы, несомненно, пришел! Правда, в таком случае Айлин не познакомилась бы с мэтром Кираном, не пошла на кладбище и никогда не узнала Аластора...

Ой! Милорд Бастельеро ведь сказал, что они идут в склеп Академии, значит... значит, призывать будут именно мэтра Кирана? Вот он обрадуется, наверное... Милорд Мэрли ведь уже ушел в Претемные Сады, и мэтру Кирану снова ужасно одиноко! А теперь он познакомится с Саймоном и Даррой, и тогда можно будет ходить в склеп вдвоем! Саймон и Дарра мэтру обязательно понравятся, ведь понравился же ему Аластор?

Сердце слегка сжалось: тетушка Элоиза обещала обязательно разузнать, как у него дела, но это случится так не скоро! Сначала нужно найти особняк Вальдеронов в столице, потом – добиться разрешения нанести визит, а ведь тетушка – не леди, и это будет совсем непросто сделать!

Больше всего Айлин боялась, что, узнав о причине ее просьбы, тетя откажется помогать, а то и вовсе разочаруется в ней, но тетушка Элоиза только крепко ее обняла, погладила по голове и попросила быть осмотрительнее впредь.

«Я не стану просить тебя всегда следовать этикету, милая, – сказала тетя очень серьезно, без обычной ласковой улыбки. – Хотя бы потому, что этикет уместен далеко не в каждом случае. Ты ведь уже и сама это поняла, правда? Но пообещай мне быть осторожной и помнить, что любой неосмотрительный поступок может испортить жизнь леди».

– Прежде чем мы войдем в склеп, господа адепты, извольте поднять щиты и ни в коем случае не снимайте их все время занятия, – ворвался в мысли Айлин холодный голос мэтра Бастельеро, и она снова вздрогнула.

Вот задумалась! И не заметила, как пришли. Но зачем нужны щиты? Ведь мэтр Киран такой славный... И даже если бы речь шла о ком-нибудь другом, разве призрак может повредить некроманту? Ой, а что это Саймон так на нее смотрит? И зачем показывает, будто что-то пишет?... Наверное, напоминает, что они договаривались пойти в библиотеку?

– Запомните как следует, адепты, – веско произнес мэтр Бастельеро, обводя всех тяжелым взглядом. – Большая ошибка – считать призраков безобидными сущностями. Да, призрак не способен обескровить жертву, как стригой или банши, или растерзать, как мертвое, вурдалак или упырь, но убить – вполне способен. И не только профана, но и оказавшегося излишне беспечным мага. Не только убить, замечу: бывали случаи, когда призрак захватывал чужое тело, полностью подчиняя его себе... Эддерли, я, кажется, просил внимательно слушать, а не беседовать с Аранвеном и подавать таинственные знаки Ревенгар? К следующему уроку будьте любезны подготовить устный доклад по одержимости, надеюсь, это поможет вам стать более внимательным. Можете привлечь друзей. Итак, вижу, все подняли щиты? Прекрасно. Можете входить.

Он распахнул дверь склепа и замер у входа, пропуская адептов вперед. Айлин, в свою очередь проходя мимо мэтра, невольно поежилась – от него так и тянуло холодом! Не настоящим, как от снега или холодных камней, но таким ощутимым...

Мэтр Киран сидел на собственном надгробье – верхом, как на лошади! Не будь Айлин так обеспокоена мрачным настроением милорда Бастельеро, она непременно рассмеялась бы, так забавно это выглядело.

А еще... Она обвела взглядом соучеников и удивилась: мэтра Кирана, кажется, совсем никто не видел! Все смотрели то на вырезанные в полу знаки, то на вошедшего, наконец, преподавателя, а на надгробье никто и не глядел. Айлин на миг показалось, что все играют в какую-то странную игру – просто притворяются, что мэтра Кирана нигде нет!

Мэтр Киран, между тем, поднял голову, осмотрел Воронов и недовольно поморщился. Потом увидел Айлин и помахал ей рукой.

– Здравствуй, яблочко!

И тут же приложил палец к губам, покосившись на милорда Бастельеро. Ой, и в самом деле, милорд терпеть не может, когда кто-нибудь разговаривает на уроке! А мэтр Киран умеет читать мысли... Интересно, если он один, значит, милорд Мэрли уже ушел в Сады? Давно ли?

– На рассвете после нашей чудесной вечеринки, – отозвался мэтр Киран, и Айлин показалось, что в его глазах мелькнула тоска. – А как чувствует себя твой друг? Надеюсь, его не слишком терзало похмелье? Кстати, мои поздравления, он и в самом деле замечательный парень, ты умеешь выбирать друзей. Яблочко? Что случилось?..

Айлин отчаянно заморгала, стараясь унять подступающие слезы, и уставилась на милорда Бастельеро, показывающего, как чертить звезду вызова.

Ей ведь почти удалось не думать о том, что случилось! А вот теперь, когда мэтр Киран упомянул вечеринку, воспоминания так и замелькали. Как она уводила Аластора из склепа, а он утверждал, что честь не позволяет ему пользоваться добротой леди и он лучше поспит прямо здесь, если мэтр Киран будет так добр и немножко подвинется. Как милорд магистр Мэрли вызвался проводить их до комнаты и проследить, чтобы «детей никто не обидел» – и всю дорогу распевал смешную песенку про летучую мышь, парящую над склепом в полнолуние. Как ей удалось каким-то чудом завести Аластора в комнату – хотя последний десяток шагов он почти висел на ней и все норовил завалиться куда-то вбок, а потом все-таки уложить...

Да, конечно, в свою кровать его класть не стоило, но в тот момент она об этом и не подумала! Только о том, чтобы устроить друга где-нибудь поскорее!

И как Аластор со счастливой улыбкой обхватил ее руку, пробормотал что-то вроде:

«Айлин, ты лучшая девчо... то есть сестренка в мире!» – и заснул. А когда Айлин пыталась освободить руку, протестующе мычал и сжимал ладонь еще крепче.

Она же тогда подумала, что посидит рядом всего минуточку, отдохнет совсем немного! Ее ужасно мучило из-за перерасхода энергии от открытия могилы милорда Мэрли... и сил совсем-совсем не оставалось. А потом пришел милорд Бастельеро...

– Прости, яблочко, – виновато вздохнул мэтр Киран. – Я не знал. Да и мы хороши, в самом деле, могли бы подумать, что юноша может оказаться непривычен к карвейну...

Ох нет, мэтр Киран вовсе не виноват! Это все она сама... ведь могла же она объяснить Аластору, что в Академию все-таки нельзя. Но ей так хотелось познакомить друга с мэтром и показать... ну хотя бы сад Академии, ведь показал же ей Аластор дворцовый сад!..

– Зато когда тебе исполнится семнадцать, ты сможешь сама выбирать, с кем общаться! – напомнил мэтр Киран и погладил ее по голове. – И никакие наставники тебе будут не указ.

«Но ведь это будет так нескоро, – отчаянно подумала Айлин. – Пять лет! Это же... целая жизнь! Что, если Аластор меня забудет? Или просто не захочет видеть?!»

– Тогда и расстраиваться из-за него не стоит! – решительно отозвался мэтр Киран. – Но мне не показалось, что твой друг такой уж легкомысленный юноша. Напротив. Кстати, яблочко, взгляни, твой куратор как раз закончил звезду.

Ох, в самом деле... Мэтр Бастельеро уже вписал последний символ, а Айлин опять отвлеклась от урока! А ведь призывание – это очень важно! Общение с призраками – это и есть настоящая работа любого некроманта.

И к тому же мэтр Бастельеро – Избранный Претемной, взглянуть на работу Избранного ужасно интересно!

– Смотрите внимательно, господа адепты, – ровно, уже без всяких следов недавнего раздражения в голосе проговорил Бастельеро, и его голос звучно прокатился по всему склепу. – Избранный нашей Госпожи может призвать, равно как и упокоить, призрака одной только силой, не используя ни звезду, ни заклятия. Хотя использование звезды существенно экономит силы. А теперь перейдем к ритуалу.

Лорд Бастельеро вскинул руку, и его перстень вспыхнул холодным фиолетовым огоньком. Айлин даже показалось, что за указательным пальцем мэтра тянется в воздухе сияющий след, рисующий в воздухе такую же семилучевую звезду, что и на полу. Формула призыва прозвучала громко и размеренно, адепты притихли, Айлин сама затаила дыхание...

И ничего не произошло. Айлин прекрасно знала, что вызванный призрак должен был бы появиться в центре звезды, но мэтр Киран по-прежнему стоял рядом с ней, с интересом глядя на милорда Бастельеро и улыбаясь как-то криво, одной стороной рта. Ой... Он что же, не собирается являться?

– Не собираюсь, – подтвердил мэтр. – Даже и не подумаю! Знаешь, яблочко, я уже привык к тому, что ни один некромант в этой Академии не считает нужным быть вежливым с призраком. Но у прочих по крайней мере хватало такта не рассказывать в моем присутствии о том, что призраки, видите ли, опасные твари! Да ни один призрак не причинил большего вреда, чем обычная людская глупость! И высокомерие, – добавил он, мрачно посмотрев на лорда Бастельеро. – Нет, яблочко, не пойми меня превратно, призраки действительно бывают опасными, и проявлять осторожность необходимо, если желаешь жить долго и счастливо, я сам прямой и, увы, печальный тому пример. Но можно ведь было сказать об этом до начала урока?!

Милорд Бастельеро между тем изумленно взглянул на звезду, в которой никто не появился, и повторил формулу еще раз, а его перстень вспыхнул снова, уже куда ярче!

Мэтр Киран фыркнул и засвистел развеселую песенку милорда Мэрли. Айлин прикусила губу, чтобы не рассмеяться! Не хватало еще рассердить милорда Бастельеро! Ой, он, кажется, уже злится... Глаза так и сверкают!

– Иногда, господа адепты, – процедил он сквозь зубы так холодно, что Вороны недоуменно зашептались, – призрак может попытаться сопротивляться призыву. В подобных случаях прежде всего следует проверить, не упокоился ли дух. Лучше всего использовать для этой цели формулу Теодорика, указывающую на присутствие посмертной сущности.

– Какую хорошую мину при плохой игре, оказывается, умеет делать ваш Бастельеро! – снова криво усмехнулся мэтр Киран. – У нас тоже такой учился. Наверное, дед этого. Редкой... души был человек.

И почему-то отскочил в сторону, Айлин только и успела подумать – почему?

Мэтр Бастельеро, прищурившись, осмотрел склеп и так же отчетливо, как до этого – заклятие вызова, проговорил несколько слов, отразившихся от стен. В висках разлилась тянущая боль, будто кто-то сдавил ее голову ледяными руками, и Айлин едва не вскрикнула.

Но мэтру Кирану, кажется, пришлось куда хуже! Он скорчился, как от удара, зажал уши ладонями и так заскрипел зубами, что Айлин на какой-то миг уверилась – вот сейчас его точно услышат! Ох, что же делает милорд Бастельеро? Так же нельзя! Она хотела броситься вперед, попросить милорда перестать, ведь нельзя делать больно тому, кто ни в чем не виноват! Но не смогла двинуться с места. Мэтр Киран с трудом поднял голову, уставился прямо на нее почерневшими глазами и с трудом улыбнулся.... Впрочем, скорее уж оскалился!

– Это заклятие, яблочко мое... – прохрипел он. – Указывает на присутствие посмертной сущности и... ах, проклятье!.. лишает воли к сопротивлению... Ни разу за шесть десятков лет... Никто!.. Нет, не дожدهшься!..

Айлин до боли стиснула кулаки, переводя взгляд с искаженного лица мэтра Кирана на побледневшее – милорда Бастельеро. Кажется, ему тоже было непросто, даже капли пота выступили на лбу. Но вот сейчас Айлин было совсем, нисколько его не жалко!

– Когда сущность уже найдена, но продолжает противиться воле некроманта, – проговорил лорд Бастельеро почти обычным, но слегка охрипшим голосом. – Следует использовать заклятие подчинения, проявления или...

– Милорд! – вскрикнула Айлин, почувствовав, что может говорить: – Пожалуйста, не надо! Пораженные взгляды милорда Бастельеро и Воронов она не столько увидела, сколько почувствовала всей кожей, не в силах отвести взгляд от мэтра Кирана. Тот слабо, но так благодарно улыбнулся, что у Айлин сжалось сердце. Нельзя смотреть, как кого-то мучают, и не вмешаться!

– Объяснитесь, адептка Ревенгар, – бросил милорд Бастельеро, и Айлин, решившись, посмотрела ему прямо в глаза.

– Но ведь... Ведь призраку может быть больно, милорд, – выпалила она. – Может быть... может быть, попросить его явиться? По-хорошему? Пожалуйста, милорд, разрешите мне попробовать...

И тут же по яростно сверкнувшим глазам милорда Бастельеро и раздувшимся крыльям его носа она поняла, что совершила чудовищную, непоправимую ошибку!

– По-хорошему? – переспросил мэтр так тихо, что Вороны перестали шептаться и, кажется, даже затаили дыхание. – Ревенгар, как некромантка вы обязаны понимать, что с не упокоившимися призраками нельзя по-хорошему! Никогда, ни при каких обстоятельствах не смейте сравнивать нежить, любую нежить, с живыми людьми! Это ко всем относится, – резко бросил он. – Призраки могут притворяться живыми, очень убедительно лгать, даже вызывать сочувствие; но никогда, слышите, никогда не сравнивайте их с живыми! Итак, последний способ одолеть сопротивление, посильный любому из вас, – это удар чистой силой. Смотрим внимательно!

Рука мэтра окуталась таким яростным светом, что Айлин на минуту показалось – ладонь горит! А потом... Потом тем же злым фиолетовым огнем окуталась фигура мэтра Кирана от торчащих волос до подола мантии, и мэтр, отчаянно вскрикнув, – Айлин показалось, что и она закричала вместе с ним! – оказался в самом центре звезды. И, кажется, теперь его увидели все Вороны.

– Вот так, – произнес мэтр Бастельеро с непонятной удовлетворенностью, отворачиваясь от звезды и пристально глядя на Воронов: те подались вперед, желая рассмотреть призрака как можно лучше. Только Дарра взглянул, как показалось Айлин, сочувственно и поспешно отвернулся. – Надеюсь, господа адепты, вы запомните, что...

– Что сила возмещает многим... отсутствие такта, доброты и разума, – прохрипел мэтр Киран ему в спину с отчаянной веселой злостью, и Айлин заметила, как лицо милорда Бастельеро дернулось и заledenело, а потом перстень загорелся снова, и милорд сделал резкое движение рукой, как будто что-то сбрасывал.

Мэтр Киран дернулся и завыл, как попавший в капкан лис, а милорд Бастельеро невозмутимо закончил:

– Что призраки – весьма злонравные сущности и опасны тем больше, чем больше похожи на людей. Методы борьбы и укрощения подобных существ мы разберем на следующих занятиях и в самом скором времени, а пока...

– Прекратите! – крикнула Айлин, мечтая отскочить подальше, куда-нибудь к стене, или вовсе выбежать из склепа и не возвращаться.

Но вместо этого она шагнула вперед, почти коснувшись пылающего луча звезды-ловушки носком сапога, и повторила отчаянно звенящим голосом:

– Прекратите его мучить! Разве вы не видите – ему больно! Пусть он призрак, но мы... мы же – люди! Мы должны помогать и защищать, а не... Пожалуйста! – сорвался ее голос на всхлип, и слезы уже свободно потекли по лицу.

– Милорд, будьте любезны... – очень холодным и напряженным голосом бросил Дарра, шагнув к Айлин и обняв ее за плечи.

Лорд Бастельеро с каменным лицом повел в воздухе рукой – и звезда погасла, а сияющая фигура мэтра Кирана растворилась в воздухе. Айлин сквозь слезы не видела, куда он скрылся, но продолжала чувствовать присутствие мэтра. Только теперь она расплакалась по-настоящему, взхлеб, уткнувшись лицом в мантию Дарры, прижавшего ее голову к груди.

– Ну, полно, Ревенгар... – услышала она снова ставший обычным и даже растерянным голос лорда Бастельеро. – Нельзя же... Пожалуй, в вашем случае я действительно поторопился с уроком. Аранвен, отведите ее к целителям. Кажется, адептке нехорошо. Айлин не могла вымолвить ни слова, сотрясаясь от рыданий, иначе обязательно сказала бы, что ей действительно плохо! Плохо, потому что она не понимает, как лорд Бастельеро, такой могущественный, справедливый, умный... как он может не понимать то, что ей самой совершенно ясно?! Нельзя! Нельзя причинять боль ни живым, ни мертвым, если они не делают тебе ничего плохого. И... неужели то, что говорил мэтр Киран про высокомерие и отсутствие доброты, правда?

* * *

Аластору хотелось выть и рычать от отчаяния. Обычные человеческие слова на язык не шли, разве что грязная площадная брань, но даже она не смогла бы передать то, что он чувствовал. Вскочив с кровати, он зашагал по спальне от стены к стене, чувствуя себя зверем в клетке или узником, которому уже объявили смертный приговор, но скрывают

дату его исполнения. Проклятье! Тысячу раз проклятье! Как же мерзко, унижительно, стыдно! Как он мог сотворить такое?! И ведь не откажешься от собственной вины, не переложешь ее на чье-то коварство. Никто его пить не заставлял! Сам глотал этот клятый обжигающий карвейн, пьянея не столько от него, сколько от смеха Айлин и веселых подначек почтенных покойных магов, чтоб им... Нет, они тоже не виноваты. Сам дурак! Безмозглая скотина!

Ведь говорил же ему отец, что с крепкими напитками нужно быть осмотрительным и осторожным, а он, гордясь тем, что никогда не пьянел от простого вина, решил, что с карвейном будет то же самое. И пропустил момент, когда разум заволокло хмельной пеленой. Каким остроумным, отважным и сильным он себе казался – вспомнить противно! Как, должно быть, презирает его Айлин!

Снова упав на кровать, Аластор спрятал лицо в руки и тихо застонал сквозь зубы, изнывая от мучительного стыда. Как он теперь посмотрит ей в глаза? Ведь он же едва ее не опозорил! Благородную юную девицу, которая доверилась ему, тупой пьяной скотине! Отвела к себе в комнату... Стань это известно – и ее репутация погибла бы навсегда! А он! Но все равно лорд Бастельеро не должен был так с ним поступать! Будь он хоть тысячу раз главнокомандующим и Избранным всех Семерых разом, он не имел никакого права так унижать Аластора. При девушке! Неважно, что Айлин совсем юная, она... она... Да если бы лорд Бастельеро там же вызвал его на дуэль, это было бы справедливо и правильно! Но не так... Словно паршивого щенка! За шиворот! И еще бросил ему отказ в дуэли как милость!

«Я этого так не оставляю, – ясно понял Аластор. – Просто не смогу. Чем бы мне это ни грозило, я должен... Да, мне шестнадцать, а дуэли разрешены с семнадцати, но год – это ничего. Год можно потерпеть, а потом я брошу ему вызов при всех, и Бастельеро придется согласиться! Не станет же он отказываться, утратив честь. Вызову и... А плевать, что будет потом! Ни одного Вальдерона не назовут подлецом и трусом, не способным отвечать за проступки!»

Он беспомощно посмотрел на свои руки, сжатые в кулаки. На левом указательном пальце так и осталось медное колечко с зеленым камнем – подарок Айлин. Не обручальное, конечно, но он бы ни за что не согласился с ним расстаться. Что теперь будет с его подругой? Лорд Бастельеро может ее наказать. Не исключат ли ее из Академии?! И что скажет ее семья, если узнает об этом? А еще – что скажет отец?

При мысли, что придется признаваться отцу в таком позоре, Аластору стало совсем плохо. Может быть, отец не узнает? Если лорд Бастельеро ничего ему не скажет ради сохранения репутации Айлин... Но тогда не сможет промолчать сам Аластор! Ему ведь придется объяснить, почему он обязан вызвать на дуэль самого мэтр-командора! И если дуэль закончится чьей-то смертью... Благие Семеро, что же он натворил...

Стук в дверь прервал мысли, которые Аластор уже гонял по кругу, словно взмыленного коня на корде, не видя никакого выхода. Ни достойного, ни хотя бы приемлемого.

– Милорд, ваш батюшка желает немедленно вас видеть! – сообщил дворецкий.

– Иду! – мрачно отозвался Аластор и подошел к окну как раз вовремя, чтобы увидеть уезжающего всадника.

Эту невысокую, но прямую, словно рапира, фигуру, затянутую в черный камзол, поверх которого был небрежно накинут плащ, он бы узнал из тысячи. «Ну вот, можно не думать, как признаться», – с отчаянием обреченного подумал Аластор и вышел из комнаты, направляясь в отцовский кабинет, словно на эшафот. Да что там, он даже на эшафот сейчас пошел бы охотнее!

– Входи, – сухо и очень спокойно сказал отец, стоило постучать в дверь. – Полагаю, ты знаешь, о чем пойдет речь?

– Да, милорд, – сказал Аластор, посмотрев ему в глаза и напряженно ища в них гнев или презрение.

Ни того, ни другого не было, и это оказалось самым страшным. Лучше бы накричал.

– Лорд Бастельеро только что сообщил мне о твоем недопустимом поступке. Я желаю знать, кто эта девушка и какие отношения вас с нею связывали.

Отец говорил деловито, но в его тоне Аластор чуточку ощущал приближающуюся грозу. И пусть! Это он заслужил! Но только бы не подумал...

– Я знаю только ее имя, – сказал Аластор, мучительно подбирая слова. – Ее зовут Айлин. Она воспитанная и достойная леди, адептка Академии. И она... Отец, ей всего двенадцать! Ты же не думаешь, что я мог... Отец!

– Двенадцать? – переспросил отец, и в его тоне появилась тень растерянности. – Но тогда я решительно не понимаю. Зачем, Аластор? Что ты вообще там делал? Ты не ночевал дома каждые выходные, а иногда даже чаще. Я полагал, что ты... Хочешь сказать, что проводил время с двенадцатилетней девочкой? О которой знаешь только имя?!

– Она удивительная, – тихо сказал Аластор, не зная, как объяснить то, что его переполняет. – Мы разговаривали. Она рассказывала мне об Академии и магии. Мы просто гуляли. Иногда ходили на кладбище. Она некромантка, – поспешно добавил он, видя, как удивленно взлетели брови отца. – У нее были... всякие дела там, а я помогал и потом провожал ее до Академии. Отец, я клянусь, что даже не думал ни о чем недостойном. Вчера... это была глупость! Я очень виноват, что выпил лишнего, но я пальцем ее не тронул. Я бы ни за что! Никогда!

– Что ж, я рад, что ты сохранил если не рассудок, то хотя бы понятия о чести, – так же сдержанно сказал отец, глядя на него в упор с очень странным выражением лица. – Судя по тому, что сказал лорд Бастельеро, твоя юная подруга из семьи, входящей в Три дюжины. Это не стало бы препятствием, если бы вас связывали... иные чувства, но если речь идет лишь о прогулках, их следует немедленно прекратить. Аластор, ты едва не погубил репутацию этой девочки. Ты это понимаешь?

– Я... Да, отец, – с болью выдохнул Аластор и добавил: – Мне очень жаль.

– Прекрасно. Значит, мне не придется объяснять, почему ты больше не будешь с ней видаться, писать ей и так далее.

– Я... – Аластор осекся, подумал несколько мгновений и решительно замотал головой: – Я не могу этого обещать, отец. Я буду очень заботиться о ее репутации, но мы ведь можем... хотя бы писать друг другу?

Про то, что они могли бы встречаться на вакациях, он благоразумно даже упоминать не стал, но глаза отца даже от этого потемнели, а брови нахмурились.

– Вы меня не поняли, юный лорд? – сказал он с пугающим спокойствием. – Никаких встреч, писем, известий. Я лично обещал это лорду Бастельеро, который является опекуном и наставником леди. Вы ни во что не ставите мое слово и честь Вальдеронов?

– Лорд Бастельеро оскорбил меня и не вправе ничего требовать! – выпалил Аластор, вскидывая голову и вытягиваясь в струну. – Если вы дали слово, отец, то я... Я обязан его сдерживать, разумеется. Но Бастельеро я вызову на дуэль, как только мне исполнится семнадцать! Ему придется ответить за свои подозрения и поведение! Я...

– Об этом он тоже говорил, – с той же пугающей холодностью сказал отец. – Значит, дуэль? И вы полагаете, сын мой, что мэтр-командор испугается вашего вызова? Он убьет вас.

– И пусть, – почти с наслаждением выдохнул Аластор. – Зато я отмою пятно со своей чести.

– А потом – меня, – уронил отец. – Или вы думаете, что я оставлю это безнаказанным? У лорда Бастельеро ровно столько же причин вас пощадить, сколько у меня – надежды победить его на дуэли. То есть ни одной. Но это, разумеется, не причина отказываться от поединка. Род Вальдеронов прервется на нас с вами, а вашей матушке и сестрам назначат опекунов от короны...

– Д-достаточно... – вымолвил Аластор, глядя в глаза отца, с беспощадной откровенностью излагающего то, что даже в кошмаре не могло бы привидеться. – Прошу вас... Я понял. Но... как мне быть? Я же не могу оставить оскорбление без ответа? Вы сами меня этому учили.

– А это действительно было оскорбление? – ледяным тоном уточнил отец и, дождавшись молчаливого кивка Аластора, сказал едва заметно смягчившимся голосом: – Тогда вы правы, сын мой. Вальдероны не бегают от обидчиков. Но сейчас вы слишком юны. Даже через год ваш поединок будет сомнительным по честности, и лорд Бастельеро понимает это гораздо лучше вас. Если он победит, в чем мало сомнений, скажут, что он убил юнца, едва вступившего в пору совершеннолетия. Не та победа, которой можно гордиться.

– И... что же мне делать?

– Доказать, что вы достойны серьезного к вам отношения, – серьезно сказал отец. – Во-первых, исполнить обещание не видаться и не переписываться с этой леди. Дружба, которая

вас связывает, подождет, пока девица достигнет совершеннолетия, а если нет – значит, этой дружбы и не было. А во-вторых, извольте стать лорду Бастельеро достойным соперником. Через несколько лет он посмотрит на вас иначе.

– Я понял, отец, – тихо и твердо сказал Аластор. – Вы как всегда правы, благодарю за мудрость. Я дождусь, пока Айлин исполнится семнадцать. Через пять лет она сможет сама выбирать круг общения, а я клянусь, что не потеряю этого времени зря! Бастельеро придется заплатить за грубость, не будь я ваш сын и наследник. До этого времени я буду выполнять слово, которое вы дали.

Он почтительно поклонился отцу, а потом подошел и поцеловал протянутую ему руку.

Выпрямился – и отец стиснул его в крепких объятиях, шепнув:

– Береги свою честь, мальчик мой. Но береги и наши с твоей матерью сердца. Они разобьются, если с тобой что-то случится.

– Клянусь, отец, – ответил Аластор, едва сдерживая слезы и не стыдясь этого. – Клянусь тебе и матушке, что буду вам достойным сыном.

«И потому не забуду ни дружбы Айлин, – добавил он про себя, – ни надменности лорда Бастельеро. Через пять лет мы обязательно встретимся!»

Глава 10. Ворон и Лис

В учебный склеп Академии Грегор вернулся около полуночи, как и положено для нормальной работы некроманта. Остаток первого дня недели у него решительно не задался, впрочем, это было понятно с самого утра. Неприятный разговор с Вальдероном-старшим, потом истерика Айлин Ревенгар... Пожалеть призрака – подумать только! А потом еще пришлось объясняться с магистром Бреннаном, когда Грегор, испытывая некоторое беспокойство, зашел к целителям, чтобы осведомиться о состоянии Ревенгар. Пожилой целитель отчитал его, как мальчишку-адепта, напомнив, что ученики, особенно первокурсники, это не фраганцы, с которыми можно было не стесняться в обращении. Вдобавок Айлин Ревенгар еще не забыла смерть отца...

Но ведь Грегор хотел как лучше! Что будет, если девочка наткнется не на сравнительно безобидного – раз уж его до сих пор не упокоили – призрака, а на дрянь вроде покойного мэтра Тёрнера, чтоб ему и в Садах не отдыхалось?! Нечисть опасна! На одного, сохранившего разум и человеческие чувства, приходится дюжина мертвых безумцев, желающих отомстить живым за то, что те еще живы. Многие призраки – жадные голодные твари, питающиеся жизненной силой! И как раз у Ревенгар с ее талантом находить приключения очень велика вероятность с ними встретиться.

Это он и пытался объяснить Бреннану, но потом просто махнул рукой и мрачно согласился, что с некоторыми уроками стоит подождать. Да и вообще занятие сорвалось, после случившегося вызывать призрака снова уже потребовало бы слишком большого расхода энергии, а Вороны подозрительно притихли... Ладно, постепенно они поймут. А он в свою очередь позаботится, чтобы никакая мертвая пакость больше не пыталась вызвать их жалость, подрывая авторитет преподавателя. Прав был Эддерли, стоит однажды дать слабину – и все.

К новому походу в склеп он подготовился на совесть. Даже не поленился зайти в Архив и прочитать то, что нашел в реестре Фиолетовой Гильдии о Киране Лоу. Вот, оказывается, почему имя мертвеца показалось ему смутно знакомым. На том Совете, где определяли дар Айлин Ревенгар, Лоу назвали как прошлую Двойную звезду. Но сейчас это, разумеется, не имело никакого значения. Несмотря на уникальность дара, ничем особенным Лоу при жизни не прославился. После окончания Академии подавал прошение о должности младшего преподавателя, в чем ему было отказано с вежливой формулировкой «об отсутствии надобности». Уехал путешествовать и несколько лет занимался частной практикой, исправно внося гильдейские налоги и иногда возвращаясь в Дорвенну. Во время одного из этих возвращений наткнулся на охотящихся стригоев и погиб.

Грегор поморщился, испытывая неприятный стыд, как всегда с ним бывало, стоило узнать о глупости или слабости кого-то из коллег-некромантов. Стригои – опасные твари! Разумные,

но абсолютно бесчеловечные. Если Лоу пошел зачищать их гнездо в одиночку, такое бесстрашие называется тупостью и не заслуживает ничего, кроме смерти. Впрочем, об обстоятельствах его гибели было сказано слишком мало. И это, опять же, неважно. Важно сейчас лишь то, что Лоу опозорил его перед всем особым курсом! То есть попытался опозорить...

Склеп встретил его темнотой и молчанием. Грегор засветил магический фонарь, принесенный с собой, повесил его на крюк у входа и настороженно окинул взглядом пустое на первый взгляд пространство. Только надгробие прямоугольным выступом торчало из пола склепа. Крышка задвинута, защитные знаки не потревожены. Ну и с чего этот призрак взял такую силу, чтобы сопротивляться Избранному? У некромантов, конечно, в отношении смерти есть свои маленькие секреты, но не настолько. Что ж, это только подтверждает, что обнаглевшую нечисть следует упокоить, пока не поздно. Если получится, то по-хорошему, вдруг его держит неоконченное дело, легко выполнимое с помощью живых? Тогда можно проявить великодушие. Но за столько лет Лоу давно мог бы попросить об этом, так что вряд ли.

Он ступил на пол склепа, привычно поднимая щиты, как и указывал адептам. Разумная безопасность прежде всего. Сделал несколько шагов, пытаясь нащупать след некротических эманаций. Следовало ожидать, что тварь забьется в какую-нибудь щель...

– Входя в чужой дом, коллега, следует соблюдать учтивость, – раздался бестелесный, но ясно слышимый голос, и в воздухе над могилой Лоу появилось характерное свечение. Грегор едва не вздрогнул, но только проверил щиты – они стояли идеально. Коллега?! Ну и наглость!

– Впрочем, я уже понял, что с вежливостью у вас так же плохо, как и со всем остальным, – насмешливо продолжил призрак, проявляясь окончательно.

В прошлый раз Грегор его толком не разглядел, зато сейчас внимательно окинул взглядом тощую фигуру, растрепанные волосы, хитрое нахальное лицо и мантию – призрачную, но явно черно-фиолетовую. С какой стати, интересно, его похоронили как преподавателя?

– Это было моим завещанием, – с издевательской любезностью пояснил Киран Лоу, и Грегор стиснул зубы от гадливости – он ненавидел гнусную привычку призраков читать мысли. – Посмертным, что никак не отменяло его законности. Впрочем, неважно. Явились довести дело до конца?

Скрестив руки на груди, он присел на надгробие, глядя с глумливой улыбкой, и Грегору стало немного легче: если бы призрак молил о пощаде, это было бы слишком противно.

– Что тебя здесь держит? – столь же холодно спросил он, все еще пытаясь быть великодушным и справедливым. – Какое дело я могу исполнить, чтобы ты упокоился с миром?

– Хочешь договориться с собственной совестью, Бастельеро? – издевательски хмыкнул Киран Лоу. – Мои незаконченные дела тебя не касаются. И не делай вид, что пытаешься оказать мне услугу. Ты пришел изгнать меня не для того, чтобы выполнить долг некроманта, а ради своего уязвленного самолюбия. Над тобой пошутили, а ты, как обычно, посчитал это пощечиной?

– Хватит! – выдохнул Грегор, поднял руку для знака изгнания, провел первую линию, вспыхнувшую бледно-голубым огнем...

И тут магический светильник за его спиной погас, а призрак исчез с надгробия. Вот наглая тварь! Грегор шагнул в сторону, уходя от возможной атаки, второй свободной рукой сотворил «фонарь» и запустил его под потолок склепа, но вместо того чтобы повиснуть там, «фонарь» рассыпался сотней искр, которые сразу потухли, а проклятый Киран фыркнул. В довершение всего дверь, которую Грегор притворил, но не закрыл полностью, гулко хлопнула, отрезая склеп от внешнего мира. Та-а-ак...

– Не трудись, Бастельеро, – с отчетливым и все таким же холодным презрением сказал Киран Лоу откуда-то из темноты. – Я уйду сам. Ты слишком долго имел дело с бессмысленными тварями и забыл, что мертвый маг все-таки остается магом. Да и остальные люди, в общем-то, тоже остаются людьми. Если, конечно, они были ими при жизни. Смерть меняет лишь тех, для кого это удобное оправдание. И тебе, некроманту, полагалось бы это знать...

Грегор швырнул сплетенный аркан на голос, и тот на миг прервался, а потом издевательски продолжил:

– Впрочем, чего я хочу от зарвавшегося болвана, которого не научили уважать коллег, особенно старших?

– Ты мне не коллега! – яростно выдохнул Грегор, готовя новый аркан, что должен был сотней невидимых магических лезвий рассесть пространство вокруг – и наглую тварь, конечно! – Ты мертв!

– Как покойник я тем более заслуживаю уважения, – глумливо сообщил Киран Лоу и вдруг притих.

Грегор настойчиво искал хоть малейшие следы его присутствия, но не находил. Неужели тварь покинула склеп? И куда он в таком случае... О, проклятье! Сумасшедший мертвый некромант, каким-то образом отвязавшийся от места своего упокоения, – это совсем не то, что следует выпускать в спящую Академию! Бар-рготово дерьмо!

Он снял верхний щит, мощный, но снижающий чувствительность, и попробовал еще раз нащупать Лоу. Спокойно, ничего страшного пока не случилось и не случится. Призвать призрака – дело нескольких мгновений, и в этот раз рядом не окажется доброй девочки, чтобы заступиться за дрянь...

– Мне почти жаль тебя, Бастельеро! – шепнул ему ледяной голос в самое ухо, и Грегора окатило потусторонним холодом. – Ты видел так мало любви к себе, что жаждешь ее столь же сильно, как неупокоенный дух – человеческое тепло. Ты считаешь себя выше других во всем: по рождению, богатству, таланту и силе. И забываешь, что кому многое отмерено, с того многое спросится. Эта девочка дала тебе, Избранному нашей Госпожи, урок чести и милосердия, а ты даже не увидел его!

Передернувшись от омерзения, Грегор не успел понять, куда делись его щиты. Он не мог подпустить тварь так близко! Просто не мог. Почему с Лоу не работает ничто из проверенных сотню раз арканов?!

– Потому что Академия – это не моя могила, а мой дом, – сказал вдруг с удивительно человеческими грустными интонациями призрак. – Единственный, куда я хотел возвращаться из странствий. Я мечтал быть преподавателем, Бастельеро. И, смею думать, справился бы с этим лучше вас. Жаль мне ваших учеников, милорд... Я ничего не скажу девочке – она любит вас и не заслужила новой боли. И, может, вы все-таки что-то поймете? Хотя бы когда-нибудь... И, надеюсь, раньше, чем окажетесь на моем месте.

Его голос растворился в темноте, окружающей Грегора, и на этот раз Лоу пропал окончательно. Впрочем, как-то странно, словно не отправился за грань, хоть на мгновение, но раскрыв Врата, а просто вышел, как обычный человек из обычной комнаты.

Грегор бессильно выругался от стыда и отчаяния и запустил в потолок склепа новым «фонарем», смирно повисшим там, как и полагается. Повернувшись, от души пнул тяжелую дверь. Заперто! А с той стороны – засов, упавший, когда клятый призрак захлопнул дверь. Поймал как слепого щенка! Нет, засов, конечно, легко отодвинуть чистой силой, это займет не больше пары минут, но что толку? Лоу ушел – и причем победителем! Надавал словесных оплеух и сбежал в Сады, покуражившись напоследок. Хвала Претемной, что хотя бы никто не узнает, иначе от позора хоть из Академии уходи. И что он там нес... Да плевать! Хитрая наглая тварь просто пыталась ударить побольнее. А что сейчас так паршиво – это от злости на проигрыш.

Снова ругнувшись, он двинул в дверь чистой силой, и засов, жалобно лязгнув, вылетел из петель, а дверь приоткрылась, скрипнув петлями. Дом, а не могила! Надо же было придумать такую глупость! Да и все остальное – тоже. Оказаться на своем месте? «Не дожدهшься, – с яростным наслаждением пообещал Грегор. – В свое время у меня хватит храбрости не цепляться за жалкое существование призрака».

Последний раз глянув на опустевший склеп, он вышел, раздраженно хлопнув дверью. Надо будет сказать, чтобы здесь все убрали. И, наверное, Академии теперь понадобится новый призрак? Что ж, Грегор сам найдет подходящего. Кого-нибудь молчаливого и, желательно, лишнего рассудка. Покажет адептам, а потом упокоит беднягу – только так с ними и надо! Ну что же за день сегодня такой отвратительный... Поневоле захочешь напиться, несмотря на пример Малкольма перед глазами. Съездить бы к нему, но завтра снова на занятия, выходные только закончились.

«Не буду пить, – устало подумал Грегор. – Не дождетесь. Пойду выплюсь, а завтра попрошу у Эддерли еще пару курсов преподавания, чтобы не сходить с ума от безделья. И почитаю все-таки литературу о барготопоклонниках, чтобы в следующий раз какой-нибудь «Тернер» не застал врасплох. И проверю дела семьи, а то мои драгоценные кузены, пока я воевал, явно запустили лапы в казну рода по самые плечи... Да мало ли занятий!» Но уходя по подвалам от опустевшего склепа, он не удержался и передернул плечами: никак не проходило чувство, что в спину смотрит чей-то сожалеющий взгляд.

* * *

Отцовский гость был похож на ворона, одного из тех, что жили у них в поместье, чувствуя там себя хозяевами больше, чем люди. Чернявый, смуглый, с горбатым длинным носом и насмешливым, истинно вороньим взглядом черных блестящих глаз. Аластор, у которого с некоторых пор появилась особая причина не любить воронов, сдержанно поклонился и получил в ответ быстрый кивок – острый подбородок гостя всего на миг уткнулся в круглый кружевной воротник, единственное светлое пятно в темном и простом, как траур, наряде.

А потом гость принялся бесцеремонно разглядывать его, по-птичьи склонив голову набок и меряя взглядом, словно портной. Делал он это молча, пренебрегая всеми правилами учтивости, и Аластор тоже молчал, удивляясь, что это за новая странная личность нарушила покой их дома. И всего через несколько дней после визита Бастельеро.

– Месьор д'Альбрэ, позвольте представить вам моего сына, – несколько запоздало и почему-то слегка сконфуженно сказал отец. – Аластор, наследник дома Вальдеронов. Старший и... единственный.

– Благодарю за честь, – сухо отозвался гость с явным акцентом.

Фраганец? Ну надо же. Нет, в Дорвенанте уже снова появились фраганцы, пользуясь заключенным перемирием, но обычно это были купцы, а на простолюдина гость никак не походил. Может быть, пленный офицер, еще не вернувшийся домой? Но это никак не объясняет, почему отец, относящийся к давним врагам прохладно, как и положено преданному короне дворянину, принимает фраганца столь почтительно.

– Месьор д'Альбрэ будет обучать тебя фехтованию, – сказал отец, повернувшись, наконец, в его сторону, и Аластор вскинулся, как норовистый жеребец с отпущенной уздой.

– Фраганец? – дерзко уточнил он, не поверив своим ушам. – Чему он может меня научить? И зачем? У меня же есть учитель в поместье...

– Помолчи, – уронил отец, и Аластор прикусил язык, только метнул в сторону фраганца неприязненный взгляд, получив в ответ едва заметную усмешку сухих тонких губ.

Только сейчас Аластор с непростительным опозданием понял, что на поясе гостя – шпага, а значит, он не пленник, либо пленник привилегированный, пользующийся покровительством кого-то из дорвенантских дворян, поручившихся за него честным словом.

– Мои извинения, месьор, – негромко и очень вежливо сказал отец. – Мне следовало поговорить с сыном заранее, я слишком поторопился его представить. Аластор, мне стыдно за твои манеры.

– Пустяки, – хмыкнул фраганец, с явным удовольствием наблюдая, как Аластору кровь бросилась в щеки от стыда. – Могу я поговорить с вашим сыном наедине?

– Да, разумеется, – с поспешным облегчением согласился отец. – Вам будет здесь удобно? Фраганский ворон – он все больше напоминал Аластору эту наглую противную птицу – окинул библиотеку быстрым взглядом, почему-то задержавшись на растопленном камине, и кивнул, сообщив:

– Вполне. Прошу только проследить, чтобы нас не беспокоили. Ни в каком случае.

– Разумеется, – повторил отец, и они с гостем обменялись взглядами, значения которых Аластор совершенно не понял.

А потом отец просто вышел, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь, и Аластор остался наедине с фраганцем. Вооруженным, к слову. Не то чтобы Аластор чего-то опасался – вот еще не хватало, в собственном доме! – но странностей было все больше.

– Итак, юный лорд, – поинтересовался фраганец тем же насмешливым тоном, – вы что-то имеете против уроженцев моей прекрасной страны?

– Нисколько, месьор, – откликнулся Аластор, решив, что, по крайней мере, извиняться за его неучтивость отцу больше не придется.

Тем более что десять лет недавно закончившейся войны – действительно не повод для грубости. Врага можно убить, так всегда учил его отец, но оскорблять его – недостойно дворянина. Тем более недостойно оскорбить пленника, если фраганец из них. И уж вовсе он не виноват в том, что так похож на проклятую птицу, красующуюся кое у кого в гербе.

– И о том, что не успели повоевать, тоже не сожалеете? – допытывался фраганец, ехидно блестя глазами. – Слава, подвиги... Все прошло мимо вас. Не обидно?

Ну не мог он не понимать, что Аластора в его-то возрасте, притом наследника, попросту никто не отпустил бы в армию. Разве что адъютантом в штаб, но там уж точно подвигов не совершишь. А раз понимал, значит, нарочно задевал за живое. Вот только зачем?

– Если его величеству понадобится моя служба, он меня призовет, – сообщил Аластор, старательно копируя прохладный тон, которым отец разговаривал с назойливыми светскими знакомыми. – Простите, месьор, у вас ко мне какое-то дело?

– У меня – к вам, или у вас – ко мне, это еще подумать надо, – усмехнулся бесцеремонный месьор, и причудливая золотая серьга в его правом ухе качнулась, о чем-то напоминая, таком знакомом, но сейчас напрочь вывалившемся из памяти. – Значит, карьера военного вас не прельщает. И магической искрой Семеро вас не наградили. Но для наследника все это не обязательно...

Он снова смерил Аластора взглядом и вдруг одним стремительным плавным движением выхватил из ножен шпагу. Миг – и ее кончик оказался у горла Аластора. Почти касаясь, леденя кожу смертельной близостью отточенного, как игла, лезвия. Аластор замер, изо всех сил стараясь не коситься на притягивающий взгляд клинок и понимая, что оказался наедине с безумцем. Но почему отец...

– Страшно? – вкрадчиво осведомился фраганец, неуловимо напрягая руку, так что острое уперлось в горло Аластора, уколов, но не проткнув натянувшуюся кожу. – Мы одни. Нас велено не беспокоить. И даже маг-целитель не успеет ничего сделать.

– Отец вас убьет, – тихо и очень ровно сказал Аластор.

– Убьет, – согласился фраганец. – Но потом. Вам, юный лорд, это уже ничем не поможет. Почему-то Аластор ему поверил. Сразу. Из черных блестящих зрачков, казавшихся так близко, что закрыли полмира, на него смотрела сама Претемная. Да, искрой боги его не наградили, но сейчас Аластор готов был на родовой отцовской шпаге поклясться, что смерть совсем рядом. Он чувствовал ее всем своим существом, как дикий зверь, чье горло держат чужие клыки, а когти вот-вот вопьются в плоть. Страх... Вязкий, холодный, как болотная жижа, и такой же беспощадный...

– Зачем... вам? – проговорил Аластор непослушными губами.

Разумом он понимал, что надо уклониться, отпрыгнуть, закричать, кинуться к двери... Но то же самое чутье велело замереть, потому что зверю нужен миг, чтобы кинуться, а стальному жалу – и того меньше.

– Может, я сошел с ума, – так же тихо ответил фраганец, не отводя взгляда. – Или ваша смерть имеет какое-то значение в играх королей. Или я ненавижу вашего отца. Или мне заплатили за наследника вашей семьи. У человека всегда найдется множество причин, чтобы убить другого человека. И не меньше, чтобы попробовать остаться в живых. Вы хотите жить, юный лорд?

– Хочу, – шевельнул губами Аластор.

Ему бы только шаг! Один шаг между ним и сумасшедшим фраганским вороном. Полшага. И уж точно не стоит сдаваться, даже не попробовав. Фраганец держал тяжелую шпагу в вытянутой руке без малейшей дрожи, как пруттик. И смотрел прямо в глаза Аластору. Что же там, все-таки, с его серьгой? Не о том сейчас думать надо...

– Тогда попытайтесь, – одними губами усмехнулся безумец.

Напряженное, как тетива, тело Аластора качнулось вбок, словно он ждал этих слов, и почти успело уйти от удара... Удара, который должен был случиться, но его не было. Вместо него клинок фраганца блеснул в глаза Аластору, на миг ослепив, и исчез! Отдернув шпагу, фраганец еще одним неуловимо быстрым движением развернул ее острием к себе и швырнул в лицо Аластору, едва успевшему поймать тяжелую рукоять у самого лица. Да он ее даже не поймал! Просто рука сама дернулась, и рукоять влипла в ладонь, больно ударив

по пальцам. Ошалевший от изумления Аластор недоуменно взглянул на шпагу в своей руке, потом – на оставшегося безоружным фраганца, снова – на шпагу...

– Почтенный лорд Вальдерон утверждает, что чему-то вас все-таки учили, – безмятежно сообщил фраганец и, сделав шаг в сторону, взял из каминной стойки длинную кочергу. – Как вы думаете, юноша, можно ли убить человека столь низменным предметом?

Он изящно шагнул вперед, держа кочергу за рукоять, убийственно серьезный, несмотря на глупейшую ситуацию, и Аластор даже не смог улыбнуться. Губы не слушались по-прежнему, и страх никуда не делся, только теперь он мешался со злостью, обжигая лицо изнутри и заставляя кровь кипеть в жилах.

– Еще как можно, – процедил Аластор, сразу поняв, что на помощь звать не будет.

Хватит! Что бы ни случилось дальше, справиться с этим он должен сам!

– Но я драться с безоружным не собираюсь, – добавил он, злясь на себя самого, на проклятого фраганца, на отца, которому зачем-то понадобилось устраивать это дурацкое испытание...

Учитель фехтования, значит? Рука уже привычно перехватила отличную тяжелую рапиру, если уж называть ее правильно.

– А у вас есть выбор? – весело удивился фраганец. – Нет, если вы предпочитаете быть избитым... Похвальное смирение! Вашему врагу вы тоже это позволите?

– Не ваше дело! – выдохнул Аластор, отбросив всякую учтивость. – Прекратите этот балаган! Если хотите драться, возьмите ваше оружие обратно, а мне принесут мое.

Он опустил рапиру, твердо уверенный, что прав. И что фраганец согласится, не может ведь он всерьез рассчитывать выиграть поединок с кочергой против рапиры. И...

– Ай! Вашу...

Ругательство он проглотил в последний момент, а вот отпрыгнул слишком поздно.

Загнутый конец кочерги чувствительно огрел его по сразу вспыхнувшему болью плечу.

Правда, по левому.

– Защищайтесь, юноша, – издевательски посоветовал ему фраганец. – Иначе убить не убью, но вы будете первым Вальдероном, которого излупили кочергой, как проворовавшегося поваренка.

И в подтверждение своих слов снова сделал шаг, легкий, будто танцующий. Всякое сходство с вороном исчезло, стерлось, и теперь перед Аластором была змея в человеческом обличье. Худощавое тело фраганца, затянутое в черный камзол и узкие черные кюлоты, казалось невероятно гибким и быстрым, вот он совсем рядом справа – гнутый конец кочерги пачкает белую рубашку Аластора сажей, и это почти смешно, только будь на месте кочерги шпага – острое проткнуло бы ему печень. Еще миг – и фраганец оказался слева! И снова болезненный и до слез обидный небрежный тычок в подреберье – словно метку поставил!

Рука со шпагой снова взлетела сама! Плавясь от ярости, Аластор едва помнил вытверженные с наставником шаги, выпады и связки. А ведь казалось, что ночью его разбудил, схватит оружие и отобьется от любого противника! Но сейчас он уворачивался, парировал и нападал, словно впервые взял в руки клинок! Проклятый фраганец нападал совсем не так, как положено! Никакого подобия точной изящной науке, которую преподавал Аластору пожилой итлиец, выписанный отцом за большие деньги. Его фехтование было подобно танцу, где на каждое возможное действие следует строго определенный и отмеренный ответ. Бешеный фраганец вился вокруг Аластора разъяренной гадушкой, делал выпады из немыслимых, совершенно неправильных позиций, а парировал так, словно видел каждое движение Аластора наперед! Кочерга в его руке летала молнией, и казалось, что она извивается, потому что не может прямой железный прут доставать противника под такими углами, словно огибая честную рапиру!

– Быстрее, мальчик! – бросил фраганец, когда Аластор уже работал клинком на пределе своей скорости, чувствуя, что долго так не сможет. – Ты не в постели с девчонкой, в драке надо поторапливаться.

А вот у него голос был спокоен и бесстрастен, несмотря на глумливые слова. И так ровен, словно проклятый месьор не кочергой махал, уже истыкав рубашку Аластора дюжиной черных меток, а сидел за книгой.

Закусив губу, Аластор из последних сил крутил потяжелевшую рапиру, иступленно мечтая не победить, но хотя бы раз коснуться! Хоть один удачный выпад! Не убить, не ранить, но дотронуться острием до неуловимого фраганца... Резкая боль обожгла запястье. Аластор едва не взвыл, стиснув зубы, не удержался, схватился другой рукой. Выбитая из его руки рапира со звоном упала на мраморный пол. Выбитая! Кочергой! Уши и щеки у него уже горели от смущения, во рту пересохло...

– Поднимите, – скучающим тоном разрешил фраганец, указывая кивком на отлетевшую в сторону рапиру.

Мечтая провалиться сквозь землю, Аластор наклонился, поднял злополучный клинок. Фраганец... как же его... смотрел на него с острым насмешливым любопытством, не вяжущимся с бесстрастным тоном, и Аластор вдруг увидел себя со стороны. Неуклюжего, растерянного, гордившегося непонятно какими успехами в фехтовании, а первый же настоящий противник сделал бы из него решето, если бы только захотел! И он еще вздумал тягаться с лордом Бастельеро! Он, не сумевший продержаться против взрослого бойца и нескольких минут, не сумевший ни разу пробить чужую защиту...

Сделав шаг назад, Аластор оглядел свою рубашку, испещренную темными следами. Каждый – смертельное ранение, если настоящим клинком. Кровь бросилась в лицо еще сильнее...

Фраганец все так же терпеливо ждал, только брови над темными глазами чуть изогнулись, и Аластор, сглотнув вязкую слюну, глубоко вдохнул, выдохнул и поклонился. Глубоко поклонился, безусловно и почтительно признавая чужое превосходство. А потом, выпрямившись, поднес клинок рапиры к губам, отсалютовал ее владельцу, и так же почтительно протянул эфесом вперед, заставив себя проговорить достаточно громко и четко:

– Прошу принять мои извинения, месьор. Мое поведение было недопустимо дерзким. Благодарю за урок.

Если миг назад ему казалось, что лицо и уши горят, то сейчас они запылали, так стало горячо, и Аластор только снова сглотнул, изнывая от тоскливого стыда. Отец будет разочарован! А самое главное, он только теперь понял, что отдал бы любую руку, лишь бы научиться второй, оставшейся, так же владеть шпагой.

– Извинения принимаются, – тем же холодным и чуть скучающим тоном отозвался фраганец. – И поскольку я узнал все, что хотел, предлагаю успокоить вашего почтенного родителя, ожидающего итога нашей беседы.

– Вы... не станете меня учить... месьор... д'Альбрэ?

Аластор сам удивился, как тускло звучит его голос, но хотя бы имя фраганца он смог вспомнить, не совсем уж показавшись невежей.

– А вы в этом нуждаетесь?

И снова вскинутая бровь, только теперь взгляд фраганца из равнодушного стал острым, испытующим. Неужели у него все-таки есть шанс? Аластор даже вперед подался, заговорив горячо, быстро, взволнованно:

– Прошу вас, милорд! То есть, простите, месьор... Я буду хорошим учеником, обещаю!

Мне очень нужно перенять ваше несравненное мастерство! Клянусь, вы не пожалеете! Отец высоко оценит ваши услуги, а я... я... буду слушаться вас во всем! Только научите меня – так!

Он лепетал еще что-то, страшась увидеть во взгляде фраганца, что тот снова потерял интерес, и не зная, как объяснить, доказать, убедить...

– Зачем? – уронил тот наконец. – Для обычного дворянина вы деретесь совсем неплохо, юноша. Ну... для Дорвенанта, во всяком случае. Зарабатывать шпагой на жизнь вам вряд ли придется. А искусство убивать ближнего своего не стоит того, чтобы эту самую жизнь ему посвятить. Да, представьте, иначе в нем толку добиться.

Он смотрел почти с сочувствием, если только Аластору оно не почудилось в темных пронзительных глазах. И на миг показалось, что между ним и фраганцем протянулась тончайшая натянутая струна, чутко отзывающаяся на малейшее колебание души. Аластор точно знал, что даже крошечная ложь или умолчание правды порвет эту нить навсегда, и исчезнет единственная отмеренная ему судьбой возможность для чего-то очень важного.

Будто шаг, который он сделает сейчас, промолчав или открыв душу, безусловно уведет его по дороге, с которой уже будет не свернуть.

И можно промолчать, отказаться, забыть то, что случилось. Подумаешь, всеильный мэтр-командор обидел его, испугавшись за честь воспитанницы. Ведь прав был, по сути. А что оскорбление до сих пор жжет, словно раскаленное клеймо, так можно жить и с клеймом... «Нельзя, – спокойно и ясно подумал Аластор. – Жизнь без чести – это не жизнь».

А еще он вспомнил, наконец, что означает у фраганцев одна серьга в правом ухе. Бретер, профессиональный дуэлянт-наемник. И, следовательно, виртуоз владения оружием, иначе человеку, живущему клинком, в этом ремесле не удержаться. Да и вообще не удержаться в живых. Значит... Значит, отец, испугавшись, что Аластор все-таки вызовет лорда Бастельеро, сделал единственное, что могло дать его сыну хоть какой-то шанс, – нашел того, кто научит Аластора владеть шпагой так хорошо, как только возможно.

В глазах зашипало от смущения и благодарности, в горле встал ком, стоило представить, чего отцу стоило смириться с его замыслом и сделать почти невозможное – уговорить фраганского бретера стать наставником дорвенантца. Но Аластор этот ком сглотнул и, не отводя взгляда от внимательного требовательного взора фраганца, сказал – будто в реку прыгнул с обрыва:

– У меня есть враг. Настоящий, смертельный. Он оскорбил меня. Вы, наверное, думаете, что это глупость, я еще слишком молод... Но есть поступки, которых дворянин и мужчина терпеть не должен. И я точно знаю, что мы еще встретимся. Он старше, опытнее, он признанный мастер фехтования. Но я должен смыть обиду кровью. И... я не боюсь смерти, но мне нельзя умирать. На дуэли с ним, я имею в виду. Это будет несправедливо, понимаете, месьор?

– Справедливость клинка – жестокая справедливость, – негромко сказал фраганец. – Юноша, вы уверены, что вам нужна именно она? В этом мире не так много обид, которые стоят потраченной на них жизни. Право же, отомстить врагу можно по-разному. А ваш отец, кажется, больше всего на свете страшится вас потерять.

– Мой отец – человек чести, – глухо сказал Аластор, борясь с желанием отвести взгляд. – Он знает, что я не могу отступить. Поэтому он и нашел вас. Прошу, месьор, помогите мне.

– Я сниму с вас шкуру, – с той же ровной безмятежностью предупредил фраганец. – Слой за слоем, вместе с вашей щенячьей самоуверенностью, прежними представлениями о фехтовании и привычкой себя жалеть. Я выбью из вас все, что покажется мне лишним, то есть все, что вы полагаете своими достоинствами как бойца. Потому что прямо сейчас вы ужасны. Я сказал, что вы неплохи для дорвенантца и обычного фехтовальщика? Забудьте. Это был незаслуженный комплимент, лживый, как похвалы, которые голодный бродяга расточает престарелой трактирщице. У вас отвратительно поставлена рука, я уж не говорю о том, что всего одна! Вы двигаетесь уныло, как крестьянская лошадь, и медленно, как она же с полным возом дров. Я не знаю, кто был вашим прежним наставником, но он научил вас не бою, а бальным танцам, впрочем, даже им научил паршиво. Чтобы драться как бретер, вам придется забыть то, чему вы уже научились. Вытравить из памяти разума и тела. Поэтому вы будете делать все, что я скажу, каким бы бессмысленным, нудным или трудным это ни казалось. У меня с вашим отцом договор, что я могу отказаться от преподавания в тот же день, когда вы откажетесь выполнять мои указания. Понимаете, юноша? Полное послушание и доверие, либо не тратьте свое и мое время. Сделать из вас хорошего бойца – примерно то же самое, что вырезать из доски рапиру, имея инструментом только иголку.

– Я буду очень стараться! – выпалил Аластор. – Обещаю!

– Какое счастье, – ехидно согласился фраганец. – Что ж, тогда вы либо станете моим величайшим поводом для гордости, если научитесь прилично обращаться с клинком, либо окажетесь не менее величайшим позором. А по пути к одному из этих достижений мы весьма интересно проведем несколько лет.

* * *

– Айлин, яблочко, проснись, – тихо попросил мэтр Киран.

– Зачем? – удивилась Айлин, и искоса, чтобы никто не заметил, посмотрела на покачивающегося Аластора (и как ему удастся раскачиваться сидя?) и магистра Мэрли, затеявших игру в бутылочку.

Вместо бутылки они взяли опустевшую фляжку Аластора. Раскрученная фляжка вертелась совершенно непредсказуемо в отличие от настоящей бутылки, как уверял магистр. И поэтому игроки сначала увлеченно спорили, куда именно на этот раз указало горлышко, а потом – как заставить надгробие мэтра Кирана отойти в угол склепа и трижды прокукарекать.

«Надо рассказать про эту игру Дарре, – решила Айлин. – И Саймону тоже, конечно! Им наверняка понравится! Вот только зачем мэтру Кирану, чтобы я просыпалась? И вообще...»
– А разве я сплю?

– Спишь, – заверил мэтр. – Проснись. Обещаю, ненадолго.

– Хорошо, я постараюсь! – вздохнула Айлин, бросила последний взгляд на Аластора, снова раскрутившего фляжку, старательно зажмурилась и... проснулась.

Мэтр Киран сидел в изножье кровати, разглядывал комнату и рассеянно гладил Пушка, улегшегося у нее в ногах – вот, оказывается, почему так затекли стопы! Ну и ладно, зато не холодно!

– Какой у тебя тут творческий беспорядок, – одобрительно сказал он, заметив, что Айлин открыла глаза. – У нас с Мэрли тоже так было, когда мы жили в одной комнате. А остальные, конечно, возмущались. Мол, не найдешь ничего! Как же! Много они понимали. Помню, на десятом курсе к нам поселили еще одного целителя, Аранвена, кажется... Тогда был перебор адептов, не хватало комнат. И знаешь, что сделал этот мерзавец?! Он убрал в нашей комнате! Мы с Мэрли потом месяц ничего найти не могли!

– Мэтр Киран, – осторожно прервала Айлин. – Как вы себя чувствуете?

И тут же, спохватившись, мысленно обругала себя дурой. Мэтр не может себя чувствовать! Он же призрак! Но ведь ему явно было больно, когда лорд Бастельеро его ударил! И выглядел мэтр Киран тревожно: его вызывающая рыжина потускнела, волосы, задорно торчащие во все стороны, как-то пригладились и облепили голову, глаза лихорадочно блестели, лицо посерело и резко выступили скулы...

– Чушь какая! – фыркнул мэтр Киран, ероша волосы на затылке. – Еще как можем!

Пожалуй, если ты призрак, то чувствовать – это единственное, что остается. Не беспокойся, все вполне хорошо. Но давай к делу? Прости, яблочко, у меня очень мало времени, а нужно сказать главное. Вот, держи!

Он порылся в поясной сумке и вытащил из нее толстую, переплетенную в кожу тетрадь, такую же призрачную, как и сам мэтр.

«А как же ее читать? – молча поразились Айлин. – Разве можно читать призрачные записи?»

– Нельзя, – хитро улыбнулся мэтр Киран, по обыкновению услышав ее мысли, и с деланной строгостью добавил: – Смотри внимательно, больше ты такого не увидишь!

Его фигура засветилась, становясь все ярче, и Айлин даже показалось, что мэтр вот-вот воплотится – но воплотилась только тетрадь, а фигура некроманта разом потускнела так, что сквозь него Айлин явно увидела противоположную стену и кусок окна.

– Ой! – вырвалось у нее. – Милорд мэтр, вы...

– Это моя собственная кожа, – с той же слегка фальшивой беззаботностью произнес мэтр Киран, проводя прозрачным пальцем по корешку лежащей на кровати тетради. –

Использовать часть своего тела – единственный способ сотворить артефакт, который останется с тобой даже после смерти. Ой, не смотри так! Немного кожи, взятой с верхней части спины – это не смертельно, а целители в Академии хорошие... Это, яблочко, мой личный дневник-гримуар. Придуманные мной заклинания, редкая нежить, которую я встречал в путешествиях. Способы борьбы, ну и всякое прочее. В общем, моя жизнь. Их похоронили вместе со мной, ну вот как артефакты Мэрли...

Он запнулся и встряхнул головой, на какой-то миг становясь прежним, таким привычным Лисом-Хитролисом.

– Не умею я делать подарки, особенно девочкам. В общем, давай попросту – эти записи теперь твои. Считаю, что учебник. Я же обещал, что научу тебя всему, что умею, помнишь? Будешь моей ученицей – и моим главным законченным делом. Согласна?

Тетрадь взмыла в воздух, неожиданно тяжело упала ей на колени, и Айлин словно очнулась. Мэтр Киран говорил так, словно прощался!

– М-мэтр Киран! – вскрикнула она сдавленно. – Но вы же... вы же не...

Мэтр Киран вздохнул.

– Я бы с радостью посидел в склепе хотя бы до твоего выпуска, яблочко мое, – сказал он неожиданно тихо и серьезно. – А может и подольше. Но произошло кое-что, заставившее меня понять, что мое время закончилось. Да и Мэрли уже ушел в Сады... Не хмурься, Айлин. Постарайся понять: пережить свое время – худшее наказание. Я пришел попрощаться. Пожелай мне легкой дороги, хорошо? И не вздумай ходить в мой склеп. Только расстроишься. А впрочем... – Он вдруг улыбнулся легко и беспечно. – Впрочем, мне это даже нравится. Пообещай, что не изменишься! Что всегда будешь относиться к призракам, как к живым! Нам очень нужно, чтобы нас оплакивали как живых и радовались как за живых. Ну же, Айлин! Обещай. Что бы ни говорил тебе твой куратор.

– Обещаю, милорд мэтр, – шепнула Айлин.

Она подняла тетрадь, прижала к груди и часто заморгала, чтобы прогнать резь в глазах.

Неужели мэтра Кирана прогнал милорд Бастельеро? Нет, он не мог! Мэтр Бастельеро справедливый, он наверняка уже и сам стыдится, что ударил бывшего коллегу!

– Не думай ты об этом, – посоветовал Киран и быстро наклонился вперед, так что почти коснулся лбом макушки Айлин. – Времени почти не осталось. Передать что-нибудь твоему отцу, когда я встречу его в Садах?

– Скажите, что я люблю его, – вытолкнула Айлин сквозь застрявший в горле ком. – И что он будет мной гордиться. И вы тоже будете, мэтр Киран, обещаю!

– Я знаю, яблочко, – ласково улыбнулся мэтр. – Прощай.

– Прощайте, мэтр Киран, – прошептала Айлин, глядя, как бледнеют и выцветают фиолетовая мантия, рыжие волосы, веселые карие глаза... – Легкой дороги!

Когда прозрачная тень окончательно растаяла в воздухе комнаты, Айлин показалось, что теплый воздух стал гораздо холоднее. Наверное, это объяснялось какими-то сложными магическими процессами, но Айлин точно знала, что дело не только в них. Вместе с Кираном Лоу из ее жизни ушло что-то очень важное! Словно потух огонь, у которого Айлин грелась...

Она отняла тетрадь от груди и посмотрела на обложку, открыла ее и вгляделась в тонкие, слегка выцветшие строки, написанные мелким, но разборчивым почерком. Записи, рисунки, заметки на широких полях, тоже исписанных до последнего клочка свободного места. Мэтр Киран так хотел стать преподавателем! Это было его неоконченное дело, ради него он оставался в склепе Академии, долгие годы ожидая кого-нибудь, кто станет его настоящим учеником. И вот... Это неправильно! Почему все ее бросают?! Отец, Аластор, теперь мэтр Киран...

Она всхлипнула один-единственный раз, понимая, что несправедлива. Конечно, они не хотели! Никто из них не хотел оставить ее одну! И есть много людей, которые любят ее и еще долго будут рядом. Но они тоже могут уйти в любой момент! Кто угодно может уйти, потому что такова жизнь – это последний урок, который мэтр Киран, вряд ли желая того, ей преподавал.

Айлин перевернула страницу, другую... Кольцо, подаренное отцом, вдруг сверкнуло в луче восходящего солнца, и льдинка где-то внутри Айлин, холодная и острая, начала таять. Да, они ушли. Но ведь они были в ее жизни! И когда-нибудь, пройдя собственный путь, она с ними обязательно встретится! Только нужно, чтобы она могла с гордостью показать этот путь.

Ей вдруг показалось, будто кто-то погладил ее по голове. Это не был призрак – никакого следа некротических эманаций поблизости не наблюдалось, Айлин знала совершенно точно. И все-таки нежное прикосновение почувствовала так ясно! Боясь даже предположить, чья ласковая рука тронула ее волосы, Айлин замерла, ловя этот миг и больше всего на свете желая сейчас обнять кого-нибудь близкого, родного, любящего... Но комната была пуста, и мгновение чужого присутствия оказалось мимолетным. Айлин закрыла тетрадь и, не выпуская ее из рук, посмотрела в окно.

Там из-за восточной башни Академии вставало в розово-желтой вуали, раскинувшейся на полнеба, солнце. Наступал новый день ее жизни. Лекции и практические занятия, библиотека, привычные мелкие ссоры с Иоландой и холодное перемирие с заклятыми подругами с собственного курса. Дружба Воронов, любовь тетушки Элоизы... Тысячи счастливых и несчастных моментов, из которых складывается жизнь. Но что-то уходило

никого из девиц не пропускают, хотя бы по разу не сходяв с ними на свидание. Словно она заговоренная или проклятая... Или страшнее умертвия.

– Семнадцать! А ты даже не целовалась ни разу! И правильно, кому ты нужна, заучка несчастная? Кроме твоих Воронов, таких же ненормальных, как ты!

– Замолчи немедленно! – яростно вскрикнула Айлин, сжимая кулаки и пытаясь уговорить себя, что слова Иоланды не стоят внимания.

Просто-напросто она злится, потому что Саймон не обращает на нее никакого внимания, как Иоланда ни пытается его завлечь. Зато Айлин он по секрету шепнул: «Папа всегда говорил не связываться с иллюзорницами, кто знает, как они выглядят на самом деле?!»

– Сама ты завидуешь, – продолжила она уже куда спокойнее. – Потому что тебе нравится Саймон Эддерли, и ты хотела пойти с ним на Вишневый бал! А он тебя не приглашал, и не пригласит, и даже приворот не поможет! Я, между прочим, знаю, что ты его делала!

– Зато меня пригласит кто-нибудь другой! – прошипела Иоланда, покраснев. – А тебя не пригласит никто! Разве только кто-то из твоих Воронов! Из жалости, чтобы ты их курс не позорила! Интересно, они жребий бросят или твой драгоценный замороженный Аранвен назначит кого-нибудь? Сам-то он тебя только конфетками кормит, как маленькую девочку! Айлин задохнулась от стыда и гнева. Как же позорно признавать, что слова противной соседки правда от первого до последнего слова!

Она и в самом деле ни разу не целовалась. Ни с кем. Хотя иногда пыталась представить что-то похожее на романтическую сцену из фраганского романа: вечер на балконе, запах цветов, соловьи... Вот только добавить ко всему этому великолепию кого-то из юношей ей не удавалось даже мысленно!

Саймон? Он сидел бы на перилах балкона, уплетал конфеты и иногда прицельно швырял в самого голосистого соловья какой-нибудь хитро закрученной порчей. Просто так, для тренировки. А потом по всему саду летали бы соловьи, ругающиеся на нескольких языках. Дарра наверняка напомнил бы, что вместо соловьев следует заняться домашним заданием. Взял рабочие тетради Айлин, придирчиво проверил записи, подчеркнув ошибки тоненьким карандашом, чтобы она сама их исправила. А потом написал список, какие книги ей следует взять в библиотеке, чтобы улучшить знания по этой теме. И даже страницы указал бы.

Аластор... Тихо, уже привычно заняло сердце. Он так и не написал. Ни разу за все пять лет. Как удалось выяснить тетушке Элоизе, Вальдероны покинули столицу всего через несколько дней после памятной вечеринки... Аластору теперь уже целый двадцать один год, а скоро исполнится двадцать два, он не маг и единственный наследник своего отца и, наверное, теперь уже женат или помолвлен... Может быть, он слушает соловьев с невестой?

А Айлин – одна! И только молча слушает, как все девицы, которым уже исполнилось семнадцать, вздохнув говорят о Вишневом бале – первом взрослом бале любого адепта! В прошлом году Айлин на него не попала из-за возраста: Вишневый бал устраивают на весеннее равноденствие, а семнадцать ей исполнилось через неделю после него, и это было до ужаса обидно, ведь Вишневый бал в Академии – главное событие года! Сначала стихийники почти неделю колдуют, чтобы в день праздника непременно расцвели вишни в саду Академии, потом иллюзорники украшают бальный зал, а перед самой полночью в саду устраивают фейерверк, может быть, не такой роскошный, как чинский, когда-то показанный ей Саймоном и Даррой, но все равно чудесный!

А еще на бал являются все преподаватели и преподавательницы от молодых лаборантов до милордов магистров! Девицы со всех факультетов каждый раз спорят, кто будет танцевать с милордом магистром Роверстаном, а за последний месяц несколько адептов даже подрались из-за этого. Ну и бестолковые курицы! Все равно магистр сам решит, кого пригласить на танец, дерись не дерись. И вообще – драться недостойно магесс, вот!

А еще приглашение на бал обязательно делается с букетом цветов. Иоланда хвалилась, что ей как-то подарили редкие фраганские лилии, и даже показывала засушенный цветок с бархатисто-алыми лепестками. Тот самый, который, по обычаю, приглашенная адептка прикалывает на платье или в прическу, а после бала бережно хранит на память. А после бала юноша непременно провожает свою даму и дарит ей распутившуюся веточку вишни, за которую – и этикет это позволяет! – она может поблагодарить его поцелуем! Старшие же

девицы шепчутся, что в эту ночь поцеловаться под цветущей вишней в академическом саду означает, что ты непременно встретишь свою любовь еще до следующего цветения вишен, и стоит подумать об этом – сердце замирает!

Да, на прошлом курсе пропустить Вишневый бал всего лишь из-за одной недели до дня рождения было ужасно жаль. Но в этом году все еще хуже: праздник уже через неделю, а Айлин ведь и в самом деле никто не пригласил... И это понятно, ведь приглашение на Вишневый бал означает самое настоящее признание в нежных чувствах! Или даже в далеко идущих намерениях после окончания Академии. Ну, об этом ей точно рано задумываться, но остаться совсем без приглашения – как это невысказано, невероятно, до слез обидно!

Даже думать не хочется, что платье цвета бледного нефрита, сшитое по заказу тетушки Элоизы из лучшего арлезийского шелка, так и останется висеть в шкафу! И все-все будут знать... Вот обрадуются Ида с Лионорой, не говоря уж о дражайшей соседке.

– Я и сама не собиралась идти! – заявила Айлин, вздернув подбородок как можно выше. – Между прочим, у меня курсовая работа! И магистр Эддерли разрешил мне сдать экзамены экстерном и поехать на настоящую полевую практику с особым курсом! На балы ходят только те девицы...

– Которых туда приглашают! – с триумфальным злорадством закончила соседка и демонстративно отвернулась к окну.

– ...Мечту-у-у-у дорогую, неа-а-асную! Дале-о-о-о-ую-у-у! – зарыдали голос и лютня, не попадая в унисон ни одной нотой.

Пушок, любящий музыку, восторженно заскреб пол под кроватью и громко зашипел, изо всех сил стараясь попасть в ритм, и Айлин почувствовала, что больше не выдержит. Отбросив одеяло, она вскочила с постели и решительно направилась к окну. Ну, сейчас она покажет этому... музыканту!

– Хоть бы причесалась, – хихикнула Иоланда. – Может, на девицу стала бы похожа. С улицы.

– Некромантке положено быть страшной, – огрызнулась Айлин, высываясь из окна и старательно выглядывая Иоландино поклона.

Нет, Молотом Пресветлого она, конечно, кидаться не станет! Но вот Полог немоты этому незваному будильнику определенно не повредит и через пару часов развеется сам!

Ну-ка, где он? Айлин повертела головой и заметила певца – юноша с лютней изящно прислонился спиной к старой вишне. Его мантию украшал широкий белоснежный воротник и такие же манжеты... Разумник?! И будит по утрам адептов всех восьми факультетов?! Интересно, откуда он такой взялся, позор Белой Гильдии?!

Она уже сложила пальцы для Полога немоты, как вдруг юноша взглянул прямо ей в глаза и перестал играть! А не такой уж и болван этот разумник, не стал ждать заклятия!

– Добилась своего, – прошептала Иоланда сердито, выглядывая из-за плеча Айлин. – Своих кавалеров нет, так ты моих распугивать взялась?!

– Напиши кавалерам расписание, когда можно петь, – буркнула Айлин, взялась за створку, чтобы закрыть, наконец, окно, – комнату и так уже выстудило не хуже ледника – и замерла. Юноша за окном прижал ладонь к сердцу и низко поклонился, а потом... потом... Послал воздушный поцелуй! И этой же рукой, свободной от лютни, красиво выписал в воздухе руны Ариф и Рейваз, на миг вспыхнувшие золотистым сиянием. Чтобы никто не перепутал, кому предназначалась серенада! И все, кто, подобно Айлин и ее соседке, успели выглянуть в окно женского крыла, это видели! Айлин точно знала, что больше ни одной девицы с такими инициалами здесь нет...

Глаза Иоланды стали круглыми, как две плошки.

– Он, наверное, слепой! – пробормотала соседка, а юноша снова тронул струны.

– Люблю – и ответа не жду я! Люблю – и не жду поцелуя...

И отчего это Айлин показалось, что он фальшивит?..

Нет, конечно, петь на рассвете – это нехорошо, и спать хочется ужасно, но все-таки... все-таки приятно, когда петь под окно приходят не только к Иоланде! Она отвернулась, осмотрела комнату: взгляд упал на стоящий в изголовье кровати кувшин с собранными по заданию мэтра Лориса веточками пурпурного упокойника – традиционнейшего цветка любого дорвенантского кладбища. Из упокойника на сегодняшнем уроке алхимии

полагалось варить какое-то зелье, но... А, ничего страшного, если Айлин подарит всего один цветок!

Она решительно вытащила из кувшина самую красивую веточку, увенчанную пышной шапкой густо-багряных, зато абсолютно не имеющих запаха цветов, и, вернувшись к окну, бросила ее юноше. Тот, как ни странно, поймал, снова поклонился, прижав руку к сердцу, и поцеловал цветок.

Кровь бросилась Айлин в щеки – интересно, что себе вообразил этот разумник?!

– Слепой... И фальшивит! – сердито заключила Иоланда, с грохотом захлопнув свою половинку окна. – Это же надо было додуматься – на рассвете петь! Но отважен, надо признать. Даже твоих Воронов не испугался.

– Можно подумать, они такие... пугающие! – буркнула Айлин, хотя отвага неизвестного поклонника ей, пожалуй, польстила.

– Разумеется, нет! Подумаешь, самые отчаянные забияки своих курсов! К тому же некроманты! – фыркнула Иоланда, закатив глаза. – Ревенгар! Послушай редкого доброго совета, намекни им, что караулить тебя в сто глаз вовсе необязательно! Иначе они никогда в жизни к тебе никого не подпустят. Так и окончишь Академию нецелованной душой!

Айлин не стала отвечать, да и ответа, к счастью, Иоланда явно не ждала. Отойдя от подоконника, от души зевнув и потянувшись, соседка побрела обратно в постель, досматривать прерванный утренним музыкантом сон. Айлин тоже задумалась, не поспать ли еще хоть чуть-чуть? С другой стороны, начертательная некромантия начнется всего через два часа, так стоит ли ложиться? Может быть, лучше еще раз перечитать учебник, тем более что мэтр Денвер на прошлом занятии грозил устроить письменную работу?

Подойдя к столу, на котором лежали вперемешку учебники и тетради, она уже протянула руку к рыжему корешку «Начертательной некромантии в примерах и схемах», как вдруг увидела длинный сверток из плотной коричневой бумаги, перевязанный ленточкой. Ой... интересно, что это и откуда оно взялось? Вчера утром никаких свертков на столе не было, днем – тоже, а после вечернего практикума по поиску маточника упырей Айлин так устала, что не бросила на стол ни единого взгляда. Да что там, у нее едва хватило сил, чтобы раздеться и умыться перед сном! Может быть, сверток принадлежит Иоланде? Но почему на ее столе?!

– Иоланда, – позвала она, надеясь, что соседка еще не заснула.

– Ну что тебе? – сонным недовольным голосом откликнулась та, и Айлин, осторожно подняв неожиданно тяжелый сверток двумя пальцами, показала его соседке.

– Это твое?

– Нет, – буркнула Иоланда, заразительно зевнув еще раз. – Вчера принес кто-то из obsługi. Сказали – для адептки Ревенгар... Отстань, я спать хочу.

Для адептки Ревенгар? Может быть, это подарок от тетушки? Айлин торопливо потянула за ленточку, и та неожиданно легко развязалась, открыв длинный, обтянутый кожей футляр. К футляру прилагалась карточка, и Айлин тут же схватила ее. Если это от тети Элоизы, на карточке должно быть что-то написано!

Но никакой надписи не было. Зато на карточке был изумительно красиво нарисован черной тушью цветок вишни... или яблони?... с одним-единственным листиком на тонкой ветке. Над самой веткой восходила полная луна. Иникакой подписи.

Что бы это значило? Айлин осторожно кончиками пальцев откинула крышку футляра и едва не вскрикнула. Внутри на светло-золотистом бархате лежал нож! Настоящий нож некроманта с длинным клинком, даже на вид необыкновенно острым и выполненным, сразу видно, из лучшей стали, а рукоять, роговая у ученических ножей, у этого была обтянута прекрасно выделанной кожей. Не выскользнет, если вдруг вспотеет рука! У основания клинка, почти у самой рукояти, Айлин заметила гравировку: те же цветок и луна, что были нарисованы на приложенной к ножу карточке.

Поколебавшись, она вынула нож из футляра и почти не удивилась тому, что он лег в ее ладонь как влитой. Сделан на заказ? И по ее мерке! Но кто мог сделать ей такой подарок? Дарра? Несомненно, он мог бы, но подарок он принес бы сам и просто вручил, как обычно. Как и Саймон...

Или?..

Айлин вдруг вспомнила, как на прошлом практикуме мэтр Бастельеро заметил, что у ее старенького ножа, с которым она не расстается, сильно потрескалась рукоять, и сказал, что так можно повредить руки... Ой, но ведь не мог же мэтр Бастельеро прислать ей подарок? Ведь не мог же?!

* * *

– Ваша рапира, юный лорд!

Месьор д'Альбрэ указал взглядом на острие шпаги Аластора, с которого слетел защитный колпачок, и по обыкновению не преминул съехидничать:

– Убить меня, конечно, проще, чем продолжать уроки, но неужели вам понадобилось целых пять лет, чтобы это осознать?

Аластор фыркнул, подобрал колпачок, вернул его на место, придирчиво проверив, чтобы такого конфуза больше не случилось, и отозвался в тон:

– Ну что вы, месьор! Убить вас я хотел только первые три года наших занятий!

– О! Неужели потом смирились и отказались от этой вдохновляющей мысли?

Месьор напоказ встал в фехтовальную позицию и даже рапиру взял как в учебнике, словно Аластор еще ловился на такие трюки.

– Ну что вы... – Аластор крутнул оружием, разминая слегка затекшее запястье. – Просто решил, что старость нужно уважать.

– Ну и наглец вы, юноша! – искренне и с огромным удовольствием восхитился фраганец. – Старость? Ну-ну...

Молниеносный укол из положения, в принципе при такой позиции почти невозможного, Аластор парировал. Но уже не возгордился собой, как непременно сделал бы раньше. Хотя то, с чего д'Альбрэ всего лишь начинал разминку, для менее искусного соперника стало бы концом поединка.

– А еще я подумал... – Аластор зорко следил за фраганцем, держа кисть в меру расслабленной, чтобы не перенапрячь ее раньше времени, – что освободить вас от своей персоны – это слишком великодушно. Вдруг вы уже и сами готовы помереть, лишь бы не... как же это... – Он припомнил и процитировал по-фрагански: «Не мучиться с упрямым ослом, у которого обе руки не просто левые, а еще растут пониже спины, завязавшись в узел!»

– Какая прекрасная память, – удовлетворенно сообщил д'Альбрэ на том же языке. – С такими способностями не пройдет и следующих пяти лет, как вы научитесь держать рапиру изящнее, чем конюх – лопату для навоза. А там уже рукой подать до возможности меня убить! Что касается желания это сделать, то я был непростительно благодушен в последнее время, если оно утихло. Постараюсь исправиться!

Его рапира взметнулась жалящей змеей – и Аластору стало не до острот. Стиснув зубы, он отбивался, иногда переходя в атаку, но гораздо реже, чем хотелось бы. И ни одна из этих атак не закончилась победным уколом. Улучив момент, Аластор перебросил шпагу в левую руку, но не потому, что это дало бы какое-то преимущество – только не с этим противником! – а просто ради тренировки. Месьор глазом не моргнув поддержал игру, пару минут поработав правой, а потом тоже сменил руку, но вдруг опустил оружие.

– Слишком медленно, – бросил он, ничуть не запыхавшись. – Что с вами сегодня такое? Устали?

Это уже была не привычная шутка, которыми они привыкли фехтовать так же часто и с не меньшим удовольствием, так что Аластор поморщился и откровенно признался:

– Нет настроения, простите. Да, я знаю, что противник не будет ждать, пока оно появится...

– Неужели вы и правда считаете меня брюзгливым старикашкой? – изумился д'Альбрэ. – Разницу между куражом и честным старанием мы давно выяснили, как мне казалось.

О да, еще в первый год. И Аластор вряд ли забудет, как до темноты в глазах ненавидел надменного фраганца, не принимающего в качестве оправдания никаких причин. Для слабости не может быть извинений! У вас дурное настроение, юноша? Пробежите разок вокруг усадьбы, а лучше – три раза. Либо ваше настроение исправится, либо для него появится более веское основание.

А потом злого, но уже измученного Аластора ждали ненавистные «танцы», как месьор называл тренировку на вкопанных в землю чурбачках разной высоты. Каждый день и не меньше часа! Сначала по ним приходилось бегать и прыгать, а потом, едва Аластор

научился не падать с лично Барготом придуманных деревяшек, месьор коварно велел заменить их другими – потоньше! Вдобавок, на некоторые чурбачки были положены круглые деревянные брусья, по которым тоже пришлось бегать, и ладно бы – прибитые, но они выскальзывали из-под ноги, как живые! Аластор, ругаясь, спрыгивал вниз, и это означало, что все упражнение следует проходить заново. Ну и разумеется, потом к «пляскам» на чурбачках добавилось фехтование на них же. Нет, будь это игрой, она, пожалуй, показалась бы забавной. Но ведь не каждый день, да еще когда ноги трясутся от трех пробежек вокруг усадьбы, которые незаметно превратились в пять, потом в десять... Когда в этом году месьор поздравил его с днем имянаречения, снисходительно «разрешив» по такому поводу пробежать полтора десятка раз, Аластор от возмущения даже не нашел, что сказать, хотя в чем занятия с фраганцем точно пошли ему на пользу, так это в умении не лезть за словом в карман. Остроты д'Альбрэ обожал и оценивал очень своеобразно: чем достойнее Аластору удавалось ответить на его вечные подначки, тем дороже приходилось расплачиваться за это на тренировке – игра, в которую они оба втянулись с азартом! А полтора десятка кругов он тогда пробежал еще до праздничного завтрака, и, хотя рубашка промокла, дыхание осталось почти спокойным, так что месьор одобрительно кивнул и похвалил, сообщив, что теперь Аластор может спокойно выбирать, догонять ему будущего противника или спастись от него бегством самому – и то, и другое должно быть успешным. И почему он казался Аластору похожим на ворона? Змея, как есть змея! – Прошу прощения, – буркнул Аластор, снова поднимая опущенную рапиру и показывая, что готов продолжать.

– Вы мне решительно не нравитесь, юноша, – еще через несколько минут поединка задумчиво сообщил д'Альбрэ. – То есть гораздо сильнее обычного. Не вздумайте в таком расположении духа с кем-нибудь драться, оно годится только для двух вещей: убить кого-то или умереть самому. А ни то, ни другое сегодня в мои планы относительно вас не входит.

Он опустил рапиру и снял с нее колпачок, показывая, что тренировка закончена. Аластор вздохнул, молча признавая правоту наставника. Действительно, ни убивать, ни умирать ему не хотелось, но вот на душе творилось неладное.

Сняв ленту, которая держала волосы на лбу, он вытер лицо влажным полотенцем, им же обтер руки и пожалел, что нельзя прямо сейчас окатиться из ведра – как есть, в рубашке и полотняных штанах для тренировки. То есть можно, конечно, но тогда с тренировочной площадки в саду придется идти в дом мокрым, а ранней весной это не слишком приятно. Весна... Пятая весна его дурацкого добровольного заточения в поместье! Давно можно было бы уехать в Дорвенну, если бы не данное самому себе слово, что он появится в столице только тогда, когда сможет прийти к Айлин.

– Аластор, у вас что-то случилось? – спросил месьор д'Альбрэ, вытирая белоснежным батистовым платком и без того безупречно чистый клинок рапиры.

Смотрел он при этом только на оружие, разумеется, а голос был подчеркнuto равнодушным, но само по себе обращение по имени говорило достаточно много. К излишней заботе, равно как и фамильярности, фраганец был решительно не склонен. Это насколько же Аластор сегодня плох?!

– Ничего, месьор, – мрачно ответил он. – Совершенно ничего. В этом-то вся беда...

– Ваша почтенная матушка что-то упоминала о поездке в гости сегодня после обеда.

Неплохой способ развеяться, – тем же ровным, ничего не выражающим тоном предположил фраганец.

– В гости? Благодарю покорно! Скука смертная!

Аластор накинул снятый перед тренировкой домашний камзол и принялся застегивать пуговицы. Скука – вот именно! А еще непременно кто-то из девиц откроет на него охоту, и придется чувствовать себя болваном, поскольку разочаровать милых дев негалантно и вообще подозрительно, а ответить на их ожидания...

Букеты, составленные на языке цветов, надушенные записочки, встречи в саду по итлийской моде, когда девица стоит на террасе за неимением балкона – ну кто видел балконы в сельских усадьбах? – а ты как дурак томишься в саду за перилами, но должен делать вид, что девушка далека и неприступна, хотя до нее рукой подать! А в кустах обязательно сидит кто-нибудь из ее тетюшек! И то ли караулит, чтобы ты ничем не

опорочил честь ее племянницы, то ли, напротив, надеется, что ты опорочишь эту честь настолько, что можно будет выскочить из укрытия и тащить тебя делать предложение. Брр-р!

А девицы? Все как одна жеманные кокетки! Ах, милорд, любите ли вы слушать соловьев? И когда именно, на закате или на рассвете? И ведь не объяснишь, что на закате он, высунув язык, плетется домой после вечерней тренировки, а на рассвете, едва разлепив глаза, собирается на утреннюю. И кто там щебечет в саду, ему решительно плевать! Но нет, надо обязательно сообщить милой деве, что если бы пение соловьев хотя бы немного приближалось по прелести к ее нежному голоску, то Аластор обязательно бы все рассветы и закаты проводил в саду, ловя возможность его услышать! А глаза у нее голубее неба! Ну или зеленее изумруда, например. И губки как кораллы, хотя вот он видел как-то в лавке редкостей эти кораллы, они белесые и смахивают на высушенные коряги, так что губы на них никак не похожи, разве что у умертвия какого!

– Хватит... – простонал фраганец, вытирая рукой в перчатке глаза и совершенно издевательски покатываясь со смеху. – Ради Благих... Вы меня все-таки уморите, юноша! Просмеявшись, он взглянул на одевшегося Аластора на удивление серьезно и даже сочувственно, а потом медленно проговорил:

– Полагаю, будет глупо спрашивать, не отказались ли вы от своих планов, юный лорд. Непостоянство, к счастью, не входит в список ваших недостатков. Но по пути к цели полезно подумать, так ли вам нужна именно эта цель?

– Нужна, – с упрямой холодной уверенностью ответил Аластор. – Если я откажусь от нее, то сам, а не потому что меня заставили.

Он взглянул на левую руку, где привычно поблескивало простенькое колечко: начищенные медные завитушки, полупрозрачный зеленый камень. За пять лет руки Аластора стали куда крепче, а пальцы – толще, но колечко по-прежнему сидело как влитое, словно было выковано точно по размеру. Правда, пришлось переодеть его с указательного пальца на мизинец. «Айлин такая же, – само пришло на ум. – Яркая, живая, теплая... И бесценная, хотя для того, чтобы это понять, нужно к ней присмотреться». Зеленый камень в артефакте покойного магистра подмигнул ему, поймав солнечный лучик, и на сердце потеплело. Это кольцо Аластор отстоял, хотя отец не раз деликатно намекал, что стоило бы вернуть его девице. Мол, нехорошо принимать подарки, если нет возможности отдариться... И замолчал только после того, как Аластор, не выдержав, пообещал в таком случае лично отвезти его Айлин прямо в Академию – и будь что будет! Матушка, разумеется, узнавшая всю историю, ничего не сказала, только погладила Аластора по волосам, а потом в каждом доме, который они посещали за эти пять то ли проклятых, то ли благословенных лет, обязательно оказывалась хотя бы одна девушка подходящего возраста. Были среди них миленькие и действительно красивые, были даже умные. Кое-кто – с магическим даром, а одна или две – рыжие! И Аластор ценил, каких усилий стоило его родителям устроить столько нужных визитов, но понятия не имел, как им объяснить, что это все не то! Что ему не нужна красивая, умная, магесса, рыжая... Ему вообще никто не нужен!

А чтобы не просыпаться от жарких снов и не позориться перед горничными испачканной постелью или неожиданными телесными шалостями, вполне достаточно пары двухчасовых тренировок в день, а между ними – обычных забот по поместью, охоты и конных прогулок. Ну и есть веселое заведение в соседнем городе, куда его пару лет назад отвез месьор д'Альбрэ, весьма деликатно для такой язвы объяснив, что спать или не спать с женщинами – это личный выбор каждого мужчины, но уметь это делать просто необходимо. Ладно, не совсем деликатно, но на фоне его обычных острот шутки про полировку клинка были почти безобидными. В том заведении Аластор за три года был раз пять-шесть, потом понял, что ничему особо новому уже не научится, а бывать там просто так, для удовольствия, почему-то противно.

– Я хочу сам решить, – упрямо повторил он, в который раз подумав, но не решившись спросить, что известно д'Альбрэ.

Например, знает ли фраганец, что в лице своего подопечного он кует и оттачивает рапиру, которая, возможно, скрестится с самим Бастельеро! И хотя Аластору давно уже не хочется убить некроманта из одного лишь оскорбленного самолюбия, этот счет следует закрыть. Вальдероны платят свои долги.

– Как скажете, юный лорд.

Улыбка тронула краешки узких губ фраганца, за эти пять лет почти не изменившегося, разве что чуть больше ставшего похожим на хищную птицу. И Аластор вдруг с изумлением понял, что даже не заметил, когда этот жесткий, словно высохшая на солнце кожа, человек стал ему так близок. Они редко разговаривали о прошлом, хотя Аластору было смертельно любопытно, как же отец уговорил фраганца остаться в Дорвенне так надолго! С д'Альбрэ было интересно! Он знал массу историй о войне и дуэлях, иногда забавных, а иногда жутких. Он был рядом каждый день, и когда Аластор поддавался слабости и думал, что все это не стоит затраченных усилий, при одном пойманном ироничном взгляде фраганца, словно ожидающего, когда от его услуг откажутся, становилось нестерпимо стыдно, а силы прибывали, как вода в колодце.

А еще месьор д'Альбрэ как-то незаметно и с вечной усмешкой научил его куче других вещей, кроме фехтования. Играть в кости и карты, например. А в случае нужды – учтиво и весело от игры отказываться. Очень полезное умение! И пить карвейн так, чтобы не пьянеть сразу, а чувствовать момент, когда еще вроде бы можно, но уже хватит. И правильно прыгать из окна... Аластор, правда, недоумевал, зачем ему это – ну он же не грабитель какой, но месьор утверждал, что в жизни пригодится.

Так же как способность по нескольким приметам отличить приличный веселый дом от такого, который следует обойти десятой дорогой. И полноценную монету – от фальшивой, а чистое вино – от разбавленного какой-нибудь дрянью... Судя по месьору д'Альбрэ, фраганские бретеры вели жизнь опасную, но безмерно увлекательную, и иногда Аластор бешено завидовал стольким приключениям! А потом ловил тщательно скрываемую тоску, иногда вдруг мелькавшую во взгляде фраганца, и зависть исчезала, напротив, было понятно, что у самого Аластора все прекрасно! Разумеется, он бы скорее язык себе откусил, чем выдал эти мысли.

– До вечера, месьор? – спросил он по-фрагански, поклонившись, и д'Альбрэ ответил кивком.

Оба они понимали, что если матушка Аластора все-таки настоит на поездке в гости, то вечерняя тренировка вряд ли состоится. А вот если Аластор от очередного визита отвертится, то можно будет встретиться и раньше, поскольку развлечений в поместье никаких, а посиделки в библиотеке с горячим вином под очередной рассказ бывшего бретера – это и вправду интересно!

Покинув тренировочную площадку, за пять лет разросшуюся и отвоевавшую изрядный кусок сада, Аластор взбежал по парадному крыльцу, промчался по холлу, потом по лестнице на второй этаж – и остановился только там, чувствуя, что сил еще хватило бы бежать до самой Дорвенны, да только нельзя! Кровь словно кипела в жилах, подстегивая его изнутри, как норовистого коня, толкала на что-то, непонятное разуму, но наверняка желанное.

Усилием воли смирив это буйство, он заставил себя войти в комнату, поплескался над приготовленным слугой тазом и сел за стол, подвинув письменный прибор. До завтрака оставалось еще достаточно времени, и эти минуты принадлежали только ему.

Взяв бумагу, Аластор обмакнул перо в чернильницу и вывел наверху чистого листа:

«Здравствуй, моя милая Айлин...»

Строчки бежали ровно, словно сами выливаясь из-под его руки. Это случалось не так уж часто, обычно Аластор обдумывал каждую фразу, а иногда много дней не мог себя заставить даже сесть за письмо. Но только не сегодня.

«Все меньше недель, дней, часов и минут отделяет нас от новой встречи, а мне кажется, что я мог бы сосчитать каждое мгновение. Глупо, правда? Может быть, ты уже давно забыла своего рыцаря, моя драгоценная не леди. Я не знаю, что скажу тебе и как смогу оправдаться за глупость, что нас разлучила. Я только уверен, что эта встреча должна состояться.

Прости, я пишу тебе столько лет, но так и не научился этому. Я мог бы писать, как положено этикетом, но мне кажется, что это будет оскорблением для нашей дружбы, приравнять тебя к тем, кто ждет подобных писем. Ты совсем иная... Но что же рассказать тебе сегодня? Может, о том, что в нашем саду появились первые фиалки? Совсем такие, как на том шарфе, что я тебе подарил. Я увидел их – и вспомнил о тебе. А еще о том, как единственный раз за эти пять лет приезжал в Дорвенну. Ты ведь помнишь, я писал тебе, что

мои сестрички умудрились выйти замуж за кузенов Райнгартенов. До сих пор поверить не могу! Мэнди и Лоррейн – за лордов из Трех дюжин, один из которых – главнокомандующий, а второй – магистр Оранжевой гильдии. Не подумай, я очень люблю своих сестричек, но решительно не понимаю, что эти в высшей степени почтенные господа в них нашли. Отец и матушка, конечно, счастливы, как и Мэнди с Лоррейн. Но если честно, я бы ни на одной из своих сестер не женился. Они такие... Представь кружевных кукол, у которых внутри смесь сиропа и булавок. Знаю, нехорошо так говорить, и пусть они будут счастливы, но я бы лучше назвал своей сестрой тебя...»

Он досадливо глянул на перо, едва не посадившее на бумагу кляксу, и, поспешно заменив его на новое, продолжил, будто боясь, что стоит остановиться – и уже не выйдет написать все так откровенно, как хочется.

«Так вот, я ведь не мог пропустить свадьбу собственных сестер? Пришлось изменить данному самому себе слову и съездить в столицу. Про венчание я тебе расскажу при встрече, если захочешь, а потом... Потом, вечером перед отъездом, я приехал к Академии и долго стоял на нашем условном месте. Была почти полночь, день перед выходными, и если бы ты – случайно, конечно! – вдруг решила в это время выбраться в город, это ведь не было бы нарушением клятвы? Или было? Я до сих пор не знаю. Светил тот же фонарь, что и всегда, и в башнях Академии огоньками сияли окна – их далеко видно даже из-за стены... А я ждал, хотя полночь давно прошла, и понимал, что ты не придешь. Это было глупо и недостойно данного мной слова, и тогда я решил, что больше не поеду в Дорвенну, пока не смогу сделать это, принимая все последствия. Я хочу увидеть тебя, моя милая Айлин, но не как вор в ночи, а открыто, уважая твою честь и гордость. Хочу встретиться с тобой и, может быть, спросить тебя кое о чем, но об этом рано говорить. И пока это не случилось, я буду беречь память о тебе так же заботливо, как охраняю твой покой своим молчанием. Твой Аластор Вальдерон»

Он закусил губу, глянув на исписанный лист, макнул перо еще раз и решительно добавил под последней строчкой: «Привет Пушку и мэтру Лоу!»

Дождавшись, пока высохнут чернила, он бережно сложил письмо, положил его в конверт, капнул сургучом и, припечатав перстнем наследника с гербом Вальдеронов, встал из-за стола. Открыл верхний ящик секретера и положил конверт на ровную толстую стопку точно таких же. На глаз – несколько десятков, хотя считать их ему, разумеется, и в голову не приходило. Мертвые письма, которые никогда не попадут в руки той, для кого написаны, потому что Аластор Вальдерон умеет выполнять клятвы. И хорошо, наверное, что не попадут, потому что они неправильные, совсем не такие, как положено писать юным знатым девицам. Но эти письма наряду с тренировками у месьора д'Альбрэ были еще одним спасением от дикого, не оставляющего Аластора желания наплевать на все и рвануть в Дорвенну, меняя лошадей. Не каждый день, конечно, но этого не легче. «Скоро, – подумал Аластор, закрывая секретер на замок, ключом к которому служил тот же самый перстень. – Совсем скоро...»

Глава 2. Предложение, от которого отказались

Вызов на Большой королевский совет Грегор получил ранним утром. Точнее, еще вечером, но вернулся с практикума спецкурса настолько усталым, что прочитал письмо, доставленное курьером, только сейчас. Потом перечитал трижды, недоумевая, что взбрело в голову Малкольму? Чего ради собирать Большой совет в самом начале весны, если по традиции он всегда проходит раз в год осенью, после сбора налогов?

Не Прорыв же, хвала Претемной и всем Благим, и не новая война – о ней Грегор узнал бы в числе первых и не на королевском совете, а лично от Эжена Райнгартена, при встречах неизменно выражавшего ему свое почтение. Бывший подчиненный недавно женился. Они с кузеном, Райнгартеном-стихийником, умудрились выбрать в невесты двух сестер-близняшек, похожих настолько, что не отличить. Оба, разумеется, пригласили Грегора на свадьбу, но он увидел родовое имя невест, упомянутое в пригласительной карточке, и

немедленно нашел несколько неотложных и важнейших дел. Поздравлять проныр-Вальдеронов с тем, что им все-таки удалось пробраться в высший свет через брак? Увольте! Кстати, о браке! Возможно, на Совете речь пойдет о женитьбе старшего принца? Криспину на днях исполнится двадцать один год, и в самом деле пора бы найти юноше невесту... Но до чего же не ко времени этот вызов! Сегодня Грегор как раз собирался заняться с Воронятами работой над ошибками в прошлом практикуме... Впрочем, какие они Воронята, вполне уже взрослые маги, хоть и ведут себя порой совершенно по-детски! Чего стоит одна только выходка Эддерли! Стоило ему увидеть матку упырей, как этот балбес развернул «Мертвецкую сеть» и кинулся вперед с радостными воплями, странно, что сам в свою же сеть не попал, как пять лет назад. А Аранвен с Ревенгар, конечно, кинулись за ним, как объяснил Аранвен: «Для контроля действий адепта Эддерли и подстраховки, милорд мэтр». Но это он объяснил позже, а в тот момент Грегору пришлось вмешаться! Он, конечно, обещал адептам полностью самостоятельную работу, но надо же и голову на плечах иметь? О Претемная, да неужели он в этом возрасте был таким же отчаянным болваном?

В самом деле, лучше бы Малкольм назначил совет на любой другой день или вовсе обошелся без Грегора... Нет, к Барготу такие мысли, участие в королевском совете – право и долг главы рода!

«Тем более что в последний год ты не навестил Малкольма ни разу», – беспощадно напомнила совесть, и Грегор скрипнул зубами. И в самом деле, ни разу. Причем занятость в Академии – а Эддерли, стоило Грегору заикнуться об увеличении нагрузки, нехорошо обрадовался и поручил ему вести практические занятия по нежитеведению у старших курсов – была лишь поводом. Беда в том, что пить с Малкольмом Грегору не хотелось, на охоту или хотя бы конную прогулку отказывался ехать сам Малкольм, от разговоров о Джанет Вальдерон сводило зубы, а ни о чем другом король разговаривать не желал...

Отвратительное чувство собственного бессилия гнало Грегора из дворца в Академию – там он, по крайней мере, был на своем месте и всегда знал, что следует делать!

Впрочем, ведь на Большом совете не будет ни тягостных признаний Малкольма в собственной глупости, ни жалоб на разрушенную такими же собственными силами жизнь, ни бесстыдных, раз от раза становящихся все откровеннее, воспоминаний о «Прекрасной Джанет», только государственные дела!

«А после совета, видит Претемная, я все-таки попытаюсь поговорить с Малкольмом снова, – поклялся себе Грегор. – Хоть как-то его расшевелить! Нельзя же просто смотреть на то, что с ним происходит, и ничего с этим не делать! Хватит, и так долго ждал, пока все уладится как-нибудь само!»

* * *

Хмуро оглядев со своего места зал Совета, Грегор невольно подумал, что каких-нибудь полсотни-сотню лет назад здесь присутствовали и в самом деле Три Дюжины глав дворянских родов, а сейчас хорошо, если наберется два десятка! Этьен Райнгартен, ставший главой рода всего год назад и сидящий почти напротив, приветливо кивнул.

«А вот Эжена здесь нет, и, значит, речь пойдет все-таки не о войне», – подумал Грегор, сам толком не зная, радует его это или все же огорчает? Нет, он вовсе не хотел новой войны! Но там он был на своем месте... Не жестокая ли насмешка судьбы: делать все, чтобы война закончилась, и не найти себя в мирной жизни? Впрочем, теперь его место – это Академия. Грегор невольно улыбнулся, вспомнив, как увлеченно изводил упырей его особый курс и как Эддерли, Аранвен и Ревенгар все-таки приволокли в Академию матку. «Трофей!» – гордо заявил Саймон. «Экспонат для музея», – осторожно поправил Дарра, а Ревенгар так умоляюще взглянула на Грегора, что он только рукой махнул и пообещал разобраться с ними завтра. То есть сегодня.

Видимо, приняв улыбку Грегора на свой счет, приподнялся с места и поклонился молодой Кастельмаро, внук Великого Магистра и тоже бывший подчиненный. Отличный офицер-боевик, насколько помнил Грегор. Друг Дориана Ревенгара... Кстати, о Ревенгарах!

Он осмотрел длинный стол, рассчитанный на три дюжины человек, ища взглядом наследника Дориана, и увидел его почти у самого дальнего края: блеклый, как моль, длинный, какой-то нескладный, словно месячный жеребенок, юноша неуверенно поглядывал на собравшихся. Пожалуй, если они хоть чем-то похожи с сестрой, то только

этой нескладностью, свойственной ранней молодости. «Впрочем, Айлин она даже придает странное неуловимое очарование, – отметил Грегор. – А вот Артур выглядит беспомощным. Он, конечно, похож на Дориана – вот только Дориан в эти годы был уже плечист и крепок, не говоря уже об уверенности в себе. Наследник – всего лишь его бледная тень».

Рядом с Артуром Ревенгаром сидел лорд Логрейн, упитанный и благообразный, словно купец. Не глава рода – младшая ветвь, опекун единственной наследницы... Грегор плотнее сжал губы, кивая ему. Репутация у лорда была вполне безупречной, но чутье подсказывало, что к этому человеку поворачиваться спиной не стоит, а чутью Грегор привык доверять. Милорда Мэрли он старательно миновал взглядом. Старик так искренне обрадовался ему перед Советом! Крепко обнял, едва не прослезившись, провозгласил, что у Грегора «глаза его любимой Аделин», сдержанно попенял «дорогому мальчику», что тот совсем забыл старика-деда, пригласил на праздник Всеблагодой...

Грегор едва смог отказаться, сославшись на дела Академии. Видит Претемная, Мэрли ничем не заслужил пренебрежения, которое Грегор выказывал его роду уже почти тридцать лет! Но тем более стыдно было смотреть ему в глаза. Глаза человека, так и не узнавшего, кто виновен в смерти его дочери, мачехи Грегора. Бастельеры умеют хранить свои тайны, и дед Грегора, конечно же, был прав, взяв вину на себя. Но иногда казалось, что было бы проще однажды сказать правду, чем вечно прятать ее под маской «несчастливого случая при эксперименте». Тем более что проклятие родной матери Грегора уже выплыло на свет, и младшие Мэрли наверняка что-то подозревают...

Он еще раз оглядел стол, выискивая среди собравшихся тех, кого хорошо знал или рад был увидеть, но таковых оказалось немного. Лорд Дортмундер, дядюшка убитого Тернером пять лет назад боевика, лорды Девериан и Сазерленд сидели рядом, и на них Грегор едва взглянул.

Магистр Эддерли приветливо кивнул ему, Грегор невольно улыбнулся в ответ, предвкушая, как расскажет главе гильдии о вчерашних подвигах его сына, и поразился – ведь еще года три назад он был бы возмущен легкомыслием Саймона до глубины души! Кажется, он постепенно становится настоящим преподавателем!

Переведя взгляд на соседа Эддерли, Грегор едва не вздрогнул. Что здесь делает Роверстан?! Это королевский совет – или все же совет глав гильдии в Академии?! В сравнении с щегольски разодетыми лордами разумник выглядел скромно в простом бежевом камзоле, а его серьга и орденский перстень терялись рядом с украшениями дворян. Однако больше всего Грегора поразило выражение его лица – хмурое и озабоченное, точно такое же, как у...

Грегор перевел взгляд на сидящего рядом канцлера, желая убедиться, что ему не померещилось. Да, Аранвен, по обыкновению строгий и величественный, разглядывал дворян так же хмуро, как и непонятно что забывший на совете Трех Дюжин Роверстан. Да что же здесь происходит? И где, чтоб его, Малкольм?!

– Его величество, король Дорвенанта, Малкольм Пятый! – раздалось тут же, словно отвечая на его мысли, двери распахнулись, и Грегор, увидев старого друга и сюзерена, задохнулся от нахлынувших чувств.

Малкольм помедлил в дверях, обвел поспешно поднявшихся лордов тяжелым взглядом налитых кровью глаз, прошел к своему месту и грузно осел в кресло во главе стола. Вместе с ним в зал ворвался кислый дух выпитого накануне крепкого вина... или карвейна? Нет, карвейн Малкольм не жалуется... не жаловал год назад.

– Сядьте все, – сипло бросил Малкольм, вяло шевельнув рукой.

Грегор бросил старательно незаметный взгляд на короля и прикусил губу, чтобы не выругаться вслух: небритый, помятый, с набрякшими веками и заметно дрожащими руками, Малкольм выглядел отвратительно! Куда, интересно, смотрят лейб-лекари?!

Лорды расселись по местам так же поспешно, как вставали, и старательно не глядя на короля. Кроме, разве что, Роверстана – но никто и не ожидал деликатности от разумника!

– Начинайте, Аранвен, – велел Малькольм, едва скосив глаза на канцлера, и скривился, сжав виски ладонями.

Претемная, у него, ко всему прочему, похмелье! Да еще год назад Малкольм бы в жизни не позволил себе явиться на совет с похмелья! Зачем, если достаточно вызвать целителя?!

«А может, не явился бы и сейчас, если бы я вмешался раньше, а не надеялся непонятно на что?!»

Аранвен неспешно поднялся, осмотрел зал и негромко, но веско заговорил:

– Ваше величество, милорды, мы оказались на грани катастрофы. Впервые за всю историю Дорвенанта финансовое положение королевства внушает такую тревогу. Вот здесь, – он указал взглядом на лежащую перед ним стопку листов, – подтверждение моим словам. Жалобы от купеческой гильдии Дорвенанта, а также итлийских и арлезийских купцов на высокие провозные пошлины. Сводки от налогового ведомства. Налоговые сборы упали по сравнению с довоенным временем в четыре раза и так и не восстановились. Дефицит бюджета почти тридцать пять процентов и продолжает расти...

Он остановился, чтобы перевести дыхание, а Грегор еще раз осмотрел лордов. Кастельмаро, Райнгартен и Эддерли задумчиво хмурились, юный Ревенгар, похоже, не слишком понимал, о чем говорит канцлер... Логрейн и остальные слушали, но как-то без особого внимания, словно к ним слова Аранвена не относятся...

Малкольм, кажется, и вовсе думал о чем-то своем.

«Пусть хоть о трижды проклятой Джанет Вальдерон, – отчаянно подумал Грегор. – Лишь бы не об очередном кувшине!»

– Что вы имеете в виду под катастрофой, канцлер? – подал голос Девериан, заставив Грегора отвлеченно задуматься: он действительно такой болван или все же притворяется?

– Я имею в виду, лорд Девериан, – с холодной любезностью пояснил Аранвен. – Что в казне государства нет денег ровно ни на что, а мы многое закупает у других стран, но почти ничего не продаем. Что купцы отказываются возить товары по нашим землям, жалуясь, что родовитые аристократы ведут себя подобно грабителям с большой дороги. Что мелкие города и поселения приходят в упадок, да и столица нуждается в оживлении торговли и ремесленничества. Что Дорвенант должен Итлии и Арлезе такую сумму, которую просто не в состоянии выплатить, даже если отдавать всю прибыль, которую мы получим в течении десяти лет. Что, иными словами, если немедленно не сделать хоть что-нибудь, государству придет конец. Теперь вы понимаете, что я имею в виду?

– Так давайте поднимем налоги! – предложил Девериан воодушевленно, и Сазерленд с Дортмундером, переглянувшись, кивнули.

– Поднять налоги уже невозможно, лорд Девериан, – с прежней любезностью объяснил Аранвен, и только по неуволимо заледеневшей, в точности, как у его сына, улыбке Грегор понял, что канцлер в ярости. – Налоги мы берем с людей. Дорвенантские купцы разоряются, если мы поднимем налоги хотя бы ненамного, иностранные просто сбегут, а если брать больше с селян, то они перемрут от голода...

– Что за беда? Нарождают новых, – искренне удивился Девериан.

«Видит Претемная, – беспомощно подумал Грегор. – Я и подумать не мог, что в Совете Трех Дюжин могут заседать подобные... он же не притворяется! Как можно быть таким безнадежным ослом?! Но помилуйте Благие, я и предположить не мог, что дела Дорвенанта столь плохи! Да куда же смотрел Малкольм все эти годы?! А сам Аранвен?!»

– Некому будет рожать, – уронил он, и Аранвен коротко благодарно кивнул.

– Но... в таком случае нужно что-то делать... – растерянно протянул Кастельмаро, и Аранвен кивнул снова, теперь уже ему.

– Именно. Мы и делаем. Некоторое время назад Белая Гильдия любезно предложила помощь в исследовании происхождения и поиске путей, как выбраться из долговой ямы. Мы почти год работали с милордом магистром... – Он слегка поклонился в сторону учтиво привставшего и ответившего поклоном Роверстана. – И я взял на себя смелость предоставить Совету расчеты магов разума. Я изучил их лично, – сурово добавил он, прерывая возмущенно открывшего было рот Логрейна. – И могу заверить, что они безупречны. Если прямо сейчас никто из милордов не готов предложить решение наших трудностей, полагаю, стоит выслушать тех, кто это может, не так ли?.. Ваше величество?..

– Пусть говорит, – пробормотал Малкольм, расстегивая камзол и откидываясь на спинку кресла.

«Если этот разумник только посмеет скривиться... если хоть кто-нибудь позволит себе хоть один лишний взгляд... Видит Претемная, прокляну!»

– Вам слово, милорд магистр, – кивнул Аранвен, и Грегор, хоть и разрывался от злости, стыда за Малкольма и жалости к нему же, не смог не оценить дипломатичности канцлера. И в самом деле, назови Аранвен разумника господином, как следовало бы, и любой проект Белой гильдии не примут доброжелательно! Хотя бы потому, что представляет его не лорд. Конечно, любой маг, родившийся простолюдином, после получения перстня приравнивается в правах к лейб-дворянам, а уж магистр гильдии – тем более! Но гордость Трех дюжин на сословных весах перевесит любые доводы рассудка.

– Благодарю, – сдержанно уронил Роверстан, поднимаясь, помолчал мгновение и ровно заговорил: – Ваше величество, милорды Совет. Белая Гильдия предлагает взять кредит у Итлии...

– Судя по тому, что сказал Аранвен, мы и так кругом должны Итлии! – непочтительно фыркнул Сазерленд. – Не говорите чуши... магистр. Мы не получим нового кредита!

– Лорд Сазерленд, потрудитесь не перебивать докладчика, если предпочли промолчать, когда я предлагал высказаться! – холодно попросил Аранвен.

«Еще год... или два... а может быть, пять лет назад именно это сказал бы Малкольм, – с болью подумал Грегор. – Точнее проорал бы в совершенно других выражениях и швырнул чернильницей, а теперь...»

Он снова бросил взгляд на Малкольма – тот, откинув голову на высокий подголовник, часто неглубоко дышал и время от времени облизывал пересохшие губы. Проклятье! Трижды проклятье на голову Джанет Вальдерон, королевских лекарей и всех, кто позволяет Малкольму пить...

«Пусть только кончится этот совет – я позабочусь, чтобы Малкольм не выпил больше ни капли! Нужно будет – силой заставлю обратиться к лекарям! Во всем дворце уничтожу запасы вина!»

– Еще один кредит на содержание королевского двора безусловно не дадут, – любезно согласился разумник. – Но на строительство конкретных производств и необходимые нужды – вполне. У Итлии, как милордам Совету, без сомнения, известно, сейчас крайне напряженные отношения с Фраганой, а потому нашим дорогим соседям пока выгоден сильный Дорвенант, и наша с вами задача – воспользоваться этим.

– И что конкретно вы предлагаете строить, коллега? – с интересом уточнил Райнгартен, и Грегор, с трудом отведя взгляд от Малкольма, заставил себя прислушаться.

– Оружейные фабрики, во-первых, – спокойно ответил Роверстан. – Это значительно снизит наши расходы. Фрагана не продает нам пушки, и сейчас мы закупаем их либо у Итлии в три с половиной раза дороже, либо у той же Фраганы дороже всего вдвое, но только те, что не принимают их собственное военное ведомство, поэтому та артиллерия, что состоит на вооружении нашей армии, куда хуже фраганской...

– Еще одна чушь! – снова вскинулся Сазерленд. – К чему Дорвенанту какие-то пушки?! У нас есть корпус боевых магов!

– ...Насчитывающий примерно две сотни человек, – согласился разумник. – Во время войны погибла или покалечилась примерно четверть, а еще четверть изъявила желание уйти в отставку. Не забывайте, милорд, что отнюдь не все воспитанники Красного факультета идут в армию. Боевых магов гораздо меньше, чем пушек у нашего противника, хотя любой боевик, несомненно, стоит целой батареи. Чтобы воспитать одного боевого мага, требуется двенадцать лет, а за это время Фрагана может наводнить нашу границу пушками. Если же я вас все-таки не убедил...

Он коротко поклонился Грегору и закончил:

– Спросите у мэтра-командора Бастельеро, нужны ли пушки армии Дорвенанта? Надеюсь, вы не сомневаетесь в словах человека, спасшего нашу страну от вражеского нашествия? «Не хочется признавать, – подумал Грегор мельком. – Но...»

– Магистр Роверстан прав, – холодно бросил он. – Для полной победы в случае новой войны нам понадобится решительный перевес. Как в личном составе, так и в оружии. И в финансировании, поскольку – вам, милорды Сазерленд и Логрейн, это наверняка неизвестно – голодные солдаты в обносках очень плохие бойцы.

– Присоединяюсь от имени нового главнокомандующего, – тихо уронил Райнгартен, а Эддерли молча кивнул.

Сазерленд гневно фыркнул, но смолчал, а Девериан, подавшись вперед, уточнил:

– Надо полагать, оружейные фабрики – это не единственное, что вы предлагаете строить?
– Разумеется, – невозмутимо согласился разумник. – Скорняжные и ткацкие мануфактуры. С магами-артефакторами в штате. Ткани, зачарованные от истирания и выцветания. Кожи, не пропускающие влагу, не горящие и не преющие. Та же Фрагана купит любое количество подобных материалов...

– С артефакторами в штате! – расхохотался Логрейн, откидываясь на спинку кресла и скрестив руки на груди. – Что ж, лично мне, милорды, уже все понятно. Маги снова придумали способ нажиться! Скажите еще, что управляющими на этих мануфактурах вы поставите своих разумников!

– Если вы, милорд Логрейн, предоставите хотя бы десяток профанов, способных возглавить и контролировать производство с применением магии... ах да, и, разумеется, не воровать... я буду только счастлив, – любезно улыбнулся разумник, и Грегор поневоле восхитился его выдержкой.

А Малкольм снова промолчал, только поморщился и потер виски.

– А я попрошу вас, милорд Логрейн, взять обратно свои слова насчет магов, которые хотят нажиться, – ласково сказал Эддерли, словно невзначай повертев на пальце орденский перстень.

– Прошу прощения, если неправ, – быстро согласился Логрейн, слегка побледнев.

– Благодарю, – улыбнулся Фиолетовый магистр и благожелательно кивнул Роверстану. – Прошу прощения, коллега, продолжайте.

– С вашего позволения, я все же отвечу милорду Логрейну, – сдержанно уронил разумник. – Прибыль с мануфактур, милорд, пойдет не Ордену, а в казну Дорвенанта, потому что контроль над производствами должен осуществляться короной. И никак иначе.

– А кто будет работать на этих мануфактурах? – уточнил молчащий до сих пор Кастельмаро.

– Во-первых, горожане, – откликнулся Роверстан. – В одной только Дорвенне хватает бедняков, у которых просто нет возможности заработать.

«Пожалуй, – мысленно согласился Грегор, с содроганием припоминая Северную окраину, грязь, в которой увязали колеса экипажа, вонь нечистот, запах праздничного супа из свиной шкуры... – Едва ли хоть кто-то согласится жить так, если дать им другую возможность».

– А во-вторых, – продолжил разумник, чуть повысив голос. – Селяне с земель лордов, выкупленные короной для подобной работы. В этом случае мы рассчитаемся с долгами, наполним казну и выйдем в прибыль не более чем за десять лет. Конечно, в том случае, если сократим объем закупок там, где это возможно. Скажем, предметов роскоши...

– Вы предлагаете нам десять лет носить холстину вместо шелка? – издевательски протянул Логрейн.

Глаза Роверстана сверкнули так, что Грегор от всей души порадовался, что тот разумник, а не некромант. Он сам, пожалуй, не удержался бы и приложил заносчивого болвана чем-нибудь неприятным.

– В противном случае ваши внуки будут носить дерюгу, – негромко отчеканил Белый магистр.

Логрейн попытался было вскочить, но под ледяным взглядом Аранвена не тронулся с места и, к счастью, промолчал, только метнул на Роверстана гневный взгляд.

– А в чем, собственно, дело? – поинтересовался Грегор, понимая, что если не отвлечь внимание Логрейна от разумника, Совет не закончится и до утра, а Роверстан, следует отдать ему должное, предлагает вполне разумные вещи... Бывает же польза и от Белой Гильдии! – Бастельеро достаточно состоятельны, чтобы отпустить селян со своих земель работать на благо короны. Не всех, разумеется, но определенную часть – почему бы и нет? Или кто-то из Трех Дюжин настолько бедствует, что никак не может выполнить долг перед государством? Что касается вас, милорд Логрейн, то я не понимаю, почему вас так заботит, где именно будут работать селяне, которые даже и не ваши?

– Вы хотите обождать мою бедную племянницу?!..

– Если не ошибаюсь, речь шла о том, что корона возместит убытки, как только пойдет прибыль.

– Через десять лет?!

– Да заткнитесь же, – простонал Малкольм, и в зале Совета разом повисла тишина. Король громко судорожно сглотнул, сдавил ладонями виски и тихо прошепел: – Всем молчать, кроме... этого... магистра. Говорить по очереди. Всем ясно? А вы продолжайте. Мы слушаем.

– Ваше величество, может быть, пригласить целителей? – шепнул Грегор, и Малкольм, скользя по нему мутным взглядом, так же тихо ответил:

– В задницу всех целителей, Бастельеро! Пускай продолжает...

– Благодарю, ваше величество, – ровно откликнулся Роверстан, глядя поверх голов лордов. – Мы можем обойтись и без селян, если лорды выскажутся против. Однако в этом случае не стоит ожидать прибылей раньше, чем через тридцать лет, и то если не случится ничего... неожиданного, вроде новой войны. Или требования Итлии немедленно оплатить долги. Теперь о налогах и пошлинах. Сейчас каждый лорд собирает налоги на своих землях, то же самое происходит и с провозными пошлинами торговцев...

– Так было с момента основания Дорвена. – взвился Логрейн, прокричал что-то еще, неслышное уже никому, и схватился за горло.

Магистр Эддерли невозмутимо разглядывал собственный перстень. Ангус Аранвен еле заметно усмехнулся.

– Присяжьте, милорд, – попросил он участливо. – Кажется, вы сорвали голос, но не волнуйтесь, я уверен, что это быстро пройдет.

Логрейн, метнув на него злобный взгляд, опустился на массивный стул, а Грегор старательно сдержал улыбку. Использовать магию против профана прямо на Королевском совете – это, честно говоря, наглость, но хотел бы он посмотреть на того, кто обвинит Эддерли. Вон, все маги дружно делают вид, что ровным счетом ничего не произошло – причем независимо от гильдии! А у остальных просто нет и не будет доказательств.

– Если я вас правильно понял, коллега, вы предлагаете перепоручить сбор пошлин и налогов короне? – уточнил Райнгартен, задумчиво подкручивая ус.

– И установить строго определенную сумму, которую следует платить разово, – кивнул разумник. – Любого, кто попытается взять что-либо сверх, считать грабителем и поступать соответственно. В этом случае, милорды Совет, мы получим дополнительный источник дохода – плату за провоз товаров по нашим землям, так как подобные пошлины будут куда дешевле порталов, которые купцы используют сейчас.

– Это неприемлемо! – возмутился Девериан. – Вы, видимо, забываете, что право собирать налоги с селян было даровано Трем Дюжинам еще Дорве Великим и считается неотчуждаемым! Кроме того, если налоги будет собирать корона, на что жить лордам?! Ваше величество, это возмутительно!

«С налогами разумник действительно перегнул палку, – молча согласился Грегор. – В остальном его план выглядит вполне... приемлемо. Проклятье, неужели Малкольм снова промолчит?»

– Налоги, пошлины... мануфактуры... – пробормотал Малкольм и снова вяло отмахнулся. – Пусть... пусть лорды голосуют. Если Совет будет не против...

Грегор едва не застонал. Даже если он сам выскажется за предложение Роверстана, а это стоит сделать хотя бы ради того, чтобы вернуть долг, – поддержал же его разумник с порталами! – и если то же самое сделают присутствующие маги, оставшихся профанов вполне хватит, чтобы провалить дерзкий, но, надо признать, вполне возможный проект!

– Я против, – сипло буркнул Логрейн. И зачем только Эддерли вернул ему голос? – Дорвенант силен традициями! Если кто-то и попытается на нас напасть, то пожалеет. О деньгах должны думать купцы. Потрясти их хорошенько – и все тут.

– Согласен с милордом Логрейном, – сказали Дортмундер, Девериан и Сазерленд едва ли не в один голос, а мальчишка Ревенгар, о котором Грегор успел забыть, бросил на них взгляд и поспешно закивал.

Хорошо, что Дориан не знает, каким болваном вырос его наследник! Видит Претемная, насколько было бы лучше, если бы главой рода стала его сестра! По крайней мере, ее Благие не обделили ни умом, ни отвагой!

– Поддерживаю магистра Роверстана, – сухо бросил Грегор, сплетая пальцы перед собой на столе и оглядывая остальных.

– Вполне разумный план действий, – подтвердил Эддерли. – Мой голос – за.

– Поддерживаю, – кивнул Райнгартен.

– Я, разумеется, тоже, – бесстрастно сказал Аранвен и обвел всех пристальным холодным взглядом. – И призываю милорд Совет голосовать мудро. Если Дорвенант разорится и станет легкой добычей для фраганских и прочих стервятников, никому из присутствующих не удастся сохранить собственное богатство.

Кое-кто из лордов выдерживал его взгляд спокойно, однако были и те, кто отводил либо опускал глаза.

– Я против, – процедил Корсон, старательно не глядя на канцлера.

– Поддерживаю предложение, – сказал Кастельмаро, глянув на Грегора так, что без слов было понятно, кому предназначается эта поддержка на самом деле.

– Против... против... – слышалось из-за стола тут и там, и Грегор понял, что идея Роверстана проваливается.

Кто-то еще высказался за, и снова это были маги. Совет наглядно раскололся пополам, и, к сожалению, профанов было больше. «Нехорошо, – признал Грегор. – Орден, разумеется, привык держаться вместе, и предложение Роверстана гораздо выгоднее для магов, но как же здравый смысл!»

Он просительно взглянул на старого Мэрли, оставшегося последним, и тот ответил извиняющейся улыбкой. Действительно, всего еще один голос при таком перевесе уже ничего не решал.

– Я поддерживаю предложение, – в наступившей тишине утомленно проговорил Мэрли, и Грегор с благодарностью подумал, что нужно все-таки наступить на горло своим прихотям и навестить старика, как того требует учтивость.

– Девять голосов за предложение магистра Роверстана, – с обреченной ледяной сдержанностью сообщил Аранвен. – Тринадцать – против.

– Ха! – расплылся в ухмылке Логрейн, но тут же увял под внимательным многообещающим взглядом Эддерли.

А толку теперь? К величайшему сожалению, нельзя запретить лорду из Трех Дюжин голосовать, как он посчитает нужным, даже если лорд – беспросветный тупица! Грегор поймал взгляд Роверстана и вдруг вспомнил себя на очередном штабном заседании про Корсоне. Проклятье, вот никогда не подумал бы, что посочувствует разумнику! Но, похоже, именно так Роверстан себя и ощущает – единственным, кто видит путь выхода из вражеской западни, но бессилён что-либо сделать.

– Ваше величество...

Аранвен повернулся к Малкольму и глубоко поклонился.

– Ваше величество! – почти одновременно с ним прозвучал на весь зал голос Роверстана. –

Я прошу вас... нет, я умоляю применить к решению Совета королевское вето! Вы ведь можете назначить дополнительные исследования, а потом собрать другой совет! Умоляю, ваше величество! Клянусь, если вы это сделаете, Дорвенант за несколько десятилетий расплатится со всеми долгами и разбогатеет не хуже Итлии!

«Ну это он, пожалуй, лишнего пообещал... – признал Грегор. – Но, в самом деле, Малкольм, да сделай же ты что-нибудь! О Претемная, почему Беатрис не поговорила со мной? Если бы я только знал, насколько далеко все зашло!»

– Спасите свою страну! – почти выкрикнул разумник, лихорадочно горя глазами.

Глядя на Малкольма, он сплел руки перед собой, как это недавно сделал Грегор – привычная поза для любого мага в сложном положении, – следя, впрочем, чтобы не коснуться перстня даже ненароком. Воздействовать магией на короля – это не шалость вроде немоты на крикливого соседа по столу. Этого не позволят ни присутствующие маги – и Грегор будет первым! – ни артефакты в Зале Совета. Ах, как Роверстану хотелось качнуть чашу весов в свою пользу! Грегор его понимал и даже сочувствовал, но...

– Какова наглость! – заорал Логрейн, тоже вскакивая и опираясь на стол руками. – Маги совсем утратили почтение! Требовать чего-то от короля!

– Логрейн, прекратите! – велел Аранвен, но его голос потонул в выкриках Девериана и Сазерленда, поддержавших своего негласного предводителя.

Еще миг – и Грегор врзал бы по залу совета Пологом Тишины, разом накрыв всех присутствующих, и пусть защитные артефакты хоть сгорят! Но тут Малкольм покраснел совсем уж пугающе – кровь бросилась ему в лицо, уши и шею, по-бычьей короткую и

растолстевшую за этот год до неприличия. Оглядев помутневшим взором пустой стол перед собой, он грохнул по нему сразу двумя кулаками и заорал:

– Молчать!

Тишина, упавшая на зал, оказалась такой мертвой, что Грегор всерьез заподозрил – без Полога и вправду не обошлось. Но нет, никаких магических влияний... Эддерли и так рисковал, затыкая Логрейна, а больше сплести некромантское заклятие никто, кроме него и Грегора, здесь не смог бы.

– Молчать! – повторил король и рванул на груди камзол вместе с рубахой, обнажая широкую волосатую грудь, покрытую каплями пота. – Р-р-распустились! Бар-ргота вам в глотку...

«Ну же! – взмолился Грегор. – Давай! Хоть на пару минут стань прежним!»

Но король снова откинулся на спинку кресла и невнятно проговорил:

– Совет пр-рголосовал... значит... пусть. Ар-ранвен, просто сделайте с этим всем... что-нибудь...

«И все?!»

– Ваше величество! – рявкнул разумник, в досаде потеряв щеку и ухо, в котором блеснула серьга.

– Непочтение к королю! – взвизгнул Девериан, и Роверстан в ярости обернулся к нему.

– К какому королю? К этому?!

Он задохнулся следующей фразой, и Грегор, изнывая от мучительного мерзкого стыда, даже порадовался. Закон об оскорблении королевского величия никто не отменял, вовремя Роверстан об этом вспомнил. Сверкнув черными углями глаз, разумник прошипел какое-то арлезийское ругательство и, отшвырнув свой стул, вылетел из-за стола.

– Дункан! – окликнул его Аранвен, на памяти Грегора никогда никого не звавший по имени, кроме магистра Эддерли. – Остановитесь!

Но Роверстан, даже не оглянувшись, вышел из зала совета, и лучше бы он хлопнул дверью, пожалуй. Спокойно прикрытая, она вдруг испугала Грегора до ледяной дрожи, пробежавшей по телу.

– Вон. Все – вон, – четко проговорил Малкольм, роняя голову на грудь.

Грегор подался к нему, но Аранвен, перехватив его взгляд, молча покачал головой и шепнул: «Потом...»

А вслух, поднявшись, объявил с той же холодной учтивостью, которую Грегор теперь оценил в полной мере:

– Совет объявляется закрытым. Милорды, благодарю вас и прошу разойтись. Его величество нездоров, как видите. Если понадобится, вас соберут снова.

* * *

Роверстан, как и надеялся Грегор, не успел уйти далеко. Он стоял на галерее всего в паре десятков шагов от зала Совета и на первый взгляд казался абсолютно спокойным. Но уже через мгновение Грегор заметил и неестественно прямую спину разумника, и слишком бесстрастное лицо, и ладонь, не спокойно лежащую на перилах, а вцепившуюся в них так, что побелели пальцы, – и осознал, что разумник взбешен до предела.

– Послушайте, Роверстан, – неловко окликнул его Грегор, мучительно надеясь, что сможет подобрать нужные слова. – Этот ваш проект... Конечно, лорды его провалили, но Аранвен все равно попытается что-то сделать.

– Принять подобный проект за спиной короля, увы, невозможно, – преувеличенно ровно отозвался разумник, даже не повернув головы. – Иначе милорд Аранвен давно сделал бы именно это. А если бы королем был именно он... К моему глубочайшему сожалению, это не так.

– Потрудитесь выбирать выражения, когда говорите о Его Величестве, – бросил Грегор и тут же спохватился.

Видит Претемная, сейчас речь идет о куда более важных вещах, чем вопиющая непочтительность разумника! Роверстан, по-прежнему глядя только перед собой, еле заметно поморщился.

– Да помиуйте, Бастельеро! Вы же сами присутствовали на этом Совете! Видит Странник, я вас терпеть не могу, но вы ведь разумный человек, воевали за Дорвенант сначала с

Фраганой, потом – с Советом Магистров, не становитесь же теперь слепцом! Как можно доверять такие решения людям, которых заботит лишь собственный кошелек?!

«Никак, – мрачно подумал Грегор. – Так же, как нельзя было доверять командование армией ныне покойному Корсону! Но тогда я мог вмешаться и знал, что делать. Корсон губил армию, и я прекратил это, а что делать сейчас?»

– Его величество призовет лордов к порядку, – упрямо сказал он вслух, истово надеясь, что так оно и будет. – А затем можно будет обсудить ваши предложения снова.

– Вы все-таки слепец, Бастельеро! – бросил разумник с тяжелой тоскливой злобой. – Король не способен призвать к порядку самого себя! Он давно утонул в бутылке и жалости к себе самому, а его наследник не удержит страну! Принцу двадцать один год, а он не присутствует на советах и интересуется только охотой и дамами!

– Еще слово о Его Величестве, и я вас вызову, – процедил Грегор, признавая беспощадную правоту слов Роверстана.

Но, проклятье, как он смеет говорить так о Малкольме, будь хоть сто раз прав?!

– Да провалитесь вы к Барготу с вашей вечной гордыней, Бастельеро! – тихо и яростно выдохнул Роверстан. – Странник – свидетель, я пытался говорить с вами как с разумным человеком, но вы...

Он безнадежно махнул рукой, отвернулся и быстро пошел прочь по галерее.

Посмотрев ему вслед, Грегор еще немного постоял, безразлично глядя вниз, на пустой мощеный дворик. Потом, встрепенувшись, решительно зашагал в обратную сторону. Почти бегом прошел галерею и несколько коридоров, торопясь, будто каждое упущенное мгновение было на вес даже не золота – а победы в бою. И остановился только у двери личных покоев Малкольма, где незнакомый гвардейский лейтенант, темноволосый, скуластый и с перебитым, плохо сросшимся носом, преградил ему путь.

– Прошу прощения, милорд, – приложил он руку к груди, отдавая честь. – К его величеству нельзя.

– Мне – можно, – с привычной уверенностью бросил Грегор, ожидая, что гвардеец посторонится.

Вот сейчас рассмотрит, кто перед ним, и...

– Простите, милорд, – напряженно и с извиняющейся улыбкой сообщил тот. – Его величество не принимает.

– Сударь... – с ледяной пугающей вежливостью Грегор. – У меня личное позволение его величества входить к нему в любое время без доклада. И если вы сейчас же...

– Милорд, мне известно об этом позволении, – прервал его гвардеец. – Но я вас не пропущу. Это тоже приказ его величества, причем более поздний, отменяющий предыдущие.

Он посмотрел прямо в глаза Грегору и с мужеством, заслуживающим уважения, добавил:

– Лорд Бастельеро, я всего лишь следую приказу короля. Разумеется, вы можете им пренебречь, и мне придется вас останавливать. Я не смогу, но попытаюсь. Только поверьте, прошу... Даже если вы пройдете туда, переступив через мой труп, это ничего не изменит. Его величество не в состоянии вас принять... – Он прервался, потому что за дверью раздался безобразно пьяный рык Малкольма, закончившийся звуками рвоты. Гвардеец опустил глаза и тихо закончил: – Я очень сожалею.

Грегор хотел что-нибудь сказать – и не смог. Просто глянул на лейтенанта, по привычке постаравшись его запомнить, – хороших солдат надо знать в лицо – и, коротко кивнув, ушел. Только выйдя из дворца, он остановился, вдохнул воздух, чувствуя соленый вкус во рту, и, опомнившись, понял, что закусил губу изнутри до крови. Возвращаться домой в таком состоянии было нельзя, и он так же бездумно пошел по парку, еще пустому и холодному. Добрел до какого-то фонтана, присел на бортик, глянул на статую – и захлебнулся очередным вдохом холодного воздуха с примесью каких-то ранних цветов. Мраморная дева, склонившаяся над фонтаном, смотрела на него глазами Джанет Вальдерон. В остальном – ничуть не похожа! Фигура тонкая, ничего общего с пышкой Джанет, но лицо и улыбка... Грустная понимающая улыбка... Да что же это за проклятое наваждение! И второй раз за день по спине Грегора пробежал холод.

Глава 3. Розы и пролески

- А к балу папенька обещал мне платье из фраганского бархата! Завтра должны порталом доставить!
- Неужели из самой Люрьеэ? – ахнула Иоландина подружка-алхимичка и отпила еще глоток шамьета.
- Иоланда, душечка, но ты ведь нам его покажешь? Какого оно цвета? – поддержала вторая, целительница.
- Золотистое, – с придыханием откликнулась Иоланда. – С отделкой из арлезийского кружева! А нижнее – голубое, и вырез квадратный! Вот такой...
- Девы заахали, и Айлин сделала вид, что совершенно их не слушает. Какая в самом деле разница, в чем пойдет на бал Иоланда? И подумаешь, платье! У самой Айлин в шкафу висит платье ничуть не хуже, тетюшка Элоиза расстаралась. Шили его, правда, здесь, в Дорвенне, зато именно для Айлин, а не подгоняли готовое, как Иоланде. И не из бархата, который пышку Иоланду сделает похожей на подрумяненную булочку со сливочным кремом, а из настоящего арлезийского шелка, струистого и переливчатого. Прекрасное платье... только ненужное.
- Глаза защипало; Айлин поспешно уткнулась в «Нежитеведение». Ничутьточки она Иоланде не завидует! И подружкам ее – тоже!
- Подумаешь, все идут на бал, а она – нет. И подумать только, что каких-то четыре дня назад она еще надеялась... Но адепт-разумник, спев серенаду под ее окном, так к ней и не подошел... да что там, Айлин его даже больше не видела!
- А сегодня, между прочим, последний день, когда еще можно приглашать на бал. Нет, хватит, никакого бала! Нежитеведение куда интереснее.
- «Стригой (иначе – морой, мормо, а так же легендарная, ныне вымершая разновидность – аккару) – стайная высокоорганизованная нежить. Образ жизни – ночной. Охотятся обыкновенно в одиночку, реже парами. Чувствительны к...»
- А слышали новость про Финнигана?
- Финнигана с какого факультета?
- «...«тленной сути» не ниже пятого уровня, «праху веков», а также огненным заклинаниям, либо заклинаниям, разрушающим мозг. Зачарованная сталь также может оказаться действенной, если не подпускать стригоя достаточно близко...»
- Конечно же, с Белого! Ну, того Финнигана, что четыре дня назад пел на рассвете! У нас в тот день была первая лекция с разумниками. Ах, Иоланда, душечка, жаль, что у вас тогда были другие уроки! Так вот, а Финниган пришел, представь себе, с приколотым на мантию цветком! Красненьким таким. А он... ну ты понимаешь, о ком я... велел снять, потому что это же не по форме. А Финниган сказал, что не снимет, потому что это – подарок от леди, вообрази себе!
- Не может быть! – с жадным любопытством выдохнула Иоланда, а Айлин почувствовала, как кровь бросилась ей в щеки.
- Вот... вот позер! Но все-таки... он и правда спорил не просто с преподавателем, а с главой своей гильдии?! Из-за ее цветка?! Но Айлин вовсе этого не хотела!
- А что же... он?
- А магистр сказал, – продолжила девица, явно упиваясь каждым словом. – Что это меняет дело, и что цветок Финниган может оставить. Но назначил ему отработку, вот! Потому что за нарушение правил всегда надо отвечать, особенно, если нарушаешь сознательно. Так и сказал!
- Иоланда ахнула, прижав руки к груди, а Айлин закусила губу. Ну вот! Теперь еще адепту Финнигану из-за нее попало!
- ...Вот поэтому он больше и не появлялся. Наверняка! Кому захочется видеть человека, из-за которого тебе назначили отработку? Как все-таки нехорошо получилось! А ведь Айлин, даже толком его не рассмотрела!
- Да-да, – возбужденно закивала алхимичка, довольная вниманием подружек. – Ужасно романтично, правда? Мне сказал мой Эдмон, он тоже разумник... Ой, ну вы же знаете моего Эдмона? Так вот, он сказал, весь курс гадает, что же это за девица. Даже у меня

спрашивал, – хихикнула она. – Но я не сказала. Мало ли что сделают Вороны, если услышат, правда же? Айлин, бедняжка, как тебе, наверное, нелегко!

– Благодарю за сочувствие, – процедила Айлин, сердито захлопывая учебник. – Но оно совершенно излишне. Меня полностью устраивает моя жизнь. Кстати, мне пора. Мы договаривались с Саймоном о встрече... встрече... в библиотеке!

Вскочив с кровати, она направилась к двери, заставив себя не обернуться на делано сочувственный шепот:

– Конечно, кто ж признается...

– Как, должно быть, обидно: целых девять юношей – и никакого толку...

– Так это правда, что она не идет на бал?!

Дверь захлопнулась за спиной, и Айлин наконец смогла выдохнуть ставший противно горьким воздух. Все еще хуже, чем ей казалось! Уже все знают... Фу, сплетницы! Лучше бы следили за своей жизнью, а не за ее!

Ладонь сама легла на рукоять ножа – и тут же отдернулась. Айлин так и не удалось узнать, кто его прислал, хотя на позавчерашнем практикуме – «работе над ошибками», как сказал мэтр Бастельеро – нож увидели все Вороны. Но Дарра всего лишь похвалил «превосходную работу и удачное сочетание материалов». Саймон, разглядев гравировку, возмущенно фыркнул: «Ревенгар, ты же некромантка! И боевик к тому же! Зачем было портить такой нож цветочком?» Оуэнн Кэдоган, увлекшийся в последнее время живописью, сказал, что нарисует ее портрет именно с этим ножом. Мэтр Бастельеро просто рассеянно похвалил за внимательность к его замечанию...

А ведь Айлин так надеялась, что даритель выдаст себя хоть чем-нибудь! Но либо никто из Воронов и в самом деле не имел никакого отношения к подарку, либо очень хорошо владел собой. Как... как мэтр Бастельеро, например. Ах, да что за глупости лезут в голову? Это никак не может быть он! С какой стати мэтру дарить ей подарки, да еще тайно?

И вообще, рано или поздно все выяснится само собой, а пока... Айлин беспомощно огляделась. По коридору, громко топоча, пробежала стайка первокурсников, хлопнула дверь где-то в конце крыла, и снова повисла тишина.

Куда ей пойти? Не возвращаться же в комнату, пока там сплетничают подружки Иоланды? Может быть, и в самом деле навестить Саймона и Дарру? Уж они-то точно не станут обсуждать бал?

Снова послышались шаги – уверенно приближающиеся, как показалось Айлин, от лестницы. Ох, как не хочется, чтобы ее увидели у двери собственной комнаты, не смеющейся вернуться!

Может, и в самом деле пойти в библиотеку, и... и что? Взять гору книг, выучить что-нибудь совсем новое, что еще не преподают их курсу... ради чего? Только затем, чтобы не думать о ядовитом сочувствии Иоландиных подружек? Да плевать на их сочувствие! Она хотела пойти на этот бал, потому что...

Потому что даже во сне она танцует! Кружится в легкой паэране с незнакомцем в нарядном камзоле... Нет, не так! Во сне она точно знает, кто это, и сердце сладко замирает от того, как уверенно и умело он ведет в танце, какие сильные у него руки и широкие плечи, как падает на его щеку темная прядь, выбившаяся из-под ленты... Ничего, кроме этой пряди, такой же черной, как цветок на присланном кинжале, она не помнила, но во сне точно знала, что этот человек – ее судьба... А если она не попадет на бал, все пропало!

Шаги затихли, и Айлин от души понадеялась, что тот, кто шел по коридору, уже дошел, куда собирался. А она... Решено – она пойдет в библиотеку!

– Леди Айлин?

«Зря надеялась!» – сердито подумала она, поворачиваясь на незнакомый голос. И едва не задохнулась. Всего в пяти шагах от нее, прижав к груди букетик голубых пролесков и улыбаясь, стоял тот самый адепт Финниган, о котором только что рассказывала алхимичка!

– Позвольте представиться, миледи, – улыбнулся он и изящно поклонился. – Меня зовут Дерек. Дерек Финниган.

– Рада знакомству, – растерянно откликнулась Айлин. – Я... наверное, должна попросить у вас прощения, адепт Финниган, говорят, у вас были неприятности...

И поспешно прикусила язык. Дура! Кто же говорит о таком при первой встрече!

– Неприятности? – недоуменно переспросил Дерек Финниган, озадаченно нахмурившись и тут же просветлев лицом. – А! Вы говорите об отработке? Ну что вы, прекрасная леди! Я согласился бы отрабатывать и вдвое дольше ради одной вашей улыбки! Даже если бы меня послали чистить конюшни. Впрочем, это я должен просить у вас прощения за дерзость...

– Но вы не сказали ничего дерзкого! – запротестовала Айлин, почувствовав, как загорелись щеки.

«Прекрасная!» Выдумал тоже этот... Финниган! Да она выскочила из комнаты, даже не причесавшись и не переплестя косу – вот уж чудо красоты! Но все-таки... вот бы кто-то и в самом деле считал ее красивой! «Не просто кто-то, а незнакомец из сна, – подсказал лукаво ее собственный голос. – И перестань уже себя обманывать, ты отлично знаешь, кто это. Просто не можешь признаться даже себе. Потому что скорее тебя пригласит на танец сам Великий магистр, дай ему Милосердная Сестра здоровья, чем... он».

– Сейчас скажу, – заверил адепт Финниган и протянул ей букет. – Леди Айлин! Я понимаю, что у такой... такой... такой прекрасной девушки, как вы, отбоя нет от поклонников... и вы, несомненно, мне откажете... Но поймите, я не могу не попытаться! Окажите мне честь пойти со мной на Вишневый бал!

– На... бал? – глупо переспросила Айлин, едва удерживаясь от желания ущипнуть себя за руку – вдруг ей это просто снится? – Но...

– Вы не согласны? – выдохнул Дерек отчаянно. – Вас... вас пригласил кто-то другой, да? Я должен был ожидать... я и ожидал, но надеялся! Сам не знаю, на что... Я должен был пригласить вас раньше, но не мог решиться, а потом... потом эта отработка, и только теперь... Знаете, она ведь еще не закончилась, просто я сбежал. Совсем ненадолго, только чтобы вас увидеть. Не через окно, а вот так. И пригласить... Простите, я...

– Я согласна! – выпалила Айлин, не успев даже подумать.

У адепта Финнигана был такой несчастный вид! Как будто от ее согласия зависело что-то ужасно важное!

– Правда? Благодарю вас, леди Айлин! Я и мечтать не смел...

С лестницы послышался пронзительный свист, и Дерек вздрогнул.

– Это мой приятель, – виновато пояснил он. – Разумник, как и я. Он... сторожит, чтобы никто не узнал, что я сбежал. На нашей кафедре с этим очень, очень строго! Но одно ваше слово – и я останусь, даже если за это мне назначат месяц отработок!

– Нет-нет, зачем же... – пролепетала совершенно ошарашенная Айлин. – Я вовсе не хочу доставлять вам неприятностей, адепт...

– Дерек! Умоляю, прекрасная леди, просто Дерек! Вы сделали меня счастливейшим из всех, кто...

Свист повторился, и адепт Финниган, то есть просто Дерек, поморщился.

– Как же не вовремя! Я вынужден исчезнуть, прекрасная леди. Итак, вы обещали пойти со мной! Через три дня, в восемь часов вечера у центральной лестницы!

Он быстро, но низко поклонился и нырнул за угол. Айлин замерла, стиснув нежные стебли пролесков, глядя ему вслед и пытаясь понять – как так вышло, что она пообещала пойти на бал с юношей, которого совершенно не знает?

Впрочем, ведь речь идет всего лишь о нескольких танцах, и ей даже не обязательно позволять себя проводить... а уж целоваться с этим Дерекком она и вовсе не намерена, что бы он себе ни думал!

Она заколебалась, переводя взгляд с пролесков на угол, за которым скрылся адепт Финниган, на дверь собственной комнаты, снова на пролески... Не идти же в библиотеку с цветами?! Но появившись она сейчас в комнате, сплетен и пересудов не оберешься!

Или? Да пусть их сплетничают! Все равно ведь станут!

Она решительно толкнула двери и вошла, делая вид, что совершенно не замечает пораженных взглядов умолкших Иоландиных подруг.

Дар речи девицы обрели, когда Айлин уже почти пристроила пролески в забытой Саймоном пару дней назад кружке из-под шамьета.

– Милочка, тебе подарили цветы? – недоверчиво протянула алхимичка. – И кто же? Он и на бал тебя пригласил? Ну же, не будь букой, скажи нам, кто он?!

Вместо ответа Айлин только улынулась как можно загадочнее и снова направилась к двери. Ну уж нет, ничего она никому не скажет! Зато как все удивятся, когда и она тоже придет на бал!

* * *

В библиотеку она летела как на крыльях и даже почти не удивилась, в самом деле застав там Саймона. Одного! Да еще сидящего над целой горой книг...

«А вот это уже странно!» – невольно подумала Айлин, подходя к давно облюбованному их компанией столу у самого дальнего окна.

– Саймон?

– Привет, Ревенгар, – рассеянно откликнулся он, перевернул страницу и, вдруг вскинув голову, уставился на Айлин с таким изумлением, словно с ним стол заговорил! – Что ты здесь делаешь?

– Пришла поработать, – ответила Айлин удивленно и немного обиженно. Нет, конечно, Саймон вовсе не обязан радоваться ее приходу, но... – Извини, я не хотела тебе мешать. Я в другой секции устроюсь.

– Что? – поразился Саймон и подвинулся на скамье. – Вовсе ты мне не мешаешь! Садись! Просто тебя Дарра искал, вот я и удивился... Ну, неважно. Раз он тебя не нашел, значит, скоро придет сюда. А ты пока нам поможешь. Ведь поможешь?

– Конечно! А в чем?

Вытянув шею, Айлин заглянула Саймону через плечо и едва удержалась от удивленного возгласа: он делал выписки из «Полного свода проклятий»! Как интересно... Но мэтр Бастельеро точно не задавал ничего подобного, а проклятия у курса Саймона ведет он.

– Как в чем? В мести, разумеется, – бодро заявил Саймон. – Нужно придумать что-нибудь... этакое. Поизящнее!

– Для кого? – обреченно вздохнула Айлин, невольно подумав, что лучше бы Саймон, как другие Вороны, вызывал своих обидчиков на дуэли.

И просто, и лечится быстро. А сплетенные ими проклятия приходилось распутывать самому мэтру Бастельеро, и заканчивались они обыкновенно какой-нибудь неприятной отработкой. Но не бросать же друзей!

– Для той черненькой итлийки с твоего курса, – усмехнулся Саймон. – Как там ее...

Морьеза? Представляешь? – возмущенно фыркнул он. – Она хотела, чтоб Дарра ее пригласил на бал! Надо же было додуматься?! Месяц перед ним юбкой крутила!

– Ну так пригласил бы, – неискренне сказала Айлин. Представлять Дарру рядом с Идой было неприятно до ужаса! Хотя они так изумительно смотрелись бы, наверное. Как северный зимний рассвет и южная летняя ночь! – Она красивая... Что? – смутилась она, глядя, как Саймон отодвигает тетрадь, опирается локтями о стол и, положив подбородок на сцепленные пальцы, рассматривает ее, Айлин, как невиданную прежде диковинку.

– Да вот думаю, Ревенгар, все девчонки такие слепые или только ты? – загадочно протянул он. – Но дело-то не в тебе! В общем, ждала она, ждала... и ждала... и не дождалась, разумеется! И не придумала ничего умнее, чем сделать приворот. На Дарру-то!

Представляешь?

– Кошмар какой, – ахнула Айлин, представив себе последствия. Ида – это не иллюзорница какая! У тех привороты слабые, вызовут разве что легкий интерес. А Ида – некромантка, причем почти самая сильная на курсе! Некромантские привороты, между прочим, проходят по разряду проклятий и в Академии запрещены под страхом отчисления! – А что же Дарра?

– Можно подумать, ты Дарру не знаешь, – фыркнул Саймон. – Представь, проснулся он утром и говорит мне: «Саймон!» Ну, знаешь, как он обычно говорит? «Я, говорит, ощущаю несвойственные мне эмоции. Думаю, мне нужно посетить мэтра Бреннана». В общем, нашла ваша Ида, с кем связываться! Приворот, конечно, сняли, а Дарра ей прямо сказал, что будет за ней следить. И что еще один такой номер – и вылетит она из Академии пташкой. Но я думаю, отомстить ей все равно надо.

– Конечно, надо! – поддержала Айлин, представив, что было бы, если бы мэтр Бреннан не смог снять проклятье. – А как? Ну не приворот же ей делать? Сами вылетим...

– Вот и я думаю – как? Может, «Паутиной Безликого» ее? На парочку ночей! Посмотрит кошмар-другой...

– Да ну, это слишком, – засомневалась Айлин. – И не перед балом же, Саймон! Если «Паутиной», то Иде будет совсем не до праздника.

– А тебе ее жалко! – возмутился Саймон. – А Дарру?!

– Но с Даррой же ничего не случилось! И я ведь не говорю, что мстить не надо, просто... давай подождем немного? И придумаем еще что-нибудь... поизящнее «Паутины».

– Ты какая-то слишком добрая, – проворчал Саймон недовольно. – Ну ладно. А если зачаровать ей зеркало? Чтоб советы давало, стоит только посмотреть? Голосом мэтра Бастельеро, а?

Представив, как настенное зеркало голосом мэтра Бастельеро упрекает Иду за слишком вызывающую прическу, Айлин рассмеялась. А что? Отличная получится месть! Но все-таки... Все-таки лучше ее отложить.

– Саймон, ты невыносим, – послышался от дверей прохладный голос Дарры. – Я оставил тебя в библиотеке всего четверть часа назад, а ты уже собрался зачаровать кому-то зеркало. Милая Айлин?

Повернувшись к двери, чтобы поздороваться с Даррой, Айлин пораженно замерла. Не из-за Дарры, а из-за букета... нет, охапки... то есть корзины свежих, едва распустившихся нежно-кремовых роз.

Айлин лихорадочно попыталась вспомнить, видела ли она когда-либо Дарру с цветами?

Кажется, только однажды, когда они на первом курсе втроем зачаровали в точности такую же розу. А что Дарра собирается делать с ними сейчас?

– Я вас искал, – сообщил Дарра своим обычным приветливо спокойным голосом и ласково улыбнулся, а Саймон, поудобнее устроившись на скамье, уставился на Дарру выжидательно и нетерпеливо потребовал:

– Ну, начинай же!

– Саймон, ты бестактен! – возмутился Дарра, а Айлин почему-то почувствовала себя неловко.

– Эй, я хочу как лучше! – обиделся Саймон. – Сам ты еще неизвестно сколько... В общем, Ревенгар, этот зануда...

– Саймон, замолчи, – так холодно и веско уронил Дарра, что Саймон и в самом деле мгновенно смолк, а Айлин даже поежилась. – Милая Айлин, вы уделите мне несколько минут вашего времени? Не в библиотеке, поскольку, боюсь, наш общий друг не способен помолчать и пары минут. Из самых благих побуждений, разумеется.

– Я... да, конечно, – неловко пробормотала Айлин.

Дарра учтиво открыл для нее дверь библиотеки и вышел следом под возмущенный возглас Саймона:

– Эй, это было нечестно!

– Саймон! – простонал Дарра, плотно закрывая дверь. – Прошу прощения за нашего общего друга, милая Айлин. Иногда он бывает...

– ...Излишне пылок, – закончила Айлин и невольно рассмеялась.

Как все-таки прекрасно, что есть вещи, которые не меняются!

Дарра развел руками и тоже улыбнулся, но почти тут же посерьезнел.

– Я искал вас, чтобы пригласить на Вишневый бал, – проговорил он негромко, протягивая ей корзинку с розами. – Вы ведь не откажете? Я знаю, что вы не приглашены никем другим...

Хорошее настроение Айлин как ветром сдуло. Вот, значит, как? Даже Дарра не верит, что ее может пригласить кто-нибудь посторонний! То есть совсем посторонний, не из побратимов! И если бы не Дерек Финниган, то она приняла бы приглашение Дарры, не задумываясь, а потом все в Академии шептались бы, что Айлин пригласили... как там сказала Иоланда? Ну да, из жалости, чтобы не позорила особый курс! Она прикусила губу, чтобы не бросить в ответ что-нибудь бессовестно, незаслуженно-резкое – Дарра ведь не виноват, что ей обидно! Он по-настоящему заботится, а она... она...

– Благодарю за приглашение, – улыбнулась Айлин как можно естественнее и ласковее. – Но принять его, к сожалению, не могу. Я уже пообещала... одному человеку.

– Вы... что? – переспросил Дарра так растерянно и изумленно, что Айлин едва не обиделась еще сильнее. – Вы... Вас кто-то пригласил?!

– Еще раз прошу прощения за отказ, – вежливо откликнулась Айлин.

– О... не стоит... – пробормотал Дарра, почему-то побледнев. – Это я прошу прощения. Кажется, я невольно нагрубил вам. И мне пора.

Он резко отвернулся и направился в сторону мужского крыла, оставив Айлин растерянно смотреть на розы. И что за день сегодня такой? То ни одного приглашения, то целых два, и... не мог ведь Дарра обидеться на отказ? Зато теперь он сможет пригласить кого-нибудь, кого правда захочет видеть рядом с собой, а не младшую сестренку, которую просто не пригласил никто другой!

* * *

– Ай! Осторожнее! Ты меня шнуруешь или душишь?! – прохрипела Иоланда.

Обеими руками она вцепилась в спинку кровати, давая Айлин возможность справиться со шнуровкой на том самом верхнем платье из золотистого бархата. Очень красивом платье, следовало признать! Особенно, если кому-то нравятся румяные булочки с кремом.

– Шнурую! К сожалению, – фыркнула Айлин, последним рывком затягивая шнуровку и завязывая ее двойным бантом, чтобы не развязалась. – И не тебя, а платье. Все, отцепляйся. Мне тоже одеться надо!

Иоланда, в кои-то веки не съязвив в ответ, – может, ей просто воздуха не хватало? – отпустила спинку кровати и подплыла к зеркалу, проверяя, не растрепалась ли прическа, не размазалась ли краска на губах и достаточно ли естественно подчернены ресницы? В пятый уже раз за последний час!

Ну и... ну и подумаешь! Айлин бы и сама, наверное, бегала к зеркалу, приди ей в голову тоже подкрасить губы, но делать это ей решительно отсоветовала тетюшка Элоиза.

«Ты так ярка от природы, милая, – почти услышала Айлин голос тети. – Что совершенно не нуждаешься в искусственных красках. Не говоря уже о том, что при... хм... следовании традициям Вишневого бала краска имеет обыкновение размазываться. А еще она совершенно отвратительна на вкус!»

Нет уж, без размазанной вокруг рта краски она точно обойдется. Не хватало только стать похожей на стригоя, как их рисуют в учебнике! А вот платье...

Едва сдерживая нетерпение, Айлин открыла шкаф, достала платье и, зажмурившись, решительно нырнула в тяжелое и прохладное шелковое облако цвета зеленого нефрита. Платье скользнуло по коже, лаская ее и вызывая мурашки, Айлин одернула юбку, торопливо затянула на талии пояс и тоже метнулась к зеркалу.

И замерла: в зеркале отражалась... не она... То есть не совсем она! Девушка, глядящая оттуда огромными, изумрудно сияющими глазами, была возмутительно хороша собой! Айлин завороченно провела ладонями по шелку, с готовностью обрисовавшему ее фигуру. Тонкая талия, подчеркнутая широким поясом, небольшая, но высокая грудь, плавные очертания всего... остального... Рыжие волосы, пока еще рассыпавшиеся по плечам, горели, как костер! И даже веснушки не очень портили вид, кажется. Во всяком случае, сводить их или замазывать эликсиром уже точно поздно. И пусть! Зато девушка в зеркале такая яркая!

– Почти похожа на девицу! – протянула Иоланда с одобрительной завистью. – Если еще причешешься...

Айлин едва не рассмеялась – будто в жилах вместо крови потекла вдруг чистая радость, замешанная на ожидании чуда. Вот-вот произойдет что-то прекрасное, что останется с ней навсегда!

– Спасибо, Иоланда! Ты тоже прелестно выглядишь!

– Ненормальная, – проворчала Иоланда как-то совершенно беззлобно и даже добровольно отодвинулась от зеркала. – Ладно уж, смотришь. Тебе нужнее. Да поторапливайся, слышишь? Уже половина восьмого!

– Да-да, – рассеянно отмахнулась Айлин, бросив последний взгляд в зеркало, и метнулась к тумбочке у кровати.

Там, в верхнем ящике, в маленькой шкатулке прятались ее сокровища: подаренный тетей Элоизой жемчужный гарнитур, шпилька-перо, с которой Айлин не расставалась на занятиях, как и остальные Вороны, и завернутый в лоскуток серебристого шелка хрустальный флакон – память о тайной поездке в Льюрье. Духи почти закончились, только на самом дне флакона посверкивала, если посмотреть на просвет, последняя капелька – ее Айлин приберегала для особого случая, и вот он настал!

Осторожно вытянув пробку, она вдохнула томительно сладкий и вместе с тем щемяще-горький аромат и перевернула флакон. Коснулась влажным горлышком ямочки между ключиц, провела за ушами. А потом убрала флакон обратно в шкатулку. Пусть духи закончились – флакон она оставит на память! А потом – когда-нибудь оказавшись в Люрьезе – закажет такие же!

Шпильку-перо Айлин, поколебавшись, оставила в шкатулке, а вот цепочку с жемчужиной надела, не раздумывая. И серьги тоже...

Она как раз застегивала вторую сережку, когда в дверь постучали. Открыла Иоланда, по-прежнему крутившаяся перед зеркалом, и Айлин только услышала:

– Для адептки Ревенгар!

– Постойте! – вскрикнула она, оборачиваясь, но дверь уже захлопнулась.

– Кто-то из obsługi, – пробормотала Иоланда, разглядывая сверток, который ей вручили. В точности такой же, как тот, с ножом – из шелковистой коричневой бумаги и перевязанный ленточкой. – Открой! Интересно, что тебе такое прислали... за час до начала бала...

«Еще интереснее – кто бы это мог быть! – подумала Айлин. – Может, на этот раз неизвестный сочтет нужным назваться?»

Ленточка легко развязалась, и бумага слетела сама, открывая футляр, тоже очень похожий на предыдущий. И с карточкой!

На карточке был нарисован все тот же цветок под луной. И никакого имени.

– Как романтично, – выдохнула Иоланда.

«Романтично! – от души согласилась Айлин. – И ужасно, ужасно таинственно!»

– Ну, открывай же, Ревенгар! Чего ты ждешь?

Айлин, помедлив, открыла крышку – и ойкнула. Или это ойкнула Иоланда?

– Какая красота, – завороченно пробормотала соседка, глядя на нежащиеся на тепло-золотистом, почти как ее верхнее платье, бархате парные шпильки изумительной работы: одинокий цветок с листиком на тонкой голой ветви. Эмалевые цветки на черном золоте казались почти живыми! – Везет же кому не надо! Ревенгар! Если у тебя есть хоть капля ума, то тыкрепишь ими прическу!

– Почему именно ими? – машинально спросила Айлин, не в силах оторвать взгляд от нового подарка.

Точь-в-точь те же цветы, что нарисованы на карточках и выгравированы на ноже... Может ли она принять такой подарок? По этикету, наверное, нет! И стоило бы отослать их обратно, но куда и кому?

– Потому что даритель явно рассчитывал, что ты их наденешь, разумеется! – закатила глаза соседка. – Иначе прислал бы в другое время! Ты вообще хочешь узнать, кто это? Тогда надевай! Сегодня на балу будет вся Академия, а значит, и тот, кто присылает тебе подарки – тоже! Ну и вообще, – добавила она, переводя дыхание – Ты же не собираешься прицепить на волосы эти кошмарные синие цветочки? Они тебе не подходят к платью! И к тому же подвяли!

Айлин вздохнула. Пролески и в самом деле подвяли, жалобно склонили головки и негодились ни на платье, ни в прическу. В отличие от роз Дарры, которые и через три дня не утратили свежести. Еще бы, наверняка зачарованы стихийником... Но не прикалывать же на платье розу, если она отказалась идти на бал с Даррой? Во-первых, по традиции прикалывать следует цветы спутника и никак иначе. Во-вторых, адепт Финниган... то есть Дерек... наверняка обидится!

Но вот если и правда надеть шпильки... Это ведь не настоящие цветы, а значит, не противоречат традиции. И вдруг Иоланда права, и именно сегодня Айлин узнает, кто же их прислал?! Ох, нехорошо так думать, ведь Дерек...

– Да надевай же! – потеряла терпение Иоланда, и Айлин, снова взглянув на пролески, а потом – в шкатулку, сдалась и поспешно принялась собирать волосы в простой низкий узел. Иоланда подала шпильки, и Айлин, взглянув на соседку в зеркало, поблагодарила ее улыбкой. Вот бы Иоланда всегда была такой, как сегодня! Они, наверное, жили бы намного лучше!

– На вискахкрепи, – ворчливо посоветовала Иоланда. – Да не так! Криво цепляешь, дай я! Ну вот, совсем другое дело! Какая все-таки красота, даже ты ее не портишь...

– Спасибо, Иоланда, – вздохнула Айлин.

Вот не может соседка не сказать колкость! Но ведь помогла же!

«Может быть, – подумала она невольно, – с этого дня все пойдет как-нибудь иначе, и мы сможем... Ну, подружиться вряд ли получится, но хотя бы жить мирно?»

– Не за что, – буркнула Иоланда довольно. – Пошли уже!

– Сейчас, – виновато откликнулась Айлин и, высмотрев среди пролесков один цветок посвежее, приложила его к платью.

Ох, в самом деле не идет... Но...

– Ты безнадежна, – фыркнула Иоланда и, подумав, добавила: – Можно на плече закрепить. Так он и в глаза бросаться не будет, и традицию соблюдешь. Ну и, может, в танце потеряешь. Только тогда не признавайся, что твой!

* * *

Часы на главной башне Академии пробили восемь раз, и Айлин ускорила шаг.

Опаздывать – недостойно леди! Но и бежать, конечно, не следует...

«Хотя кое-кто очень даже бежит!» – подумала она, проводив взглядом пронесшуюся мимо подругу Иоланды.

Но, пожалуй, больше в самом деле никто так откровенно не спешил: нарядные девицы в разноцветных платьях словно плыли по коридору, сворачивали к центральной лестнице, а там, на верхней ступеньке, два потока девушек и юношей сливались в один...

Как красиво и торжественно! На бал стоило пойти хотя бы ради того, чтобы это увидеть! Хотя... Для всего остального – тоже!

Дерека Финнигана Айлин увидела издалека, хотя и не сразу поняла, что это он. Надо же, как меняет человека одежда! Сменил мантию с белой отделкой на нарядный светло-синий камзол – и уже почти неузнаваем! А ему идет: светло-русые волосы на фоне синего бархата выглядят еще светлее, и вообще он чем-то неуловимым напоминает Аластора...

Сердце кольнуло невольным сожалением: вот бы здесь был Аластор! Ему бы понравилось, наверное... Айлин решительно отогнала непрошеную грусть. Ей уже семнадцать! Она напишет Алу на этих же каникулах, а грустить... нет, она не будет грустить на своем первом настоящем бале!

В полутора десятках шагов впереди Дарра, затянутый в серебряную парчу, подал руку какой-то незнакомой Айлин девушке и повел ее вниз по лестнице. А сразу за ним – Саймон с... ой! Со второй подругой Иоланды! Бывает же такое! А Дерек заметил ее – и от его восхищенного взгляда у Айлин невольно потеплело на душе.

И как же медленно движется это... шествие!

– Доброго вечера, Дерек! – улыбнулась она с должной любезностью, дойдя, наконец, до своего кавалера.

– Ты пришла! – выдохнул он в ответ так, словно ему только что вручили орденский перстень и пост главы гильдии, не меньше. – Семеро, ты все-таки...

«Конечно, пришла, я же обещала!» – чуть не воскликнула Айлин.

– Конечно, я пришла! Я же обещала! – услышала она за спиной звонкий голос с явственным итлийским акцентом.

Взгляд Дерек был устремлен за ее плечо. Медленно обернувшись, Айлин увидела Иду. Невыносимо, отвратительно очаровательную, томную Иду в темно-синем бархате в тон наряду Дерек!

Но... Как это возможно?

Ида, бросив взгляд на ее наверняка растерянное лицо, гадко улыбнулась.

– Как неожиданно, правда, Ревенгар? Ты и в самом деле думала, что у тебя появились поклонники? Вот видишь, Дерек, я же сказала – она точно поверит!

Дерек, с обожанием глядящий на Иду, кивнул, даже не повернувшись к Айлин.

– Я думал, ты только страшная, Ревенгар! – добавил он. – А ты еще и глупая! Только полная дура может поверить, что в нее вот так вот влюбятся с первого взгляда!

Ида снова торжествующе улыбнулась, протянув тонкую смуглую руку, украшенную золотым браслетом, и Дерек, пройдя мимо Айлин, взял пальчики итлийки и, склонившись, поцеловал.

В глазах у Айлин потемнело, и во всем холле вдруг исчез воздух. За что они так с ней?!

Разве она хотя бы раз сделала Иде что-то плохое?! Она же... еще и заступалась за нее перед Саймоном, а Ида...

– Это тебе за Аранвена, дрянь! – шепнула однокурсница поверх головы Дереха так тихо, что Айлин едва ее расслышала.

За Дарру? Претемная, что за кошмарная несправедливая чушь! Ведь Дарра отказал Иде вовсе не из-за нее!

Ее, застывшую, обходили другие адепки, с любопытством поглядывали на гадко улыбающихся Дереха и Иду... Почему они не уходят? Чего ждут от нее? Слез? Бегства?! Не дождутся!

– Я пришла, адепт Финниган, чтобы извиниться перед вами, – услышала Айлин чей-то отчетливый яростно-звонкий голос и только миг спустя догадалась, что этот голос – ее собственный. – Я не могу пойти с вами на бал. Подаренные вами цветы, к сожалению, не подходят к моему платью. Надеюсь, вашей запасной спутнице они подойдут больше. Стиснув зубы, изо всех сил напрягая руку, чтобы не задрожали пальцы, Айлин отколола от рукава совсем увядший пролесок и сунула его в руки опешившей Иде.

– А теперь, прошу прощения, вынуждена вас оставить.

Заставив себя улыбнуться, Айлин развернулась так резко, что юбка обвилась вокруг ног, и зашагала к лестнице, ведущей в сад. На воздух! Как можно скорее на воздух, туда, где не будет никого!

Никто не увидит ее слез. Никто!

Глава 4. Итлийская паэрана по-арлезийски

Две полупознакомые стихийницы, под ручку торопящиеся навстречу, недоуменно поглядели ей вслед, когда Айлин, задыхаясь от обиды и злости, почти пробежала мимо них. Она чувствовала их взгляд спиной... А если даже ей только показалось, что почувствовала, то все равно вскоре вся Академия будет знать! Зачем? Ну зачем она мечтала пойти на бал? Ведь были же девушки, которых вообще никто не пригласил? И ничего страшного. Перетерпят волну сплетен, как это бывает каждый год, а потом об их позоре все забудут. Никого из них не бросали прямо на лестнице, ведущей к бальному залу! Только ей так повезло...

Айлин промчалась по галерее, спустилась на первый этаж и свернула к саду. Здесь, хвала Претемной, никого не было. Бальный зал, правда, выходил сюда окнами, но они светились далеко, словно волшебные огни из детских сказок, а Айлин выбежала со стороны флигеля. Здесь ее никто не увидит. И хорошо! Она сама ни за что не хочет никого видеть! Ни Саймона с Даррой, ни... Никого – вот! Пусть они там веселятся, пусть танцуют со своими дамами, кто бы это ни был, едят мороженое, приготовленное лучшим кондитером столицы, улыбаются и...

Она всхлипнула и села на скамью под раскидистым кустом, еще лишенным листьев, но уже с клейкими пухлыми почками. Поежилась от сырости, но щеки пылали, и Айлин приложила к ним ладони, почти с упоением злясь на себя – какая же невыносимая дура! На Дереха ей почему-то даже злиться не хотелось. Просто было противно... А Ида... Ну вот Иде она еще припомнит! Правильно говорил мэтр Бастельеро, что враги воспринимают терпение как слабость! Если бы Ида ее боялась, ни за что не рискнула бы сыграть такую шутку. Ну что ж, теперь станет бояться! И никакой помощи Саймона с Даррой! Ни за что Айлин не станет жаловаться! Ни Воронам, ни... вообще никому – вот!

Она снова всхлипнула, на глаза наворачивались предательские слезы. Как же хорошо, что она не стала красить ресницы – сейчас была бы страшнее давно похороненного мертвца. А ей ведь еще возвращаться в комнату. Придется закрыться там и сидеть до утра, пока не вернется Иоланда. Наверняка еще и с подружками... И будут сочувственные вздохи, неважно, лживые или искренние – от вторых даже хуже. И тогда хоть из Академии уходи-и-и...

Айлин до боли стиснула пальцы, так что ногти врезались в ладонь, оборвала очередной позорный всхлип. Не будет она плакать! Только не из-за этих! И в комнату не пойдет, во всяком случае, пока... Здесь тихо и спокойно, а что скоро будет слышна музыка из бального зала, так это даже хорошо, можно притвориться перед самой собой, что просто

разгорячилась от танцев и вышла подышать воздухом. Нет, глупо. Да и уйти все равно придется, потому что после нескольких перемен музыки из зала начнут потихоньку сбегать те, кому не терпится оказаться под цветущей вишней – законным поводом поцеловаться. И, значит, надо уйти до этого. Но не прямо сейчас!

Она прислушалась – из далекого зала слышались первые такты. Ловансьон! Торжественный, великолепно красивый, медленный... Сейчас пары выстраиваются в длинный ряд, готовясь пройти по залу особыми скользящими шагами, их руки соприкасаются лишь кончиками пальцев, но движения совпадают, как зеркальное отражение... Ида и Деррек, разумеется, танцуют друг с другом, первый ловансьон – обязательный танец пары.

Интересно, а как же преподаватели? На них закон приглашать кого-то не распространяется, а мэтров в Академии гораздо больше, чем мэтресс. Нет, конечно, есть совсем пожилые, кто уже не пойдет танцевать, но все равно. С кем, хотелось бы знать, будет танцевать ловансьон магистр Роверстан? Наверное, с кем-то из преподавательниц? А мэтр... Бастельеро?

Айлин запрокинула голову, чтобы ни одна самая маленькая и настойчивая слезинка не выкатилась из глаз. Будто пока этого не случилось, она не проиграла, не позволила себя победить!

Конечно, магистрессу Уинн, например, мэтр Бастельеро точно не пригласит. Но кого-то из молодых целительниц, симпатичных и изящных... А может быть, он не танцует? Стоит где-нибудь у стены, сложив руки на груди и глядя на пары... Нет, очень уж глупо на это надеяться. Первый танец мэтр, может, и пропустит, но дальше парам не обязательно оставаться друг с другом, а в Академии столько красивых девушек!

И тут Айлин похолодела. Ей вдруг ясно, как наяву, представилось, что на следующий танец, веселый и чувственный па-майордель, мэтр Бастельеро приглашает... Иду! Ну все же знают, что он влюблен в королеву! Самую прекрасную и добродетельную из женщин Дорвенанта! Но не смеет даже глаз поднять на супругу своего короля и сюзерена. А она... Если бы Айлин была королевой, она бы с радостью отдала корону за счастье быть так любимой!

Видение Иды, подающей смуглую тонкую руку мэтру Бастельеро, стояло перед глазами с пронзительной и беспощадной четкостью. Ида – итлийка. Золотокожая, с роскошными черными кудрями и огромными глазами цвета черного агата. В Академии нет ни одной девицы, больше нее похожей на королеву, а в последние пару лет Ида еще и вытянулась, приобретя опасную томную грацию ядовитой змеи. И синий бархат обтягивает ее именно там, где нужно, а ресницы...

Айлин едва не застонала, щеки, и без того горячие, вспыхнули огнем. В па-майорделе кавалер крутит даму, держа ее за талию! И платье взлетает, открывая ноги почти до середины лодыжки! Нет, не станет же мэтр Бастельеро, такой утонченный и гордый, танцевать па-майордель с адептками?! Или станет?

Она с недоумением посмотрела на свою руку, сложенную для наведения порчи. А перед внутренним взором всплыло лицо Иды, покрывающееся прыщами, точь-в-точь как Айлин на первом курсе. Нет! Прыщавая порча – это долго и ненадежно, ее слишком легко снять, и тогда вред почти сразу нейтрализуется. А вот если, скажем... Айлин мстительно улыбнулась, легко и красиво сворачивая заклятие, которое подсмотрела у Оуэна Галлахера. Тот похвалился остальным Воронам, что этот аркан помогает избавиться от сложностей с бритьем на пару месяцев, не меньше. Во-о-от... А эту силовую линию мы загнем для лучшего действия...

В ее видении Ида, горделиво плывущая по залу в объятиях мэтра Бастельеро, вдруг взвизгнула и подняла руки к высокой сложной прическе, а потом взглянула на них и завизжала еще громче на весь зал: роскошные черные кудри, которыми итлийка так гордилась, остались у нее между пальцев, и все новые пряди падали на пол бального зала. Несколько мгновений – и золотая корона, которой воображение Айлин увенчало голову итлийки, оказалась на совершенно лысом, блестящем под огнями бального зала черепе! Так ей и надо!

Очередной всхлип перешел в нервный смешок. Претемная, как же все это глупо! Можно сколько угодно мечтать о мести, но раньше утра ее все равно не свершить. И все неважно, потому что Ида – там, а Айлин – здесь, в темном саду, и хотя созвездия на темном бархате

неба горят почти так же ярко, как огни в зале, а цветущая вишня пахнет сладко и дурманяще, Айлин все-таки проиграла. Не танцевать ей с мэтром Бастельеро на первом в жизни балу, как она мечтала! Разве что потом, в следующем году, но это не считается! Да ей тогда будет уже почти девятнадцать! Так долго! И с чего она решила, что мэтр ее пригласит? Она ведь совсем-совсем не похожа на королеву...

Па-майордель последний раз весело плеснул музыкой из окон зала – и Айлин вздохнула, уговаривая себя подняться. Скамейка в саду – слишком удобное место, чтобы сюда никто не пришел. Да и вишня – вон, как по заказу! Ветки будто облиты бело-розовым облаком, сияющим в темноте собственным светом, а запах... Чуть-чуть похоже на ее духи, только без горечи. А перед вишней – круглая утоптанная полянка, и если придержать кончиками пальцев подол, то можно было бы... «Не сходи с ума, – сказала она себе сердито. – В одиночку не танцуют! Какая разница, что ты мечтала об этом бале целый год? Сама виновата. Хватит, пора... пора идти домой. То есть к себе в комнату. Сядешь, обнимешь Пушка, который верно ждет у кровати, а там и поплакать не стыдно. Совсем чуть-чуть, пока точно никто не видит...»

Она устало посмотрела на заклятие, притаившееся на кончиках пальцев. Надо бы развеять, но нити сплелись от души, и тратить силы на их распутывание не хотелось. Так что Айлин тщательно примерилась и запустила заклятие в пышный куст роз, не ко времени расцветший по воле какого-то старательного стихийника. Листья и цветы, жалобно шурша, мгновенно облетели, а на душе у Айлин стало еще гаже и в придачу стыдно. Сорвала зло на беззащитном цветке, мерзавка! Лучше бы и правда в Иду запустила. Она виновато посмотрела на куст: ветки живые, и почки кое-где остались. Может быть, отойдет? Поднявшись, Айлин шагнула из-под ветвей на утопанную площадку перед скамейкой, невольно прислушиваясь. Па-майордель сменился верелеем, не таким быстрым и даже забавным. Сейчас танцоры, взявшись за руки, будут пробегать под аркой, образованной руками остальных, выстроившихся в длинный ряд. Когда они добежат до конца, встав перед первыми, побежит пара, оказавшаяся последней. Веселый танец, но вряд ли преподаватели станут развлекаться такими фигурами. И лучше... да вот теперь точно лучше уйти, потому что следующий танец, как известно, паэрана.

Сердце снова сладко защемило, и Айлин торопливо сделала шаг, второй... Нет, она не станет даже думать о том, кого Гре... лорд Бастельеро пригласит на паэрану. Она же не дуручка вроде тех, кто вздыхает по магистру Роверстану, не понимая, что адептка и преподаватель – это неправильно!

Еще шаг. И еще. Сейчас она, получается, шла как раз к бальному залу, но лишь потому, что позади остались густые кусты, в которых тропа нашлась почти случайно, и лезть туда снова у Айлин не было ни малейшего желания. А вот теперь она выйдет на садовую дорожку и... – Доброго вечера, – прозвучало из теней, соткавшихся по ту сторону площадки, и Айлин едва не вскрикнула от неожиданности. – Простите, не хотел вас испугать.

– Н-ничего, – пролепетала она, глядя, как тени колеблются, оказавшись обычным кустом, только очень густым и покрытым множеством темно-синих цветочков, так что тонкие ветви изогнулись до земли, превратившись в полог.

А потом от этого полога отделилась светлая фигура, шагнула ей навстречу, и на краткий миг Айлин пронзила глупая искренняя надежда... Нет. Почти в то же мгновение она поняла, что этот человек выше и шире в плечах. И камзол у него светлый, почти белый, а лицо, напротив, смуглое. И только черные волосы напоминают того, кого Айлин хотела бы увидеть, но даже они не рассыпались по плечам небрежными смоляными кудрями, а собраны в гладкий хвост на затылке, со странной изысканностью оттеняя холеную короткую бородку и усы.

– Простите, магистр... – тихо сказала Айлин и отвела взгляд на случай, если разумник здесь не один.

Ну неужели все слухи, которые о нем ходят, неправда, притом в такую ночь?!

– Нет-нет, подождите, прошу вас, – окликнул ее Роверстан, и Айлин замерла, готовая в любой миг сорваться с места, но не понимая, почему сердце вдруг забилося чаще, а щеки снова вспыхнули.

– Вы не пришли на бал, Айлин, – сказал магистр, подходя к ней мягкими упругими шагами, будто огромный кот к неосторожной птичке. – Позвольте узнать причину?

– Это... неважно, – так же тихо, но твердо ответила Айлин, старательно не поднимая взгляд.

Если сказать правду, получится, что она жалуется на Дерека главе его гильдии! Только этого не хватало! Может, она и дура, но не ябеда! Это недостойно магессы!

– У вас нет пары? – спокойно поинтересовался Роверстан со своей обычной чудовищной проницательностью, и Айлин молча кивнула.

Конечно, он догадался. Что бы она иначе делала в саду возле бального зала, наряженная и причесанная, но без цветка, без единого распроклятого цветочка, даже такого жалкого, как несчастные пролески Деррека.

– Никогда бы не подумал, что наши адепты могут быть настолько слепы, – невозмутимо сообщил Роверстан, делая еще один шаг, который показался насторожившейся Айлин точно отмеренным – как на охоте. – Но я надеюсь, вы не собираетесь уйти? Бал только начинается. Право же, никто не станет следить за этикетом настолько дотошно.

– Это неважно, милорд магистр. – Айлин все-таки подняла голову и взглянула на Роверстана в упор. – Благодарю вас, но мне не нужна ничья снисходительность. Я просто дышала воздухом. А теперь пойду к себе... с вашего позволения.

– Воздух сегодня просто прекрасен, – так же ровно откликнулся разумник, и Айлин будто нарочно полной грудью вдохнула вишневый аромат, принесенный дуновением ветерка. – Но у меня и в мыслях не было задеть вашу гордость. Еще раз прошу прощения, если вам так показалось. Я имел в виду кое-что совсем иное.

– Иное? – растерянно спросила Айлин, вдруг поняв, что положение весьма двусмысленное. Она стоит в темном саду наедине с мужчиной. Да, с преподавателем, но... Это ведь не делает его меньше мужчиной. Причем именно с тем, по которому сходит с ума большая часть адептов. «Чтобы сходить с ума, неплохо бы его иметь, – съязвил ее внутренний голос тоном тетушки Элоизы. – А такие упражнения в глупости свидетельствуют как раз о недостатке разума». Однако... этих девиц вполне можно понять. Если взглянуть на магистра Роверстана не как на магистра.

Разумник возвышался над Айлин примерно на голову, даже чуть больше. Идеально сшитый камзол подчеркивал фигуру настолько же безупречную, насколько мощную, но не тяжелую, а словно литую. Черные глаза лукаво поблескивали со смуглого лица, а следующий легкий порыв ветерка принес Айлин слабый, едва уловимый, но знакомый аромат. Сандал, душистый табак, ладан и хвоя. В точности как пять лет назад на кратком, но навсегда врезавшемся в память Айлин уроке фехтования.

– Вы же не собираетесь пропустить свой первый бал? – изумился Роверстан, словно не услышав, что она сказала про отсутствие пары. – Сейчас будет паэрана. Сказать по правде, я искал именно вас и очень рад, что нашел вовремя.

– Меня? – пораженно переспросила Айлин, снова чувствуя себя дурочкой. – Для... паэраны?

Это что, шутка? Но нет, Роверстан смотрел совершенно серьезно, хотя скажи кто-нибудь Айлин, что мэтр Бастельеро завтра женится на магистрессе Уинн – она бы и то меньше удивилась! В зале сотни красивых разряженных девиц со всех факультетов, и любая сочтет приглашение от магистра разумников не просто за честь, а за счастье! А он искал ее, Айлин? Так настойчиво, что даже вышел в сад?!

– Именно, – так же спокойно подтвердил Роверстан и сделал последний шаг, после чего между ним и Айлин осталось расстояние ровно такое, чтобы протянуть руку. – Прошу вас оказать мне честь, прекрасная леди.

Он поклонился, выпрямился и протянул эту самую руку, неуловимым жестом сорвав с нее белоснежную перчатку, и Айлин окончательно перестала понимать, сон это или явь? В любом случае, отступать она не собиралась. Не сегодня! Да гори все барготовым огнем и Молот Пресветлого сверху!

Во рту мгновенно пересохло, она едва слышала, как где-то вдали звенят начальные такты паэраны. Ее первой паэраны!

– Но...

Айлин беспомощно посмотрела в сторону зала, а Роверстан мягко качнул головой.

– Это ночь цветущих вишен, а не вощеного паркета, – мурлыкнул он. – Большинство забыло ее истинный смысл, но вы поймете его сердцем, а не рассудком. Сегодня можно все.

Почти все, – поправился он, снова лукаво блеснув горящими углями глаз. – Не бойтесь нарушить этикет, Айлин, сегодня он обязан уступить дорогу более древним правилам. Итак, вы позволите?

С бешено колотящимся сердцем Айлин вложила свою ладонь в его, мимолетно поразившись, какой маленькой она показалась в руке Роверстана. Ледяной волной обрушился страх – Айлин поняла, что забыла, как танцевать. Вот совсем забыла! Ни одной фигуры!

Магистр едва заметно улыбнулся, не насмешливо, а ободряюще. И шепнул:

– Слушайте свое сердце, Айлин. Музыка рождается именно в нем.

Он шагнул, становясь в первую фигуру, и Айлин последовала за ним, борясь с желанием зажмуриться и не веря в то, что происходит. Она танцует с Дунканом Роверстаном! Пусть не с тем, с кем мечтала, зато с воплощенной мечтой многих других. И он сам пригласил ее...

Фигуры паэраны вдруг ожили в ее памяти так ясно, словно никуда и не пропадали, а ликующий смех скрипки и томный сладкий плач виолончели, сливаясь и смешиваясь, повели Айлин куда-то далеко и ввысь, к самому небу, пахнущему вишнями и счастьем.

Шаг-шаг, поворот, шаг – и поворот снова!

Лицо Роверстана было совсем близко, и Айлин видела пьяный азарт в его глазах, шальной, как у мальчишки, совсем непохожий на неизменную рассудительность магистра. Вторая рука мужчины обвила ее талию, и Айлин, кружась, чувствовала, как шелковый подол платья, едва поспевая за ее движениями, скользит по тончайшим шелковым же чулкам, отчего по коже бегут мурашки от шеи до самых кончиков пальцев на ногах, а внизу живота сворачивается тугим комком что-то сладкое и странное. Шаг, шаг... поворот?

Взмыла вверх, к самым звездам, восхищенная скрипка, и вместо того чтобы придержать кружащуюся Айлин, магистр подхватил ее за талию и переставил на эту пару шагов. Чудом не взвизгнув, Айлин возмущенно и пораженно уставилась в смеющееся лицо Роверстана. – Вы никогда не танцевали паэрану по-итлийски? – весело спросил он. – Какое упущение. Дорвенантский вариант гораздо скучнее. Паэрану создали в Итлии... – Говоря, он не переставал вести Айлин в танце, и она следовала, покоренная, очарованная и трепещущая при смутной мысли, что это не последний поворот в танце. – И там она настоящая, какой и должна быть. Танец горячих сердец. И не менее горячих тел, разумеется.

Он снова взял ладонь Айлин и, ловко используя очередную фигуру, поднес к губам, выказывая как полное пренебрежение этикетом танца, так и не менее полное, восхитительное владение его рисунком. Этот жест казался настолько правильным и уместным! Айлин, пылая щеками, позволила и, когда очередной тур закончился поворотом и сильные руки магистра снова подхватили ее легко, как перышко, сдержалась и даже не ахнула – только глубоко, всей грудью вдохнула сладкий воздух, напоенный цветущими вишнями, ароматом сандала, душистого табака и чего-то еще такого, у чего вряд ли есть название на человеческом языке.

– Запомните, моя девочка, – шепнул Роверстан, склонившись над ней так, что его губы почти коснулись ее лица. – Править должен разум. Но несчастен тот, у кого правление разума никогда не свергается сердцем. Вы сохранили те духи, какая... прелесть...

Расширившимися глазами Айлин смотрела в зрачки магистра, похожие на расплавленное золото, если только оно бывает черным. Роверстан улыбнулся, не отводя глаз, и снова поднял ее ладонь вверх. Коснулся поцелуем пальцев Айлин, самых кончиков, потом, нежно перевернув ладонь, провел губами над запястьем невесомым тающим прикосновением. Задохнувшись, Айлин слышала лишь удары своего сердца, почему-то стучащего в такт паэране. Музыка смолкла, и в саду стало благоговейно тихо, только трепетали ветви цветущей вишни, под которой они остановились, когда прозвучал последний такт. Не убирая вторую руку с ее талии, Роверстан отпустил ладонь Айлин, но вместо этого коснулся ее щеки. Беспомощно понимая, что нужно отшатнуться, Айлин почувствовала, как осторожно, тем же едва заметным касанием магистр проводит пальцем по верхнему краю ее уха, вновь спускается на щеку и почти ускользающей от восприятия лаской дотрагивается до шеи.

Миг – и Айлин показалось, что вся она, от ушей до кончиков бальных туфелек, вспыхнула в сладком пожаре. На губах Роверстана, полных, чувственных, строго, будто росчерком

туши, окаймленных бархатной полоской усов, играла улыбка, а глаза испытующе смотрели Айлин прямо в душу, и она плавилась под этим взглядом...

– Вы ведь не откажете мне в поцелуе? – тихо сказал магистр. – Вишня...

И он взглядом указал на бело-розовое ароматное облако, почти осенившее их сверху.

«И правда, вишня, – все в той же сладкой беспомощной истоме подумала Айлин. – Под вишней положено целоваться... Это не стыдно. То есть обычно стыдно, но не сегодня.

Вишневая ночь посвящена Всеблагой матери...»

– Вы же... не адепт, – прошептала она, чувствуя, словно летит в небо на гигантских качелях.

Или снова на умертвии, собранном Ворогами. Вверх-вниз... И сердце сладко и жутко замирает, а потом вырывается из груди и летит впереди самой Айлин.

– Увы, – согласился Роверстан, снова весело и опасно блеснув глазами. – Но паэрана и вишня дают мне надежду. Айлин, за все эти годы вы нарушили столько правил Академии ради шалостей. А теперь, став взрослой, бонтесь нарушить всего одно?

«И правда, – удивленно подумала Айлин. – Это всего лишь правило. А другое, между прочим, гласит, что в Вишневую ночь целоваться под вишней можно! И о преподавателях там, между прочим, ничего не сказано!» «Потому что никому подобное даже в голову не пришло», – слабо возразил голос рассудка, но тут Айлин увидела свое отражение в зрачках Роверстана. А еще – тугую трепещущую жилку на его могучей шее. И то, как разумник быстрым движением облизнул губы – словно они пересохли так же сильно, как у самой Айлин.

«Я готова была пойти на бал с Дерекком, – напомнила себе Айлин, поднимаясь на цыпочки. – И даже поцеловалась бы с ним, наверное. А на бал хотела попасть вообще ради совсем другого человека. Фу, какая же я развратная! Но раз так, что терять? Это леди Ревенгар должна думать об этикете и репутации, не магесса Айлин. Это мой первый бал! Вишневый бал... И если я сейчас откажусь, то завтра сама пожалею. Точно пожалею...» Она потянулась еще капельку, но в этом уже не было нужды, потому что магистр сам наклонился к ней. Не торопясь припадать к ее губам, как в фантазиях Айлин, которые она черпала из таинственных рассказов подружек Иоланды, он вдохнул воздух над ее лицом, посмотрел расширившимися, лихорадочно блестящими глазами, а его ладони, которые легли Айлин на плечи ласковой, но уверенной тяжестью, вдруг показались раскаленными даже через шелк.

Она еще смутно помнила, что надо зажмуриться. Приличные девушки в романах всегда жмурились, а после поцелуя норовили упасть в обморок. Но эти девушки не летали на умертвиях, не вскрывали склепы и не лазили в королевский сад. Так что насчет обязательности обморока Айлин сомневалась – и глаза не закрыла. Когда губы магистра Роверстана, мягкие, горячие, коснулись ее напряженных губ, Айлин только судорожно вдохнула, захлебываясь непонятным и неизвестным ощущением, чувствуя, как одна широкая ладонь разумника придерживает ее за плечо, не позволяя отстраниться, а вторая легко скользит по спине вниз, и за ней катится сладкая горячая волна, от которой колени подкашиваются...

«Только не в обморок! – с восхищенным ужасом подумала Айлин, упоенно целуясь с Роверстаном. – Ох, а как было бы с Гре... лордом Бастельеро...»

И накликала.

– Роверстан! Вы с ума сошли! – раздался ледяной лязг, в котором она едва опознала голос лорда.

* * *

Торжественный тяжеловесный ловансьон разливался по залу мягкими волнами, и Грегор поспешно отступил за ближайшую колонну, надежно скрывшую его не только от танцующих, но и от тех коллег, которым не хватило пары.

Не стоило и надеяться, впрочем, что передышка будет длинной. Кого-нибудь придется пригласить на па-майордель, хотя настроение куда больше подходит для практикума на беспокойном кладбище, чем для бала! До танцев ли, если перед глазами стоит то Малкольм, каким Грегор видел его в последний раз на совете, то лицо Беатрис, подарившей ему такой же первый ловансьон пять лет назад...

Грегор поморщился, отгоняя непрошенные воспоминания, бросил взгляд на танцующих и окаменел. В трех шагах от него во втором ряду Малкольм – совсем молодой, не старше двадцати лет – подал руку Беатрис! Темно-синий бархат ее платья резко контрастировал с нежным золотом кожи, из высокой, так любимой ею прически словно невзначай выбивалась на виске черная, как ночь, прядь... алые губы изогнулись в улыбке....

Грегор стиснул зубы, отгоняя наваждение. Юнец даже не похож на Малкольма! Разве что высоким ростом да светлыми волосами. Но девица...

Подчиняясь музыке, пара чуть повернулась, и Грегор узнал девушку – Ида Морьеца, пятый курс, Фиолетовый факультет. По утверждению мэтра Денвера – чрезвычайно одаренная девица. Не настолько, впрочем, чтобы попасть в число Воронов...

И все-таки невероятно, до тяжелой ноющей боли в сердце похожа на Беатрис, такую, какой Грегор увидел ее впервые, даже этим синим бархатом нарочито итлийского платья. Вот только Беатрис никогда не смотрела с таким высокомерным равнодушием и не улыбалась так надменно...

Грегор отвел взгляд. Все итлийки в той или иной степени схожи, если не чертами, то цветом волос и кожи, а еще томной ленивой грацией. И только последний болван станет обманываться внешним сходством, забывая, что главное не увидеть глазами.

Золотой свет магических шаров заливал бальный зал, как никогда похожий на королевский цветник. Пожалуй, дамы и в самом деле напоминали цветы, хотя хватало и настоящих цветов, убранных в прически, приколотых к груди или поясу, расставленных в вазах у стен – и цветочный аромат смешивался с запахами духов, вечерней свежести из приоткрытых окон, воска и канифоли – неизвестно откуда...

Сменилась фигура танца, ряды смешались, и вместо итлийки с ее кавалером Грегор с легким удивлением заметил магистра Бреннана, который легко вел в танце незнакомую Грегору мэтрессу, высокую, сухощавую, с узким резким лицом, серьезным даже в танце, а через две пары от них – Адальреда и Уинн. Взгляд артефактора был неотрывно прикован к лицу алхимички, а она раскраснелась и улыбалась едва ли не кокетливо...

Сердце кольнула непрошенная и совершенно недостойная тоскливая зависть. «Видит Претемная, – невольно подумал Грегор. – Хотя на один вечер выбросить бы из мыслей все, что так назойливо стучит в виски, оказаться среди них, беззаботно танцующих, не думающих ни о вчерашнем, ни о завтрашнем дне! О, нет сомнений, что ни одна девица не откажет мне в танце, но кто из них не станет глупо хихикать, пытаться флиртовать и что там еще делают девицы? Проклятье, не стану я об этом думать! Лучше постараюсь вспомнить, что когда-то любил танцевать и ждал каждого нового Вишневого бала, как дети ждут Солнцестояния! И уж точно не стану стоять в одиночестве, когда не танцует только Великий Магистр, и только потому, что уже и ходит не без труда!»

Бросив взгляд в дальний конец зала, где неподвижно сидел в кресле Великий Магистр, Грегор вздрогнул. Неподалеку от Капельмаро стоял Роверстан, так внимательно разглядывая танцующих, словно кого-то искал.

Поразительно! Чтобы этот... разумник... явился без пары? Сколько помнил Грегор, Роверстану даже во время учебы оставалось только выбрать из девиц, согласных пойти с ним на бал. И вдруг такое...

«Впрочем, – невольно подумал Грегор. – Возможно, ему не до праздника, так же, как и мне? Достаточно вспомнить вчерашний совет!»

От воспоминания снова накатила тяжелая мутная волна – злость на болванов, позорящих Три Дюжины, мучительная тревога за Малкольма, невольный стыд за собственную вспыльчивость – что стоило ему выслушать Роверстана, когда тот готов был говорить? Возможно, вместе – а особенно втроем с Аранвеном! – они и нашли бы какой-то выход...

«Поговорю, – пообещал себе Грегор, отводя взгляд от разумника. – Конечно, не прямо сейчас. После бала. Или завтра утром. А пока...»

Он снова скользнул глазами по танцующим. Ловансьон вот-вот закончится, а на па-майордель он непременно пригласит кого-нибудь из девиц...

Взгляд помимо воли остановился на итлийке, и Грегор поспешно отвернулся. Нет уж, кого угодно, но не ее. Только болван пытается завладеть посредственной копией, не имея возможности получить оригинал!

Почти в глаза сверкнуло бледное золото длинных волос и серебро камзола – на последней смене фигуры неподалеку замер Дарра Аранвен, бледный и серьезный более обычного. Он даже не улыбнулся в ответ на улыбку своей спутницы, поразительно миловидной светловолосой и голубоглазой пышечки.

«Явно Мэрли, – подумал Грегор невольно. – Вероятно, из младшей ветви, и только поэтому живая. Интересно, с какого она факультета? Неважно, впрочем. Пожалуй, ее и приглашу – что может быть естественнее, чем пригласить на танец кузину по материнской линии?»

Последние такты ловансьона отзвучали, и Грегор решительно шагнул из-за колонны.

Поймал взгляд Аранвена – блуждающий по залу, словно ищущий, неприятно напомнивший этим взгляд Роверстана – и быстро подошел к этой паре.

– Позволите пригласить вашу даму?

– Разумеется, мэтр, – учтиво встрепенулся Аранвен, на мгновение остановив на нем взгляд и почти тут же снова скользнув глазами поверх головы Грегора.

Невольно захотелось обернуться и посмотреть, что же такое увидел Дарра, но Грегор подавил этот странный порыв и учтиво протянул руку юной Мэрли.

– Прошу вас, кузина?..

– Аделин, – шепнула девица, зардевшись и опустив взгляд. – В честь тетушки...

– Кузина Аделин, – повторил Грегор через силу, отгоняя накатившую вдруг горечь сродни той, что он ощутил при взгляде на старика Мэрли.

Значит, и в самом деле – младшая ветвь. У старика было двое сыновей и две дочери, старшая вышла замуж за Бастельеро, младшая – за кузена из младшей ветви. Что ж, по крайней мере, проклятие ее не коснулось.

А он и в самом деле непростительно пренебрегал семьей деда, пусть даже и не родного по крови, если не знал, что одна из внучек старика учится в Академии...

– На каком вы курсе, кузина Аделин?

– Десятым, – откликнулась девчонка с тщательно скрываемой гордостью. – Зеленый Факультет. И милорд магистр Бреннан предлагает мне подумать о дальнейшей работе в Академии.

– Ваша семья, должно быть, гордится вами, – сказал Грегор то, что следовало сказать, и силясь обнаружить в душе хоть каплю родственной гордости. Тщетно.

А ведь предложи Эддерли работу в Академии кому-нибудь из Воронов, Грегор гордился бы! Куда больше, чем любым из собственных достижений.

Юная Мэрли, снова вспыхнув, пролепетала что-то благодарное, но Грегор прослушал – к поспешно отошедшему от них Дарре протолкался сквозь отдыхающих от танца людей Саймон Эддерли и торопливо заговорил что-то, размахивая руками и нимало не смущаясь тем, что задел двух-трех недостаточно проворно отошедших в сторону юношей.

«Дорого бы я дал, чтобы знать, о чем они так азартно совещаются, – невольно подумал Грегор, заставляя себя сосредоточиться на щебете кузины и пытаюсь понять, чем же эта картина кажется ему такой странной и даже, пожалуй, неправильной? – Обсуждают, как тайно украсть порох для фейерверка? Или как его доработать? А может, уже украли и как раз решают, не заложить ли его под какой-нибудь из вишен, куда несомненно сбежит половина адептов через пару танцев?»

Музыканты наконец перестроились, бешеное веселье па-майордель захлестнуло зал, и Грегор с облегчением позволил себе не задумываться, что еще собрались натворить его самые одаренные адепты. И почти забыть о Совете, Малкольме и Беатрис...

На последних тактах он даже рассмеялся – просто от полноты чувств, как смеялся в последний раз лет пять назад, в памятную ночь Черной Охоты, когда Аранвен, Эддерли и Ревенгар пытались поймать и изучить Черного магистра...

– Благодарю за танец, кузина, – сказал он искренне, отводя Мэрли к дальней стене и с невольной гордостью замечая, с какой завистью смотрят на нее остальные девицы. – И желаю вам счастливого бала.

– И вам счастливого бала, кузен! – улыбнулась она, снова зарумянившись и опустив глаза в пол.

«А почему бы и нет? – невольно подумал Грегор. – Что может мне помешать быть счастливым? Дурные мысли? Да пусть провалятся к Барготу! Не стану, видит Претемнейшая, хотя бы сегодня не стану думать ни о чем неприятном. Даже приглашу

кого-нибудь... нет, не в верелей, конечно, еще чего не хватало, но на следующую паэрану. Может быть, даже снова кузину? Девчонка искусна в танце и не пытается флиртовать... Но если и не ее, то едва ли мне откажет хоть кто-то из адептов и преподавательниц!»

Замирая от восторга, Грегор почувствовал, как настроение Вишневого Бала захватывает его чуть ли не впервые за двадцать лет! Беспричинная шальная радость, легкое нежное головокружение, беззаботное веселье – как будто он от души хлебнул игристого фраганского. А ведь когда-то так было каждый год, и Грегор не помнил, пожалуй, ни одного человека, кто оставался бы этой ночью угрюмым и мрачным!

– ...точно пригласили? – услышал он озадаченный громкий шепот Саймона Эддерли, чудом прорвавшийся сквозь музыку и стук подошв первой пары.

Шепот доносился из-за колонны, где еще совсем недавно скрывался он сам – и Грегор невольно прислушался. В случае Воронят всегда лучше знать заранее, что они намерены учинить! Жаль, что удастся это так редко...

– Она так сказала, – донесся из теней голос Дарры Аранвена, столь тусклый и безжизненный, что Грегор едва удержался от желания немедленно нырнуть за ту же колонну и узнать, что произошло.

– Но ее нигде нет, – недоуменно пробормотал Эддерли. – И вот только скажи: «Саймон, ты говоришь очевидное!» Может быть, что-то случилось? Пойдем ее поищем?

– Саймон, ты... – начал Аранвен тем же лишенным интонаций голосом и вдруг словно проснулся: – Ты прав. Пойдем. Предлагаю начать с...

«Хвала Претемной, – с облегчением подумал Грегор, перестав слушать. – Речь идет всего лишь о какой-то девице. Можно не бояться, что они все-таки модернизировали порох, заложили его в каком-либо неожиданном месте и теперь идут подавать условный сигнал Ревенгар, затаившейся на чердаке с взрывателем в зубах!»

Он усмехнулся собственным мыслям, провожая взглядом Аранвена и Эддерли, вынырнувших из-за колонны и поспешивших к выходу из зала, и вдруг замер. Вот что показалось ему таким странным! Аранвен и Эддерли были только вдвоем – невиданное диво! А Ревенгар...

Грегор подался вперед, до рези в глазах всматриваясь сначала в танцующих, а потом и стоявших у стены девушек.

Ревенгар среди них не было. Не было! И в ловансьоне, припомнил Грегор, она не танцевала тоже, уж начищенную медь ее волос он бы заметил... А ведь ей... Ей уже давно семнадцать, как ни странно! «Неловко вышло, – подумал он неожиданно для себя виновато. – Она ведь из моих подопечных. Непременно следует узнать, что произошло. Навестить общежитие – хоть бы и сейчас. Ничего страшного не случится, если я пропущу верелей и первую паэрану. Вернусь позже...»

Он в последний раз взглянул на танцующих и пошел к дальнему выходу из зала, где несколько минут назад скрылись Аранвен и Эддерли.

Впрочем, выйти сразу не получилось. На дороге попался Денвер, с удивительно кислой физиономией взирающий на адептов, и пришлось выслушать, что Вишневый бал уже не тот: целых два танца, а еще никто никому не дал пощечину, не вызвал на дуэль и не попытался проклясть втихомолку, так что совершенно непонятно, зачем пожилого почтенного мэтра назначили поддерживать порядок. Вон, сколько молодежи без дела бегает.

Говорить, что у молодежи есть более интересные дела, которые Денверу уже не по возрасту, Грегор, конечно, не стал. Согласился, а потом ускользнул в толпу, пообещав себе, что ни за что не станет таким мерзким старикашкой.

Больше заминок не случилось. Грегор прошел небольшим холлом и спустился в сад, решив сократить путь, а заодно подышать воздухом, свободным от ароматов бального зала. Нет, но почему же все-таки Айлин Ревенгар не пришла на бал? Если разговор Эддерли и Аранвена относился к ней, то кто этот юный безумец, что осмелился увести девушку из-под носа у Воронов? А ведь если Аранвен пригласил ее и получил отказ, это значит... Да ничего оно пока не значит – в этом возрасте! Грегор сам ни разу не пригласил на Вишневый бал одну и ту же девушку, и можно держать пари, что у Аранвена и Эддерли выбор не хуже.

Но кто... На миг перед внутренним взором Грегора мелькнуло лицо наглого мальчишки, которого он вышвырнул из комнаты Ревенгар несколько лет назад, и явилась дикая мысль, что тот вернулся в столицу и каким-то образом... Да нет, этого уж точно не может быть! Верелей в зале сменился паэраной, и плавные волны мелодии словно толкали его в спину, подгоняя. Одурающе пахла вишня... Как ни следи за адептами, а кто-то из девиц сегодня непременно лишится невинности, и хорошо, если можно будет прикрыть это браком. Он уже вышел на мощеную дорожку, ведущую через весь сад, но тут впереди послышался взволнованный знакомый голос, и Грегор, повинувшись смутному наитию, отступил в кусты, благо сад Академии до сих пор знал не хуже любого адепта.

Мимо него быстрым шагом прошли двое. Саймон Эддерли, размахивая руками, то и дело забегал вперед друга, что-то горячо и сбивчиво доказывая, а Аранвен... Луч фонаря, подвешенного на столбе у поворота дорожки, осветил его с головы до ног, и, пожалуй, Грегор никогда не видел у сына канцлера, несмотря на их семейную невозмутимость, настолько каменного выражения лица и вместе с тем потерянного, словно больного взгляда. Он едва не окликнул обоих юношей, но вместо этого, подумав, ускорил шаг. Что бы ни случилось там, откуда они пришли столь поспешно, это должно быть нечто из ряда вон выходящее. Чтобы Дарра Аранвен так выглядел?!

Грегор свернул за последний поворот перед небольшой поляной, хорошо памятной ему по временам учебы. Чего только ни видела эта скамейка! Вот, кстати, и еще доказательство, что годы идут, а традиции неизменны: на поляне, окруженной еще не распустившейся сиренью и каскадами цветущей вишни, замерла в поцелуе парочка. То ли зеленое, то ли голубое платье девицы, светлый камзол ее спутника... Для адепта он был слишком высок и широкоплеч, и Грегор, присмотревшись, поморщился. Ну разумеется! Кто бы сомневался! И этот распутник еще смеет делать вид, что его репутация не заслужена!

Он пару мгновений помедлил, решая, стоит ли поднимать скандал, если девушка в объятиях Роверстана окажется не молоденькой мэтрессой, а адепткой. С одной стороны, неизвестную девицу жаль, с другой, когда еще подвернется настолько удобный случай для справедливого возмездия? Да это, в конце концов, пойдет нравственности в Академии только на пользу!

Но девица хороша... Грегор не видел лица, но невольно оценил точеную фигурку: плавную линию спины, тонкую талию и изящные бедра, не столько скрытые струящимся шелком, сколько предательски подчеркнутые им. Да, в хорошем вкусе разумнику не откажешь. Кто она такая, любопытно? Во рту на миг пересохло, картина чужих объятий напомнила, что сам Грегор уже давно лишен простых плотских радостей. Однако адептов, между прочим, не совращает!

Фонарь на краю поляны качнулся от дуновения ветерка, бросив на целующуюся пару особенно яркий луч, и луна, выплыв из-за легкого кружевного облачка, поддержала его. В их совмещенном свете волосы девушки победно блеснули ярко начищенной медью, и сердце Грегора ухнуло куда-то вниз, потом застучало, как отряд кавалерии, идущий в атаку, а внутри разлился кипяток безрассудной ярости. Он еще мгновение пытался уверить себя, что в Академии достаточно рыжеволосых, но девушка чуть повернулась, томно выгнувшись под ласкающей ее спину мужской рукой...

Тонкий чеканный профиль, словно вырезанный из мрамора, нежно белел в лунном свете, и Айлин Ревенгар вдруг показалась Грегору не девушкой из плоти и крови, а дивной птицей, ненадолго прильнувшей к груди Белого магистра, но готовой вот-вот взмахнуть крыльями и взмыть над садом. Когда?! Когда она успела вырасти в такое... вот в это?!

Еще вчера или позавчера на его занятиях сидела обычная веснушчатая девчонка с непослушными рыжими косами и испачканными чернилами пальцами! Украдкой, думая, что он не видит, кидала на него взгляд огромных зеленых глаз, ярких, но застенчивых и по-детски наивных. Тербила поясok мантии, толстый двуцветный шнур, и хотя какие-то формы под черным балахоном или рабочей туникой уже угадывались, Грегор искренне, с глубочайшей уверенностью мог бы поклясться, что этот пушистый рыжий цыпленок, несмотря на возраст, еще не скоро станет взрослой птицей. Да рядом с той же Идой Морьезой Айлин выглядела совершенным ребенком!

А сейчас перед ним стояла взрослая девушка. На миг Грегора кольнуло, что все это – подлый розыгрыш кого-то из иллюзорников. С Волански станется! А то и с самого

Роверстана... Потому что если это – Айлин Ревенгар, то он, Грегор, полный и окончательный болван! Барготово дерьмо, следовало давно уже присматривать за девчонкой. А теперь остается лишь надеяться, что ничего непоправимого не случилось. Не совсем же магистр Белой Гильдии обезумел – соблазнять адептку, да еще девицу из Трех дюжин, прямо в академическом саду!

– Роверстан! Вы с ума сошли! – сказал Грегор, выпуская часть клокочущей в нем ледяной ярости и делая шаг вперед.

Айлин Ревенгар ойкнула и с ужасом посмотрела ему под ноги, где белая изморозь стремительно затягивала едва пробившуюся травку.

* * *

– М-мэтр Бастельеро... – прошептала Айлин.

Магистр все так же обнимал ее, но эти объятия, такие ласковые и нежные, вдруг оказались пленом. Айлин попыталась высвободиться, и Роверстан отпустил ее, но встал так, что оказался между ней и Бастельеро, прикрывая собой. Мгновение Айлин трусливо пряталась за его спиной, а потом, мечтая провалиться сквозь землю от стыда, шагнула, оказавшись рядом с разумником. Мэтр Бастельеро смотрел на них, больше не произнося ни слова, и Айлин под этим взглядом чувствовала себя так, словно стояла голой! Столько в нем было изумленного недоверия и... презрения. А еще гнев – но на кого?

– Знаете, дорогой коллега, – совершенно невозмутимо нарушил тишину магистр Роверстан, – я всегда подозревал, что ваш основной талант лежит не в области некромантии, а в более тонкой сфере. Никогда не видел человека с такой исключительной способностью появляться не вовремя.

– Вы забываетесь, магистр, – прошипел мэтр Бастельеро, и Айлин застыла, как замороженная: глаза некроманта вспыхнули лиловыми огнями. – Отойдите от девушки.

– Чтобы вы еще сильнее напугали ее? – безмятежно уточнил Роверстан. – Боюсь, не могу этого позволить. О чем бы ни шла речь, это разговор исключительно между нами. Согласны?

– Да, – уронил некромант, делая один-единственный скользкий шаг вперед. – На этот раз вы перешли черту, Роверстан. Какого Баргота...

– О, только не начинайте вспоминать Устав, – поморщился разумник. – Это Вишневая ночь, Бастельеро, и не мне вам напоминать, что сегодня Устав чрезвычайно лоялен. А леди Айлин – совершеннолетняя девица, к которой не применяли никакого принуждения. И если все, что вас волнует, это нарушение Устава, то я клятвенно обещаю относиться к нему с должным уважением... все остальные ночи в году.

– Шут! – тихо бросил мэтр Бастельеро, и его рука легла на пояс, туда, где дворяне носят шпагу. Но, конечно, ничего не нашла... Айлин закусила губу, чтобы не ахнуть. Нет! Он же это не серьезно?! – Устав лоялен, значит? Что ж, вам виднее, м-м-агистр... Значит, снова за него прятаться вы не станете?

– Не стану, – вздохнул Роверстан. – Я, правда, думал и с этим подождать, но... почему бы и нет? Позвольте только узнать, а в чем, собственно, вы меня обвиняете?

– И вы еще спрашиваете? – в голосе некроманта гнев мешался с изумлением. – Вы воспользовались доверчивостью этой девушки! Она... Она не пошла на бал, потому что должна была встретиться с вами! Отказалась от предложения достойного юноши ради... этого свидания! Вы... недостойны звания преподавателя, Роверстан! Так же, как звания честного человека.

Глаза мэтра Бастельеро продолжали светиться, и Айлин почувствовала, как теплый ветер, гуляющий по саду, стал пронизывающе холодным. Мурашки пробежали у нее по спине, когда Айлин осознала, что некромант без всякого ритуала призвал силу Претемнейшей. Он же Избранный! Что, если он проклянет... Она облизнула пересохшие губы, понимая, что голос вряд ли послушается. Как холодно... И страшно! Щит, который она попыталась поднять, никак не хотел напитываться силой, словно жуткий взгляд мэтра Бастельеро не давал ему этого сделать, а ведь некромант смотрел не на нее!

– Я ошибался на ваш счет, дорогой Грегор, – утомленно сказал Белый магистр. – Оказываться где не надо – это не главный ваш талант. Он значительно уступает умению делать из правильных предпосылок идеально неправильные выводы. Забота о чести девушки – единственное, что вас извиняет. И только поэтому я клянусь своим перстнем,

что не назначал Айлин Ревенгар свидания ни сегодня, ни когда-либо еще. Во всем остальном отчитываться перед вами я не обязан и не намерен. А теперь, если вы настаиваете на свидании уже с вами, охотно принимаю...

– Перестаньте! – крикнула Айлин внезапно прорезавшимся голосом, изо всех сил торопясь, пока не прозвучало непоправимое, после чего мужчины ни за что не отступят. – Я не хочу! – И добавила, мгновенно заливаясь краской и чувствуя, что голос звучит глупо и жалобно: – Пожалуйста, только не надо дуэли... Мэтр Бастельеро! Милорд магистр ничем меня не оскорбил. Мы случайно встретились здесь в саду. Он не приглашал меня! Я... это я вела себя неприлично и очень сожалею! Пожалуйста, давайте... давайте это просто забудем?

Она всхлипнула, сожалея, что вот теперь не может упасть в обморок по-настоящему. Или провалиться сквозь землю. Или открыть портал куда угодно, лишь бы подальше! Лишь бы не видеть, как взгляды этих двоих скрещиваются на ней. И не слышать молчания. Отступив на шаг назад, Айлин обняла себя руками за озябшие плечи и сказала, ни на кого не смотря:

– Я... хочу к себе в комнату... Будьте любезны, проводите меня...

Она запнулась, понимая, что назвать оба имени – глупо и неосторожно. Еще не хватало, чтобы по дороге в жилое крыло двое мужчин снова вспыхнули из-за какой-то мелочи!

– Разумеется, – первым склонил голову разумник. – Милорд Бастельеро, вы ведь меня подождете?

– Я сам провожу свою адептку! – лязгнул тем же неумолимо ледяным тоном мэтр Бастельеро. – Если она утверждает, что ничего не было, я, разумеется, верю слову леди и предлагаю забыть это... происшествие. Исключительно ради ее репутации.

– Айлин? – приподнял бровь разумник, глядя на нее.

Айлин ответила ему умоляющим взглядом, в самом деле чувствуя себя ужасно виноватой! Магистр подарил ей такой танец! И... все остальное... Но она точно, без тени сомнения знала, что из них двоих мэтр Бастельеро ни за что не уступит!

– Прощу прощения, милорд магистр, – сказала она, не отводя взгляд и надеясь, что Роверстан прочтает в нем все, что нужно. – Думаю, будет правильно, если меня проводит... мой куратор.

– Вполне достойный аргумент, – слегка поклонился ей Роверстан. – Спокойной ночи, адептка Ревенгар. И мои искренние поздравления – вы превосходно танцуете.

Айлин показалось, что земля вокруг них троих не только разом отмерзла, но еще и задымилась. Она сделала реверанс, потупив, как положено, глаза, а когда выпрямилась, магистр уже уходил вдаль, и окликнуть его со словами благодарности было совершенно невозможно.

– Идемте, Ревенгар, – сказал ей мэтр Бастельеро гораздо мягче. – Вы замерзли?

Он щелчком пальцев поднял вокруг нее силовой купол, даже не заметив щиты, которые она так старательно ставила, и Айлин почувствовала себя маленькой и невозможно глупой. Сказка кончилась. И что она там себе придумала?

В полном молчании они дошли до жилого крыла и поднялись наверх. У двери комнаты Айлин сделала реверанс и проговорила:

– Благодарю, милорд. И прошу прощения за ваши хлопоты.

– Пустяки. – Мэтр Бастельеро ответил ей коротким учтивым поклоном, а потом тем же мягким, почти отеческим тоном добавил: – Айлин, я понимаю, что репутация... магистра Роверстана может вскружить голову, особенно юной и неопытной девушке. Но вы разумная и превосходно воспитанная девица. И понимаете, что...

– Еще раз мои извинения, – прервала его Айлин, тут же опровергая мнение о своей воспитанности. – Разумеется, милорд, я буду крайне осторожна. И это... больше не повторится.

Слова обещания упали обреченно, хотя Айлин сама не могла бы сказать, что именно не должно повториться. Танец с магистром Роверстаном? Поцелуй? То сладкое неземное чувство полета, когда разумник ее кружил, и Айлин видела его смеющиеся шальные глаза?! Конечно, больше этого не будет! Да она и не хотела этого! То есть хотела, но не с ним! Айлин задохнулась, не зная, как высказать все, что томилось и горело, рвалось с языка, но это тайное, робкое и нежное, как едва пробивающаяся трава, никак нельзя было доверить

холодным синим глазам, снова вернувшим себе естественный цвет. Там, в саду, лорд Бастельеро испугал ее до дрожи, до застывшей в жилах крови, но страх прошел, и теперь Айлин было лишь бесконечно горько от того, что Вишневая ночь подарила ей чудо, но не то, которое она хотела.

Стоя у двери, она смотрела, как Грегор Бастельеро уходит по коридору и боролась с желанием догнать его, броситься на шею, признаться, наконец! Но черный с золотом парадный мундир мэтра, в котором он сегодня был вместо обычного камзола, скрылся за поворотом, и Айлин словно оттаяла.

На непослушных ногах она вошла в темную и будто выставшую комнату, зажгла свет, погладила рванувшегося к ней Пушка... Подошла к окну, не зная, что рассчитывает там увидеть. Двор Академии внизу был тих и темен, хотя издали доносились звуки музыки, приглушенные оконным стеклом. Айлин вздохнула, отошла от окна... Ну что же, зато у нее все-таки был почти настоящий бал! И танец, и поцелуй. А о последствиях она подумает завтра. В руку ткнулся мягкий теплый нос Пушка, и тут за спиной хлопнуло. Айлин резко обернулась и увидела, что створка окна болтается на ветру, а на полу лежит вишневая ветка.

Она снова кинулась к окну, выглянула из него растерянно. Ближайшая вишня росла далеко, да и какой силы должен быть порыв ветра, чтобы сломать одну-единственную ветку и, открыв окно, так точно ее закинуть?!

Айлин подняла ничуть не облетевшую ветку, прижала к лицу, вдыхая сладкий вишневый аромат, и счастливо улыбнулась. Она все-таки получила свою вишню на Вишневом балу! И, значит, все было самым настоящим!

Глава 5. Оттенки справедливости

В аудиторию Айлин вбежала всего за мгновение до колокола, возвещающего начало занятий.

Проспала! То есть почти проспала, проворочавшись без сна едва ли не половину ночи и только под утро забывшись смутной дремотой... А потом, когда торопливо приглаживала щеткой волосы, плела косу и надевала привычную мантию вместо отправившегося в дальний угол шкафа платья, мелькнула мысль отпроситься на сегодня с лекций. Вовсе не потому, что там ждет мерзавка Ида – еще чего! Просто хотелось побыть одной и подумать о том, что вчера случилось... Но Айлин эту мысль отогнала, напомнив себе, что занятия в день после Вишневого бала только считаются необязательными, на деле преподаватели очень зорко следят, кто на них не является, и делают соответствующие выводы.

– Входите, Ревенгар, – поторопил ее мэтр Денвер, нетерпеливо постукивая по кафедре кусочком мела, и Айлин шмыгнула на свое любимое место на последнем ряду.

Ида и Лионора тут же обернулись к ней, злорадно улыбаясь, и Айлин почувствовала, как ее губы сами собой растягиваются в ответной улыбке. Бедняжка Ида! Знала бы она, с кем вчера танцевала Айлин! И не только танцевала...

От воспоминания загорелись щеки, и Айлин с удовольствием увидела, как усмешка Иды меркнет, а в глазах медленно проявляется недоумение, потом – возмущение...

Надо будет обязательно поблагодарить однокурсницу за прекрасный вечер! Может быть, даже купить для нее конфет... Да-да, принести коробку прямо в комнату Иды и Лионоры и сказать, что только благодаря им Айлин танцевала... но не говорить, с кем! Ни в коем случае не говорить, только многозначительно улыбнуться! Во-первых, пусть мучаются от любопытства и ярости, а во-вторых, нельзя допустить, чтобы про милорда магистра поползли какие-нибудь непристойные сплетни! А та же Ида их и сочинит, если только узнает.

Но и так получится отличная месть. Куда лучше, чем зачарованное зеркало, которое придумал Саймон! А конфеты нужно купить прямо сегодня... или, может быть, завтра. Большую коробку шоколадных, до которых Ида – великая охотница! Интересно, рискнет Морьеца их съесть?

Поглощенная приятными мыслями о мести, Айлин едва не пропустила начало лекции. Хорошо, что все-таки не пропустила: мэтр Денвер хотя и добрый, но ужасно строгий! И к тому же этим утром мэтр был явно не в настроении. Вместо обычной добродушной улыбки он хмуро оглядел аудиторию и заговорил непривычно резко:

– Сегодняшняя лекция посвящена особенностям упокоения сопротивляющихся духов. Откройте тетради и записывайте все, что я скажу. Рекомендую быть предельно внимательными. Для адепки Ревенгар: к вам это тоже относится, даже если уважаемый мэтр Бастельеро уже преподавал эту тему. Закрепите лишний раз. Для адепки Морьезы: быть предельно внимательными – значит слушать и записывать то, что я говорю, а не пытаться наложить на адепку Ревенгар «прыщавую порчу». Во-первых, это грубое нарушение дисциплины, во-вторых, такая банальность на шестом курсе уже позорна. И в-третьих, попытка сделать это в присутствии преподавателя – несусветная глупость. Еще одна подобная выходка, и я повешу в аудитории зеркальный щит. Вы меня поняли, Морьеза? Прекрасно. Открывайте тетради и пишите.

«И зеркало тоже зачаруем!» – мстительно решила Айлин. Да сколько же можно! Она никогда не делала Иде ничего плохого, а тут пакость за пакостью! В самом деле, стоит уже заслужить подобную неприязнь!

Записывая лекцию и почти не вдумываясь в слова мэтра Денвера, – лучше потом на свежую голову прочитать! – она невольно вспоминала вчерашний вечер. Нет, все-таки Иду она не простит. Конечно, если бы не Ида, у Айлин не было бы никаких шансов на танец с милордом магистром... Но зато, возможно, ее пригласил бы мэтр Бастельеро?

Кровь бросилась в щеки, и Айлин наклонилась над тетрадью как можно ниже. Но в самом деле, ведь мэтр, наверное, мог бы... ну, просто потому, что Айлин – с его особого курса. Ох, какая же глупость лезет в голову, но и выкинуть ее оттуда совсем не получается. А вот о вишневой веточке от мэтра Бастельеро нечего и мечтать, даже из почтения к Всеблагой. И очень жаль! Ох, да не думать же об этом!

А еще очень может быть, что придется объясняться с Даррой и Саймоном! Хорошо, если они не заметили ее отсутствия на балу, но что, если все-таки заметили? Дарра, может быть, и не спросит, почему она не пришла, он ведь такой деликатный, но чтобы промолчал Саймон? Да скорее уж мэтр Бастельеро все-таки подарит кому-нибудь эту проклятую вишню! И что тогда сказать? Ну не жаловаться же, в самом деле, что ее обманули? Вовсе не хочется выглядеть глупо в глазах друзей, а Дерек и в самом деле прав – как она могла поверить в эту его любовь с первого взгляда? Как же! Назвали красавицей, она и размякла...

Злобно сжав губы, Айлин старательно записала за мэтром Денвером: «Наилучшее воздействие на строптивого призрака оказывает вбитый в тело, если таковое имеется, заостренный деревянный кол...»

Нет, она ничего не скажет Саймону. Пусть лучше обижается, чем тоже сочтет ее душой...

– К следующему уроку, господа адепты, прочитаете параграф учебника, повествующий об упокоении духа при отсутствующем теле, – резко бросил мэтр Денвер, и Айлин встрепенулась.

Ой, вот это она задумалась! И не заметила, как лекция прошла! А до следующей еще целый час... Стоит, пожалуй, вернуться в комнату и выбросить эти проклятые пролески, про которые она совершенно забыла вчера!

Пролесков в комнате не оказалось. Зато на их месте в вазочке со свежей водой стояла колючая веточка розы с двумя плотно сжавшими лепестки белыми бутонами. Иоланда, сидевшая на своей кровати, смотрела на веточку странным взглядом.

– Пролески... – начала Айлин, намереваясь сказать, что соседка могла бы и подождать, пока Айлин их выкинет, и только потом ставить свои цветы....

Да и вазы у Иоланды целых две, обе пустые!

– Я выкинула, – поразительно мирно откликнулась соседка. – Они совсем завяли. А роза, между прочим, только что срезана, ее надо в воду. Ревенгар! – фыркнула она, как-то сразу становясь привычной вредной Иоландой. – Вот скажи мне, я что, похожа на почтового голубя?

«Только если марципанного!» – подумала Айлин и помотала головой.

– Вот! А раз не похожа, то скажи ты своему поклоннику, пусть все прямо тебе отдадут. А то опять пришли, разбудили, передали вот розу. Для Ревенгар. Я еще спать могла бы, между прочим!

– Извини, Иоланда! – удивленно откликнулась Айлин, подходя к столу.

Роза... Совсем не похожая на пышно распутившиеся кремовые, подаренные Даррой. И такого чистого, пронзительного белого цвета она не видела еще ни у одной розы. Какая она, наверное, будет красивая, когда расцветет...

– Там еще кое-что, – добавила Иоланда, кивая на стол, и Айлин только сейчас заметила деревянную коробочку.

В коричневую бумагу, как предыдущие, она обернута не была, и карточки тоже не прилагалось. Айлин даже приподняла коробочку, чтобы в этом убедиться. Точно, карточки не было!

Иоланда любопытно вытянула шею.

– Что ты там ищешь, Ревенгар?

– Это кто-то другой, – тихо ответила Айлин, не сводя взгляда с коробочки. – Тот, кто прислал нож... и шпильки... он присылал еще карточки. С цветком. Ну, ты же видела, да?

– Хочешь сказать, у тебя целых два поклонника? – поразила Иоланда, и Айлин растерянно пожала плечами.

Два неизвестных поклонника? Ей и одного-то много! В самом деле, достойный человек уже давно должен был бы назваться и ухаживать открыто, не заставляя ее мучиться неизвестностью! А двое? После вчерашнего бала это, видит Претемная, ужасно подозрительно! Может быть, это еще один подарок Иды и на цветке порча? Или на коробочке? Айлин прикрыла глаза, просматривая силовые линии, но некротической энергии в комнате не почувствовала. То есть чужой энергии, не считать же подозрительно затихшего под кроватью Пушка!

Для верности она провела рукой над коробочкой, снова убедившись, что та безопасна. Это, впрочем, тоже ни о чем не говорило. Что, если внутри какая-нибудь гадость, вроде дохлой крысы или живых ухверток? Брр, даже подумать мерзко!

Ах, да что бы там ни было! Не хватало еще бояться каких-то ухверток. Вот только...

Айлин щелкнула пальцами, поднимая вокруг коробочки щит, чтобы ее содержимое, если оно все-таки живое, не разбежалось, и вздохнула.

Мэтр Бастельеро требовал, чтобы щиты Вороны ставили без всяких жестов и вообще, чем незаметнее, тем лучше. Вот только незаметность Айлин никак не давалась! Не помогли ни отработки, ни дополнительные занятия с Саймоном и Даррой...

Отогнав все посторонние мысли, она решительно откинула крышку, приготовившись бросить на то, что окажется в коробочке, любимую Саймоном «тленную суть», и замерла. Лента?

Широкая, очень темной, почти изумрудной зелени... шелково блестящая, манящая прикоснуться хоть кончиками пальцев... Даже слишком манящая, может быть, все-таки проклятье? Нет, ни следа магии...

Осторожно вынув ленту из коробочки, Айлин развернула ее, чтобы рассмотреть внимательно. И правда широкая, почти на палец шире обычных лент! В точности как те, которые она обычно заплетает в косы. Мягкая, переливчатая... Вся сплошь расшита тонкими стебельками и листьями более светлой зелени и белыми цветочками... Ужасно захотелось немедленно вплести ленту в волосы или хоть приложить и взглянуть – к лицу ли?

Ну уж нет! Хватит с нее подарков неизвестно от кого! Айлин старательно свернула шелковую красоту и убрала ее обратно в коробку.

Если это не тот же человек, что прислал ей нож и шпильку, то кто же?

Уж конечно, не тетюшка Элоиза, та вручила бы подарок лично при встрече, да и зачем бы тетюшке присылать ей розу?

Артур – к грядущему дню рождения? Даже подумать смешно! За пять лет брат прислал ей ровно девять писем: пять, оставшихся без ответа, – с предписанием «младшей леди Ревенгар» прибыть в городской особняк Ревенгаров на летние вакации, и еще четыре – поздравления с днем рождения. Ответные поздравления Айлин, разумеется, отправляла, а летние вакации проводила у тетюшки.

Дарра или Саймон? Или кто-то еще из Воронов? Пожалуй, Вороны единственные, кроме тетушки Элоизы, не считали, что для подарка нужен повод, но прислать что-то втайне? Нет, нет и нет!

Проклятье! Да кто же? Еще и эта роза...

– Иоланда? – тихо позвала Айлин, опасаясь спугнуть неожиданную мысль.

– Чего тебе?

– Что... Что означает белая роза на языке цветов?

– Любовь, – тут же мечтательно откликнулась соседка. – И заявление о далеко идущих намерениях. Но это, кажется, распутившаяся, а бутоны... бутоны... Точно, просьбу о прощении!

О прощении? Но ведь Айлин никто не...

Ох нет, обидели, и еще как! Может ли это и в самом деле быть Дерек?!

Допустим... Допустим, он и в самом деле оскорбил ее, желая угодить Иде, а потом вспомнил, что Айлин – некромантка и вдобавок боевичка... Или испугался Воронов? Ах, да какая разница? Испугался и поспешил попросить прощения? Еще как мог! Совсем даже просто...

И как же противно!

Что ж... Нужно его найти и сказать, что она принимает извинения, а подарки пусть забирает. Хочет – отдаст Иде или хоть сожжет! Айлин ничего от него не примет.

Вот только где бы его найти? Впрочем, он ведь говорил об отработках.... И может быть, Иоланда знает, где отрабатывают разумники?

– Конечно, знаю, – подтвердила соседка. – На первом этаже, в аудитории, где преподают историю. Там такая маленькая дверца за кафедрой.

«Интересно, какие отработки назначают разумникам? – мельком подумала Айлин, поблагодарив соседку кивком. – Или неинтересно? Нет, неинтересно. Вот сейчас она отдаст Дереку его розу и ленту, и пусть все разумники хоть провалятся!»

Перед самой аудиторией Айлин замедлила шаг. Что, если там проходит занятие? Хороша же она будет, когда ворвется с цветком наперевес! Может быть, найти Дереку... то есть адепта Финнигана попозже? Скажем, вечером, когда все занятия уже точно закончатся? Но ведь она не знает, в какой комнате тот живет, а расспрашивать... нет, это еще больший позор!

Собрав всю, тающую с каждым мигом, решительность, Айлин подошла вплотную к двери и прислушалась.

Тишина... и значит, аудитория совершенно пуста. Ну и отлично!

Приоткрыв дверь – совсем немного, вдруг все-таки внутри кто-то есть? – Айлин скользнула внутрь и огляделась. Нет, и в самом деле никого. Как там сказала Иоланда? Маленькая дверца за кафедрой?

Постучать пришлось трижды. Айлин даже задумалась, не разыграла ли ее соседка? А если и нет, вдруг Дерек отрабатывает где-нибудь в другом месте?

Она уже почти решила все-таки дожждаться вечера, как дверца распахнулась, и Дерек Финниган, растрепанный и с чернильными пятнами на руках, застыл на пороге, глядя на нее с изумлением, быстро сменяющимся... настороженностью?

– Что вам угодно? – бросил он так безразлично, что Айлин совсем перестала понимать, что происходит.

Разве так ведут себя те, кто только что просил прощения?

Или это был все-таки не Дерек? Но ведь больше некому! И раз уж она сюда пришла, следует выяснить все до конца!

– Я пришла сказать, адепт Финниган, – проговорила она с холодной любезностью. – Что готова принять ваши извинения за... вчерашний вечер. Однако принять ваш подарок считаю недопустимым. Обещаю, что о вашем поступке от меня никто не узнает, и я сама также не причиню вреда ни вам, ни вашей... даме.

«Хотя стоило бы, право слово! Хотя бы для того, чтобы больше Ида никогда не устраивала никому таких гадостей!»

– ...А вы, со своей стороны, обещайте избавить меня от любого напоминания о себе.

Коротко склонив голову, Айлин протянула Финнигану розу и попыталась вытащить из кармана коробочку с лентой, которая уворачивалась от пальцев, как живая.

Финниган, бросив взгляд на розу, вскинул брови с еще большим удивлением.

– Извинения? С какой стати? Вы слишком высокого мнения о себе, Ревенгар.

И как Айлин могло показаться – хоть на секунду! – что он похож на Аластора? Да ничего общего! Аластор в жизни бы так не поступил ни с одной девицей!

– Можете поверить, вы целиком и полностью заслужили эту маленькую шутку над собой, – с видимым удовольствием добавил Финниган, издевательски глядя на нее. – Двойная звезда, золотая кровь... Полагаете, это делает вас особенной? Мой вам совет, если хотите, чтобы кто-нибудь действительно обратил на вас внимание, попробуйте вести себя как девица, а не как мальчишка в юбке. Кстати, веснушки идут только поломойкам и скотницам, но не леди.

Айлин сжала стебель розы так, что колючки глубоко впились в ладонь. И только тогда резкая боль позволила ей вдохнуть ставший вдруг тяжелым и горьким воздух. А следом за болью пришла злость. Она еще думала помириться? С кем? Вот с этим?! Кончики пальцев загорелись, и Айлин удивительно ярко представила, как сворачивает заклятие и позволяет ему сорваться с руки – прямо в наглое красивое лицо... Ну нет... Она не уподобится Иде!

– Что ж, адепт Финниган, – произнесла она со всей любезностью, на которую только оказалась способной. – В таком случае прошу прощения, что подумала о вас лучше, чем вы того заслуживаете. Больше такого не повторится. Но вреда вам по-прежнему обещаю не причинять, так как внимания вы не стоите. Что до веснушек, то вам, несомненно, виднее. Судя по вашему увлечению адепткой Морьезой, общество скотниц вам привычнее, чем общество леди.

– Да ты... как ты смеешь?! – выдохнул Финниган, сжимая кулаки.

Продолжая улыбаться, Айлин с яростным наслаждением подумала, что если этот... мерзавец... скажет еще хоть слово, она вызовет его на дуэль. Неважно, что дуэли под запретом! Удовольствие проучить негодяя стоит любого наказания!

– Кхм... – раздалось вдруг из-за ее спины, и Финниган вдруг на глазах побледнел, почти слившись со своим белым воротником. – Могу ли я узнать, что здесь происходит?

В аудитории вдруг запахло цветущей вишней, и Айлин почти услышала первые такты итлийской паэраны. И губы почему-то пересохла...

Она медленно обернулась – магистр Роверстан стоял у самых дверей и смотрел на них с Финниганом совершенно непроницаемым взглядом.

– Доброе утро, милорд магистр, – проговорила она как можно увереннее, старательно копируя интонации Дарры. – Произошло незначительное недоразумение, но мы его уже разрешили. Не так ли, адепт Финниган?

– Д-да, – выдавил Финниган за ее спиной, как-то разом растеряв всю свою уверенность. – Недоразумение...

– Вот как? – любезно улыбнулся магистр. – Что ж... Я рад, если вы и в самом деле разрешили это... недоразумение.

От его ласкового голоса Айлин почему-то стало не по себе.

– Прошу прощения, мне пора, – пробормотала она, и Роверстан благосклонно кивнул.

– Не смею вас задерживать, адептка Ревенгар.

Он посторонился, давая ей пройти. Айлин почти бегом выскочила из аудитории, закрыв за собой дверь, и прислонилась к стене, переводя дыхание. Видит Претемная, адепт Финниган совершенно прав! Она и в самом деле дура, если подумала, будто он достаточно благороден, чтобы признать вину и извиниться! Еще и цветы принесла... Точно, дура!

– Дерек Финниган, – раздался за дверью голос магистра Роверстана, уже совсем не такой ласковый, как только что, а холодно-любопытный. – Следует признать, вы поставили меня в сложное положение, юноша. Право, не знаю, должен ли я восхититься вашей смелостью или посочувствовать глупости? Чем, скажите, вызвано столь явное стремление к дуэли сразу с девятью сильнейшими в Академии адептами Фиолетового факультета? И позволите узнать, вы намерены драться с каждым из них по очереди – или решили превзойти юношеский подвиг мэтра Бастельеро и вызвать всех девятерых одновременно? Хм, хотел бы я на это посмотреть...

– Д... дуэли? – запинаясь, пробормотал адепт Финниган таким жалким голосом, что Айлин ему даже посочувствовала.

Ну, почти.

– А как же иначе? – удивился магистр Роверстан. – Вы оскорбили девуцу, Финниган. Не можете же вы не понимать, что за нее есть, кому заступиться?

– Н-но... Милорд магистр, она ведь никому об этом не...

– О, разумеется, она никому об этом не расскажет, – согласился магистр, и вдруг его голос громыхнул так, что Айлин захотелось попятиться. – Ведь у этой леди, в отличие, к сожалению, от вас, адепт Финниган, есть честь и достоинство! Но вчера вы с адепткой Морьезой оскорбили ее на глазах у всей Академии и смеете думать, что это осталось незамеченным? Но даже если бы так! Вы унизили девушку, которая ничем этого не заслужила, и ради чего? Ради улыбки девицы, которая не ставит вас ни в ломаный медяк?!

– Н-но...

– Я не разрешал вам говорить! Вас подставили, как последнего болвана, Финниган. Да вы и есть болван! Если бы вы и впрямь были дороги той девице, она первая напомнила бы вам, что за Ревенгар непременно вступятся Вороны, даже если она сама проявит свойственное ей великодушие.

– Но это же была просто шутка, милорд магистр! – жалобно взвизгнул Финниган, и за дверью стало так тихо, что Айлин невольно затаила дыхание.

– А вы жалки, юноша, – протянул магистр Роверстан с брезгливостью, которой Айлин никогда раньше не слышала в его голосе. – И трусливы ко всему прочему. Вас утешит, если я скажу, что Вороны, несомненно, учтут, что вы просто шутили, и тоже ограничатся... шутками? Не берусь предположить, чью именно шутку вы не переживете. Впрочем... Аранвена, пожалуй, его юмор наиболее... парадоксален. Кстати, о некромантах. Если не ошибаюсь, вашей спутницей была адептка Морьеза, некромантка? Знаете, на вашем месте я проверился бы на приворот.

– Но...если это приворот, то я ни в чем не виноват! – воскликнул Дерек так ликующе, что Айлин невольно поморщилась.

Претемная, как же противно! Просто омерзительно!

В аудитории снова повисла тишина.

– Вы даже большее ничтожество, чем мне казалось, – медленно сказал Роверстан. – Вы второй раз удивили меня, Финниган, а сделать это не так просто. Любой приворот вызывает, чтоб вы знали, исключительно плотское влечение, правда, невероятной силы... «Ой, – едва не ахнула Айлин. – Это что же получается? Неужели магистра и самого пытались приворожить? Впрочем, ведь он тоже был адептом, и, наверное, многие хотели привлечь его внимание! А уж теперь, когда по нему вздыхает большинство девиц Академии!»

– ...Но не затуманивает разум и не отнимает волю. Даже если целители найдут на вас следы фиолетовых чар, подлость, которую вы совершили, – ваше и только ваше дело. Равно как и вторая подлость, не меньшая, – попытка свалить вину и наказание на еще вчера обожаемую вами девуцу. Она, впрочем, виновна не менее вас и получит свое. Но это – дело некромантов. Что же касается вас...

Он умолк, скрипнули доски пола, словно магистр прошелся по аудитории.

– Жизнь сложна, адепт Финниган, – заговорил магистр Роверстан снова. – Иногда человек вынужден совершать непростительные или просто недостойные поступки. Но до тех пор, пока он понимает, что совершает именно низость, человек еще имеет возможность искупить свою вину. Маг тем более должен быть готов отвечать за каждое свое действие. И обязан всегда помнить, что подлость, даже совершенная во благо, остается подлостью. Вы же совершили подлость лишь потому, что были уверены в собственной безнаказанности, а когда вам предложили прощение, которого вы не стоите, вы оскорбили девуцу снова. И, как я вижу, ответить за свои слова вы не готовы. Так послушайте моего совета, Финниган, и знайте, что это последний совет, который я вам даю. Уходите из Академии сами. До получения перстня вам осталось три года, но перстня вы недостойны. Если же вы не уйдете, то вас, вероятно, заставят это сделать Вороны Бастельеро. И я не стану им мешать.

– В-вы... магистр! – отчаянно вскрикнул Дерек. – Вы же не можете отчислить меня из-за какой-то девицы! Да все адепты нарушают правила, и их не отчисляют, даже алхимиков, которые тайком гонят карвейн! И некромантов! А эти Вороны! Между прочим, Эддерли по ночам лазает в окно к одной алхимичке, и никто, никто не собирается его за это отчислить, а меня...

– Хватит, – уронил Роверстан, и Айлин готова была поклясться, что в его голосе скользнуло омерзение. – Вас отчислят не из-за девицы, Финниган. Будь дело только в девице, я обошелся бы менее суровыми мерами. Впрочем, если вы не последуете моему совету, то Вороны Бастельеро, полагаю, вполне наглядно объяснят вам, как именно отвечают за оскорбление дамы. Вас отчислят потому, что давать вам перстень – преступление. И благодарите Семерых, что вы настолько слабый маг. Будь вы сильнее, видит Странник, я бы настаивал на выжигании дара!

– Вы... выжигании? – пролепетал Дерек, а Айлин в ужасе прикрыла рот ладонью, чтобы не вскрикнуть.

Выжигание дара! Самая страшная кара для мага, хуже смерти! И магистр... Магистр так спокойно об этом говорит? Но...

– Разум, не скованный честью, но отягченный трусостью и подлостью, слишком страшное оружие, – тихо и тяжело прозвучало за дверью. – К вам, впрочем, это не относится, Финниган, разум – это не про вас. А теперь... Убирайтесь. Немедленно.

Дверь распахнулась через пару мгновений – Айлин только и успела, что нырнуть за ближайший угол. Дерек выскочил из кабинета и почти побежал по коридору в направлении сада, и Айлин подумала, что еще недавно, наверное, пожалела бы его...

Но сейчас было только противно. Какая же мерзость! И Иду он тоже предал... Нет, мстить Дереку она не будет. Все равно что мстить придорожной грязи. Но если розу с лентой прислал не Финниган, то кто и за что просил у нее прощения?!

* * *

«Приезжай во дворец немедленно после получения письма».

Грегор закрыл глаза, сжал ладонями виски, открыл глаза снова, желая и отчаянно боясь поверить собственным глазам.

«...немедленно после получения...»

От гладкого белого листа резко пахло любимой мятной душистой водой Малкольма, и почерк, твердый и ровный, несомненно принадлежал прежнему Малкольму, не доверявшему письма для Грегора ни секретарю, ни канцлеру.

«Ты нужен, Грегор».

Письмо привез курьер, не заставший Грегора дома: бал закончился далеко за полночь, а ведь еще надо было проследить, чтобы все адепты разошлись по комнатам, притом своим, а не чужим!

Пришлось воспользоваться преподавательскими комнатами в Академии, не возвращаться же домой под утро только для того, чтобы передремать пару часов и нестись обратно! С утра в расписании стояли целых три лекции... И неважно, что явилось на них в лучшем случае по половине от каждой группы.

Курьер примчался как раз после окончания третьей лекции, когда Грегор уже предвкушал возвращение пусть не домой, но, по крайней мере, в свою комнату в крыле преподавателей и честно заслуженный сон! До самой лекции у Воронов в пять часов пополудни!

Отказать королю он, разумеется, не мог, но даже если тот позвал его без всякого дела... К Барготу все дела! Судя по письму, Малкольм совершенно трезв! Стоит приехать немедленно хотя бы ради этого!

В коридорах Академии было почти пусто. Только пару раз мимо Грегора пробежали адепты-младшекурсники, не допущенные пока до Вишневого бала, да прошел, быстро поклонившись, мэтр Ирвинг. А при виде выходящего из аудитории Денвера Грегор ускорил шаг, не желая сталкиваться со старым брюзгой хотя бы сегодня! А то ведь не избежать долгих и пространных возмущений Саймоном Эддерли, которого минувшей ночью пришлось выкидывать из комнаты какой-то алхимички. Словно выкидывал его не лично Грегор!

А мальчишке еще хватило нахальства сделать невинные глаза и поклясться, что в комнату девицы после полуночи его привело исключительно желание одолжить редкую книгу для немедленного изучения. Объяснение Грегор оценил, поручив обнаглевшему сыну магистра сделать подробный конспект по этой книге и сдать его содержание публично через три дня в присутствии преподавателей Голубого факультета. Эддерли-младший приуныл, но удар судьбы принял достойно, хотя Грегор сильно подозревал, что конспект будет делом рук

Аранвена. Ну и ладно, они с Диланом в свое время тоже прикрывали друг друга, где и как только могли.

Он спустился на первый этаж и едва успел посторониться, чтобы не оказаться сбитым с ног каким-то адептом!

«Невероятная наглость! – растерянно подумал Грегор, глядя вслед юнцу в черной мантии с белым воротником. – И ведь даже не проклянешь его вдогонку для порядка и пущей внимательности – не связываться же с мальчишкой. Но что могло произойти, чтобы разумник летел по Академии, совершенно не глядя по сторонам? Не случилось ли чего? Впрочем, пусть с этим разбирается Роверстан! Магистру Белых давно следует обратить внимание на своих, а не моих адептов!»

Мальчишка-разумник, не сбавляя скорости, выскочил за дверь, ведущую во двор, и в коридоре снова воцарилась тишина.

Во дворе, где Грегор замер на крыльце, прикрыв глаза ладонью от яркого весеннего солнца, истошно заливались птицы и отчаянно пахли цветущие вишни. И это несмотря на то, что крыльцо от сада отделяла изрядных размеров площадь перед Академией!

Впрочем, и к лучшему, что отделяла: цветущие вишни так отчетливо напомнили возмутительную сцену на поляне, что Грегор невольно скрипнул зубами, и превосходное настроение, вызванное письмом Малкольма, потускнело...

Нет уж. Нет никаких причин портить себе утро. Хвала Благим, Айлин Ревенгар – достаточно разумная девица и честно держит данные обещания, а значит, Грегор может быть совершенно за нее спокоен. А вот Малкольм...

Он постоял на крыльце еще мгновение, вдыхая прохладный ароматный воздух и подставив лицо ласке солнечных лучей и легкого ветерка, а потом решительно свернул к конюшням...

Погода прекрасна, и можно не брать экипаж, а проехать верхом!

Но не пройдя и пары десятков шагов от входа, остановился, озадаченный странным зрелищем. Во-первых, возле самых дверей конюшни замер тот самый едва не врезавшийся в него адепт-разумник. Во-вторых, путь к дверям перегораживали две отлично знакомые Грегору фигуры: высокая и тонкая – Аранвена, пониже и поплотнее – Саймона Эддерли. Как... любопытно. Раньше, как помнилось Грегору, Воронята не враждовали с разумниками! Или это и есть преемственность, так часто поминаемая магистром Эддерли? Что же такого натворил разумник, если жаждущих его общества юных лордов не смущает даже тележка с навозом всего в двух шагах от них?

Грегор поспешно отступил за ближайшее дерево, для надежности прикрывшись заклятием отведения глаз, и пробормотал формулу «Кошачьих ушей». Ну-ка, послушаем, что такого разумник сделал сразу двоим Воронятам? Если вспомнить вчерашний вечер...

Право, Грегор заподозрил бы, что Ревенгар отказала Дарре из-за этого мальчишки, не знай он точно, с кем она танцевала! А этот юнец... да, точно, именно с ним провела весь вечер Ида Морьеца. Но едва ли причина сегодняшней встречи – юная итлийка?

– Дерек Финниган, Белый факультет? – уточнил Аранвен, улыбнувшись с такой холодной опасной любезностью, что разумник даже попятился, а Грегор в своем укрытии невольно поморщился.

И вот этот трус ему показался вчера похожим на Малкольма? Точно цветочными испарениями надыхался, ничем другим такое не объяснишь.

– Я... – забормотал разумник, и Саймон Эддерли со злорадной усмешкой шелкнул пальцами, поднимая силовую стену за его спиной. – Я ни в чем не виноват! Это не я... это не я! Она меня заставила, Ида... это она!

Светская улыбка Дарры не поблекла ни на миг, а вот Саймон скривился с явным отвращением.

– Ну и мерзость! Дарра, его даже проклинать противно!

– Противно, – тихо и очень ровно согласился Аранвен. – К тому же я не уверен, что достаточно спокоен для хотя бы относительно безобидного проклятия, а накладывать смертельное...

Он осмотрелся и пожал плечами.

– Полагаю, я всего лишь приведу внешний облик этого... экземпляра... в соответствие с его внутренним содержанием.

Он шагнул вперед и – Грегор не поверил своим глазам! – коротко, без замаха ударил разумника кулаком в подбородок. И это ледяной рассудочный Аранвен, ни разу на памяти Грегора даже голоса ни на кого не повывисивший?! Кинь он в кого-то проклятием, Грегор бы не удивился, но ударить просто рукой, словно не владеющий собой простолюдин?!

«Каменный кулак, – привычно определил Грегор, глядя, как Финнигана отбрасывает на два шага назад, прямо в тележку с навозом. – Заклятие Красных... И как интересно адаптировано под фиолетовую силу! Не иначе, Ревенгар показала его друзьям, а те, разумеется, пожелали освоить. Похвально. Перелом челюсти – можно и не гадать. И все-таки, что же им сделал этот разумник?»

– Как здесь и родился! – злорадно сообщил Эддерли, раздувая ноздри.

Аранвен извлек из кармана мантии белоснежный кружевной платок, вытер руку так, словно испачкал ее чем-то мерзким, и бросил его в ту же тележку.

– Саймон, идем отсюда, – с тем же пугающим спокойствием сказал он и пошел первым, не оглядываясь на жалобно стонущего разумника, замеревшего в тележке.

– Дарра! – позвал совершенно не умеющий молчать Саймон Эддерли, когда между Воронятами и скрывшим Грегора деревом оставался примерно десяток шагов. – Да стой же! Ты ведь это не серьезно сказал, ну, насчет смертельного проклятия?

– Саймон, ты задаешь странные вопросы, – изрек Аранвен, останавливаясь. – Этот... человек оскорбил и прилюдно унизил девушку, которая... которую я... Но даже будь это не так, Айлин – наша названная сестра. Ты полагаешь, я могу быть несерьезен в таком вопросе? – Ну, нет, – нехотя признал Саймон. – Но один удар – как-то недостаточно. Мне так кажется. Хочешь, я его прокляну? Мне совсем нетрудно! И он точно не умрет. Хотя, наверное, в лазарете сильно об этом пожалеет.

– Саймон, ты горячишься. Полагаю, этот... адепт в самом скором времени уйдет из Академии сам. Если же нет... – Аранвен еле заметно пожал плечами. – Тогда мы примем меры.

– Согласен! – хищно блеснул глазами Эддерли и тут же устался на Дарру с беспокойством. – А что делать с... ну, ты понимаешь. С...

– Магистром Роверстаном? – ровно уточнил Аранвен, и Эддерли напряженно кивнул. – Ничего. Поскольку магистр не совершил ничего недостойного. И я прошу тебя, Саймон, молчать о том, что мы видели. Мне бы не хотелось, чтобы пошли сплетни.

– Дарра! – возмутился Эддерли, не дослушав. – Но нельзя же это так оставлять! Пускай он танцует, с кем хочет, и руки тоже целует кому угодно, но не нашей же Айлин! Это... возмутительно!

«Совершенно справедливое замечание! – мысленно согласился Грегор. – А вот Аранвен... от него я подобного не ожидал!»

– Саймон, не кричи, – произнес Аранвен так же ровно, однако лицо его вдруг искажилось, словно по нему пробежала судорога. – Полагаю, дело не ограничилось поцелуем руки. Допускаю, что Айлин... леди Айлин также подарила магистру поцелуй под вишней. И это... Саймон, прошу тебя, помолчи! И это ровным счетом ничего не значит.

– А если...

– Я просил помолчать. Магистр Роверстан – благородный человек, надеюсь, ты не станешь с этим спорить?

– Не стану, – буркнул Эддерли, насупившись, и Грегор скривился.

Как же легко заморочить юнцам голову обходительными манерами! Благородный человек, надо же! Аранвену-старшему следовало бы научить наследника лучше разбираться в людях! Впрочем, канцлер, кажется, благоволит Роверстану? Что ж, сам виноват, если впустил змею в дом.

– Поэтому любые вольности ограничились Вишневым поцелуем, если допустить, что он все-таки был, – настойчиво сказал Аранвен. – И ты не пойдешь к милорду магистру, обвинять его в компрометации девицы, иначе...

Он вдруг судорожно сглотнул, словно задохнулся. Саймон недоуменно взглянул на него.

– Иначе... если он согласится... он сделает ей предложение, – горячно выдохнул Дарра. – И она его примет. Нет никаких сомнений!

– Дарра! – Саймон схватился за голову. – Что ты несешь! Ревенгары в жизни не согласятся на этот брак! Девушка из Трех Дюжин – и простолюдин! Слушать смешно!

– Девушка из Трех Дюжин и магистр Гильдии, а также самый вероятный претендент на пост Великого Магистра! – отчеканил Дарра звенящим от отчаяния голосом. – Ну как, тебе все еще смешно?

«На пост... Великого Магистра?! – поразился Грегор, едва удержавшись, чтобы не скрипнуть зубами. – Разумник?! Да кто за него проголосует?! Аранвен совершенно обезумел!»

– Но... – растерянно протянул Саймон. – Но как же... Нет, конечно, за магистра Волански не проголосуют... И за магистра Кристофа тоже, он ведь дядюшка его Величества... Отец сам сказал, что скорее уйдет в отставку, чем займет должность Великого магистра...

– Магистр Адальред не сможет управлять Орденом, а за магистрессу Уинн проголосует только он сам. Остаются магистр Бреннан, магистр Райнгартен и магистр Роверстан, – сухо закончил Дарра. – И в Совете его уважают больше, чем милорда Райнгартена. Так что это лишь вопрос времени. А Великий Магистр – более чем достойная партия даже для леди Ревенгар. Ее родные это поймут и наверняка согласятся. И что тогда делать мне? Я прошу тебя, Саймон, просто... забудь об этом.

– Ну... хорошо, – нехотя кивнул Эддерли. – А что ты собираешься делать сейчас?

– Поговорю с ней, – шепнул Аранвен, лихорадочно блестя глазами. – Скажу... скажу все, что давно следовало бы. И спрошу ее... Родители одобрили. Отец обещал поговорить с лордом Артуром в ближайшее время.

«Аранвен и Ревенгар? – подумал Грегор беспомощно. – Да нет же! Аранвен, безусловно, блестящая партия, и нельзя не признать, они были бы очень красивой парой, но Айлин Ревенгар! Воплощенная радость жизни! Дарра рядом с ней – ледяная глыба северных морей! Да он же ее просто заморозит!»

– Что ж, если так... – протянул Саймон. – Тебе виднее, кому делать предложение. Хотя не понимаю, если честно. Айлин – чудесная девица, но взять ее замуж? Это как на сестре жениться, клянусь Претемнейшей.

– Ты действительно не понимаешь, – улыбнулся Дарра уголками губ, и у Грегора вдруг болезненно и жутко потянуло внутри. – Она особенная. Рядом с ней я чувствую себя живым и горячим... И я больше не буду ждать.

– Пойдешь к ней? Сейчас? – уточнил Саймон, но Аранвен покачал головой.

– Нужно съездить за помолвочным кольцом, – сказал он. – И цветами, конечно. И предупредить родителей. Как раз успею до занятия у мэтра Бастельеро.

«Ах да, точно, – отрешенно подумал Грегор. – В пять часов у меня лекция. А до этого я должен встретиться с Малкольмом. Отменить занятие? Это уже ничего не изменит, Аранвен найдет Айлин Ревенгар в любое время... И нет ни одной причины этому помешать. Наследник второй знатнейшей семьи королевства, сын канцлера, одаренный маг с блестящим будущим. И безупречно достойный юноша в придачу. Конечно же, Ревенгар согласится. Они дружат с детства, для нее это идеальная пара. Идеальная...»

Назойливый аромат вишни вдруг сменился другим, тонким и горьким, будто победоносная весна уступила осени. Грегор беспомощно посмотрел на свою руку: пальцы сами собой сложились в позицию для начала проклятия и никак не хотели разгибаться, будто сведенные судорогой. Он хочет проклясть Дарру Аранвена? Что за бред!

Но запах осенних цветов и сырой земли становился все сильнее, будто отрезая Грегора и от цветущих вишен, и от посторонних звуков, и от всего, что происходило вокруг. И было так легко поддаться ему... Нет, конечно, юноша не заслужил ничего необратимого или болезненного! Просто... это будет чудовишной ошибкой. Аранвен и Айлин Ревенгар не созданы друг для друга, как осени не идти рука об руку с весной. Она не будет счастлива! Но если прошептать всего несколько слов... Мелкое неприятное недомогание Аранвен наверняка припишет волнению, но делать предложение не пойдет. А Грегор успеет поговорить с Айлин Ревенгар и... И что он ей скажет? Что она не должна выходить за лучшего претендента из возможных?! Почему?

«Почему я так хочу его проклясть?» – с отчаянием подумал Грегор. Перед его глазами вдруг возникло смутное видение: огромная коробка, обернутая темным шелком и перевязанная пышным бантом. Он досадливо отогнал эту непонятную глупость и закусил губу, пытаясь прийти в себя.

Он должен прямо сейчас ехать к Малкольму. Его король и друг нуждается в нем. Но до пяти вечера еще достаточно времени, и Грегор вполне успеет вернуться в Академию. Для очередной лекции у Воронов, разумеется. Все остальное – игры уставшего сознания. И, словно подтверждая это, запах осенних цветов растворился в воздухе, окончательно побежденный вишневым благоуханием. Грегор встряхнул головой, словно проснувшись, и увидел, что стоит во дворе конюшни в полном одиночестве, а солнце приближается к центральной башне Академии, напоминая, что время не ждет. Ни королей, ни магов, ни влюбленных.

Глава 6. Время никого не ждет

Малкольм проснулся в три часа пополуночи, словно его толкнули. Взглянул в темноту спальни, едва рассеянную лунным светом из окна, прислушался к мерному тиканью больших напольных часов, стоящих в углу, и поморщился. Раньше дорогой фраганский механизм, еще довоенный подарок хитрого соседушки Флоримона, отбивал каждый час, а в полдень и полночь дверца стеклянного ящика над вычурным циферблатом открывалась, и крошечные дамы с кавалерами танцевали ловансьон. Потом часы разладились, в точности как дружба Дорвенанта с Фраганой, и фигурки танцоров замерли. Да и ловансьон вышел из моды, при дворе стали предпочитать любимую Беатрис паэрану.

В общем, Малкольм велел убрать из часов колокол и поставил их в своей спальне – время они продолжали показывать исправно, а мерное тиканье успокаивало, особенно в бессонные ночи, когда, иной раз, не помогала и пара бутылок карвейна.

Но сегодня часы тикали особенно громко и раздражающе. Отдавались в висках несильной тупой болью, и вдруг показалось, что само сердце стучит в их ритме, слишком мертвым и тяжелом. Малкольм вздохнул, потер грудь, в которой будто поселился беспокойный зверек, иногда грызущий стены логова. В голове, напротив, было пусто; едва появляясь, мысли ускользали, и ловить их не хотелось.

Малкольм облизнул пересохшие губы, дотянулся до стоящего на прикроватном столике кувшина с водой, отпил прямо из горлышка, не наливая в стакан, еще с вечера отвратительно пахнувший карвейном. И этот запах, от которого захотелось швырнуть стаканом в стену, яснее прочего сказал, что время пришло.

– Джастин! – крикнул он и нетерпеливо дернул за шнурок звонка.

Крик в комнате камердинера, конечно, слышен не был, но тишина в спальне ненадолго исчезла, и словно стало легче дышать.

«Я еще жив, – привычно подумал Малкольм, отгоняя старый, пахнувший карвейном и кислой рвотой страх задохнуться во сне и умереть, даже не поняв, что умер. – Значит, не все потеряно. Сегодня обязательно получится. Продержался ведь я в прошлый раз целую неделю!»

– Ваше величество?

Явившийся на звонок камердинер смотрел настороженно и виновато, и Малкольм раздраженно буркнул, понимая, что Джастин опасается привычного приказа нести еще выпивки:

– Ванну мне. Чистую одежду, побриться. И пошли за лейб-лекарем, пусть поторопится.

– Слушаюсь, ваше величество! – выдохнул Джастин и исчез, будто альф из детской сказки, только прошел по душной спальне ветерок от закрывшейся двери.

«Ненавижу, – брезгливо подумал Малкольм, невольно пригнувшись к собственному гнусному запаху, где застарелый перегар смешался с вонью пота, особенно сильного в такие дни, словно упорно заливаемый в тело карвейн стремился выйти не только естественным путем, но и через поры кожи. – Ненавижу себя такого. Ну что за мерзость... Ничего, теперь все будет иначе. Нужно взять себя в руки и перестать позориться».

Пока за дверью ванной лилась вода, обещая скорое очищение и обновление, он сорвал грязную и тоже пропахшую карвейном рубаху и несвежие панталоны, вылез из постели. Бух! С высоких часов прыгнула светлая тень, мягким тяжелым комом оказавшись у ног

Малкольма. Ткнулась в колено теплой мохнатой мордой, заурчала басовито и тоже радостно.

– Что, Флориморд, мер-р-рзавец... Радуетесь?

Не наклоняясь, чтоб не качать свинцовой головой, Малкольм погладил котяру пальцами ноги, ухитрился почесать шею. Флориморд, названный в честь фраганского короля, довольно извернулся, упал на спину, обнимая ногу хозяина лапами, заурчал еще громче. Вчера он, устав слушать пьяные излияния и жалобы, спасся на привычном месте, тех самых часах, а сейчас вот вернулся. Поверил, значит! Хорошая примета...

Пройдя в ванную комнату, недавно пристроенную к его покоем, Малкольм залез в огромную мраморную купальню, наполнившуюся едва на четверть. Ему не терпелось отмыться, словно с телесной грязью ушла бы и дурная тянущая тревога, разбудившая его. Собственное тело, разжиревшее и неприятно белесое, тоже раздражало и бессильно злило. Прав был Грегор, на охоту бы. Помотаться по лесам, глядишь – и уйдет лишний жир, прихватив одышку. Может, не за один раз, но впереди ведь лето! Взять мальчишек, прихватить дворцовых дармоедов пару десятков... А еще лучше – без придворных! Никаких дам, боящихся испачкать подол юбки, но так и норовящих невзначай задрать его, показав ножку. Никаких паркетных шаркунов и лакеев дорогой женушки. Только он, сыновья да несколько гвардейцев с егерями.

Малкольм сощурился от удовольствия, вспоминая, как года три назад все-таки выбрался на охоту с обоими сыновьями. Хорошее время случилось, он не пил почти месяц. Ну, не считать же за серьезную выпивку полбутылки на ночь – просто, чтоб спалось лучше. Мальчишки, как-то незаметно вытянувшиеся и раздавленные в плечах, так и вились вокруг него, счастливо заглядывая в глаза, егери вывели на оленей, и вечерами на привале Малкольм был счастлив, дыша дымом от костра, пропитавшим его насквозь вместо тяжелого духа карвейна.

Шипело на углях мясо, источая сладкий золотой сок, лед в глазах Криспина растаял, а Кристиан так и норовил подставить под его ладонь голову, словно щен-подросток невийского волкодава, здоровенный, длиннолапый, но еще неуклюжий и до одури ласковый... И дернуло же забрать у одного из егерей флягу и сделать пару глотков! Он же просто хотел согреться, день выдался промозгло туманным. Ах, как нехорошо вышло... Вот после этого все и сломалось окончательно. После нескольких глотков. И еще одной фляги, протянутой по королевскому приказу. И следующей, уже наутро...

Мальчишки его так и не простили, кажется. Криспин с тех пор ездит на охоту только один, и даже сквозь пьяный угар Малкольму не отделаться от чувства вины. И ясного понимания, что сын просто не хочет видеть его таким, вот и сбегает то в леса, то к очередной юбке.

Младший, тот просто прячется в библиотеке, даже глаз не поднимая при встрече. И больно от этого... Почти так же больно, как вспоминать того, первого, у которого ее глаза.

Все-таки правильно он сделал, что пять лет назад при их последней встрече не стал ворошить прошлое и поднимать мертвую любовь из могилы, куда сам ее загнал. Джанет счастлива – это единственное, что он может сказать себе если не в оправдание, то в утешение. И не думать об этом! Не думать...

– Какой час? – бросил Малкольм, и Джастин, поливающий ему на голову из кувшина теплую душистую воду, почтительно сообщил:

– Пятый, ваше величество. Лейб-лекарь уже ожидает.

Это хорошо. Малкольм по опыту знал, что краткая передышка, даруемая ванной, скоро сменится лихорадочным ознобом, болью в сердце и тяжелой мучительной одышкой.

Карвейн, барготова дрянь, так легко свои жертвы не отпускает. А вино уже давно перестало действовать. Точнее, выпить его столько, чтоб забрало как нужно, Малкольм не мог.

Могучее тело, наследие Дорвеннов, упрямо сопротивлялось отравленному разуму, извергая обычную выпивку. И хорошо, а то бы Малкольм уже совсем спился, наверное! А так он еще поборется и справится обязательно!

Джастин промыл ему волосы и принялся растирать спину и плечи жесткой намыленной мочалкой, именно так, как Малкольму нравилось, до красноты и пылающей кожи. Это тоже было частью обычного ритуала, который позволял почувствовать жизнь обновленной и правильной. Откинувшись на пологую спинку купальни, где запросто могло бы вольготно развалиться двое таких, как он, Малкольм блаженствовал, ловя краткие последние

мгновения покоя. Потом, безупречно уловив миг, когда по телу прошла первая волна озноба, неуклюже выбрался из теплой воды, завернулся в простыню, не вытираясь, и пошел в спальню, где уже сменили постель, открыли окна, впуская свежий воздух, и поставили Флориморду миску с сырой печенкой.

Стоило Малкольму грузно опуститься на постель, кот бросился к нему, запрыгнул на колени и принялся яростно тереться мордой об руки, оставляя серо-белую шерсть на влажной коже.

– Ах ты, морда, – умиленно пробормотал Малкольм, почесывая кота за ухом. – Один ты меня любишь каким угодно... Любишь ведь, а?

Кот урчал, подтверждая, что любит, хотя Малкольм отлично знал: врет. Пьяным Флориморд его только терпел. Но даже это было гораздо больше, чем Малкольм мог требовать от любого существа, видевшего безобразие его запоев. Вот разве еще Джастин... «Кот и камердинер, – подумал Малкольм с усталой злой насмешкой над самим собой. – Хорош из тебя король, если это все, кто тебя любит по-настоящему. Вот она – твоя цена...» Озябнув уже всерьез, он лег, Джастин укрыл его свежим, пахнущим лавандой одеялом, и королевский целитель мэтр Бюзье взялся за дело всерьез. Горько-солоноватые отвары трав, которые надлежало пить непременно маленькими глотками в течение долгого времени, растирание висков и груди, потом промывание желудка и снова травяные отвары.

Малкольм покорно пил, глотал, склонялся над тазом, с отвращением извергая остатки вчерашних возлияний и плохо переваренной еды. Он и сам не помнил, чем закусывал... Мэтр Бюзье колдовал над ним молча, зная, что король в такие минуты не терпит ни одного лишнего слова, и только во взглядах седовласого сухонького целителя, которые Малкольм обостренным чутьем ловил на себе, сквозила жалость и бесполезный упрек. «Может, и в самом деле обратиться к разумникам? – подумал Малкольм в беспомощной злости на самого себя. – Этот, которого приводил Аранвен, вроде бы дело знает. На лекаря, правда, совсем не похож, скорее уж на солдата. С такими плечами и наглой рожей не колдовать, а махать секирой. Но раз уж стал магистром гильдии, значит, в своем ремесле хорош. Роверстан... Точно, сын того Роверстана, служившего еще отцу, который строил новую ратушу. И мост через Эрмину... Отец – архитектор, обычный простолюдин из купеческой гильдии, а сын оказался магом с белой искрой. Странно, физиономия у этого Роверстана совсем не дорвенантская. Ах да, у него мать – арлезийка, одна из фрейлин покойной матушки. Говорят, разумники могут помочь избавиться от всяких... пристрастий...»

Но думать об арлезийке было до отвращения неприятно, потому что тянуло из памяти совсем другие воспоминания. Барготов Совет, где он опозорился, как мальчишка-паж, которого напоили ради злой шутки. Что-то говорил, почти забытое и наверняка глупое... А ведь речь тогда шла о серьезных вещах! И стыдно перед Аранвеном, который просил, почти умолял, насколько эта ледяная скала способна умолять, провести хоть один вечер накануне Совета трезвым. Даже пытался позвать целителей, но Малкольм взбеленился, наорал на верного канцлера, которого уважал и ценил, а лекарей выгнал, устроив очередную безобразную сцену. Никто не будет решать, когда королю пить!

Ну вот, теперь он сам решил прекратить это! А перед Аранвеном извинится. Канцлер простит, ему не впервой. И лордов тоже нужно заново прибрать к рукам, а то на Совете они вели себя совсем не как подобает верным вассалам. Вздумали оспаривать предложение канцлера, на которое сам король дал добро! Хорошо, что Крипина не было на Совете. Или не так уж хорошо?

– Пошлите за канцлером, – сказал он уже вялым от лекарств языком. – Не сейчас, а как только... проснусь. Пусть принесет самое срочное.

– Конечно, ваше величество, – успокаивающе сказал мэтр Бюзье, ловко всаживая ему в руку длинную стальную иглу.

От иглы шла тоненькая прозрачная трубка, на конце которой мэтр закрепил стеклянную флягу с прозрачной голубоватой жидкостью. Прикрепил флягу ремнем к столбику кровати над головой Малкольма и принялся возиться с трубочкой. Малкольм в очередной раз поморщился. Знал, что после этого станет намного легче, но чувствовать себя больным ненавидел. Хорошо Грегору! Не пьет, мерзавец... И даже за компанию отказывается. И не заставить его, будь ты хоть десять раз король! Малкольм как-то попробовал, так от взгляда этого паршивца кувшин первоклассного карвейна скис в одно мгновение, а Грегор только

плечами пожал и извинился. Оно само, мол, получилось! Сволочь Бастельеро! Хоть бы заходил почаще... Хотя что ему тут делать, если не пьет?

С мыслью о том, что нужно позвать Грегора, Малкольм уснул. И с нею же проснулся через пару часов, чувствуя себя гораздо лучше. Бутылку над кроватью мэтр Бюзье заменил на новую, а может, просто налил другого зелья, теперь светло-красного. Рука затекла лежать в одном положении, и Малкольм ругнулся, а потом велел убрать пока иголку. Ему уже и так замечательно!

Дождавшись, пока мэтр, неодобрительно покачивая головой и поджимая губы, уберется из спальни, Малкольм потребовал завтрак. От омлета его, правда, затошнило, но чашка жирного горячего бульона с чесноком и перцем проскочила в желудок, словно живая вода из сказки. Мысль о хмельном вызвала такое отвращение, что Малкольм почти наслаждался этим, чувствуя себя вставшим, наконец, на правильный путь.

– Канцлер? – вспомнил он, допивая бульон.

– Ожидает позволения вашего величества, – поклонился Джастин, убирая поднос. – Велите позвать?

– Зови, – согласился Малкольм, чувствуя себя свежим, сильным и полным решимости разобраться с любыми государственными делами, сколько их там ни накопилось. – И письменный прибор мне!

Записку для Грегора нужно непременно написать самому. Бастельеро, наверное, уехал сразу после Совета, что ему делать во дворце? И хорошо, что так... Малкольм быстро написал несколько строк и запечатал перстнем, велел отдать письмо курьеру. Вот сейчас он извинится перед Аранвеном, и они вместе подумают, как исправить то, что случилось на Совете. Потом приедет Грегор и тоже подскажет что-нибудь дельное. А потом Малкольм вытащит себя из постели и поговорит с сыном. Хотя бы со старшим. Объяснит, что теперь все будет хорошо, пусть только Криспин ему поверит. Последний раз!

Флориморд, нажравшийся печенки, а потом урвавший так и не тронутый хозяином омлет, спал в ногах Малкольма, завалившись на спину и подставив белое пузо льющимся в окно лучам утреннего солнца. «Хорошо быть королевским котом! – с веселой завистью подумал Малкольм, приходя в отличное настроение. – Никаких тебе забот, сплошные привилегии. Куда лучше, чем быть самим королем!»

И вдруг опять поморщился. Что-то царапнуло сознание, какая-то настойчивая мысль, шевельнувшаяся, будто крыса среди припасов. Он не сразу понял, в чем дело, но потом странная неправильная тишина заволокла комнату, и Малкольм глянул в угол. Фраганские часы не остановились, но тиканье стало медленным, как вода, капающая из треснувшего сосуда. Тик-так... потом через время еще... «Ну и Баргот с ними, – подумал Малкольм. – Зачем вообще ставить часы в спальне? Я король, у меня всегда достаточно времени!»

* * *

По дороге в королевский дворец Грегор почти безуспешно пытался успокоиться. Пять лет! Он преподает уже половину срока своей службы в армии, а ведь когда-то считал, что это совсем ненадолго. Просто чтобы справиться со скукой после окончания войны. И вдруг оказалось, что мирное время течет совсем иначе, незаметно. Будто несколько недель прошло – а вчерашние дети выросли, и вот уже девчонка, упавшая на тебя с лестницы в библиотеке, целуется под вишнями с твоим же вечным соперником, а твой ученик собирается сделать ей предложение. И делает! Во всяком случае, Грегор не знал ни одной причины, способной этому помешать.

Дарра Аранвен, конечно, не похож на сумасшедшего упрямца Саймона, не замечающего между собой и целью вообще никаких препятствий. О нет, его упрямство тихое и основательное, но от этого не менее сильное. Если Эддерли похож на таран, способный сломать любую стену, то Аранвен – речной поток, что рано или поздно промоет даже скалу, если посчитает это необходимым.

Но Айлин Ревенгар не стена и не скала, она живая девица, своенравная и непохожая на других девиц, насколько мог судить Грегор. Так что она вполне может и отказать Аранвену. Может... А может и согласиться. «И что вообще там произошло? – вдруг опомнился Грегор, очнувшись от навязчивых мыслей. – Разумник Финниган оскорбил Ревенгар? Что за бред?!»

Он постарался вспомнить все услышанное и увиденное вчера вечером и сегодня утром. Ревенгар была в саду во время бала, одетая в балльное платье и с прической, но без цветка. Значит, ее никто не пригласил. Даже Аранвен? Как-то это не вяжется с его внезапной влюбленностью... Но если предположить, что девушку пригласил Финниган, а потом перед самым балом отдал предпочтение Иде Морьеze... Хм, а ведь Морьеze и ее подруга, единственные, кроме Ревенгар, девицы на курсе, явно недолгобливают Айлин. Неудивительно, кстати. Простолюдинки, причем далеко не такие талантливые. Но неужели Финниган совершил подобную глупость? Вороны ведь из него теперь сделают чучело для тренировок. А если этого окажется недостаточно, то Грегор лично позаботится, чтобы недоносек перестал отравлять воздух Академии своим присутствием. И пусть Роверстан только слово скажет в защиту!

Грегор представил, как посоветует магистру разумников следить за должным поведением своих адептов и намекнет, что начинать следует с себя. Разумеется, наедине, чтобы ни у кого даже мысли не возникло о личном интересе Роверстана в этой истории.

Сцена, увиденная в саду, встала перед глазами так ярко, что Грегор опомнился лишь, когда лошадь жалобно заржала от боли – он слишком сильно натянул поводья. Успокоив кобылу, Грегор зло подумал, что намерения Аранвена хотя бы можно понять и даже одобрить... пожалуй... Во всяком случае, юноша действует как человек чести. Но барготов разумник пренебрег не просто Уставом Академии! Девушка, подобная Айлин Ревенгар, благородная и невинная, примет его развратные манеры за искренность! И непременно окажется с разбитым сердцем, даже если у Роверстана хватит не порядочности, нет, но простой осторожности не воспользоваться ее доверием.

Может, и хорошо, если Айлин примет предложение Аранвена-младшего? Выйдя замуж, она оставит Академию и продолжит обучение дома, если Аранвены сочтут это необходимым. Немайн – сильная магесса, да и лорд Эддерли сможет руководить ее занятиями. Девушка будет избавлена от внимания Роверстана, а Грегор... Грегор сможет перестать думать о том, как она смотрит на него во время лекций... и при случайных встречах... Да ему вообще стоит подумать о чем-то совсем ином! О вызове к королю, например! Решено, пусть все идет как идет! Он не станет вмешиваться.

Сегодня у дверей королевских покоев Грегора встретили совершенно иначе. Молодцеватый лейтенант, не тот, прошлый, а другой, с пышными усами и сияющей, как начищенная медная бляха, физиономией, отдал честь и посторонился, щелкнув каблуками.

– Лорд Бастельеро к его величеству! – церемонно и с подобающим почтением провозгласил Джастин, распахивая перед Грегором дверь спальни.

Все-таки спальня, а не кабинет, увы. Но стоило Грегору войти, как он сразу понял причину этого: Малкольм лежал в постели. Нездорово одутловатый, с болезненно красными, но блестящими и совершенно трезвыми глазами, он приподнялся навстречу и махнул Грегору рукой, указывая на свободное кресло у кровати. Второе кресло занял лорд Аранвен, как обычно прямой и тонкий, затянутый в камзол из серебряной парчи. Вид Ангуса Аранвена неприятно кольнул Грегора, и на поклон вставшего из кресла канцлера он ответил довольно сухо простым кивком, хоть и понимал, что это несправедливо. Не виноват же Ангус, что его сын решил жениться! Так, хватит, не сейчас...

– А я малость приболел, – с едва уловимой фальшью в радостном голосе заявил Малкольм. – Но уже лучше, да... Входи же, Грегор, только тебя и ждем.

– Вынужден напомнить вашему величеству, что ждем мы еще лорда Райнгартена, – с привычной нудностью сообщил канцлер. – Но раз лорд Бастельеро уже здесь, вполне можно начать обсуждение первого вопроса.

Все-таки он был удивительно похож на сына, или, вернее, сын на него. Такой же невыносимый зануда. Грегор поклонился королю.

– Надеюсь, что здоровье вашего величества вне опасности, – сказал он, и Малкольм фыркнул в ответ.

– Прекрати, Бастельеро, – не стал он делать хорошую мину при плохой игре. – Сам знаю, что я старый дурень. Ничего, теперь все будет иначе, вот увидишь. Садись уже! Выпить не предлагаю, меня сейчас от одного запаха вывернет. Шамьету хочешь?

Грегор покачал головой, опускаясь в кресло и бросая любопытный взгляд на карту, развернутую на коленях у канцлера поверх большой кожаной папки. Ах вот зачем им с

Малкольмом понадобились Райнгартен и сам Грегор! Порталы! Ну что ж, этого следовало ожидать. Прошло пять лет, никаких предсказанных несчастий и катастроф не случилось, и Малкольм задумался, не вернуть ли в казну такой крупный источник дохода, как плата за использование порталов.

– Ангус меня уговаривает принять предложение этого вашего магистра, – с той же напускной бодростью сказал Малкольм и потянулся за стоящим на столике у кровати стаканом – с травяным отваром, судя по цвету. – Разумника...

«Своим» Грегор не назвал бы Роверстана и под угрозой плахи, но спорить не стал.

Малкольм отошел от запоя и занялся государственными делами – это же прекрасно!

– Для первоначального этапа нужны как можно более срочные финансовые влияния, – сдержанно пояснил канцлер. – Очередной кредит у Итлии или Арлезы требует времени, но мы могли бы начать проводить план магистра в жизнь уже этим летом, если...

Он выразительно покосился на карту, и Грегор кивнул. Действительно, ткань мира в истончившихся местах затянута и окрепла. Исключая, пожалуй, самый эпицентр применения большинства заклятий былой войны – Озерный край на фраганской границе. Но там и порталы не так уж необходимы.

– Полагаю, нам стоит дождаться магистра Райнгартена, – нехотя признал он, что без пройдохи-стихийника в этом деле все-таки не обойтись. – Его гильдия может провести нужные исследования. Много времени они не займут, но все-таки будет... спокойнее.

– Я куда больше доверяю тебе, Грегор, чем Райнгартену, – недовольно сказал Малкольм, возвращая опустевший стакан на столик. – Хитрецы они с кузеном. Райнгартен в любом случае скажет, что порталы пора открывать, стихийники теряют денег не меньше, чем артефакторы.

Он бросил неуволимо быстрый взгляд на Аранвена, и Грегор мгновенно понял, что канцлер уже успел объяснить Малкольму все, что тот пропустил в долгом пьяном угаре. Это было неплохо, но внутри снова потянуло ничем логичным не объяснимое, но очень неприятное недовольство. Аранвены давно заняли при дворе особое место, стоя у ступеней королевского трона. И хотя не злоупотребляли своим положением в открытую, но ведь у них и необходимости такой не было. Без того все знают, что большая часть королевской власти незаметно перекочевала к лорду-канцлеру сверх той, что и так ему причиталась. А после Ангуса этот пост наверняка займет Дарра...

– Я некромант, а не стихийник, – спокойно напомнил Грегор вслух. – А лорд Райнгартен безусловно понимает всю важность данного решения. – Он вздохнул и признался, глядя в покрасневшее лицо Малкольма, покрытое бисеринками пота: – Теоретически порталы уже можно открывать. Но очень осторожно и с разбором! В Озерном крае и поблизости от него запрет следует сохранить еще несколько лет! Но Дорвенна...

– В Дорвенне работает полдюжины нелегальных порталов, – негромко сказал Аранвен. – Мы знаем их наперечет, как и то, что за их использование платятся огромные деньги, минуя королевскую казну так же, как и орденскую. Если вернуть законные порталы, хотя бы их часть, то справиться с нарушителями будет гораздо легче. Во всяком случае, их можно будет прижать, не опасаясь, что новые вырастут, словно грибы после дождя. При наличии выбора люди пойдут туда, где плата меньше, портал надежнее и не нужно оглядываться на королевскую стражу.

И снова слова канцлера были безупречно резонны. Грегор понимал рассудком, что Аранвен прав, но что-то внутри сопротивлялось. И тщательно продуманному плану Роверстана, и действиям Аранвена, поддерживающего разумника. Проклятье, зачем им вообще понадобился Грегор? Отметить на карте места, где порталы следует оставить под запретом, мог и Райнгартен!

Впрочем, поговорить с Малкольмом – вот ради этого приехать стоило. Грегор кивнул, показывая, что соглашается, и тут в дверь осторожно постучали, а следом появился Джастин с очень сконфуженным видом.

– Прошу прощения, – тихо сказал он. – Молодой лорд Аранвен просит немедленной встречи с отцом. Говорит, что дело чрезвычайной важности.

– Дарра?

Брови канцлера удивленно приподнялись, и он просительно посмотрел на короля.

– Иди, – махнул рукой Малкольм. – Все равно Райнгартена еще нет, мы с Грегором хоть потолкуем по душам. Джастин, камзол и штаны!

Камердинер осмелился заикнуться про распоряжения мэтра Бюзье, но поймал хмурый взгляд короля и мгновенно принес одежду.

– Я сам! – Малкольм выхватил штаны из его рук и принялся натягивать, разом перейдя из хорошего расположения духа в куда более мрачное. – Вздумали считать меня больным, – пожаловался он не то Грегору, не то большому серо-белому коту, который тарашил круглые, желтые, как у совы, глазища с верха напольных часов. – А я не болен! Ну, выпил лишнего... несколько дней... Скучно, Грегор!

Он посмотрел на дверь, закрывшуюся за Аранвеном, и спросил у камердинера:

– Криспин во дворце?

– Его наследное высочество играют в саду в мяч, – поклонился Джастин.

– В мяч... – скривился Малкольм. – Опять с фрейлинами, небось. Нет бы помочь отцу в делах. А королева?

– Ее величество изволит принимать итлийского посла в малой розовой гостиной, – снова поклонился камердинер.

– Выйди, – тяжело уронил Малкольм, и, дождавшись, пока они останутся наедине, мрачно сказал Грегору:

– Паршивый из меня получился король, Бастельеро. И отец паршивый. Думал, что уж в своей семье порядок всегда наведу. А на деле вышло, что жизнь прошла впустую. Думаешь, почему я пью? Тоска внутри... Будто крыса, что упала в бочку с зерном и выбраться не может, зато грызет... грызет... Вот как прогрызет дыру наружу – так я и сдохну.

Отведя взгляд, он принялся натягивать камзол.

– Ну что ты себе придумал, – осторожно сказал Грегор, мучительно маясь неловкостью, виной, беспомощностью и еще чем-то непонятным, но откровенно мерзким. – Криспин еще совсем молод. Можно подумать, ты в его возрасте за девицами не бегал! Да ему всего двадцать один – когда еще повеселиться?

– За девицами? В его возрасте? – растянул губы Малкольм в невеселой усмешке. – Бегал... Пока не встретил Джанет. И не смей кривиться, Бастельеро! Хочу – и буду ее вспоминать! Да у меня вся жизнь пошла бы иначе, будь я посмелее и поумнее. Если бы она осталась...

– А зачем тогда отсылал?! – не выдержал Грегор, впиваясь пальцами в подлокотники кресла и в упор глядя на сидящего на краю кровати Малкольма. – В конце концов, если тебе жизнь без нее не мила – ну так вернул бы! Не сейчас, а раньше! Или не отправлял вовсе.

Проклятье, Малкольм, ты же никогда не любил Беатрис! Ну и поселил бы свою драгоценную Джанет где-нибудь в столице. Навещал иногда... Беатрис этого не заслужила, но ты-то! Ты ведь мог!

Он почти закричал последние фразы, но горло перехватила тугая петля бессмысленной ненависти на этого болвана, забравшего у Грегора единственную женщину, которую он любил, и умудрившегося сделать несчастным себя, а ее обречь на жизнь с нелюбимым и нелюбящим мужем. Всю жизнь, изволите видеть, страдал по фрейлинке, которую сам же отдал другому!

– Мог? – так же тихо и почему-то очень страшно выдохнул Малкольм, тоже отвечая ему бешеным, разом помутневшим взглядом. – Ты так думаешь? Ты... ты... Какой же ты осел, Грегор! Безмозглый рыцарь прекрасной королевы! Сколько ты по ней страдаешь, но так ничего и не понял! Ах, драгоценная пречистая Беатрис...

Он рванул ворот рубашки, открывая налившуюся кровью шею, сглотнул, тяжело и хрипло дыша. Грегор онемел, не зная, как предотвратить безобразную сцену, если Малкольм продолжит говорить о Беатрис так... За что?!

– Знаешь, что она мне сказала перед свадьбой? – Из уголка рта у Малкольма капнула слюна, но он этого не заметил, так и комкая в ладони ворот. – Я просил ее! Просил позволения оставить Джанет в столице! Я, король! У этой итлийской сучки, строившей из себя недотрогу, просил каплю понимания! А она сказала... Знаешь, что она сказала, Бастельеро?! Что она никоим образом не смеет мне указывать! Но воздух столицы очень вреден беременным женщинам и младенцам. И если Джанет останется, то она, Беатрис, не может ручаться ни за ее жизнь, ни за... Воздух, ясно тебе?! Вреден, Баргот вас всех дерит! И тебя, рыцарь недоделанный, и эту лицемерную суку, которая тобой крутила, как хотела! Да

если б она разок поплакала у тебя на плече, ты бы проклял Джанет – и глазом не моргнул! И не смей говорить, что нет! Не смей, слышишь?!

– Малкольм... – еле вымолвил Грегор. – Ты... Она не могла...

– Она? Не могла? Еще как! Смогла же она в брачную ночь заявить мне, что сундуки с итлийским золотом куда ценнее девственности! Мол, раз уж я польстился на приданое, не мое дело, в чьей постели осталась ее невинность. Да Баргот с ней, с невинностью, но только слепой и глухой не знает, что она таскает в постель моих же гвардейцев и пажей! Ах да, еще ты не знаешь! Потому что хуже слепого и глухого!

Рубашка окончательно расплзлась в его пальцах, и Малкольм принялся мять шитый золотом воротник камзола. Грегор, окаменев, следил за короткими толстыми пальцами, рвущими плотную ткань.

– Твоя драгоценная святая Беатрис – та еще дрянь, – сказал наконец Малкольм с мучительным почти наслаждением. – Если бы я не поклялся, что никогда не верну Джанет... и не признаю ее ребенка... Ты хоть понимаешь, что она велела бы убить моего сына?!

– Твоего... Аластор Вальдерон – твой...?

– Хвала Барготу, дошло! – рявкнул Малкольм, глядя на него с унижительным презрением. – И не вздумай сказать кому-нибудь, слышишь?! Только Аранвен знает. Ну и Беатрис... Она пообещала, что не тронет его, если... Если он всю жизнь проживет Вальдероном.

– Она не могла, – едва слыша себя, проговорил Грегор. – Малкольм, она не могла... Все, что ты говоришь...

Он отчаянно пытался понять, что только что услышал. Беатрис, нежная, изысканная, целомудренная... Истинная принцесса! Изменила жениху еще до свадьбы?! И продолжала изменять Малкольму сейчас?! Не может быть. Просто не может! Допустим, она была унижена его изменой так сильно, что в отчаянии угрожала Джанет. И допустим даже, что испугалась за будущее своих детей. Бастард-первенец – это опасно, были случаи... Но за это ее осуждать нельзя! Она защищала честь семьи. Но измены...

– И ты терпел? – вырвалось у него в ужасе. – Почему?!

Не мог Малкольм с его бешеным нравом и гордостью терпеть измены жены! Да он чуть не изуродовал наглеца-пажа, посмеявшегося ухаживать за Джанет! Только ухаживать... Так отходил чугунными кулачищами... Что Малкольм сделал бы с любовником своей женщины, Грегор даже представлять не собирался. Значит, все, что он рассказывает об изменах Беатрис, попросту не может быть правдой.

– Да потому что пришлось, – безжизненным голосом сказал Малкольм и посмотрел на него, словно удивляясь тупости. – На чьи деньги, по-твоему, мы воевали с Фраганой? Батюшка Беатрис расщедрился... И если бы я удавил эту итлийскую гадюку, он, может, и не сильно бы расстроился, но уж векселя предъявил бы в тот же момент. Благие и Баргот, Грегор, нельзя же быть таким болваном! Криспин и Кристиан – мои, тут никакого сомнения быть не может, но девчонки... Мне сунули в зубы второй итлийский кредит, и я промолчал. И не смей так смотреть! Дорвенанту нужны были деньги! И сейчас нужны.

– Кто... их отец? – спросил Грегор в рухнувшей вдруг на спальню звенящей тишине.

И без тени сомнения понял, что убьет. Еще не знает, кого именно, но кого-то убить нужно непременно. Если только на миг допустить, что это правда, что гордость Малкольма все эти годы втаптывали в грязь... Ну что ж, надо же начать хоть с кого-нибудь...

– А я знаю? – дернул уголком рта Малкольм, тяжело поднимаясь с кровати. – Но как сказала моя драгоценная женушка, хороший был человек, упокой его душу Претемная. Чего у Беатрис не отнять, так это аккуратности, подчищает она за собой так, что концов не найдешь.

Он прошел по комнате, грузный, страшный в своем холодном спокойствии, что пришло на смену гневу, и посмотрел на Грегора.

– Пойдем прогуляемся. Криспин где-то в саду, хочу его повидать. И забудь, что я тебе наговорил, Бастельеро! Слышишь?

Грегор встал и молча поклонился. Говорить не хотелось, думать – тоже. И не верилось, что бы там Малкольм ни нес в гневе. Не может быть, чтобы Беатрис... А если может – как после этого жить?

«Да вот так и жить, – подумал он, глядя на Малкольма, но стараясь не встречаться с ним взглядом. – Если это правда... Если я, болван, столько лет был влюблен в бесчувственную куклу, шлюху...»

Мысли резали по-живому, и он ухватился за возможность хоть немного отложить их на потом, выйдя вслед за Малкольмом из спальни. Гвардеец на посту вытянулся, отсалютовал, – и Грегора передернуло, стоило представить, что вдруг именно этот...

Малкольм шел немного впереди и наверняка сожалел о своей откровенности. «Ну где же Аранвен? – зло подумал Грегор, пытаясь сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как ушел канцлер. – Пора бы ему вернуться. И Райнгартена нет...»

Его вдруг снова повело дурнотой, рот наполнился кислым. В глазах потемнело, как бывает от перерасхода энергии, но ведь Грегор не колдовал...

– Отец! – прозвучал на весь коридор звонкий юношеский голос, и с галереи, примыкающей к коридору, сбежал широкоплечий юноша, похожий на Малкольма в юности, как две капли воды. – Милорд Бастельеро, доброго дня!

– Доброго дня, ваше высочество, – поклонился Грегор, глядя, как Криспин с тревогой и настороженностью вглядывается в лицо Малкольма. – Рад видеть вас в добром здравии.

На галерее мелькнула девица в пышном голубом платье. Симпатичная мордашка, взбитые локоны... Криспин покосился туда, но тут же снова глянул на отца.

– Я уже час ищу Кристиана, – сказал он с легким недовольством. – Странно, его нет нигде. Лорд Бастельеро, вы ведь останетесь к обеду? Матушка будет рада, и я хотел бы...

Он еще что-то говорил, но Грегор не слышал из-за снова накатившей дурноты. Что-то в ней было знакомое, но он никак не мог понять – что. И уж точно не хотел ничего слышать сейчас про Беатрис. И видеть ее – тоже! Ни Беатрис, ни Аранвена, которому давно пора было вернуться, ни его наследника, ни Райнгартена... О, а вот и он, легок на помине.

– Прошу прощения, я оставляю вас на минутку, – поклонился он Малкольму и принцу, быстро направившись к стихийнику, показавшемуся в конце длинного коридора.

Идти было шагов двадцать. Грегор успел пройти половину, пообещав себе, что только скажет пару слов Райнгартену и попросит у Малкольма разрешения уехать. Порталы ждали пять лет, подождут еще пару дней, а он вернется и...

За спиной что-то хлопнуло – громко, странно и нелепо. Грегор по инерции сделал еще шаг, начал оборачиваться, и тут ужас на миг побелевшем лице Райнгартена, смотрящего ему за спину, хлестнул Грегора наотмашь. Он крутнулся на месте, еще не зная, что увидит, но уже формируя щит, и услышал тонкий пронзительный визг. Кричала девица на галерее. А шагах в трех от Малкольма с Криспином воздух превратился в жуткое черное марево, которое Грегор никогда не видел вживую, но узнал почти сразу.

Время остановилось. Что-то кричал позади Райнгартен, звал стражу, кажется. Бежал от дверей королевской спальни усатый гвардеец с бессмысленно распыленным в крике ртом, а черное марево расплывалось все сильнее, и когда огромные лапищи, высунувшись прямо из него, схватили Криспина, не успевшего даже дернуться, мир дрогнул – и распался на вопли, краски и движения.

Грегор швырнул щит на Малкольма, понимая, что принц уже мертв. Кривые острые когти длиной с охотничий нож проткнули его насквозь, а в дыре, разворотившей ткань мироздания, ворочалось остальное тело демона – гигантская шипастая масса, в которой смутно угадывалось подобие морды, увенчанной чудовищными рогами.

– На пол! – отчаянно крикнул Грегор королю, но Малкольм замер, глядя на тварь, убившую его сына.

Подбежавший гвардеец, выхватив меч, кинулся к демону, тот, выдрав одну лапу из тела распятого на когтях Криспина, лениво отмахнулся, и гвардеец покотился по полу коридора с разорванным горлом. Щит вокруг Малкольма дрожал, но держался, хотя близость портала растворяла его на глазах. Грегор рванулся к провалу, на бегу лепя «Кладбищенскую плитку». Мимо пролетел огненный шар Райнгартена, ударил в портал, и демон глухо зарычал. Одним движением сбросив тело Криспина на пол, он высунулся из дыры до пояса, заскреб по полу передними лапами.

«Плита» ударила в него всем своим чудовищным весом, и Грегор с трудом вдохнул тяжелый вонючий воздух, пытаясь продвинуться еще хоть на шаг! Забрать Малкольма, заворуженно и беспомощно глядящего на тело сына... Но разница потенциалов была так

велика, что силовое поле прорыва, растущее на глазах, остановило его, как плотная вязкая масса, будто сам воздух сгустился. Там, где стоял Малкольм, попавший в сферу самого портала, двигаться еще можно было, но уже в нескольких шагах от портала – нет.

– Падай! – снова закричал Грегор, не в силах подойти, но пытаюсь пробиться сквозь дрожащий воздух чистой силой. – Да падай же! На пол! Малкольм!

Но тот стоял как раз между дырой портала и коридором, не позволяя добраться до ревущего демона ни Грегору, иступленно собирающему смертоносное заклятие, способное пробить броню твари, ни Райнгартену, подбежавшему и плетущему что-то свое, стихийное.

– Падай... – безнадежно сказал Грегор, понимая, что король его не слышит, но тут вдруг Малкольм очнулся, взревел и, подхватив меч убитого гвардейца, кинулся к portalу. Он был страшен и прекрасен в этот миг, и Грегор мог только смотреть, не в силах сделать ровным счетом ничего. Между ними дрожала граница потенциалов двух миров, через которую не мог прорваться даже Райнгартен – сильный умелый стихийник. Энергия проходила свободно, но любое заклятие, пущенное Грегором, ударило бы тварь через Малкольма. А он рубил демона со всей чудовищной силой истинного Дорвенна, помноженной на ужас и боль утраты, и кричал что-то, кричал, кричал... Исчез измученный слабый человек, загнавший себя в тиски унижения, исчез бесполезный король, рогоносец и пьяница... С демоном сражался воин, знающий, что погибает, и готовый принять смерть. Грегор почти проломил поле портала, разрывая его перед собой яростным упрямством и продвигаясь по шагу. И тут, наконец, Райнгартен что-то сотворил с разницей потенциалов, портал вспыхнул, как сотня костров, и схлопнулся внутрь. Одна лапа демона, отсеченная его краем, так и осталась висеть в воздухе, вцепившись в Малкольма, который медленно осел на пол.

– Кольм! – закричал Грегор, оказываясь рядом и подхватывая короля на руки. – Лекаря! Мир снова остановился, но теперь где-то рядом и в то же время далеко остались отчаянное белое лицо Аранвена, ужас в глазах Райнгартена, еще какие-то люди... Грегор держал Малкольма на руках, боясь взглянуть ниже, туда, где огромная когтистая лапа разворотила внутренности. А Малкольм пытался сказать что-то. Его кровь уже пропитала камзол Грегора насквозь, но все текла и текла, и рядом лежал Криспин с удивленным, почему-то совсем чистым и юным лицом.

– Тик-так... – то ли услышал Грегор, то ли ему показалось, что услышал, но Малкольм, последний раз шевельнув губами, застыл в тысячу раз виденной Грегором маске смерти.

– Этого не может быть, – твердил рядом Райнгартен неизвестно кому. – Прорыв прямо во дворце? Не может... здесь же щиты... Откуда... Прорыв?!

Грегор негнущимися пальцами закрыл глаза своему другу и королю. Вокруг нарастал шум, кто-то рыдал, кричал, звал на помощь – уже ненужную. А он сидел, держа тело на руках, и не мог отделаться от жуткой мысли, что Малкольм ушел так, как хотел бы сам: в бою, как король и воин, а не в постели от вина или болезни. Только Криспина... жаль. И Райнгартен прав: во дворце, где щитов и магических артефактов на каждом шагу больше, чем деревьев в саду, Прорыва просто не может быть. Но он случился.

Глава 7. Последний урок магистра Кристофа

– Заходили Аранвен и Эддерли! – сообщила Иоланда, едва Айлин переступила порог комнаты. – Ты за дверь, а они к нам.

– Не сказали, зачем я им нужна? – откликнулась Айлин без особенного интереса.

Что бы ни понадобилось Саймону и Дарре, они ведь все равно встретятся на лекции мэтра Бастельеро. И, пожалуй, хорошо, что не раньше. Никакого настроения на шалости после общения с Дерексом у Айлин не было.

– Не ты, – вздохнула Иоланда, и Айлин с удивлением заметила почти сочувственный взгляд соседки. – А я. Спрашивали, не знаю ли я, кто пригласил тебя на бал.

Кровь бросилась в щеки. Ох! А ведь Айлин так надеялась избежать всех этих разговоров...

– Я и сказала, что Финниган, – продолжила Иоланда. – Финниган же, да? И по указке вашей Морьезы, к гадалке не ходи! Это я тоже сказала. А Аранвен поблагодарил и сказал, что так и думал. И ушли.

– Вот зачем ты им это сказала? – безнадежно пробормотала Айлин себе под нос, надеясь, что Иоланда не услышит.

Но она услышала и так и подпрыгнула на месте.

– Да ты что, Ревенгар?! Как это зачем? Да они обязаны за тебя заступиться, ты что, не понимаешь?! Должна же быть хоть какая-то польза от твоих Воронов! А Финниган заслужил. Нечего подличать, да еще так! Ты, конечно, заучка ужасная, – добавила она поспешно. – И не воображай, пожалуйста, что мне тебя жаль. Только подшутить или даже мелкую порчу навести – это одно, а вот так посмеяться перед всей Академией – совсем другое. Так что пусть получают хорошенькую трепку. Оба! Заслужили.

Айлин молча кивнула, не желая спорить и искренне надеясь, что Иоланда удовлетворится видимостью согласия.

Соседка и правда замолчала на несколько минут и снова подала голос только, когда Айлин вернула изрядно замученную розу обратно в вазу с водой, а шкатулку с лентой поставила на стол и растянулась на кровати с учебником некромантии.

– Аранвен, между прочим, переживает. Это он тебе корзину роз притащил, да? А, не отвечай, и так ясно, что он. Меня расспрашивал, а у самого лицо белое и глаза злые. Не завидую Финнигану. А ты присмотришься к нему, Ревенгар. Не такой уж он и замороженный, оказывается. А с вашей Морьезой тоже надо что-то делать. Слишком она много о себе возомнила. Слышишь, Ревенгар?

– Слышу, – вздохнула Айлин. – Но не проклинять же ее!

– Что значит «не проклинять»?! – возмутилась Иоланда. – Разумеется, проклинять!

Некромантка ты, в конце концов, или нет?! Будет тут всякая итлийка пакости подстраивать честным дорвенантским девицам! И вообще, вчера она тебя бала лишила, а дальше что? Отравленные конфеты пришлет? Или стекла в туфли насыплет? Нет, Ревенгар, ты как хочешь, а с этой дрянью нужно что-то делать!

– Нужно, – проворчала Айлин. – Но не прямо же сейчас! Спасибо за заботу, Иоланда, но мне и правда не до Иды. Нужно подготовиться к уроку.

– Ты неисправима, – закатила глаза соседка. – Ну как хочешь. Кисни над учебниками и дальше. А с этой Морьезой мы с девочками и без тебя разберемся. Чтобы знала, где ее итлийское место!

* * *

«Просто поразительно, сколько шума получается, если в аудитории соберется девять благовоспитанных юношей, а преподаватель задержится!» – невольно подумала Айлин, с беспокойством глядя на пустую кафедру. По правде говоря, мэтр Бастельеро не то что задерживался, а уже непоправимо опоздал! Прошло больше половины урока, а он не только не явился сам, но даже не прислал никого с сообщением, что занятие отменяется! Может быть, с мэтром что-то случилось?! Конечно, еще недавно сама мысль о том, что с мэтром Бастельеро может произойти что-то плохое, показалась бы нелепой до смешного, но ведь вчера... Вдруг мэтр Бастельеро все-таки вызвал магистра Роверстана? Нет, что за чушь! Мэтр сам сказал, что предлагает забыть произошедшее. Но почему же он не явился на лекцию?

И отчего так тревожно на сердце, словно над всей Академией нависла неведомая угроза? Или это всего лишь ее воображение?

– ...так давайте узнаем! – воодушевленно воскликнул Саймон прямо над ухом, и Айлин вздрогнула от неожиданности. – Ну вдруг с мэтром действительно что-то случилось? А может... – Он покосился на Айлин, осекся и закончил явно не так, как собирался: – Может быть, мэтра вызвали на заседание Совета магистров? Ну, мало ли, зачем? Вдруг прошлой ночью случилось что-нибудь... что-нибудь серьезное?

Айлин прикусила губу. Конечно, Саймон вовсе не намекает на ее танец с магистром!

Неоткуда ему об этом знать! Это она в любом неудачно брошенном слове видит намек.

– Саймон, что за глупости? – утомленно вздохнул Дарра. – Во-первых, нет никаких причин считать, что магистры знают, где находится милорд Бастельеро. Во-вторых, любые

нарушения правил мэтр обсуждал бы с магистром Эддерли, а не с главами других гильдий. В-третьих, заседание Совета идет прямо сейчас, как же ты собираешься узнавать что-либо? – Пойти и спросить? – осторожно предложил Драммонд, обернувшись со своей первой парты, и Дарра снова устало вздохнул.

– Драммонд, вы полагаете допустимым беспокоить Совет магистров по такому пустячному вопросу, как опоздание преподавателя на лекцию? И действительно считаете, что магистры вам ответят?

Драммонд, явно смутившись, потупился, а вот Саймон, напротив, так и подпрыгнул на скамье.

– Отличная идея, Драммонд! А ты, Дарра, зануда! Во-первых, – очень похоже передразнил он. – Первое опоздание за почти пять лет – это никакие не пустяки, а очень тревожное дело, ведь мы же о мэтре Бастельеро говорим! Сам знаешь, как он относится к опозданиям! А во-вторых, нам магистры, может быть, и не ответят, зато Ревенгар ответят точно! А может, и спрашивать не придется, если мэтр вдруг присутствует на Совете. Айлин, драгоценная, тебя ведь не затруднит сбежать в башню Совета?

– Саймон, ты бестактен! – возмутился Дарра и легко коснулся пальцами ее руки. – Милая Айлин, не вздумайте слушать нашего общего друга, он, к сожалению, весьма... порывист. И не убрал руку сразу, а осторожно, даже нерешительно, погладил запястье Айлин. Безумный день! Да что такое нашло на Дарру?

– Нет-нет, Саймон совершенно прав! Мне вовсе не трудно сбежать! – воскликнула Айлин, не столько веря в то, что магистры и правда знают, где мэтр Бастельеро, сколько желая сделать хоть что-нибудь, лишь бы только не бессмысленно сидеть в аудитории, ожидая неизвестно чего!

Изводившая ее тревога вдруг усилилась так, что Айлин, не выдержав, вскочила с места и бросилась к дверям, уже не обращая внимания на изумленный возглас Саймона:

– Драгоценная, я вовсе не имел в виду бежать прямо сейчас!

До лестницы в башню Айлин промчалась, не сбавляя шага, будто кто-то толкал ее в спину, и только в малом холле остановилась, чтобы перевести дыхание. Но всего на мгновение!

Уже не смутная тревога, а острая уверенность в том, что она нужна в башне Совета, нужна прямо сейчас, немедленно, была так же сильна, как той зимой, когда погиб отец.

«Чушь! – мысленно прикрикнула она сама на себя. – Может быть, в присутствии двоих детей боевые маги и не стали бы швыряться заклятиями куда попало, но чем присутствие адептки-недоучки может быть полезно для глав гильдий, сильнейших магов Дорвенанта?!» Первый пролет лестницы Айлин прошла почти спокойно, уговаривая себя, что торопиться нет никакой нужды, но уже на втором снова сорвалась на бег, молча благодаря мэтра Вильмара, на втором курсе переставшего преподавать фехтование, но занявшегося с адептами бегом, плаванием и прочей «общей боевой подготовкой».

В дверь зала Совета – как ни странно, незапертую! – она почти вбежала, открыла было рот, чтобы извиниться за вопиющее нарушение приличий...

И поскользнулась на чем-то... чем-то жирном.

«Жирное пятно на полу зала Совета?» – мелькнула растерянная мысль за секунду до падения. Айлин только и успела извернуться, чтобы упасть не лицом вниз, а набок. В ту же секунду там, где она стояла, пронеслось что-то... что-то черное...

Прямо перед глазами замерцал полупрозрачный щит – чужой, белый! – а в уши ударил отчаянный крик:

– Айлин, вправо!

Не успев подумать, Айлин подчинилась, как на тренировке. Откатилась вправо, вскочила на ноги, дико озираясь и пытаясь понять – что же здесь происходит?!

По глазам ударили яркие пятна форменных мантий – красное и фиолетовое. Магистры Кристоф и Эддерли стояли в двух десятках шагов от нее перед длинным, изогнутым дугой столом. Держась за руки, они выставили совмещенный щит, накрывший, словно колпак, половину зала.

Над чем-то длинным и темным, уложенным на стол, склонился магистр Бреннан, а рядом с ним Айлин заметила белый камзол магистра Роверстана... магистры Волански и Адальред замерли чуть в стороне... голубой и оранжевой мантий не было видно вовсе...

А... где же Великий Магистр?

Сбоку мелькнуло что-то, и чутье Айлин взвыло об опасности. Тело, привыкшее повиноваться командам мэтра Вильмара, само уклонилось, и бросок неведомой твари – сплошная чернота с клыкастой, алчно раззявленной пастью – прошел впустую.

– Убирайтесь! Да убирайтесь же, глупая вы девица! О, проклятье...

Да что же здесь происходит?!

– Роверстан, прекратите орать! – услышала Айлин сварливый голос магистра Кристофа. – Отвлекаете и меня, и адептку! Занимайтесь Великим Магистром, так всем будет намного лучше. И уберите от нее ваш щит, себя бы лучше прикрыли! Или освойте, в конце концов, невидимые щиты, а то от такого мерцания один вред. Ревенгар! Вы меня слышите?

– Да, милорд магистр! – отозвалась Айлин, не сводя глаз с черной твари.

Видимо, разочарованное первым неудачным броском, существо медленно обходило Айлин по кругу, не спеша нападать, ожидая, когда жертва отвлечется.

«Не дождешься!» – подумала Айлин с неизвестно откуда взявшейся веселой яростью, мгновенно смывшей и прежнюю мучительную тревогу, и страх, и непонимание. Щит, кстати, не пропал, но перестал мерцать, и Айлин молча, но от всей души поблагодарила магистра Роверстана.

– Прекрасно, – воодушевился магистр Кристоф. – Слушайте внимательно и не вздумайте отвлечься. Несколько минут назад случился Прорыв. Будем надеяться, что только здесь... Вы шли по Академии – что там происходит?

– Все в порядке, милорд магистр, – заверила Айлин, уклоняясь от нового броска твари.

Та разочарованно щелкнула зубами и отскочила, снова медленно пошла по кругу...

Прорыв?! Значит... значит, прямо здесь, в зале совета, находится портал в Междумирье, и из-него вот-вот могут полезть демоны?! Ой, вот она глупая – уже полезли! Эта тварь и есть демон!

– Хвала Пресветлому! – выдохнул магистр Кристоф и тут же вернулся к прежнему уверенно-командному тону, который Айлин так привыкла слышать на уроках боевой магии. – Я не могу сразиться с этой тварью сам, для этого мне пришлось бы снять общий щит...

«А личные щиты магистра Волански или магистра Бреннана наверняка не выдержат атаки демона, – мысленно закончила Айлин. – Ни целители, ни иллюзорники не сильны в щитах. Как и разумники. И как только магистр Роверстан ухитрится меня прикрывать?!»

– А вот вы можете... Роверстан, немедленно замолчите! Сейчас вы убьете демона, не волнуйтесь, я подскажу, что нужно делать, а потом поможете мне запечатать портал. Если все пойдет благополучно, зачту вам экзамен по боевой магии.

– Да, милорд магистр! – выдохнула Айлин остатками воздуха и внимательнее всмотрелась в снова кинувшуюся тварь.

Как же ее убить? Это же сгусток темноты, да и только! Правда, с пастью, и очертаниями напоминает человека, но...

– Лучше всего на демонов действует огонь, – неподражаемо поучительно изрек магистр Кристоф. – Да что же вы делаете, Ревенгар! Немедленно уберите Молот, эта тварь для него слишком быстра! Пламенный меч, и, во имя Пресветлого, постарайтесь здесь ничего не подпалить!

На уроке Пламенный меч Айлин не давался, но сейчас алые нити словно сами легли в руки, и ладонь почти ощутила тяжесть и жар.

– Хорошо. Теперь, когда тварь бросится на вас, бейте в голову! Это основной нервный узел подобных созданий...

Первый удар ушел в пустоту. Второй – тоже. Мерзкая тварь словно издевалась, бросаясь на Айлин то справа, то слева, тесня ее в дальний угол и уходя от ударов огненного меча с такой легкостью, словно была настоящей тенью.

Проклятье, да почему – в угол?! Надеется, что Айлин оттуда никуда не денется?! Или?..

– Айлин!!! Портал!!!

– Дорогой Бреннан, не могли бы вы заткнуть коллегу Роверстана? Он упорно отвлекает адептку от боя!

Портал? Айлин бросила быстрый взгляд через плечо: всего в двух шагах за спиной подрагивала широкая черная трещина. Воздух вокруг нее разноцветно мерцал. Портал! Разрыв ткани мира! Вот куда демон хочет ее загнать! Тварь бросилась снова, и Айлин

отчаянно рванулась вперед. Когтистая лапа мелькнула перед самым ее лицом, вторая задела плечо, к счастью, левое. Айлин взмахнула мечом над самым полом, там, где у человека были бы щиколотки, а у демона – Баргот знает что! От рева потерявшей равновесие и забившейся в судорогах твари засвербело в ушах, сдавило виски, и Айлин едва не потеряла контроль над заклятием...

– Бейте же! – рявкнул магистр Кристоф, и она, не думая, что делает, отчаянно взмахнула мечом в последний раз, перерубив шею демона, показавшуюся почему-то змеино-тонкой.

– Что ж, так тоже можно, – прокрипел магистр Кристоф, вдруг оказавшись рядом и поддержав Айлин под локоть. Зал совета почему-то кружился перед глазами, а пол так и норовил взбрыкнуть норовистым жеребцом и ускакать из-под ног. – Вы молодец, Ревенгар! Надеюсь, потратили не весь резерв?

– Н-нет, магистр, – хрипло выдохнула Айлин и незаметно потянулась к браслету-накопителю.

Хоть и не весь, а сил оставалось, кажется, только дышать. Претемная, благослови магистра Мэрли, пусть ему будет тепло в Твоих Садах!

– Прекрасно, – кивнул магистр и обратился к остальным: – Коллеги, немедленно покиньте зал Совета и оповестите о Прорыве! Мы с Ревенгар останемся здесь и закроем портал. У кого-нибудь есть накопители?

– Кристоф, вы же не собираетесь... – негромко начал Эддерли, и магистр Боевого факультета резко обернулся к нему.

– А у вас есть другие предложения? Эта дрянь вот-вот стабилизируется! Мы просто не успеем собрать достаточно стихийников, чтобы его запечатать. Разумеется, я бы предпочел иметь рядом Райнгартена! Но его нет, зато имеется полная Академия адептов, которых за пять минут не выведешь.

– Прекратите, Кристоф, – прервал его Эддерли. – Я прекрасно понимаю. Но могу и сам... Глава боевиков поморщился и раздраженно махнул рукой.

– Ради Пресветлого, Эддерли, друг мой, не заставляйте меня говорить очевидные вещи. У вас семья. И вообще, разбираться с тварями – это исконная привилегия Красных, что бы вы, некроманты, о себе ни возмнили. Ну хватит, время теряем.

Магистр Бреннан, бледный, как будто разом постаревший, потянулся к шее, но Эддерли успел раньше. Стащив с левой руки кольцо, простой золотой ободок, он молча протянул его магистру Кристофу, и Айлин заметила, что рука фиолетового магистра дрожит.

– Благодарю, – кивнул боевик. – А теперь идите же, коллеги, идите!

Роверстан молча подхватил на руки то длинное, темное, что лежало на столе, и его белый камзол мгновенно окрасился кровью. Только тогда Айлин поняла, что это и есть Великий Магистр Кастельмаро. Черная длинная мантия, обмякшее тело, свесившаяся с рук разумника седая голова... Бреннан поддержал ее, а Роверстан быстро глянул на Кристофа, потом на Айлин и, кажется, хотел что-то сказать, но лишь коротко кивнул главе боевиков и торопливо вышел. Магистры Бреннан и Эддерли тоже покинули зал, поминутно оглядываясь, будто не хотели уходить. Едва за последним из них закрылась дверь, магистр Кристоф обернулся к Айлин.

– Слушайте внимательно и накрепко запоминайте то, что мы будем делать, слышите, Ревенгар? Никто, кроме меня, вас этому не научит, а я покажу один раз, не больше!

– Да, милорд магистр, – кивнула Айлин. – А разве боевые маги могут запечатывать порталы? Я думала, только стихийники...

– Больше слушайте этих стихийников! – со странной смесью раздражения и гордости фыркнул магистр, вскинув седовласую голову. – Запечатать портал может любой маг, способный на манипуляции с сырой силой, то есть как стихийники, так и мы. Хотя им, конечно, это дается куда проще, – признал он нехотя. – У вас есть еще вопросы или займемся, наконец, делом?

– Есть, милорд магистр, с вашего позволения, – заторопилась Айлин. – Почему демон был только один, если портал... Простите, но ведь портал еще не запечатан! И милорд магистр Роверстан предупреждал, чтобы я в него не попала...

– Роверстан – разумник, порталы не его профиль. Ничего с вами не случилось бы. В тот момент, – хмыкнул магистр Кристоф и посмотрел на нее одобрительно. – Но вопрос хороший. Видите ли, у подобных порталов существует определенная... пропускная

способность. Здешний разлом, как вы видите сами, невелик, потому и демонов пропустил поначалу не так много. На первом, что подвернулся мне под руку, вы как раз поскользнулись, – хищно улыбнулся магистр, и Айлин вспомнила жирное горелое пятно. – Кстати, человекообразность демона говорит о том, что он весьма силен. Более слабых тварей могло быть куда больше. Слабых по меркам демонов, конечно. Сейчас портал пребывает в состоянии покоя, но может активироваться в любой момент, а там и до стабилизации недалеко. Если портал перейдет в стабильную фазу, закрыть его будет очень трудно, а главное, долго! И все это время из него могут лезть демоны, поэтому нам лучше поторопиться. Вы готовы?

Айлин молча кивнула, пытаясь уложить в голове все, сказанное магистром.

– Превосходно! – Магистр Кристоф легкой, странно молодой для его почтенного возраста походкой подошел к portalу и принялся осматривать его с сосредоточенной деловитостью. – Итак, Ревенгар, запоминайте! Самый простой способ закрыть подобный портал – это ключ. Как с любой дверью. Подобные разломы открываются кровью, поэтому закрывать их следует так же – кровью того самого человека либо его достаточно близкого родственника. Из крови достаточно сильный маг способен сплести заклятие ключа. Неприятный побочный эффект в том, что жертва в этом случае, к сожалению, погибает. Нам это не подходит, так как мы не знаем, кто послужил ключом...

Он покосился на Айлин, проверяя, достаточно ли внимательно его слушают, и она торопливо закивала – еще как внимательно! Магистр говорил, как на лекции, и это внушало уверенность, что все обойдется. Что плохого может случиться посреди Академии, да еще рядом с самым опытным боевым магом Ордена?

– Стихийники, – продолжил Кристоф, сцепив руки за спиной и покачиваясь с пятки на носок, – закрывают порталы на чистой силе этого мира. Будь здесь Райнгартен... как же некстати его вызвали во дворец! В любом случае, нам с вами этот способ недоступен. Зато есть третий и последний, который состоит в создании универсального ключа. Он несколько сложнее первых двух, но вполне по зубам опытному... или просто сильному магу.

Внимательно смотрите, что я делаю, если будут вопросы, можете задавать.

Вскинув руки, магистр зашевелил пальцами, словно в них был зажат крючок для кружев, и Айлин поспешно сощурилась, рассматривая сплетаемые им магические потоки. Да, магистр изящно пошутил, назвав эту конструкцию «ключом»! Скорее уж она напоминала плащ с капюшоном, полностью скрывающий фигуру... Если бы, конечно, он был настоящим!

– Рассмотрели? Запомнили? – спросил Кристоф хрипло – силы на подобное заклятье явно уходило много! – Сможете воспроизвести?

– Не знаю, милорд магистр, – растерялась Айлин.

Даже на освоение Молота Пресветлого отводилось целых пять занятий! А тут что-то совсем новое, хоть и не очень сложное с виду...

Во взгляде магистра мелькнуло крайнее неодобрение.

– Так зарисуйте, если вам есть на чем! – раздраженно потребовал он. – И не тяните, Ревенгар, это важно! Вы не найдете этого заклятия ни в одном учебнике, такие вещи передаются только от наставника к лучшему ученику, и, видит Пресветлый, я хотел бы передать его кому-нибудь другому! Уж во всяком случае, не девице, – проворчал магистр недовольно. – Но выбирать, увы, не приходится. Рисуйте побыстрее, слышите?

Айлин поспешно выхватила из поясной сумки тетрадь Кирана Лоу, с которой не расставалась, и заговоренное перо. Ох, только бы успеть! Что, если портал вот-вот активируется? Не зря же магистр так нервничает?! В несколько движений перенесла схему потоков на лист, она сунула тетрадь обратно в сумку и вскочила на ноги.

– Я закончила, милорд!

– Прекрасно, – откликнулся магистр, возвращаясь от раздраженного тона к привычному обстоятельно занудному. – Очень вовремя. Итак, универсальный ключ следует поместить в портал в момент его активности, иначе заклятие не сработает. Обратите внимание, частота вибрации активного портала в разы выше, чем пассивного, кроме того, активный портал имеет склонность к расширению... Активный стабилизовавшийся портал – непрерывно расширяющаяся язва в ткани мироздания. Кстати, наш с вами вот-вот заработает.

Это Айлин уже почувствовала и сама – на нее снова накатило то самое ощущение беды, от которого она попыталась отмахнуться в малом холле.

Но теперь уже ничего страшного не случится! Сейчас магистр Кристоф поместит ключ в портал, и... ой!

– Милорд Кристоф! А как же применить это заклятие? Ведь его нельзя кинуть, как Молот!

– Вы совершенно правы, Ревенгар, – похвалил магистр. – Для использования универсального ключа необходим посредник, это непреложное правило. Собственно, именно эта необходимость и делает подобный способ запечатывания нежелательным. Он взглянул в мелко задрожавшую черноту и так странно улыбнулся, что вопрос о посреднике отпал сам собой.

– Милорд магистр!!!

– Не кричите, Ревенгар, – поморщился Кристоф. – Помните, что вы боевой маг. Учитесь прилежно и живите честно.

И так быстро, что Айлин не успела даже выдохнуть, шагнул в портал.

Сеть заклятия вокруг него вспыхнула, засияла алым, а затем... стремительно сжалась, разрывая судорожно забившегося и дико закричавшего магистра на куски.

Чернота схлопнулась, словно ее и не было, что-то со стуком упало под ноги Айлин и покатилося по полу, подсакивая с глухим стуком на плитах, пачкая пол блестящим и красным...

Замерев, задохнувшись от ужаса, Айлин смотрела на портал, который на глазах затягивался блестящими нитями энергии, будто сшивавшими жуткую дыру в пространстве. Стежок, еще один... На глазах дыра сужалась, пока не исчезла совсем, но в последний момент из марева, мерцающего вокруг портала, показались две фигуры!

Одна из них была магистром Кристофом, и Айлин выдохнула с невероятным, невозможным облегчением. Магистр жив! Он просто закрыл Прорыв и вернулся! Надо же было придумать себе такой ужас!

Кристоф, бледный, какой-то странно блеклый, удивленно глянул на нее, а его спутник, невысокий худощавый дворянин, одетый по моде столетней давности, почтительно поприветствовал Айлин, сняв шляпу и низко поклонившись. Лицо его было на удивление невыразительным... Даже нет... лица у него почти не было! Оно словно колебалось и плыло, так что черты менялись каждое мгновение. Айлин ошеломленно уставилась на него, а дворянин деликатно тронул магистра Кристофа за плечо и беззвучно шевельнул губами.

– Да-да, иду, – рассеянно отозвался боевик и пнул носком сапога то круглое и влажное, что лежало на полу. – Какая... мерзость. Я рассчитывал, что будет иначе. Но уж как вышло. Удачи, Ревенгар, – хмыкнул он, снова поднимая взгляд к Айлин. – Вам она понадобится. И в этот момент Айлин поняла, что видит. Странная блеклость и полупрозрачность Кристофа, его невыразительный, лишенный привычных интонаций голос, непонятный спутник... Да это же Провожатый! Слуга Претемнейшей, забирающий души. И значит, магистр все-таки... мертв? Но...

С грохотом распахнулась дверь, кто-то ворвался в зал Совета, кто-то, кажется, кинулся к ней – но Айлин никак не могла заставить себя отвести взгляд от предмета, который пнул Кристоф. Это круглое и влажное покачнулось от удара призрака и замерло, перевернувшись так, что удалось разглядеть наконец обезображенное, жутко оскалившееся лицо.

«Это же и есть магистр Кристоф», – мелькнула последняя связная мысль, и Айлин дико расхохоталась. В самом деле, невысказанно смешно, когда чья-то голова скачет по полу, как тряпичный мяч! Да к тому же подброшенная бывшим владельцем!

– Айлин!

Айлин почувствовала, как ее трясут за плечи, как над самой ее головой что-то выкрикивают... Чужие слова сливались в странную бессмыслицу.

– Айлин! Девочка, не смотри туда, на меня смотри! Проклятье, кто-нибудь, дайте накопитель!

– Роверстан, уберите от нее руки, что за непристойность?!

– Провалитесь к Барготу, Эддерли!

– Коллега Роверстан прав, дорогой магистр, боюсь, действовать нужно немедленно. Возьмите накопитель, Дункан.

– Благодарю. И накройте чем-нибудь эту голову!

Голову! Голова, которая катится по полу, как мяч, и так забавно подпрыгивает на плитах! Интересно, понравилось бы Пушку играть в мяч? Надо будет непременно узнать...

– Роверстан, вы ополоумели?! Она же не переносит вашу магию, сразу атакует, а вас сейчас даже на щит не хватит!

– Эддерли, я что, недостаточно ясно указал вам направление?!

Огромная белая змея зашипела, раздула капюшон и бросилась прямо ей в лицо! Айлин ударила в ответ, отчаянным усилием воли удержав ускользающий рассудок, вложив в удар все крохи силы, что у нее оставались, весь ужас и боль...

И замерла, глядя в черные глаза магистра Роверстана. Ой... Откуда он здесь?!

– Милорд магистр?

– Айлин! Хвала Страннику, – выдохнул разумник и, подняв дрожащую руку, вытер окровавленное лицо. Прямо ладонью! – Простите, девочка, я помню, что вы боитесь змей, но боюсь, иначе мы вас потеряли бы.

– Я могла вас убить, – выдохнула Айлин с ужасом, и Роверстан улыбнулся побелевшими губами.

– Вы меня не убили, и хватит об этом. Теперь, прошу вас, посидите спокойно и молча, ваш разум пока еще очень уязвим, и мне необходимо... Куда вы смотрите, позвольте узнать? Он обернулся, бросил взгляд на липко-блестящую алую дорожку, россыпь кровавых капель, магистра Эддерли, сжимающего в руках сверток из полы собственной мантии, и покачал головой.

– Нет, так не годится. Позвольте...

И не успела Айлин понять, о чем речь, как магистр подхватил ее на руки и понес к выходу из зала.

– Не закрывайте глаза, – тихо проговорил он. – Смотрите на меня и постарайтесь перетерпеть, даже если будет неприятно.

* * *

...Айлин пришла в себя в крыле целителей. Она полусидела на застеленной кровати, закутанная в теплый мягкий плед, рядом на столике дымилась кружка травяного отвара с резким приятным запахом. Ой... неужели ее сюда принес магистр? А где же он сам? И сколько времени прошло? В палате было сумрачно, словно там, за окном, солнце уже садилось... но этого ведь не может быть? Или может?

– Рад видеть, что вы очнулись, – услышала Айлин усталый голос Роверстана и, скосив глаза, увидела, что он стоит у окна. – Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, милорд магистр, – откликнулась она и с удивлением поняла, что это чистая правда.

Раненое плечо перестало болеть, а воспоминание о смерти магистра Кристофа хотя и не исчезло, но изрядно потускнело, словно прошло не меньше года!

– Я рад, – повторил Роверстан, отошел от окна и сел на стул рядом с кроватью. – Должен признать, вы меня изрядно напугали. Я боялся, что не успею вам помочь. К счастью, этого не случилось. Учтите, все-таки, что вы еще не совсем здоровы. Чтобы быть наверняка уверенным, что разум вас не покинет, мне понадобится еще один сеанс лечения.

– Да, милорд магистр, благодарю вас, – пролепетала Айлин, не зная, куда деваться от стыда. Магистр спас сначала ее жизнь, бросив щит, теперь – рассудок, а она... она.... о,

Претемная, она же и правда могла его убить!

– Не стоит благодарности, – тепло улыбнулся Роверстан, и Айлин вдруг вспомнила, как когда-то давно – кажется, еще вчера, он улыбался ей почти так же тепло, а потом...

Щеки загорелись, и Айлин невольно прижала к ним ладони. О Претемная и Пресветлый, какое же она чудовище! Совсем недавно на ее глазах погиб человек, а она думает... о чем она только думает! Как же так можно?

– Айлин, вам нехорошо? – обеспокоенно спросил Роверстан, и Айлин замотала головой, не в силах поднять на него взгляд. – Нет-нет, не прячьте глаза. Дайте-ка мне взглянуть на ваши зрачки.

Умирая от смущения и залившись краской, Айлин подчинилась. Ох, какой же позор... не хватало только, чтобы магистр окончательно понял, насколько она безнравственная особа!

– Ах, вот оно что! – с каким-то даже облегчением выдохнул Роверстан спустя несколько мгновений. – Не нужно смущаться, Айлин. Подобная... душевная неуравновешенность...

характерна для боевого мага после сражения. Тело реагирует на недавний всплеск эмоций. Преподаватели, очевидно, вас об этом не предупреждали? Погасить эти... ощущения помогает карвейн... или ментальные упражнения. Впрочем, сейчас карвейн вам категорически противопоказан, а нужными техниками вы не владеете. Пожалуй, лучшее, что вы можете сделать – это лечь спать. Желательно – не покидая крыла целителей. Боевик в подобном состоянии способен на неосмотрительные поступки, девочка. В особенности после первого боя. Постарайтесь просто заснуть, а завтра перед занятиями я навещу вас и проведу еще один сеанс. А теперь позвольте вас оставить...

– Одно мгновение, милорд магистр! – выпалила Айлин, испугавшись, что разумник сейчас уйдет, а она так и не узнает о том, ради чего вообще бежала в Башню Совета. – Не знаете ли вы, где мэтр Бастельеро? Он опоздал на занятие, и мы...

– Мэтр Бастельеро? – переспросил Роверстан, едва заметно нахмурившись. – Я видел его сегодня утром, между второй и третьей лекцией, но позднее... нет, не представляю, где он может быть. Впрочем, если мэтр отсутствовал на лекции, полагаю, его нет в Академии. К своим обязанностям коллега относится весьма ревностно, не могу не признать. Отдыхайте, Айлин.

Магистр поднялся со стула и, мгновение помедлив, легко, едва уловимо коснулся ее волос. – Отдыхайте, – повторил он негромко, коротко поклонился и быстро вышел из палаты.

За дверью сразу же загомонили. Айлин различила громкие возгласы Саймона, ровную речь Дарры, что-то зачастил Оуэнн Кэдоган... Неужели все Вороны собрались под дверью ее палаты?

Голос магистра легко перекрыл шум, Айлин услышала только: «нуждается в покое и одиночестве, любые разговоры – завтра, адепты!» Ох, спасибо магистру! Вороны, конечно, лучшие на свете братья, но разговаривать с ними сейчас... Нет, это и в самом деле последнее, что ей нужно!

И о мэтре Бастельеро она так ничего и не узнала, а что, если и с ним случилось что-то ужасное? Мэтр ведь не мог, никак не мог просто пропустить свою лекцию, такого не случилось ни разу за все пять лет!

Айлин вздохнула, улеглась поудобнее и закрыла глаза. И тут же снова увидела дрожащий портал, только вместо магистра Кристофа туда готовился шагнуть мэтр Бастельеро! Ох нет, это просто невозможно! Нужно как можно скорее убедиться, что с Гре... с мэтром все в порядке, иначе она с ума сойдет до утра!

Айлин вскочила с кровати и бросила к окну. Распахнула створки.

До земли не так высоко. И уже спускаются сумерки... Никто не заметит, если она прямо сейчас вылезет через окно. Добежать до конюшни и вовсе дело нескольких минут... А конюхоу и привратнику можно сказать, что ей немедленно нужно на кладбище по заданию преподавателя. Никто не удивится!

Правда, магистр Роверстан предупреждал, чтобы Айлин не совершала неосмотрительных поступков... Но ведь она и не намерена совершать ничего неосмотрительного! Она только доберется до особняка Бастельеро и убедится, что с мэтром все в порядке. И сразу же вернется.

Глава 8. Незванные гости

«Милая моя Айлин!

Это письмо будет первым, которое ты получишь. Надеюсь, ты не сердишься на меня за мое молчание? Поверь, я не отправлял письма, что писал тебе все эти годы, не по своей воле.

Но теперь все изменилось. Тебе уже семнадцать, и сама ты можешь выбирать, с кем общаться, а я... теперь я и в самом деле могу принять последствия моего возвращения.

Если за эти пять лет ты все же не забыла обо мне, то приходи в день твоего восемнадцатилетия туда, где мы встречались, в наше обычное время.

Если же ты не придешь, я пойму, что это значит, и не упрекну тебя ни словом, ни мыслью, но всегда буду благословлять упырей и мэтра Лоу, подаривших мне месяц твоей бесценной дружбы.

Как бы ни повернулась жизнь, навсегда твой Аластор, младший лорд Вальдерон». Дописав и отодвинув чернильницу, Аластор дождался, пока письмо высохнет, сложил его, запечатал своим перстнем и огляделся. Куда бы убрать? Пожалуй, на самое дно дорожного сундучка, приготовленного к отъезду в столицу, там оно не помнется и вообще не пострадает в дороге. Осталось только дожидаться этого путешествия!

Родители, получив от Мэнди и Лоррейн два одинаково панических письма, – лорды Райнгартены должны были представить жен королю, и теперь сестренки просто не находили себе места! – выехали в столицу еще позавчера, и тогда же Аластор заявил отцу, что тянуть с возвращением он тоже больше не намерен. Прошло пять лет, и месьор д'Альбрэ им доволен, чего еще ожидать? Пока лорд Бастельеро скончается от старости? Но кто сказал, что в таком случае встрече Аластора с Айлин не попытается помешать уже его призрак?

Отец только вздохнул и позволил ехать. Правда, не сразу, а через неделю, оставив все необходимые распоряжения управляющему и подобающе собравшись. Более чем достаточно, что они с матушкой отправятся налегке! Аластор согласился. В этот раз он наверняка задержится в столице надолго, а значит, позаботиться об имении до отъезда совершенно необходимо!

Впрочем, обычные заботы нисколько не пугали. Последние пару лет отец переложил на него большинство хозяйственных дел, и Аластор с удивлением понял, что заниматься этим ему нравится. Прежний лорд, его дедушка, выгодно вложил приданое своей жены в конный завод, и Вальдероны за несколько десятилетий увеличили табуны настолько, что обширных земель поместья едва хватало, чтобы их прокормить. Потом еще его величество щедро наградил отца за военные заслуги... И теперь изрядная часть строевых лошадей, покупаемых армией Дорвенанта, гордо носила на округлых лоснящихся крупах клеймо в виде руны Велас, увенчанной звездой.

Лошади Аластору нравились. Дворянину, конечно, не подобает самому разбираться в сене или овсе, это дело управляющих, но следить-то за этими управляющими надо! А уметь объезжать норовистых коней и верно оценивать их стати не зазорно для любого аристократа, совсем наоборот!

Он вспомнил белоснежную арлезийскую кобылу, которую два года назад купил еще трехлеткой и старательно выездил сам, не доверив игривую красотку берейтору. Вот ее непременно надо взять с собой в столицу! Айлин будет чудесно смотреться в седле. Но получит ли она его письмо? Впрочем, наверняка получит, едва ли магистр Райнгартен откажется выполнить столь необременительную просьбу, раз уж они теперь родственники. А вот придет ли? Аластор ведь так и не знает, чем для его подруги закончилось их последнее приключение...

И какой она стала теперь, хотелось бы знать? Раньше Аластор запрещал себе об этом думать – только душу травить. Но теперь, когда до встречи – «Возможной встречи!» – одернул он себя – осталась всего неделя, мысли словно прорвали плотину. Наверняка стала высокой и худощавой, как все Ревенгары... или нет? В прежней Айлин от Ревенгаров не было ровно ничего, но ведь прошло целых пять лет!

Аластор прикрыл глаза, пытаясь представить себе лицо Айлин: зеленые глаза, россыпь веснушек, ясная улыбка, как всегда растрепанные косы, – все это виделось так отчетливо, словно подруга стояла прямо перед ним.

Воображаемая Айлин протянула руку – перед самыми глазами Аластора мелькнул слегка обтрепавшийся черный рукав – и постучала кулачком по его лбу.

Стук вышел поразительно громким и каким-то деревянным.

– Юноша, сколько еще времени я должен вас ждать? – иронично поинтересовалась издаലെка Айлин почему-то голосом месьора д'Альбрэ, не успел Аластор изумиться странности видения. – Или вы вдруг решили, что дождь – уважительная причина пропустить тренировку?

Тренировка! Аластор поспешно вскочил. С этими сборами в дорогу из головы вылетает все, в том числе самое важное! Надо же было так непозволительно замечтаться, и это вместо того, чтобы, закончив письмо, немедленно отправиться в фехтовальный зал!

– Уже иду, месьор!

– Чрезвычайно польщен, – с легкой ехидцей отозвался из-за двери д'Альбрэ. – Советую поспешить. За каждую минуту опоздания пробежите лишний круг после тренировки.

Ох! Похоже, и вправду лучше поторопиться!

Выскочив из комнаты, Аластор выбежал из особняка и промчался по саду к учебному залу, под который отвели весь первый этаж правого крыла. Зимой или в дождь месьор д'Альбрэ милостиво позволял заниматься под крышей, беспокоясь, разумеется, отнюдь не об удобстве ученика, а о своем собственном. Впрочем, Аластор ни разу не помнил случая, чтобы ему удалось замерзнуть на тренировке. Пожалуй, его наставник посчитал бы это личным оскорблением.

– Могу ли я узнать, о чем вы так задумались, что едва не пропустили урок? – поинтересовался д'Альбрэ, стоило Аластору взять рапиру.

– Об отъезде в столицу, – признал Аластор и едва успел уклониться, пропуская молниеносный выпад фраганца.

– Вот как, – кивнул месьор, в свою очередь отводя удар Аластора с легкостью, еще пять лет назад казавшейся оскорбительной, а теперь вызывавшей одно лишь восхищение, приправленное малой толикой зависти. – Стало быть, вы решили, что наше обучение закончено?

Вопрос прозвучал столь небрежно, что счесть его шуткой было совершенно невозможно. От изумления Аластор едва не пропустил новый удар.

– Разумеется, нет, месьор! Как вы могли подумать?..

– В самом деле? – уточнил д'Альбрэ, опуская рапиру. – Но, если я правильно помню, ваш отъезд в столицу означает неизбежную встречу с вашим... врагом, юноша? Или вы все же раздумали сразаться с ним?

– Не раздумал, – буркнул Аластор, тоже опуская клинок. – Но искать дуэли с ним намеренно я, пожалуй, не буду. Во всяком случае, пока. Но дело не в нем, месьор, дело в вас! Вы ведь сказали, что будете учить меня до тех пор, пока я не ослушаюсь вас! Или пока не сочтете мое умение достаточным.

– Не льстите себе, юноша, до такого счастья я не доживу! – фыркнул фраганец, отчего-то придя в превосходное настроение, и его рапира, вроде бы мирно опущенная лишь мгновение назад, замерла у самого горла Аластора. – Что ж, по крайней мере, вы здраво оцениваете свои возможности...

И замер, осекшись на полупhrase, внимательно глядя куда-то за спину Аластору.

Пожалуй, те же пять... да что там! Три года назад Ал непременно обернулся бы посмотреть – что же такое увидел невыносимый фраганец! И получил бы почти безболезненный, но крайне обидный укол в самое незащищенное место... Ну уж нет, на такие детские финты он не покупается уже давно!

– Шаг вправо и медленно обернитесь, – одними губами шепнул месьор так, что у Аластора не возникло и мысли не подчиниться.

Обернуться действительно стоило: в каких-то пяти шагах воздух заметно помутнел и подрагивал, словно на полу фехтовального зала развели невидимый костер.

– Месьор?.. – шепнул Аластор, на всякий случай не двигаясь с места и не отводя глаз от пятна, с каждым мгновением все сильнее темнеющего. – Как вы думаете, что это?

– Не имею ни малейшего представления, – так же тихо откликнулся фраганец. – Но, боюсь, ничего приятного. Аластор, вам лучше уйти. Прямо сейчас. Не вздумайте спорить. Я выйду следом за вами. Постарайтесь держаться от этого подальше и не медлите. А затем мы запрем фехтовальный зал и вызовем магов... Вы, полагаю, знаете, где находится ближайшее отделение Ордена?

– В Дорвенне, – угрюмо откликнулся Аластор. – В соседнем городке только два мага, алхимик и целитель, оба уже старые и точно сюда не поедут.

– Сомневаюсь, что это... магическое явление... нуждается в лечении, – согласился д'Альбрэ. – Идите же, не тяните время!

Аластор кивнул и шагнул вперед и в сторону, стараясь не приближаться к дрожащему мареву. Д'Альбрэ следовал за ним, отставая всего на пару шагов.

Они прошли половину пути до двери, когда за спиной раздался странный звук – оглушительный то ли хлопок, то ли щелчок, то ли вовсе треск. Невольно обернувшись, Аластор замер. Почти в центре зала клубилась жуткая черная муть, а в ней ворочалось,

пытаясь выбраться наружу, нечто бесформенное, неизмеримо, кошмарно чуждое. Показалось, мелькнули рога... или когти?

Из пролома высунулась лапа никак не меньше медвежьей, но покрытая не шерстью, а темной, тускло блестящей чешуей. И с когтями размером в добрый нож!

И вторая лапа, ничем не уступающая первой. А потом и жуткая голова, в самом деле увенчанная рогами. До половины выбравшаяся на свободу тварь поводила мордой, словно принюхивалась. А может, и правда принюхивалась?

Взгляд маленьких, тоже медвежьих, глазок существа остановился на Аласторе, и тварь торжествующе взревела.

– Уходим, юноша, – едва разжимая губы, сказал д'Альбрэ. – Немедленно. Запираем двери и зовем стражу. Вдвоем и с одними лишь рапирами нам с этим существом не совладать.

Аластор кивнул. Конечно! Рапиры тонкие и легкие, сюда бы хорошую рогатину... или хоть топор...

Он попятился к двери – и тварь, словно поняв, что добыча уходит, одним невероятным прыжком выметнулась из черного марева.

Аластор едва успел отскочить в сторону! Удар когтистой лапы прошел мимо, но теперь от спасительной двери их с месьором отделяла чудовищная туша твари. Да тут не один медведь, а все два, слепленные в единую громаду, черную и чешуйчатую! Зарычав, тварь присела, будто сжавшись в огромную пружину, и у Аластора пересохло во рту. Еще один прыжок – и страшилище с легкостью достанет... кого? Его или фраганца?! А ведь второй тогда наверняка успеет...

– Бегите в оружейную, – тихо сказал д'Альбрэ. – Выпрыгивайте в окно и зовите стражу. Если сделаете это достаточно быстро, спасемся оба.

– Месьор! – вскрикнул Аластор, сам не зная, что пытается этим сказать.

Что возмущен одной мыслью? Что никогда не оставит учителя с этой тварью, чем бы она ни была?

– Уходите, – холодно повторил фраганец. – И не вздумайте сделать мою... мой риск бессмысленным. Ну же!

И мгновенно, Аластор едва успел заметить его движение, метнулся к твари, прикрывая от нее ученика. Рапира ужалила существо в плечо, в лапу, в морду – и тварь заревела. Махнула передней лапой, пытаясь дотянуться до фраганца – но тот увернулся, а по чешуе лапы потекла темная жидкость...

Кровь? Да, определенно, кровь! Это создание, чем бы оно ни было, испытывает боль, и у него идет кровь, а значит, оно смертно! Но рапира слишком легка и тонка, чтобы ранить тварь хоть сколько-нибудь серьезно, а значит, шансов у месьора нет. Да, тварь неповоротлива, и пока ему удастся уворачиваться, но кто знает, сколько это продлится?

– Уходите же, юный болван! – гаркнул фраганец, снова уходя от удара жуткой лапы, и Аластор решился.

Выскочив за дверь и вихрем промчавшись по всему учебному крылу, он взлетел по лестнице на второй этаж и ворвался в охотничий зал, украшенный, кроме чучел, еще и оружием. Где же...

Ага, вот! На дальней стене, над чучелом рыси, висели две скрепленные вольфгардские секиры. Отец рассказывал, что с такими в Вольфгарде ходят и на медведей. Медведей у них в окрестностях не водилось, но кузнец Долгий Мартин, работающий в поместье, лихо метал топор, красуясь на ярмарках, и Аластор как-то, азарта ради, тоже потренировался.

Превзойти кузнеца у него, конечно, не вышло, но...

Едва не потянув запястья от резкого рывка и чудом не вырвав крепления из дубовой панели, Аластор сдернул обе секиры и помчался назад.

Ввалился в фехтовальный зал, задыхаясь от бега, словно и не он наворачивал круги вокруг поместья каждый день! Да месьор его на смех поднимет и будет совершенно прав.... Лишь бы только был еще жив!

Месьор был жив. И даже держался на ногах, хотя гнусная тварь успела оттеснить его к стене и, кажется, ранить. Присматриваться было некогда, и Аластор, перехватив секиру для броска, резко и громко свистнул.

Тварь замерла.

Безмолвно и как никогда в жизни искренне взмолившись Пресветлому, Аластор свистнул еще раз – и метнул секиру.

Тяжелое лезвие с глухим тошнотворным чавканьем вонзилось в затылок стоящей к нему спиной твари.

«А что, если бить надо было не в голову?! – мелькнула отчаянная мысль. – Что, если череп у него – как у кабана? Да и курица без головы может бегать еще долго...»

Тварь взревела и судорожно засучила лапами, пытаясь то ли отскочить, то ли напоследок достать хотя бы ближайшего врага – но месьор ухитрился скользнуть в сторону и метнуться к Аластору.

– Вы вынуждаете меня заключить... что я никчемный учитель, юноша! – выдохнул он, опуская рапиру, и если бы Аластор не видел д'Альбрэ каждый день пять лет подряд, то ни за что не заметил бы, что эта рапира еле уловимо подрагивает. – Неужели я пять лет учил вас благородному искусству фехтования... лишь затем, чтобы в первом же настоящем поединке вы схватились за это... оружие? Нет сомнений, что вам оно подходит куда лучше, чем рапира... и все же?

– А вы полагаете, эта тварь так боится щекотки, что потычь я в нее рапирой – она умерла бы от смеха? – осведомился Аластор как можно беззаботнее. – Или стоило сразу взять кочергу?

– Да вы злопамятны! – с восхитительной смесью облегчения и одобрения воскликнул д'Альбрэ и вдруг покачнулся.

Аластор рванулся к нему, едва не выронив секиру, но фраганец предупреждающе выставил ладонь.

– Ничего... – сказал он не без труда. – Пустое. Но что это все-таки за дрянь? Я всегда полагал рассказы о демонах сказками. Или видениями горьких пьяниц. Наподобие зверя Перлюрена, знаете...

– Во Фрагане это, может, и сказки, – мрачно сказал Аластор, приглядываясь к безжизненной туше, – а у нас вполне было. К счастью, редкая. Прорыв... Я про него только читал! Ну и мечтал увидеть, конечно. В детстве.

– С таким везением советую мечтать осмотрительнее, – поморщился фраганец, вытирая рапиру неизменным белоснежным платком и брезгливо бросая его на пол. – О, проклятье! Темное марево, все это время колыхавшееся над полом, сгустилось, приобретая очертания колодца, который каким-то чудом положили набок. Черная бездонная дыра, уходящая в неведомые дали... Вот в ней что-то показалось, и не успел Аластор испугаться, что сейчас все начнется заново, как из провала метнулась тварь в несколько раз меньше, величиной с крупную собаку. Кинулась к ним – и наткнулась на рапиру д'Альбрэ. Хладнокровно проткнув шипящую и шелкающую зубастой пастью гадину насквозь, фраганец вытащил рапиру и скомандовал Аластору:

– Уходим! Похоже, их там много!

Еще две твари, пытаясь вылезти из портала – а что еще это могло быть? – и мешая друг другу, своим видом подтвердили его правоту.

Выбегая вслед за месьором д'Альбрэ из комнаты, Аластор остановился рядом с тушей, попытался вытащить вторую секиру, но та плотно застряла в черепе.

– Бросьте! – крикнул д'Альбрэ и рванул его за плечо, с удивительной силой вытащив в коридор и еще умудрившись захлопнуть дверь и задвинуть на ней засов за несколько мгновений до того, как с другой стороны в нее гулко ударились два тела.

– Они же побегут в дом, – задохнулся от ужаса Аластор. – Надо всех предупредить!

– Прекрасная идея, – кивнул фраганец, утомленно опираясь на перила. – Не смотрите так, меня слегка достали в плечо, но если когти не ядовиты, то ничего страшного.

– А если ядовиты?! – вскинулся Аластор.

– Тогда мы в любом случае ничего не можем с этим сделать прямо сейчас, – поморщился д'Альбрэ. – Но вы ведь собираетесь известить Орден о безобразии, что здесь творится? Полагаю, я составлю вам компанию и навещу там целителей.

Фраганец тронул левое плечо и снова скривился, а Аластор только сейчас заметил, что его неизменный камзол цвета воронового пера в этом месте кажется еще темнее.

– Вот потому я и предпочитаю черный цвет. – Уголки губ месьора тронула обычная насмешливая улыбка. – Никогда не позволяйте врагам видеть вашу кровь, юноша, это прибавит им сил, а вам испортит настроение.

– Я знаю отличный способ этого избежать, – нахмурился Аластор и покачал секиру, поражаясь, как удобно, словно влитая, она легла в ладонь. – Надо испортить им настроение первым!

И, высунувшись из окна, гаркнул во двор, где двое конюхов водили на недоуздке разгоряченного жеребца:

– Томас, бегом в дом и выводи всех на улицу! Всех, ясно?! До последнего поваренка и поломойки! Ричи, беги в кузницу за Долгим Мартином и сыновьями. И всех мужчин, кого встретишь, тоже сюда! Ну, пошли!

Дождавшись, пока парни, как ужаленные, бросятся выполнять приказ, он повернулся к фраганцу, снова одобрительно кивнувшему, и с холодной злостью сказал:

– Плевать я хотел, сколько их там, этих уродов. Это мое поместье и моя земля. В Дорвенну нам поехать придется, но сначала я раздам людям оружие. Раз этих тварей можно убить секирой, значит, подстрелить их из лука или поднять на рогатину тоже получится. Что от Баргота явилось, то к нему и отправится, не будь я Вальдерон!

* * *

– Отпустите его величество, – тихо сказал Аранвен, кладя ему на плечо руку, и Грегор словно вынырнул из забытья.

Отпустить? Но разве душа Малкольма не ушла в Сады Претемной так легко и быстро, что он едва успел уловить ее мелькнувший отблеск? Зачем ее отпускать? Он взглянул на тяжесть, придавившую его колени, и понял, что Аранвен имел в виду не дух, а тело. Конечно, он же профан.

Рядом сосредоточенно работал Райнгартен, окончательно и надежно сращивая разорванную ткань мироздания. Грегор вяло подумал, как же повезло всем живущим во дворце, что рядом оказался не просто стихийник, а магистр гильдии. Если бы портал успел стабилизироваться... Нет, конечно, его бы закрыли и в этом случае, послав за теми же стихийниками с Райнгартеном во главе, но один Баргот знает, сколько демонов успело бы прорваться во дворец. Повезло. Всем, кроме Малкольма и Криспина.

Думать об этом было больно, мысли обжигали, и все время казалось, что это дурной сон. Кошмар из тех, в которые погружают некоторые виды проклятий. Самое сложное в этом случае проснуться, и обычно проклятый не в силах сделать это сам. Но сейчас никаких проклятий – чистая беспощадная явь.

Грегор убрал руки, и подскочившие слуги подняли тело Малкольма с его колен, унесли куда-то, пачкаясь в крови и прочих неприглядных следах насильственной смерти. Криспина забрали еще раньше, кажется...

– Кристиан, – с усилием проговорил Грегор, цепляясь за то, что по-прежнему оставалось важным. – Его нужно найти. И сообщить ее величеству...

На имени Беатрис мысли снова спутались, он одновременно увидел женщину, которую любил столько лет, и образ, нарисованный Малкольмом. Они никак не желали сойтись вместе! Кого он любил? Нежную чистую принцессу, надевшую корону Дорвенанта по воле своих родителей, или шлюху, осквернительницу супружеского ложа? Реальность, еще недавно такая незыблемая, ясная и простая, рассыпалась острыми осколками, и Грегор снова мучительно попытался сосредоточиться на самом нужном.

Найти Кристиана. Закрыть портал. Выяснить, как вообще случилось так, что он смог открыться в защищенном дворце? Поговорить с Аранвеном. Младшему принцу уже семнадцать, он может принять корону, но что делать с Беатрис? Если все, сказанное Малкольмом, правда, она недостойна положения королевы-матери, а ее дочери – титула принцесс Дорвенанта. Наследных принцесс, если вдруг и с Кристианом...

Нет, вот об этом сейчас думать точно нельзя.

Он поднялся с пола галереи, на котором сидел, держа тело короля, и огляделся. Толпа придворных держалась поодаль, окружив их с Райнгартеном с двух сторон. Не из учтивости, конечно, просто их сдерживали несколько гвардейцев, среди которых Грегор мельком заметил чернявого лейтенанта. И этому повезло с дежурством, похоже. Его

товарищ, убитый демоном, все еще лежал у стены галереи чудовищной сломанной куклой, и Грегор нахмурился.

– Кто-нибудь, сюда! – приказал он в сторону гвардейцев и велел первому подбежавшему, указав на тело: – Займитесь. Он умер за короля доблестно, как подобает солдату.

– Да, милорд, – отдал честь гвардеец, а Грегор подошел к Райнгартену, уже едва держащемуся на ногах, судя по бледности.

– Бастельеро? – оглянулся на него стихийник. – Я ничего не понимаю. Это какой-то бред. Или я адепт первого курса, или такой Прорыв невозможен в принципе. То есть не то чтобы невозможен... Да нет, все-таки бред.

– Говорите уже, – бросил Грегор, приглядываясь к дрожащему мареву, на глазах светлеющему и исчезающему. – Что это и как оно случилось?

– Не знаю, – огрызнулся Райнгартен, вытирая мокрый лоб прямо рукавом камзола. – Всеблагое Матерью клянусь! Я бы поставил свой пост магистра на то, что дворец идеально защищен от подобного.

Пост магистра? Грегора словно хлестнуло наотмашь. Малкольм погиб, а этот... измеряет потерю только в уроне своей репутации?! Он закусил губу, чтобы прийти в себя и все-таки услышать, что продолжает говорить Райнгартен.

– ... только в случае наведенного вектора...

– Повторите, – приказал Грегор тем тоном, каким разговаривал с офицерами, допустившими то ли глупый, то ли преступный промах. – И потрудитесь изложить так, чтобы я понял.

– Ну, знаете! – возмутился Райнгартен, посмотрев на него с негодованием, но тут же осекся и продолжил уже тише: – Я говорю, что щиты дворца не взломаны. Они в полном порядке, а это значит, что Прорыва не должно было случиться. Обычного Прорыва, понимаете?

– Нет, – честно сказал Грегор. – Но пытаюсь. А что тогда произошло? Причем тут наведенный вектор? Прорыв – это не заклятие и не артиллерийский залп, его нельзя сотворить заранее и отправить в нужное место.

– Вы это мне объясняете? – язвительно спросил Райнгартен, еще больше бледнея, так что россыпь рыжих веснушек ясно проступила на светлой коже. – Как любезно с вашей стороны, Бастельеро! Кажется, вы вообразили себя великим специалистом по порталам? Ну так вот, милорд, потрудитесь представить, что порталы гораздо сложнее, чем вы о них думаете! Я имею в виду не те проколы ткани мироздания, с которыми вы боролись пять лет назад, а настоящие! Способные связать нашу реальность с мирами, о которых даже подумать страшно. За те триста лет, что существует Орден, мы узнали о них едва ли десятую часть необходимого! Да и то, что узнали, было большей частью утеряно во время гонений на барготопоклонников. Они-то умели делать с порталами такое, что нам и не снилось!

– Ближе к делу, милорд, – холодно попросил Грегор. – Вы хотите сказать, что этот прорыв искусственного происхождения?

– Я не исключаю такой возможности, – выдохнул Райнгартен и махнул рукой в сторону почти исчезнувшего мерцания. – Но точнее смогу сказать позже. Когда лично проверю дворцовые щиты на должном уровне, а не сверху и второпях, как сейчас. И это потребует времени. Так что занялись бы вы пока чем-нибудь другим... милорд.

– Благодарю за предложение, – еще холоднее отозвался Грегор.

Рассудком он понимал, что Райнгартен прав. Если бы кто-то из стихийников принялся указывать ему самому в области некромантии... Магистр Оранжевой гильдии разбирается в таких тонкостях, которые Грегору и не снились, но это неважно! Райнгартен, в отличие от него самого, не понимает главного. Если это удачное покушение, Грегор перевернет землю, небо и Сады Претемной, но доберется до того, кто за это должен ответить.

– Лорд Бастельеро? – подбежал к нему лакей в дворцовой ливрее. – Его светлость лорд-канцлер просит вас пройти в малый королевский кабинет.

– Иду, – бросил Грегор и сухо поклонился стихийнику, который ответил рассеянным кивком и вернулся к манипуляциям с порталом.

Кабинет встретил его тишиной и запахом успокоительного зелья. Лорд-канцлер сидел в кресле у стены, сжав в обеих ладонях чашку и пристально глядя в нее. Будь Аранвен магом-иллюзорником, Грегор бы решил, что он в предсказательном трансе, но при появлении

Грегора канцлер поднял на него усталый взгляд. А Грегор невольно посмотрел на второе кресло, пустое. Массивный стол со стопками бумаг и парой пергаментных свитков, письменный прибор... Жутко и непривычно было осознавать, что Малкольм уже никогда не швырнет этой злосчастной чернильницей.

– Входите, Бастельеро, – сказал Аранвен тусклым голосом, слабо напоминающим его обычный ровный тон. – Простите, что-то я...

Он бросил виноватый взгляд на чашку, которую держал, отпил из нее и поставил на широкий подлокотник кресла, сложив руки на колене и сплетя пальцы. Грегор кивнул и прошел к мягкой скамье у стены, на которой обычно сидели посетители. В сторону пустого кресла они оба старались не смотреть.

– Его высочество Кристиан? – спросил он, и Аранвен понял с полуслова, как обычно.

– Ишут, – сказал он. – В последнее время принц иногда уезжал в город без предупреждения и почти без свиты, только с парой друзей. Просто гулял по улицам... А что говорит лорд Райнгартен?

– Не исключает, что это было покушение, – мрачно ответил Грегор. – Точно будет известно позже. Ангус, я... все, что смогу, понимаете?

– Понимаю, – кивнул канцлер. – Как и все мы. Его величество не зря считал вас ближайшим другом, милорд. Теперь вы должны стать надежной опорой для его сына. Как и все мы, да...

– Мы? – уточнил Грегор, впервые задумавшись, а кто же еще входил в узкий доверенный круг Малкольма?

– Вы, я, – перечислил Аранвен, – лорд Эддерли. Возможно, лорды Райнгартены и молодой Кастельмаро. Полагаю, нас шестерых вполне хватит, чтобы поддержать молодого короля.

– А остальные с этим согласятся? – поднял брови Грегор, вспомнив последний Королевский Совет.

– А мы станем их спрашивать? – скользнула быстрая улыбка по тонким губам Аранвена. – Грегор, я чту заветы Дорве Великого о единстве Трех дюжин, но если Логрейн и Сазерленд рванутся к трону, я первый попрошу вас... убедить их, что это неразумно. Любым способом, который вы сочтете надежным.

– Согласен, – кивнул Грегор. – А... ее величество?

И снова потянуло болью и гадливостью, стоило вспомнить... Кстати, бастард! Малкольм говорил, что Аранвен знает о его бастарде. Это сейчас не имеет значения, мальчишка – Вальдерон, и пусть им остается, но канцлеру, конечно, известно и все остальное?

Грегор помедлил, чуть ли не впервые в жизни испытывая мерзкий подлый страх узнать правду. Пока слово не прозвучало, многое можно отменить и исправить, но сказанное обретает плоть, это известно любому магу.

– Ангус... – выдавил он, старательно глядя мимо лица канцлера на шелковые узорчатые обои в сине-белую полоску. – Это правда, что ее величество... не отличается супружеской добродетелью?

И добавил, сгорая от стыда:

– Я понимаю, как звучит этот вопрос, и вы вправе не отвечать. Но я прошу...

Несколько мгновений в кабинете было совершенно тихо. Затем лорд-канцлер взял чашку, сделал еще глоток успокоительного и бесстрастно уронил:

– У ее величества множество достоинств. Она любящая нежная мать, искусный дипломат и подлинное украшение двора. Именно ей мы обязаны кредитами на военную кампанию и содержание столицы в последние годы. И заслуги ее величества перед Дорвенантом велики и несомненны.

– Ангус, вы мне не ответили, – тихо сказал Грегор.

– Напротив, Грегор, я ответил вам настолько точно, насколько мог, – прошелестел голос Аранвена. – И прежде, чем вы соберетесь сделать что-то неосторожное, я прошу вас вспомнить о трех вещах. О памяти его величества Малкольма, который уже не сможет защитить свое имя от позора. О его высочестве Кристиане, который любит мать, а она ведет себя с ним безупречно. И о том, что Дорвенант сейчас не выдержит расходов по итлийским кредитам, если их вдруг предъявят к оплате.

– Я понял, – уронил Грегор, когда мир вокруг прояснился, а иступленное желание немедленно кого-то убить уступило уговорам рассудка. – Ангус, я могу еще что-то сделать? Сейчас?

– Можете, – кивнул Аранвен. – Поезжайте домой. На вас лица нет, право. Малый королевский совет соберется завтра в полдень, ваше участие обязательно. Он снова взял кружку и допил остаток зелья, судя по взгляду, брошенному внутрь. А Грегор вдруг вспомнил, что Аранвен сам чудом избежал смерти. Если бы не Дарра, которого так вовремя принесло за разрешением жениться! Претемнейшая, какая шутка судьбы! Всего несколько часов назад Грегор переживал о таких пустяках! А канцлер держится удивительно стойко для профана, тем более не воевавшего. Впрочем, это же Аранвен...

Грегор встал и поклонился. Уезжать домой не хотелось, но и оставаться во дворце было бессмысленно. А еще он искренне боялся неминуемой встречи с Беатрис. Боялся, что не выдержит, сорвется и сделает что-то непоправимое! «Неосторожное», как сказал Аранвен. Прелестное слово для желания убийства. Или Ангус имел в виду скандал? Да какая разница?

Домой он уехал верхом, на полпути вспомнив, что пропустил занятие в Академии – впервые за все время. Ну что ж, причина более чем уважительная. Во дворе особняка бросил поводья кому-то из слуг и почти бегом взлетел вверх, очнувшись только в кабинете. Сорвал влажный от крови камзол, швырнул его в угол и вызвал звонком камердинера, велел набрать ванну. Рубашка, бриджи, подштанники... Он раздевался на ходу, сдирая одежду и жалея, что нельзя сменить еще и кожу. Горячая вода обожгла, и Грегор принялся яростно оттираться жесткой мочалкой, рыкнув на сунувшегося с предложением помощи камердинера. Видеть никого не хотелось до отвращения. Вымывшись, он оделся в домашнее: свободную полотняную рубаху и штаны, вернулся в кабинет и подошел к вделанному в стену шкафчику. Достал бутылку карвейна, бокал... Подумав, заменил его на обычный стакан размером раза в два больше. Усмехнулся, вспомнив, сколько раз осуждал Малкольма. Ну что ж, это ведь тоже впервые за много лет. Просто чтобы не думать хоть ненадолго!

За окном уже стемнело, и Грегор щелчком пальцев зажег свечу в канделябре, стоящем у стола. Одну-единственную, лишь бы не промахнуться горлышком бутылки мимо стакана. Некроманты хорошо видят в темноте, особенно под соответствующим заклятием, но оно не выбирает, и если применить, Грегору придется видеть и большой пустой кабинет, обставленный еще во времена деда, и укоряющие взгляды портретов на стене. А свеча выхватила из темноты только стол, кресло и большое зеркало, висящее на стене в паре шагов.

Вот собственному отражению в нем Грегор и отсалютовал стаканом, а потом хлебнул показавшийся безвкусным карвейн, мгновенно огненным комом вспыхнувший в желудке. Подумал, что надо велеть принести закуски и никого не пускать. Он, собственно, никого и не ждал, но мало ли... Однако вызывать камердинера не стал. Ничего, так быстрее заберет. Впервые в жизни ему хотелось напиться до беспамятства, до зверя Перлюрена, как говорится.

Второй стакан он уже не стал наполнять до краев и выцедил его гораздо медленнее. Лед внутри постепенно растворялся, и уже не казалось, что каждый удар сердца отдает болью. Глупо... Как же глупо! Потерять друга, на всю жизнь оставшись виноватым, что не смог ничего сделать с его тягой к разрушению себя. И узнать, что любил шлюху, бессердечную, развратную, смеявшуюся над его наивностью. Все знали! Кроме него! И вправду, безмозглый рыцарь.

Свеча дрожала, и в ее неверном свете казалось, что отражение смотрит из зеркала насмешливо, глумливо. Он так и не успел сказать Малкольму чего-то очень важного, а теперь поздно. Навсегда – поздно. Это профаны думают, что некроманты могут вызвать любую душу в любой момент и завершить все дела, не законченные при жизни.

Служителям Претемной же прекрасно известно, что тревожить дух попусту не стоит. Да и что он скажет Малкольму?! Что сожалеет? Что отдал бы собственную жизнь, если это вернет стране короля? Мертвые должны покоиться с миром, это знает любой некромант.

Но Беатрис! Унижение и злость жгли сильнее карвейна, и Грегор заскрипел зубами, стиснул в руке стакан. Будь она проклята! О нет, никакой силы, влитой в слова! Нельзя! Но как же он сейчас понимал профанов, не способных к магии, но страстно желающих, чтоб их проклятие обернулось правдой само по себе!

– Милорд...

В дверь постучали. Грегор хотел было рявкнуть, чтоб камердинер убирался, но тот заглянул в приоткрывшуюся дверь и торопливо доложил:

– Осмелюсь доложить, ваша светлость, к вам адептка из Академии. Говорит, что дело срочное и отлагательства не терпит.

Адептка? Кто?! Впрочем, раньше, чем из-за плеча камердинера выскользнула стройная фигурка в темной мантии с ало-фиолетовой оторочкой, Грегор уже знал ответ. Только одна девица в Академии могла прийти к нему домой, пренебрегая правилами и приличиями. Именно та, которой сейчас бы следовало слушать предложение Дарры Аранвена. Та, которой Грегор ни за что не хотел бы показаться таким: слабым, потерявшим себя, пьяным, в конце концов. Та, которая сейчас смотрела на него огромными зелеными глазами и молчала.

– Айлин? Вы? – глупо спросил Грегор, чувствуя себя беспомощным и, почему-то, лет на двадцать моложе. – Что вы здесь делаете?

Камердинер, решив, что его долг выполнен, улетучился, а невозможная девица Ревенгар шагнула вперед, закрыв за собой дверь кабинета, и сказала так тихо и просто, что Грегора насквозь пронзила неведомая ранее жуть:

– Я пришла к вам, милорд.

Глава 9. Горькое и сладкое

– Вот оно, значаца, как...

Кузнец Долгий Мартин потрогал носком сапога тушу демона, вытащенную во двор, окинул ее задумчивым взглядом и велел:

– Эй, малой! Снимите-ка с ребятами с этой пакости шкуру, растяните да хорошенько осмотрите, где она потоньше. Куда, значаца, бить, если что.

Малой, как кузнец звал младшего из своих сыновей, огромный детина лет тридцати, выше Аластора и с кулаками, вполне способными заменить молоты, кивнул и принялся деловито разворачивать демона брюхом вверх. Можно было не сомневаться, что вскоре барготово отродье обдерут и разделают, как обычного медведя, хоть и неестественно крупного.

– Значаца, ваша светлость, оттуда все новые лезут? – почтительно, но с должным достоинством обратился Мартин к Аластору. – И здоровенные, как этот, и помельче? И лезть будут?

– Будут, – скупно уронил Аластор.

Горячка боя прошла, и он чувствовал легкую тошноту, когда смотрел на чешуйчатую гору плоти и еще три поменьше, лежащие рядом. Конюхи, прислуга и трое стражников, оставшихся в поместье после отъезда отца, разглядывали демонов с ужасом, и Аластор слышал, как они перешептываются о немилости Благих.

Еще одного мелкого демона, выбравшегося из портала, пока Аластор собирал людей и объяснял, что случилось, пришлось гонять по всему особняку, где тот изрядно попортил мебель, но, к счастью, никого не успел убить. Тварь оказалась удивительно проворной, и закончил преследование только старший из трех «ребят» Мартина, умудрившийся загнать ее в каморку под лестницей и там приколоть рогатиной.

Но портал, у которого Аластор велел поставить пока караульного, окончательно превратился в подобие то ли колодца, то ли лаза с твердыми черными стенками, и в нем время от времени мелькали жуткие морды, лапы и тела, пока не вылезая на эту сторону. Но Аластор поставил бы свой перстень наследника против ломаной подковы, что твари просто выжидают удобного момента или подкрепления. Вроде того чудовища, что вылезло первым.

– Магов звать надо, ваша светлость, – вздохнул кузнец. – Сами не справимся. Толку крыс гонять, пока нора не забита.

Сравнение демонов с крысами Аластору понравилось. Как и то, что кузнец, от которого он не зря ожидал рассудительности, не боялся и не думал о немилости богов. Жаль, что остальные домочадцы Вальдеронов такой храбростью не отличались. Один из стражников, увидев дохлого демона, позеленел, как весенний луг, и долго чистил желудок. А мастер Кельмас, пожилой управитель Вальдеронов, даже сейчас был мучнисто бледен, хотя демон всего лишь пробежал мимо него на расстоянии вытянутой руки и даже не поцарапал.

Впрочем, трудно ждать храбрости от крестьян и бывшего купца.

– Верно, – кивнул Аластор. – Поэтому я поеду в Дорвенну, а ты, Мартин, бери людей под начало и следы, чтоб эти твари не прорвались в поместье. На других, сам видишь, никакой надежды, – слегка польстил он кузнецу.

– Что ж это будет, ваша светлость? – испуганно спросила кухарка. – Как же нам теперь жить? Ведь они же нас пожрут, проклятое барготово отродье! Как вы уедете, так и полезут, небось! Сделайте милость, не оставляйте нас!

Аластор уже открыл рот, объяснить женщине, что другого выхода нет, как поднялся всеобщий гомон. Служанки зарыдали, кухарка взвыла раненой волчицей, а конюхи, стражники и прочая прислуга принялись наперебой уверять, что без милорда им никак, словно бедным беззащитным сиротам.

Островком спокойствия в рыдающей и галдящей толпе остались только кузнец, его сыновья, сноровисто потрошащие демона, и мастер Кельмас. И, разумеется, месьор д'Альбрэ, которому Аластор велел вынести кресло прямо во двор, поскольку лечь в постель фраганец решительно отказался, позволив только промыть и перевязать раненое плечо.

– А ну тихо! – рявкнул Аластор, лихорадочно соображая, как убедить прислугу, что демоны не так уж страшны. – И не стыдно вам? Подумаешь, твари... Вон, с одного уже шкуру снимают! – указал он в сторону «ребят» Мартина.

– Его светлость дело говорит, – поддержал его кузнец. – Убить эту погань можно, вон как его светлость большого лихо завалил! Секирой только зря... Ежели их там много, а головы у всех такие крепкие, это ж только добрую секиру зря портить.

Он с легким неодобрением покосился на Аластора, у ног которого лежала вторая секира, вытащенная младшим сыном Мартина из черепа твари. Аластор почти устыдился, что и вправду едва не испортил дорогое старинное оружие, но сразу опомнился.

– Мастер Кельмас, – обратился он к управляющему, – раздайте людям оружие и проследите, чтоб никто не остался без защиты. Женщин и детей, пока меня не будет, соберите в левом крыле и поставьте там охрану. Караульных у портала держите днем и ночью, и если твари полезут...

– Не отобьемся, – безнадежно сказал кто-то из толпы слуг, и женский плач, утихший было, стал громче.

Аластор с отчаянием понял, что проигрывает бой за храбрость своих людей. Рыжий конюх Томас, которого дважды ловили за браконьерство, не боялся в одиночку бить кабанов в лесах Вальдеронов, но демоны для него что-то невозможно жуткое, и лихому парню не понять, как можно всадить рогатину в барготову тварь, словно в кабана. Мартин и его сыновья – те другого закала, кузнец родом из Вольфгарда, и сыновей он воспитал так, что «ребята» скорее голыми руками пойдут душить демонов, чем нарушат отцовскую волю. Демон-то, может, не загрызет, а вот от батюшки точно схлопочешь. Но остальные... остальные скованы ужасом.

И тут его осенило. Если его люди видят в демонах только ожившие страшные сказки, с которыми никак нельзя бороться, значит, нужно, чтобы они взглянули на барготовых тварей иначе.

– Серебряный флорин за тварь вроде этой! – бросил он, снова указав на полураспотрошенного первого демона. – И три медяка за мелочь!

Толпа смолкла так быстро, что Аластор почти испугался. Но тут из кресла, где сидел фраганец, донесся смешок, а Мартин подался вперед, вглядываясь в Аластора, и лицо кузнеца, заросшее светлой бородищей почти по самые глаза, выразило живейшую заинтересованность.

– Серебряху за каждого, ваша светлость? – уточнил он, прищурившись.

Аластор кивнул и добавил, стараясь говорить громко и четко:

– Головы сдавайте мастеру Кельмасу, он запишет, кому сколько причитается, а я, как вернусь, рассчитаюсь.

Еще несколько мгновений толпа вокруг безмолвствовала, а потом Мартин так же громко заявил:

– Дык зачем же людей от дела отрывать, ваша светлость? У меня в кузне работы немного, вот мои ребята у этой дыры и покараулят. Один днем постоит, другой – ночью, а коли надо, третий их подменит!

– Это с чего это твоим ребятам такое счастье? – заорал рыжий Томас, начисто забыв, как только что изо всех сил боялся демонов. – Да я за серебряху эту погань сам на рогатину подниму или из лука пристрелю! Нет уж, Долгий, давай по справедливости! Кто хочет, пусть от этой барготовой дыры подальше держится, а я тоже на карауле стоять желаю, хоть и в очередь.

В глазах конюха плескался яростный азарт человека, увидевшего простую, хоть и опасную возможность набить кошелек. Аластор незаметно выдохнул. Получилось! Отныне демоны не запредельный ужас, а просто редкая и опасная дичь, за которую милорд готов платить! И которая, кстати, кончится, как только из столицы приедут маги. А за серебряный флорин можно купить тонкорунную овцу! За три флорина – дойную корову или упряжную лошадь...

– Ваша светлость, вы хорошо подумали? – уныло поинтересовался мастер Кельмас, подтверждая его мысли. – Флорин за голову... Да если твари не вылезут, наши молодцы сами в эту дыру сунутся и их оттуда выволокут.

– Флорин за каждого, – твердо пообещал Аластор. – А если полезут еще какие-то, кроме этих, заплачу за любого!

Ему вдруг пришла в голову странная, но весьма своевременная мысль. Портал закроют, как только Орден узнает о случившемся. Но демоны – и в самом деле редкость! Вдруг они нужны алхимикам на зелья, например? А если и нет, шкуры можно снять, выдубить и набить из них чучела, а потом продать их в той же столице! Такое чудо с руками оторвут за любые деньги!

– Мастер Кельмас, – сказал он управляющему, больше всего жалея, что нельзя самому остаться и поучаствовать в самой изумительной охоте, какая только может быть. – Туши, что вам сдадут, отправляйте на ледник и в подвалы. У нас же были зачарованные ящики и бочки? Вот! Солью засыпать не надо, пожалуй, вдруг испортятся...

– Слушаюсь, милорд, – просветлел лицом управляющий, наверняка уловив его мысль. – Все будет исполнено в лучшем виде, не извольте беспокоиться.

– Вот и хорошо, – выдохнул Аластор, вдруг поняв, что жутко устал. – Все, кто готов стоять в карауле, пусть поделится по трое, чтоб у портала по одному не торчали. Мартин! – окликнул он внимательно слушающего кузнеца. – Ты старший! Но чтоб других не отгонять! Будут жалобы, проверю и виноватых накажу.

– Слушаюсь, ваша светлость, – поклонился кузнец. – Удачной дороги вам.

Аластору показалось, что Мартин проглотил невысказанное пожелание не торопиться, очень уж алчно и нежно кузнец посмотрел на окна тренировочного зала. Ну и хорошо.

Теперь, когда ясно, что поместье в обиду не дадут, можно собираться в путь.

– Как вы себя чувствуете, месьор? – спросил он д'Альбрэ, и фраганец усмехнулся.

– Как в театре, – сообщил он. – Браво, юноша. У вас талант управляться с вилланами.

Выедем сегодня же или завтра утром?

– Если вы уверены... – осторожно начал Аластор, и д'Альбрэ поморщился.

– Я не разваливаюсь на куски, – сухо сообщил он. – У меня всего лишь поцарапано плечо. В седле сидят совсем другим местом, как вам, должно быть, известно.

– Разумеется, месьор, – вздохнул Аластор, прикидывая, что нужно взять запасных лошадей и хотя бы пару слуг из тех, что не пожелают нести караул у портала.

До Дорвенны три дня верхом, можно доехать и быстрее, если его спутник хорошо перенесет дорогу. Но оставлять фраганца здесь и вправду не стоит, Аластор видел его рану, и потемневшая кожа глубоко распоротого когтем демона предплечья ему совсем не

понравилась. Если с д'Альбрэ, ставшим ему близким, словно второй отец, что-то случится, Аластор никогда в жизни себе этого не простит.

* * *

Она пришла... Домой к чужому мужчине?! Одна?! В такое время?!

Да, Грегор – лорд, он знает, что такое честь. К тому же он преподаватель Академии. Но если кто-то узнает, репутация Айлин Ревенгар исчезнет быстрее, чем живая плоть, пораженная «тленной сутью». Сумасшедшая девчонка! Что она вообще себе возомнила? Что традиции и мнение общества ничего не значат? Что Грегор...

Айлин смотрела на него огромными глазами, и в полутьме, при свете свечи, ее волосы будто горели темным пламенем барготова огня, который, как известно, ничем не потушить. Лицо девчонки было молочно-белым и с каждым мгновением бледнело еще сильнее, пока Грегор не испугался, что она вот-вот упадет в обморок. Зелень глаз казалась на нем колдовской и опасной, а губы, по контрасту с кожей тоже потемневшие, пухлыми и резко очерченными.

– Айлин... – осторожно начал Грегор, вставая из-за стола и делая шаг навстречу девушке. Наверное, все еще можно исправить? Если она здесь, значит, либо Дарра Аранвен не успел сделать предложение, либо Айлин ему отказала. А может, он умудрился чем-то ее обидеть? И девчонка кинулась к Грегору, спасаясь от нежеланного брака? Да нет, быть этого не может. Про Аранвена можно много чего сказать, но предположить, что он способен оскорбить леди, за которой столько лет ухаживал? Но почему тогда?

– Простите, милорд, – сказала Айлин тихим и каким-то ломким, словно тонкий лед, голосом. – Я только... хотела... увидеть вас...

Увидеть. Его. Грегора Бастельеро. Своего преподавателя, с которым она и так видится каждый день. Болвана, двадцать с лишним лет влюбленного в чужую жену, хранившего ей верность... Человека, у которого сейчас вместо сердца – дыра, которую не залить карвейном, не вылечить ни словами, ни магией. Милая девочка, что же ты делаешь?! Что ты делаешь со мной и с собой?!

– Вам не следует здесь находиться, Ревенгар, – так же тихо и ровно, цепляясь за последние остатки рассудительности, сказал Грегор. – Ваша репутация...

– Я только хотела увидеть вас! – повторила девчонка неожиданно громко и звонко.

Грегор, будто пораженный и оглушенный заклятием, увидел ее всю – разом. Тонкую, но уже с развившейся девичьей фигурой, которую оказалась бессильна скрыть скромная мантия адепки. Смотрящую на него отчаянно и гордо...

В памяти вспыхнуло видение прекрасной девушки в зеленом шелке под склоненными вишневыми ветвями, но как бы она ни была прекрасна, тогда Грегор не потерял самообладания. Разозлился – да! Не на нее, на наглеца Роверстана. А вот сейчас понял, что летит в темную сладкую бездну, на дне которой нет ни чести, ни принципов, ни даже милосердия.

Так вот что чувствуют те, кто совершает подлость с доверившейся им девушкой?! Когда кровь кипит так, что невозможно смотреть ни на что, кроме нее. Думать о чем-то ином, кроме мягкости и нежности ее губ, запаха волос и кожи, теплого чистого дыхания и ярких доверчивых глаз... Ради Претемной, девочка, ведь я же старался не замечать, как ты на меня глядишь, как провожаешь взглядом и прячешь его, стоит встретиться с тобой глазами. Адепки часто влюбляются в преподавателей, это общеизвестно, и любой, у кого есть хоть капля порядочности, никогда не воспользуется этим. Но...

В окно, приоткрытое еще вечером, потянуло прохладным ветерком. Что-то легко ударило в висок Грегора, запуталось во влажных волосах, которые он не стал стягивать в обычный хвост, позволяя им высохнуть. Он успел почувствовать, как шевелится прядь у виска, и тут Айлин сказала тем же тихим и словно невесомым голосом:

– Пчела, милорд. Осторожно, укусит...

И медленно, будто через магический щит, потянулась к его голове.

Тонкие пальчики успели коснуться его волос, а основание ладони – задеть щеку. Грегор поймал запястье девушки, совершенно не думая. Просто перехватил быстрым движением руки и прижал к губам, не отводя взгляда от ее лица, прозрачно бледного и усыпанного густым золотом веснушек.

Айлин Ревенгар не сказала ни слова, только глаза расширились еще, как бы невозможно это ни выглядело. Шальная ядовитая зелень...

Будто во сне Грегор сделал еще шаг навстречу, последний, и его рука легла на плечо девушки так легко и естественно, будто ей там было самое место, и непонятно почему это не случилось раньше.

«Это все карвейн, – успел беспомощно подумать Грегор. – И предательство той...»

Он торопливо оборвал последнюю мысль, чтобы даже именем убившей его любовь женщины не испачкать то, что смотрело на него из глаз Айлин Ревенгар.

Губы у нее оказались именно такими мягкими и нежными, как он представлял. И доверчиво прильнувшее к нему тело – покорным, податливым. Исступленно покрывая поцелуями лицо Айлин, Грегор развязал ало-фиолетовый шнурок на вороте ее мантии и увидел, что грудь девушки ниже ключиц, над белой кружевной пеной сорочки, покрыта той же самой золотой россыпью веснушек. Никогда, ни у одной девицы он не видел подобного. Так трогательно, так щемяще незащитно и невероятно чувственно.

– Айлин... – простонал он, чудовищным усилием оторвавшись от нее. – Мы не должны...

Простите! Это неправильно...

«Все правильно, – шепнули демоны из глубины его сознания, той самой бездны, дна которой он наконец-то достиг. – Все именно так, как и должно быть. Она тебя любит. Она никогда не предаст. Чистая, совершенная, нежная и целомудренная...»

– Я люблю вас... – шепнула Айлин, и в ее расширившихся блестящих зрачках заплескали огоньки от единственной свечи, что вот-вот должна была погаснуть.

Словно в том же тяжелом сладком сне, на грани между горячечной мужской грезой и кошмаром, Грегор подхватил ее на руки и пронес дюжину шагов до двери в спальню. Не ахнув, не всхлипнув, девчонка прижалась к нему, обвив шею руками так, будто Грегор спасал ее от смертельной опасности.

В спальне он поставил ее на ноги и щелчком пальцев зажег свечи в шандале у кровати. Их было целых три, и после полумрака кабинета яркий свет резанул по глазам.

Спохватившись, Грегор потушил пару, снова оставив одну. Айлин стояла, опустив руки вдоль тела, глядя на него с тем же доверчивым ожиданием, словно лань под направленной на нее стрелой, и Грегор содрогнулся от чудовищности того, что делает, но остановиться уже не мог. Это было исцелением от безумия, кривляющегося в темном стекле зеркала, пока Грегор пил, спасением от тьмы, ворочающейся в глубине его души.

Когда он обнял Айлин, она снова закинула руки ему на шею, неловкая и восхитительная в своей явной неумелости. Такая невинная... И когда он, собрав ладонями ее мантию, потянул плотную ткань наверх, чтобы снять через голову, девушка наконец ахнула, коротко и тихо, невозможно сладко. А потом осталась стоять перед ним светлая, будто сияющая. Тонкая полотняная сорочка, под которой угадывались очертания груди и талии, стройные бедра и длинные ноги в панталончиках, а ниже – полотняные же чулки...

У Грегора пересохло во рту, стоило представить, что вот это все нужно и можно сейчас снять. То есть рубашку надо, разумеется, оставить... Оскорбить Айлин полной наготой, словно падшую женщину?! Немыслимо!

Он опустился перед ней на колени, смутно вспоминая, что следует развязать подвязки на чулках. Напряженными до боли пальцами справился с шелковыми ленточками, зелеными, в тон глазам, словно кто-то мог их когда-то увидеть, кроме самой Айлин. Едва удержался, чтобы не коснуться губами округлых нежных коленей над тонкими лодыжками, но снова вспомнил о том, что девушка целомудренна и может испугаться любого лишнего прикосновения...

Когда панталончики, отороченные внизу трогательной полоской кружев, упали на ковер вслед за чулками, Грегор чуть не застонал, увидев узкие ступни с изящными пальчиками. Заставил себя отвести взгляд и поднялся с колен, мучительно думая, можно ли снять лиф, не снимая тоненькой рубашки-камызы. Корсета, как большинство придворных дам, Айлин не носила – и хвала Претемной! Ничто в ней не вызывает фальшивое чувственное желание, оскорбительное для женщины!

Заведя руки за спину Айлин, он попытался нащупать застежку ее лифа через рубашку, но тонкая скользкая ткань мешала пальцам, и Грегор не стал продолжать. Он убрал руки, и тут Айлин, закусив губу и опустив взгляд, сама потянулась назад, что-то сделала – и ее грудь,

освобожденная из плена, приобрела под полотном камизы такие мягкие волнительные очертания, что у Грегора закружилась голова. Совершенство. Она – совершенство, которого он не заслуживает!

Поведя плечами, Айлин выскользнула из лифа, оставаясь в камизе, и узкая кружевная полоска упала вниз вслед всему остальному. Подняла голову, и Грегор снова нежно и восхищенно поцеловал ее губы, чувствуя, как они пересохли от волнения. Запах от ее кожи и волос дурманил рассудок, пьянил сильнее, чем карвейн, и Грегор пил его, как пил бы воду, умирая от жажды...

А потом он снова подхватил ее на руки и сделал шаг к постели, чувствуя себя бесстыжим мерзавцем, негодяем без чести и совести, но понимая, что не отдаст эту девушку никому. Хватит! Он и так слишком долго отходил в сторону, уступая любовь чувству чести, дружбы и верности сюзерену. И какова была награда за честь и верность? Айлин – его. И он положит жизнь на то, чтобы сделать ее счастливой.

Свеча погасла, повинувшись даже не жесту – взгляду. Айлин тихонько всхлипнула, прижавшись к нему, и Грегор опустил ее на постель, с которой чудом успел сдернуть покрывало. Почувствовал, как дрожит девушка, как горячи ее губы, прижавшиеся к его плечу, но тут мысли закончились, остались только жажда и слепое темное желание забыться, утонуть в том, чего он жаждал столько лет, сам не зная, чего ищет на самом деле. – Айлин... – шепнул он, лаская ее именем слух. – Моя Айлин... Только моя.

* * *

Свеча погасла, и Айлин замерла от внезапного страха, пробравшего ее от макушки до кончиков пальцев на ногах и руках. Но разве не этого она хотела?

То есть нет, когда она примчалась из Академии в особняк Бастельеро, подгоняемая страхом за жизнь Грегора и непонятным томлением внутри, то хотела только убедиться, что с ним все хорошо! Ну вот, убедилась...

Айлин прикусила губу, радуясь, что в спальне темно, только в окно чуть-чуть светит луна, прикрытая облаком, но этого света не хватит даже на то, чтобы рассмотреть очертания тел. Претемная, как стыдно!

В кабинете лорд Бастельеро, то есть Грегор, был совсем другим. Она даже не представляла, что такое может быть! Всегда подтянутый и чопорный, застегнутый на все пуговицы, неважно – в камзоле или мундире, образец аристократа и мага... Он внушал ей благоговейное почтение, граничащее со страхом, одним взглядом и звуком голоса!

Но сегодня она увидела Грегора Бастельеро, похожего и не похожего на себя одновременно. Наверное, мэтр недавно принимал ванну, и его черные выющиеся локоны, всегда стянутые в строгий хвост, рассыпались по плечам влажными черными завитками.

Айлин впервые увидела мэтра в одной лишь рубашке и штанах! Небрежно расшнурованный ворот открывал шею и часть груди! Так... непристойно, откровенно, красиво...

И то, как лорд Бастельеро на нее смотрел! Его пальцы на ее запястье. Надо же было додуматься – самой прикоснуться к мужчине! Первой! Ох, что он теперь о ней подумает! Она сама неизвестно что подумала бы о себе, если бы не жаркое восхищение в темно-синих глазах... Ведь это же было восхищение, правда?

Теперь Айлин точно знала, что мечты сбываются! Она всей душой хотела впервые познать таинство любви в объятиях человека, которого любила, – и это случилось! Губы мэтра, его руки, такие настойчивые и нежные... Она чуть со стыда не умерла, когда он ее раздевал, но от поцелуев по телу разливалась томная горячая сладость, которую она уже однажды испытала...

Нет-нет, о том поцелуе даже думать нельзя! Это будет изменой, самой настоящей! А она... она никогда не изменит лорду Бастельеро, то есть Грегору. Так же как он ее никогда не обидит. И хотя то, что они делают, очень развратно и недопустимо до брака, но кому же и довериться, если не ему? Ведь он тоже ее любит!

Айлин вдохнула горячий чистый аромат, незнакомый, но очень приятный, и поняла, что так пахнет мужское тело. Никаких благовоний или душистой воды... Разве что запах карвейна примешивался горьковатой струей, когда она целовалась с Грегором или он к ней наклонялся, но это ничего! Наверное, у мэтра был тяжелый день, да и он же не знал заранее...

Очутившись в его руках, Айлин почувствовала себя самой счастливой на свете! Ей все еще было горячо и сладко, внизу живота что-то напряглось, а грудь... Она напряглась, и то, что в любовных романах стыдливо именовалось «розовыми бутонами», затвердело. Айлин с замиранием сердца ждала, что мэтр разденет ее полностью... Ему ведь наверняка хочется ее увидеть! А она... она готова на все, чтобы он тоже был счастлив!

Но Грегор отнесся к ней с таким уважением. Он почти не трогал ее тело, только продолжал целовать, и томное чувство, наполнившее ее, стало менее горячим и острым, так что Айлин вздохнула немного легче.

А потом свеча в спальне погасла – и Айлин очутилась на прохладной постели, придавленная неожиданно тяжелым и твердым телом. Ей стало страшно, но мэтр что-то зашептал ей на ухо, непонятное, сбивчивое, но вроде бы успокаивающее. Кажется, это была просьба потерпеть и обещание, что будет не очень больно.

Конечно, она знала, что должно быть больно! Матушка не раз говорила, что супружеский долг – это то, что приличная женщина должна просто терпеть ради удовольствия своего супруга, но когда отец вернулся домой, леди Гвенивер стала выходить к завтраку с такими плавными движениями и румяными щеками, что Айлин, даже не понимая, в чем дело, никак не могла поверить, что это очень уж противно.

Вот! Вот сейчас она тоже это узнает! И окончательно станет взрослой! Настоящей женщиной... Она снова закусила губу, уговаривая себя, что нельзя же просто вскочить и выбежать из спальни! Она сама... сама хочет этого! И неважно, что приятное тепло в теле исчезло, оставив болезненное напряжение от страха, это вполне можно перенести. И твердые, чуть шершавые пальцы, гладящие и мнущие ее бедра – тоже. И острый гадкий стыд, когда ее ноги оказались раздвинуты, а тяжесть мужского тела вдруг показалась неприятной и совсем лишней...

Когда резкая боль пронзила тело Айлин внизу, она вскрикнула и вцепилась в плечи мэтра ладонями, зажмурившись и желая только, чтобы все быстрее закончилось. Но это ведь не всегда так будет, верно? Наверное, она сама что-то делает неправильно, потому что в романах тело девушки, отдающейся возлюбленному, всегда наполняется медовой сладостью и нежностью цветочных лепестков. Непонятно только, как это сочетается с тем, что говорила ма... леди Гвенивер?!

Прерывисто дыша, Айлин терпела болезненные толчки, глухо отдающиеся во всем теле, и все больше убеждалась, что хотя бы в чем-то леди Гвенивер оказалась совершенно права. Никакой медовой сладости и лепестков она не ощущала и близко, но потерпеть можно. Наверное, она все-таки не совсем развратная, если ей не нравится...

Несколько раз двинувшись особенно сильно, мэтр... то есть Грегор напрягся, выдохнул ей что-то в ухо и обмяк, а потом стал снова целовать ее щеку, шею, плечо... В губы он почему-то не попадал, и Айлин была этому даже рада. Запах карвейна показался противным, а им от Грегора пахло теперь очень сильно. Или просто она стала сильнее его замечать?

Сдвинувшись с ее тела, Грегор лег рядом, и Айлин вздохнула свободно. Внизу живота что-то болело, не очень сильно, но тупая противная боль не давала сосредоточиться. Хотелось плакать... И вот это – все? То, о чем она так долго мечтала? О чем шептались старшие девицы? Наверное, они сами не знали, на что это похоже, вот и придумывали себе всякие восхитительные глупости.

И все равно она рада. Ведь рада же? Грегор ее любит, и теперь все будет хорошо. А поцелуи – это очень приятно! И объятия – тоже! И если он будет часто обнимать и целовать ее, все остальное Айлин как-нибудь переживет! Да и тетушки говорили, что после рождения детей многие мужья оставляют своих жен в покое, но вот об этом ей точно рано думать!

Айлин прислушалась. Мэтр Бастельеро дышал ровно и мерно, и она с изумлением поняла, что он заснул! Вот так вот взял – и заснул! А где же признания в любви?! Она почувствовала себя обманутой, в горле встал горький ком, и Айлин тихонько всхлипнула. Вдобавок, внизу, между ног, у нее творилось что-то гадостное. Нет, конечно, она знала, что невинность девицы подтверждается кровью, но никогда не думала, что этой крови много и она пачкает ноги противной липкой влагой... В тех же романах что-то очень смутно

говорилось об алом цветке на простынях, принесенном девицей в дар своему возлюбленному... А реальность снова оказалась гадкой!

– Ай... лин... – выдохнул лорд Бастельеро, она замерла, но Грегор лишь повернулся на другой бок, отвернувшись от нее, и явно заснул еще глубже.

Все не так! Все неправильно! Айлин едва сдерживала рыдания, представив, что не может даже попросить теплой воды. Она в чужом доме! И понятно, что подумают о ней слуги, ведь они не знают, что Айлин с Грегором любят друг друга! Она же выглядит, как... как непристойная девка! Сама пришла к мужчине и легла с ним в постель!

Претемная, а что, если Грегор тоже в ней разочаруется? Он, конечно, теперь знает, что Айлин отдала ему невинность, но ведь до брака! И... что ей тогда делать? Если он ее не любит...

Она осторожно пошевелилась, постоянно оглядываясь на спящего мужчину, но Грегор разметался по кровати и спал так крепко, что Айлин зажгла магией одну свечу, подобрала свою одежду и кое-как вытерлась лифом, а потом натянула панталоны, камизу и мантию. Испачканный лиф у нее теперь вызывал гадливость, и Айлин скомкала его, а потом сунула в поясную сумочку, искренне надеясь, что тетрадь мэтра Лоу не замарается. Чулки она отыскать так и не смогла, они куда-то исчезли. Ну и все равно! На улице холодно, конечно, но не оставаться же ради их поисков?

Щеки у нее горели, а еще все время хотелось плакать. И вымыться. А потом лечь в свою постель, свернуться, укрыться теплым одеялом и всласть нареваться. Она представила, как придется идти через чужой особняк, искать кого-то из слуг и просить ее выпустить...

Потом ехать по ночному городу в Академию! А может, остаться?

Ну уж нет! Если с ней после всего... этого... даже слова не сказали, навязываться она не станет! Даже подумать страшно, как на нее посмотрит лорд Бастельеро, если утром она проснется в его постели! И... ох, у нее же завтра особый курс первым занятием! Если, конечно, занятия не отменят...

Выбегая из спальни, Айлин молча и очень зло ругала себя последними словами. Как она могла забыть, что случилось в Академии?! Прорыв, смерть магистра Кристофа... Да если мэтр, узнав все, станет ее презирать, он будет прав!

На лестнице она встретила невозмутимого камердинера, почему-то начищающего перила воском, хотя это ведь работа горничной. Айлин едва не сгорела со стыда, вспыхнув и лицом, и, кажется, телом, но пожилой слуга лишь поклонился ей и очень учтиво поинтересовался, чем может служить леди.

– Мою лошадь, – сказала Айлин дрожащими губами. – И передайте милорду, что...

Впрочем, ничего не нужно передавать.

Камердинер поклонился, очень умело не глядя на нее. Ни на растрепанные волосы, ни на голые ноги в башмаках, хотя Айлин кожей почувствовала его неодобрение. Но лошадь, уже оседланную, ей привели, и Айлин вскочила в седло, лишь в последний момент сообразив, что это была плохая мысль. Очень плохая...

У нее даже голова закружилась от тошноты пополам с болью, но она стиснула зубы и упрямо сжала колени, радуясь, что у этой кобылы такая мягкая ровная рысь. Об этом в романах тоже не писали! Удивительно бесполезное и лживое чтение, оказывается...

Как Айлин добралась до Академии, она толком даже не поняла. Адептам старше семнадцати выезд в город по правилам был разрешен, но возвращаться-то следовало в пристойное время!

Постучав в калитку возле ворот, она дождалась, пока появится заспанный служитель, и выгребла из поясной сумочки пригоршню серебра пополам с медью.

– Лошадь – в конюшню, и никому не говорить.

Служитель поклонился, и Айлин только тогда поняла, что сказала это в точности как отец: он всегда приказывал слугам очень спокойно, но никому в голову не приходило его послушаться. Оказывается, это так легко! И то, что ты только что вела себя как шлюха, не делает тебя меньше леди. Во всяком случае, в этом.

Поднявшись на свой этаж, она заколебалась, не свернуть ли в купальню? Теплой воды там уже нет, конечно, но можно ведь и нагреть... Правда, тогда о ночной отлучке точно узнают все, а Айлин еще не совсем обезумела. Поэтому она дошла до уборной и тем же лифом, простигнув его, привела себя в относительный порядок, а потом сняла все-таки

испачканные штаны и выбросила оба зловещих предмета туалета в урну. Вот и все – никаких следов.

Иоланда, конечно, давно спала. Но стоило Айлин проскользнуть в комнату, соседка приподнялась на постели, пристально обозрела ее и хмыкнула:

– Ну ты даешь, Ревенгар. Еще немного – станешь на девушку похожа.

Присмотрелась к ней, осеклась и хмуро спросила:

– Ты что, убила кого-то?

– Еще нет, – буркнула Айлин, откидывая покрывало и сдирая с себя мантию.

– А по лицу похоже...

Завозившись, Иоланда села на постели, зачем-то полезла в тумбочку, вытащила пирожное – со своим любимым розовым кремом! – и, подойдя, сунула его Айлин прямо в руки, велев:

– На, съешь. И запомни, он того не стоит.

– Кто – он? – спросила ошарашенная Айлин, оценив небывалую щедрость и заботу. – Чего не стоит?

– Ничего, – твердо заявила Иоланда. – Запомни, нам, девушкам, не бывает настолько плохо, чтоб не помогли три великих «П» – поесть, поплакать и поспать. Вот, ломай, потом можешь порыдать в подушку – только недолго, а то опухнешь – и давай спать. А он того не стоит, я тебе точно говорю.

– Спасибо... – проговорила Айлин, сжимая в руке мягкую булочку с кремом, и вдруг в самом деле расплакалась, чувствуя, как со слезами в горле наконец тает тяжелый горький ком, стоявший там так долго, что она уже перестала его замечать. – Я запомню...

Глава 10. Очень пристойное предложение

В комнате пахло рассветной свежестью, и Грегор, не открывая глаз, припомнил, что сам распахнул вчера окно. Воздуха не хватало, вот и распахнул. Сейчас это пришлось как нельзя более кстати: аромат росы и влажной земли почти перебивал резкий запах карвейна. Не закрыл бутылку и стакан немного не допил, вот и несет. Карвейном. И – едва уловимо – кровью. Слабый запах, который обычный человек мог бы и не почувствовать, но чутые некромантов на такое отзывается иначе.

Почти как вчера во дворце... Проклятье, Малкольм!

Накатило вчерашнее отчаяние, которое он тщетно пытался запить карвейном... Трижды проклятье! И за то, что не смог спасти друга, и за то, что сбежал из дворца, поджав хвост! Неважно, что уехать велел Аранвен, неважно, что твое присутствие никому и ничем не помогло бы...

«Но сейчас, – подумал Грегор, стиснув зубы. – Я отправлюсь во дворец. Приведу себя в порядок и... Нет, сначала – в Академию. Необходимо поставить Совет в известность. Если, конечно, Райнгартен не сделал этого еще вчера. И к тому же... О, Претемная! Первая лекция у Воронов! Которую, разумеется, нельзя отменить, а просить о замене совершенно некого! Что ж, в Академию, а затем – во дворец. Его высочество Кристиан... теперь уже его величество... Должен же я узнать, нашелся ли мальчишка!»

Он наконец открыл глаза, полежал неподвижно, глядя в потолок и чувствуя, как слегка ноет голова, сел на постели – одеяло соскользнуло, и...

Кровью пахли пятна на простыне. Совсем немного, и уже высохшие.

Проклятье! Только этого...

Он закрыл глаза, сжал ладонями виски – память тут же с издевательской яркостью высветила события прошедшей ночи.

«Барготов ублюдок! – с отчаянной яростью подумал Грегор. – Как ты мог, Бастельеро?! И еще смел упрекать... других?! Мальчишка Вальдерон, по крайней мере, не совершил недостойного, в отличие от... Претемнейшая, какой же немыслимый позор! И как теперь смотреть в глаза этой несчастной девочке, которую... которая... которая, проклятье, влюблена в тебя, самодовольная слепая скотина! Как вымолить у нее прощение?

Представить страшно, что теперь бедняжка думает о «мэтре Бастельеро», если сбежала, не дожидаясь твоего пробуждения...»

Снова открыв глаза, Грегор обвел взглядом комнату.

Никаких следов Айлин. Разве что вчерашняя рубашка и штаны, как попало брошенные в кресло, говорят о том, что раздевался он торопливо – и что камердинер не заходил в его спальню. Нет, в самом деле, ничего не говорит о ее присутствии, кроме смятой постели и... Поморщившись, Грегор отвел взгляд. Дернул за шнур, вызывая камердинера, и невольно поразился, насколько быстро тот явился – не под дверью же ждал? С кувшином для умывания, конечно же...

– Поставьте на стол, – бросил Грегор, глядя не на кувшин, а в каменно-невозмутимое лицо пожилого слуги, ухаживавшего за ним еще в детстве. – И скажите, моя гостья...

– Покинула особняк около двух часов пополудни, милорд, – ровно откликнулся камердинер.

– Благодарю, – мрачно кивнул Грегор. – Распорядитесь подготовить купальню. И принесите шкатулку с фамильными драгоценностями.

Если камердинер и удивился, то не подал виду, и Грегор даже почувствовал подобие благодарности за очередной молчаливый и невозмутимый поклон. По крайней мере, можно быть уверенным, что никто из его слуг не посмел оскорбить гостью даже взглядом. И снова душу потянуло мучительным осознанием вины. Уснул, как пьяный мальчишка! Да, почти два стакана карвейна на пустой желудок и после магического боя – вещь коварная, и в другом случае Грегор не удивился бы, что его вынесло, как адепта-первогодка. Но после такого! Что о нем теперь думает бедная девочка, с которой он повел себя по-скотски, даже не утешив после... Не заверив, что ее честь не потерпит ни малейшего урона!

Темно-синий сапфир женского родового кольца поймал солнечный луч, блеснул в глаза остро и насмешливо, и Грегор едва удержался, чтобы не бросить барготово кольцо обратно в шкатулку. Эта насмешка – лишь злая шутка его собственной памяти. Много лет назад этот самый сапфир мягко светился на руке его мачехи... По крайней мере до того, как стало известно о проклятии. Если вспомнить хорошенько, тогда маленький Грегор любил забраться к ней на колени и любоваться бархатными переливами синевы в камне. «Мой маленький альв», – смеялась Аделин, глядя его по волосам, и кольцо, ловя игру света и тени, мерцало еще загадочнее...

Сапфир блеснул еще насмешливее, и Грегор стиснул зубы. Да, в точности так же блестели глаза Беатрис, когда он, восторженный болван, явился к ней с этим же кольцом. Просить ее руки с позволения Малкольма... действительно, болван! А ведь он тогда принял эту издевку за смущение и сочувствие!

Он почти увидел очаровательно удивленную гримаску Беатрис, и услышал свой постыдно запинаящийся голос:

– Его величество Малкольм... он король и прекрасный человек, моя госпожа, но он не любит вас. Вас, прекраснейшую и достойнейшую из женщин! А я вас люблю – больше жизни, больше... больше всего на свете! Больше магии... Я не король, это правда, но уступаю в знатности только ему, а в богатстве – не уступаю и Малкольму, хотя это и не то, чем следует похваться перед дамой... И я буду боготворить вас, пока дышу, моя госпожа! Если вы согласитесь принять мою руку...

Улыбка Беатрис просияла солнцем, выглянувшим после дождя, и Грегор осекся, не понимая – что он сказал такого смешного?

– Какая очаровательная чепуха, мой дорогой Грегор, – прозвенел ее нежный голос. – О, простите, я, конечно же, имею в виду вовсе не ваши чувства, а только лишь то, что мой жених не любит меня. Я прекрасно об этом знаю. Но какое это имеет значение? Его величество может любить, кого ему будет угодно, но женится он на мне, как того требует его долг короля и мой долг принцессы. Полагаю, у моего будущего мужа всегда будут фаворитки, и в этом вовсе нет ничего страшного, пока он не выставляет их напоказ. О, но я так благодарна вам за вашу преданность, Грегор... И ценю ее всем сердцем, поверьте! Ее рука, прекрасная, нежная рука, золотистая, словно светящаяся изнутри, очутилась перед самыми глазами, и Грегор, плохо понимая, что делает, коснулся ее губами.

Обтянутая бархатом шкатулка выпала из его ослабевших вдруг пальцев, раскрылась от удара о плиты террасы, и кольцо – фамильное кольцо Бастельеро! – зазвенело на полу, покатилося к самым ногам Беатрис...

– О Грегор, – протянула она таким странным тоном, что Грегору показалось, будто сейчас он сгорит от стыда...

Беатрис отняла руку, наклонилась и подняла кольцо раньше, чем он успел хотя бы шевельнуться. Повертела в руках, подняла, рассматривая камень на просвет.

– Чудесный сапфир, мой Грегор, – улыбнулась она. – Вы позволите?..

– Что угодно, моя госпожа, – едва разомкнул он непослушные, словно смерзшиеся губы, не понимая, о чем она спрашивает.

Кольцо скользнуло на ее палец, и Грегору показалось, что его сердце вот-вот остановится. Беатрис несколько раз повернула руку, склонила головку, снова залюбовавшись игрой солнца на камне, и, сняв перстень, протянула ему.

– Действительно чудесный камень, Грегор. Даже жаль, что я не могу принять его. Но вы можете быть уверены, что, будь у меня выбор, я бы не пожелала ничьей любви, кроме вашей. Увы, мы оба скованы долгом. Я – перед семьей, а вы – перед сюзереном и другом. Но мы ведь останемся друзьями?

Грегор встряхнул головой, отбрасывая воспоминание. Беатрис не нужна была ни его рука, ни, тем более, сердце. Пожалуй, и к лучшему, что она отказала ему, иначе... Смог бы он выносить ее измены, как Малкольм?

«Она таскает в постель моих же гвардейцев и пажей ...»

«Смогла же она в брачную ночь заявить мне, что сундуки с итлийским золотом куда ценнее девственности ...»

Не сама ли Претемная уберегла своего Избранного от женитьбы на шлюхе?

«Во всяком случае, – с горечью подумал Грегор. – В целомудрии Ревенгар я могу быть уверен».

И снова волной накрыло отвращение к самому себе. Проклятье, девчонка не заслужила таких мыслей! Да и сравнения с Беатрис – тоже!

«По крайней мере, – подумал Грегор, изнемогая от стыда. – Я сделаю ее счастливой. Она ведь и в самом деле любит меня, любит настолько, что отдалась, не спрашивая ни о чем, не требуя ни слов любви, ни обещания жениться... Тем с большей радостью примет предложение, и пусть только ее никчемный братец посмеет мне возразить. А я... что же, я постараюсь, всеми силами постараюсь не разочаровать ее. Мой брак никогда не будет похож на брак Малкольма, клянусь! Впрочем, сначала следует извиниться перед невестой! Сразу же после лекции!

* * *

Лекцию о стригоях Грегор читал, почти не вслушиваясь в собственные слова. Благо, тема была ему знакома едва ли не лучше особенностей вооружения фраганской армии.

Стригой – это не легендарные аккару, их рано или поздно встречает почти любой некромант. Правда, для некоторых эта встреча становится последней, что Грегор и постарался должным образом донести до адептов.

Воронята сосредоточенно скрипели перьями, стараясь не упустить ни одного слова, и Грегор чувствовал бы себя почти спокойно, если бы не напряженная тишина в Академии. И в аудитории. Если бы не беспокойные взгляды Аранвена и Эддерли на Ревенгар.

Если бы сама Ревенгар хоть раз подняла на него взгляд!

Но девчонка упорно не смотрела никуда, кроме тетради, и выглядела – сердце кольнуло! – усталой и измученной.

«Но хотя бы не несчастной!» – невольно подумал Грегор и едва не выругался вслух: нашел, чем гордиться! Впрочем, чего он ожидал? Айлин Ревенгар – дорвенантская леди, а не итлийка, и не следует думать, что плотская любовь, тем более до брака, не освященная уверенностью в нежных чувствах и заботе мужа, способна вызвать в ней восторг. Колокол возвестил окончание урока, и Грегор поспешно выбросил из головы все лишние мысли.

– Лекция окончена, господа адепты, вы можете быть свободны, – уронил он и, когда воронята потянулись к выходу, добавил: – Ревенгар, задержитесь.

Замерли все.

Тимоти Сэвендиш – у самой двери, уже положив на ручку ладонь, Галлахер и Кэдоган – на полушаге у первой парты, Аранвен и Эддерли – первый, только успев привстать с места, второй – согнувшись над сумкой с учебниками...

И Айлин – не успевшая ни встать, ни закрыть тетрадь.

Грегору вдруг бросилось в глаза, что сегодня она села немного поодаль от остальных Воронов, словно отгородившись от них несколькими свободными стульями. А Дарра Аранвен, и без того не пышущий румянцем, бледен более обычного, и его заколка-перо, которую все Вороны так и продолжали носить в причёске, не строго параллельна линии аккуратно зачесанных золотистых волос, а немного скошена – для Аранвена просто немыслимо!

– Как много адептов из рода Ревенгар учится на моем курсе, – мрачно бросил Грегор, осмотрев аудиторию. – Вы плохо меня поняли, господа? Я не задерживаю никого, кроме леди.

– Простите, мэтр, – виновато вразнобой откликнулись несколько голосов, и адепты наконец, потянулись к дверям.

Аранвен и Эддерли, однако, задержались. Дарра шагнул к Ревенгар, наклонился над нею, тихо сказал что-то, чего Грегор не услышал. Айлин, не поднимая глаз от тетради, покачала головой. Аранвен нахмурился, Саймон Эддерли закатил глаза и потянул приятеля к выходу из аудитории.

Но у самой двери тот оглянулся и бросил на Грегора очень взрослый взгляд, холодный и пронизывающий. Как-то сразу вспомнилось, что сын канцлера оканчивает последний курс и уже через несколько месяцев уйдет из Академии со всеми соответствующими последствиями. Например, с возможностью вызвать Грегора, который перестанет быть его преподавателем, на дуэль. Или принять его вызов...

О последнем думалось едва ли не с радостью, хотя почти сразу Грегор устыдился. В желании Аранвена-младшего защищать честь девушки нет ничего недостойного. Хотя от будущей леди Бастельеро ему все-таки следует держаться подальше – теперь с защитой ее чести есть кому справляться.

Айлин посмотрела им вслед и перевела взгляд на Грегора. Под глазами у нее залегли тени, сделав лицо старше и строже.

– Подойдите, – негромко попросил Грегор.

Она, помедлив, кивнула. Закрывает тетрадь и чернильницу, сунула в сумку... Поднялась, пошла к кафедре, глядя прямо перед собой, избегая его взгляда.

Остановилась в шаге от Грегора, затеребила конец пояса...

– Прошу вас выслушать меня со всем возможным вниманием, – сказал Грегор, мучительно пытаясь подобрать единственно правильные, нужные слова. – Прошлой ночью...

* * *

Кровь бросилась Айлин в лицо, а сердце противно екнуло. Прошлой ночью... она повела себя как настоящая трусиха! И уж конечно, совсем не как леди!

А сейчас и вовсе! Настоящая леди должна была бы изнемогать от стыда и бояться поднять глаза, а Айлин...

Сегодня ей совсем, совсем не было стыдно.

«И вообще важно лишь одно, – подумала Айлин с растерянным удивлением. – Что это был мэтр Бастельеро! Мэтр Бастельеро, который никогда не смотрел ни на одну девушку, даже самую красивую! Значит... Значит, он меня все-таки...»

В груди разлился мягкий ласковый жар, словно от глинтвейна, который им с Даррой иногда варил Саймон, и Айлин поспешно оборвала мысль.

– ...я повел себя недостойно, – продолжил мэтр Бастельеро странным и чужим звенящим голосом. – Не в оправдание – оправдать меня не могут никакие обстоятельства! – но в объяснение моего поступка должен сказать, что я был не в себе. Причины не важны. Поверьте, если бы я был полностью в здравом рассудке, то не совершил бы того, что... совершил.

Айлин показалось, что перед ней разверзлась ледяная черная бездна. Тепло в груди сменилось пронзительным холодом, сердце рвануло острой болью, и Айлин едва удержалась, чтобы не прижать ладонь к груди.

«Не в себе, – подумала она. – Он просто был не в себе. Он... Если бы он был в себе – ничего не произошло бы?.. Он меня не любит, – пришла вдруг простая и холодная ясность. – И то, что произошло, мучает его... Нужно сказать... сказать хоть что-то. Принять извинения. Попросить позволения уйти...»

– Но я искуплю свою вину, – продолжил Бастельеро. – Я сегодня же поставлю вашего брата в известность о нашей с вами помолвке. Мы поженимся в первый день лета. И я клянусь, что постараюсь сделать вас счастливой. Позвольте вашу руку, леди Ревенгар...

– Мою руку?.. – переспросила Айлин, с трудом шевеля губами, а льдинка в груди провернулась, царапая сердце острыми краями, обжигая холодом.

В руке лорда Бастельеро оказалось кольцо – в точности похожее на его родовой перстень, только немного поменьше. Семейное кольцо Бастельеро? Он... предлагает ей брак?

«Вчера, – беспомощно подумала Айлин. – Всего только вчера я согласилась бы, не раздумывая. И была бы счастлива! И уверена, что иначе и быть не может! И сегодня тоже... если бы я могла думать, что мэр любит меня... если бы я только могла бы надеяться! Но не теперь. Только не теперь. Только не так! Неважно, стала ли я падшей... женщиной, но гордость у меня все-таки есть. Ревенгары не принимают подачек от снисходительности и подарков от чувства вины! Слишком фальшивая монета за ночь любви!»

Мир вокруг звенел и кружился, словно при перерасходе магической силы. И было ясно, что все еще можно исправить! Забыть, переступить через гордость... Всего один маленький шаг, за который ее не то что никто не осудит! Напротив! Разве может быть другой выход для опозоренной девицы, чем принять предложение мужчины, который благородно возвращает ей ее честь?! Выйти за него замуж и всегда, всю жизнь помнить его великодушие и желание загладить вину.

Она глубоко вдохнула и посмотрела в глаза лорду Бастельеро. Грегору. Впрочем, нет, все-таки лорду и мэтру – не более того.

– Мне... мне глубоко льстит ваше предложение, милорд. Но, простите, я не могу его принять.

– Вы... что? – переспросил Бастельеро так недоверчиво, что вместо холода в груди вдруг вспыхнула злость.

Бессовестная, совершенно не заслуженная никем, кроме нее же самой!

– Я не могу принять ваше предложение, – повторила Айлин.

Во второй раз это оказалось куда проще, чем в первый.

– Я не выйду за вас, что бы ни решил лорд Ревенгар. – медленно и отчетливо проговорила Айлин, внимательно вслушиваясь в каждое слово и глядя, как меняется лицо Бастельеро. Недоверие, недоуменная злость...

И понимание.

Лорд Бастельеро глубоко вдохнул и медленно выдохнул. И едва заметно улыбнулся, как, случалось, улыбался на практикумах, когда кому-нибудь, обычно Саймону, удавалась особенно удачная порча.

– Я понимаю, что оскорбил вас, – проговорил он старательно мягко. – И все же прошу, подумайте. Обида – дурной советчик. Но вы ведь способны слышать не только обиду, но и голос разума? Несомненно, я один виновен в вашем бесчестье, но законный брак...

– Бесчестье? Мое бесчестье? – переспросила Айлин шепотом, замирая от жгучей ярости. «Ставлю все, что у меня есть, против ломаного медяка – ни демона он не понял!»

– Да, лорд Бастельеро, – проговорила она громче, позволив гневу взять над собой верх.

Лучше уж расставить все руны в звезде сразу! Не отчислят же ее из Академии за то, что она нагрубила мэтру! – Вы меня оскорбили. Оскорбили дважды! Я подарила вам свою любовь, и вы вольны были не принять ее, но приняли и, приняв, назвали любовь – бесчестьем! И второй раз вы меня оскорбили вашим предложением, сделанным в порыве раскаяния! Но единственным несмыслимым бесчестьем для меня было бы – согласиться на это предложение! Вина – худшая причина для брака, хуже – только позор! А вы предлагаете мне обе эти причины, предлагаете скрыть мой, как вы считаете, позор плащом вашей вины! Убирайтесь к Барготу с вашими сожалениями, с вашим пониманием и вашим бесчестьем заодно! И договаривайтесь со своей совестью как вам угодно – но только без меня! А с моим бесчестьем я, уж поверьте, разберусь сама! Мое почтение!

Айлин резко поклонилась, развернулась так, что косы хлестнули по спине и плечам, и зашагала к двери, печатая шаг, словно заколачивала крышку гроба.

– Ревенгар! Немедленно остановитесь! – ударил в спину яростно-изумленный голос лорда Бастельеро. – Айлин! Вы меня не так поняли!

– К Барготу! – повторила она, не оборачиваясь, и вышла, закрыв дверь со всей возможной аккуратностью.

Поспешила прочь, все ускоряя шаг и не задумываясь, куда она идет. Куда угодно, лишь бы подальше от лорда Бастельеро!

Из-за ближайшего угла – шагах в десяти от аудитории – высыпали Вороны. Караулили они ее, что ли? Впрочем, наверняка караулили...

Дарра шагнул вперед, загрозявая дорогу и вынуждая остановиться. Надо было поговорить с ним перед занятием! Обязательно надо было, ведь названные братья беспокоились, а когда она пропала из лечебного крыла, и вовсе всполошились, наверное. Она же, трусиха, проскользнула в аудиторию перед самым колоколом и еще села подальше.

– Милая Айлин... – Дарра осекся, поймал ее руку, попытался заглянуть в глаза, и Айлин поспешно отвела взгляд. – Что такого вам сказал мэтр? Что бы это ни было, вы ведь знаете, что всегда можете рассчитывать...

Айлин мотнула головой, чувствуя, что не выдержит ни единого вопроса, ни одного прикосновения, даже самого ласкового. И помощь ей сейчас не нужна! Она справится сама! Еще не хватало пачкать Воронов и особенно Дарру всей этой грязью. Вот им точно знать не следует! Иначе страшно подумать, что может случиться!

– Прости, Дарра, – едва вытолкнула она из сведенного судорогой горла. – Я... очень тороплюсь. На урок. Да. У меня урок...

Пальцы Дарры разжались, и Айлин почти побежала к боковой лестнице, ведущей в сад. Там сейчас точно нет никого! Ни единого человека! И прекрасно!

– Какое, ко всем барготовым демонам... – донесся растерянный голос Саймона. – У тебя же артефакторика в южном крыле!

«Вот именно – ко всем барготовым демонам! – яростно подумала Айлин. – Провались она, эта артефакторика! Что с нее пользы, когда рушится мир? Пусть хоть все занятия пропадают!»

Она сбежала по лестнице так быстро, будто за ней гнались, и выскочила в сад, в самом деле совершенно безлюдный. Свернула с центральной аллеи, не выбирая дороги, и пошла прямо по мягкой, светло-зеленой траве, пахнувшей по-весеннему ярко и остро, еще влажной от прошедшего на рассвете дождя.

Остановилась она, только немного успокоившись, огляделась и горько усмехнулась.

Вишня! Та самая вишня, под которой она целую вечность назад целовалась с магистром Роверстаном... Ох, какой же она была тогда глупой и беспечной, если ее главным горем была всего лишь злая шутка Иды! Если бы можно было повернуть время обратно!

За ее спиной раздались шаги, и на короткий миг Айлин – сама не зная, с отчаянием или надеждой, – подумала, что ее догнал мэтр Бастельеро...

Она резко обернулась – косы снова хлестнули по спине – и замерла.

На краю круглой полянки стоял магистр Роверстан и смотрел на нее хмуро и неодобрительно.

«Ну конечно же, – подумала Айлин невольно. – Магистр всегда появляется именно тогда, когда мне нужна помощь! Как будто чувствует!»

Мысль показалась отчего-то невыносимо смешной: конечно, ведь у магистра Белой гильдии нет никаких забот, кроме одной бестолковой девицы! Как же!

– Почему вы ушли из целительского крыла, не дождавись меня? – непривычно сухо спросил Роверстан, не двигаясь с места и хмурясь все больше. – Кажется, вчера вечером было достаточно ясно сказано, что вам необходимо лечение? Я искал вас все утро.

– Простите, милорд магистр... – пробормотала Айлин, опустив голову и чувствуя, как кровь приливает к щекам.

И в самом деле! Роверстан говорил, а она забыла, совершенно забыла! Испугалась за мэтра Бастельеро, видите ли, даже не подумала, что уж ему-то никакие демоны не страшны! А ведь не сбегла она из Академии, не явилась к мэтру без приглашения – и не было бы ни сегодняшней ночи, ни постыдного, унижительного объяснения!

«Во всем, что произошло, – с бессильной и отчаянной злостью подумала Айлин, – моя вина. Только моя!»

Ладонь магистра коснулась ее плеча, и Айлин подняла голову. Она и не заметила, как он подошел.

Раздражение на лице Роверстана уступило место беспокойству.

– Что с вами случилось? – спросил он так мягко, что к горлу подкатил комок, а глаза защипало. – У вас ведь была некромантия, не так ли? Неужели вас чем-то расстроил мэтр Бастельеро?

– Нет! – вырвалось у Айлин прежде, чем она успела подумать. – Вовсе нет, милорд магистр! Мэтр Бастельеро вовсе меня не расстроил, он просто сделал мне предложение... И осеклась. Не хватало об этом говорить с посторонними! Но... она ведь не сказала ни о чем... непристойном! Хотя непонятно, как и зачем она вообще об этом заговорила!

– Вот как... – протянул Роверстан, и Айлин показалось, что черные глаза магистра стали на миг холодными, словно две полыньи. – И вы?..

– И я отказала, – отрезала она и тут же почти устыдилась, но проснувшееся чувство злого обиженного упрямства подсказало, что это ее личное дело. Впрочем, Роверстан ее ничем не оскорбил, даже наоборот! – Простите, милорд магистр.

– Не стоит извинений, милая леди, – улыбнулся Роверстан так тепло, что Айлин уверилась – стылая бездна в его глазах ей просто почудилась. А потом, понизив голос, спросил: – Мэтру Бастельеро вы отказали. Не стану спрашивать почему, верю, что причина была веской. Откажете ли мне?

Айлин вздрогнула, как от удара. Магистр Роверстан добр и внимателен ко всем адептам, даже чужих факультетов. Он не мог, просто не мог походя бросить столь злую шутку! И все же – бросил!

Она выпрямилась так, что лопатки почти соприкоснулись, открыла рот, чтобы сказать что-нибудь резкое, такое, чтобы этот... этот... разумник!.. и не посмел думать, что смог ее задеть! И наткнулась на его взгляд – напряженный, испытующий, без малейшего следа веселья.

Щеки вспыхнули. Ох, не магистру должно быть стыдно, а ей! Ну почему, почему она постоянно думает о людях плохо? Как можно быть настолько злой?

– Я... – пробормотала Айлин, опуская взгляд – Простите. Боюсь, я вас не понимаю, милорд.

– Посмотрите на меня, – мягко попросил Роверстан, и Айлин нехотя, изнемогая от неловкости, подчинилась.

– Я намеревался просить вашей руки этим летом, – сказал магистр даже более низким, чем обычно, мягким голосом.

– Моей руки?! Но ведь я даже не нравлюсь вам, магистр!

Разумник изумленно поднял брови и странно взглянул на Айлин.

– Позвольте спросить, милая леди... уж не основаны ли ваши слова на том, что я спокойно стою перед вами, а не бросаюсь на вас, как мальчишка, одержимый впервые проснувшимся зовом плоти?

Кровь бросилась Айлин в лицо и она, до боли прикусив губу, кивнула. Саймон так себя и вел, если верить разговорам адептов, слышанным ею мельком и обрывочно. И прочие Вороны тоже. И даже мэтр Бастельеро... впрочем, что она знает о мэтре Бастельеро? Ведь он же сказал, что сожалеет, и, может быть, с дорогой ему женщиной он вел бы себя иначе?

– Мне сорок два года, милая Айлин, – негромко сказал магистр Роверстан. – К этому возрасту мужчина обыкновенно способен управлять своими желаниями, а не подчиняться их диктату, даже если это не просто. Если, конечно, это мужчина, а не забывший повзрослеть юноша. Вы именно та, с кем я хочу связать свою жизнь. И если бы вы согласились принять мои ухаживания...

«Ухаживания?... – подумала Айлин растерянно. – Но... какие?»

– Возможно, мне стоило бы открыться уже давно, – вздохнул Роверстан. – Но вы ведь любите загадки, не так ли?

– Загадки? – переспросила она, чувствуя себя маленькой и глупой, и вдруг поняла. – Милорд магистр! Так нож... и шпильки... И... Это все вы?!

Роверстан улыбнулся и кивнул.

– И роза тоже?! – вскинулась Айлин. – Но почему вы никогда не подписывались? То есть я понимаю, Устав Академии, но хотя бы намекнули!

– Я намекал. – Губы магистра тронула веселая ласковая усмешка. – Те карточки, помните? На арлезийском ваше имя означает «лунный цветок». Я надеялся, что у вас не так много знакомых арлезийцев... Но признаю, что загадка была непростой, а у вас оказалось

слишком много других забот, чтобы ею заниматься. Но, надеюсь, мои маленькие подарки вам понравились? Вижу, что нож вы носите.

– Я думала, что бутон белой розы означает просьбу о прощении, – так же растерянно сказала Айлин. – И искала не того...

Она вскинула ладони к пылающим щекам, а магистр понимающе кивнул.

– Розам свойственно распускаться, – сказал он негромко и сочувственно. – Как и цветущей вишне – приносить плоды. – Я собирался поговорить с вами об этом после бала, – прибавил он. – Но не успел. Я хотел просить вашей руки...

– У моего брата? – вырвалось у Айлин почти против воли, и она, в отчаянной попытке удержать уже сказанную колкость, зажала рот ладонью.

Дура! Барготова надменная дура! А еще на мэтра Бастельеро обижалась, хотя сама – не лучше!

Роверстан удивленно изогнул брови.

– Нет, милая леди, у вас. Это дело касается только вас и меня, каким бы ни было ваше решение. – Он помолчал, всматриваясь в ее лицо уже без всякой улыбки, но с мучительным, почти болезненным вниманием, и протянул руку ладонью вверх. – Я предлагаю вам, леди Ревенгар, мое имя – может, не такое громкое, как у Бастельеро, но столь же честное, поверьте, мою жизнь и руку, а сердце... сердце – ваше, даже если вы откажетесь от всего остального.

Айлин обхватила плечи руками. Солнце припекало уже почти по-летнему, но откуда-то изнутри растекался по телу леденящий холод.

«Как глупо, – подумала она с беспомощной тоской. – Как глупо и несправедливо. Любая другая на моем месте согласилась бы, не раздумывая. И еще гордилась бы – два предложения в один день, и каких предложения! Так не бывает!»

«Ну почему же не бывает... – возразил в глубине души тихий голос, очень похожий на голос тетушки Элоизы. – Девица Ревенгар, даже и порченная, это все еще Ревенгар. Удачная партия для лейб-дворянина! Да, Роверстан – маг, и к тому же – магистр, но выше ему не подняться, Совет глав гильдий ни за что не выберет Архимагом простолюдина! Но, вероятно, охотно проголосует за лорда Ревенгара!»

Айлин вздрогнула. Нет, да нет же! Так можно додуматься невесть до чего! Конечно, магистр не забывает, что она Ревенгар, но ведь и лорд Бастельеро не сделал бы ей предложения, будь она обычной горожанкой или даже дочерью купца! Да Бастельеро, пожалуй, и на лейб-дворянке не женился бы!

– Моя семья, – пробормотала она. – Она может не одобрить этот брак, милорд магистр. И вряд ли за мной дадут подобающее приданое, если дадут хоть какое-то... Мой брат...

– О! – живо прервал ее Роверстан. – Мне известно, что у вас... сложные отношения с семьей. Если для вас важно одобрение лорда и леди Ревенгар, то вы его получите, обещаю. Если же нет, я прекрасно обойдусь без их одобрения. И без благословения. Мое собственное родовое имя меня вполне устраивает, – добавил он проницательно, и Айлин залилась краской.

Неужели магистр прочитал ее недобрые мысли? Или они, как уверяют Дарра, написаны на лице?..

– Ну-ну, девочка моя, не смущайтесь, – мягко подбодрил ее вовсе, кажется, не оскорбившийся магистр. – Ваши мысли вполне естественны. Что еще вас интересует? Приданое? Полагаю, вы помните, что наша маленькая шалость пять лет назад не только удалась, но и принесла к этому времени довольно ощутимые плоды. Но вы можете быть уверены, что эти деньги останутся только вашими и вы вправе распоряжаться ими как угодно. Я достаточно состоятелен и могу позволить себе брак по любви. Так... – Он на мгновение задумался. – Титул? Он тоже имеется. И совершенно законный, хоть и полученный необычным путем. Помните, я вам рассказывал, что в Арлезе дворянство можно выиграть? Дворянство Странника – так это называется. И окружено таким же уважением, как в Дорвенанте – магический дар. Тоже считается милостью богов, знаете ли... Если вы выйдете за меня замуж, то останетесь леди не только по качествам души и сердца, но и в глазах общества. Вы удивлены?

– Вы... никогда об этом не говорили, – пролепетала и вправду пораженная Айлин, не понимая, зачем магистр столько лет носит маску простолюдина, если может просто заявить о дворянстве.

– А зачем? – весело спросил Роверстан. – Лично мне вполне хватает привилегий магистра Ордена. Но я, конечно, думаю о будущем своих детей. Кстати, именно поэтому я буду рад, если после замужества вы продолжите обучение и станете орденой магессой со всеми соответствующими правами. Ваш талант нуждается в достойной огранке и оправе. Вас беспокоит что-то еще?

«О да, – снова встрепенулся злой и едкий внутренний голос. – И очень важное «что-то»! Признаешься или постыдишься, леди Ревенгар?»

Еще час... да что там, четверть часа назад Айлин была уверена, что скорее умрет, чем расскажет кому-либо о своем позоре!

Но... если магистр действительно просит ее руки, не рассказать ему – бесчестно!

Она стиснула зубы, велела внутреннему голосу провалиться к барготовой матери и кивнула.

– Да, магистр. Видите ли, я... я... – Она сглотнула, отчаянно жалея, что на уроках этикета никто не учил, как правильно признаваться в таком. Наверное, учителей бы удар хватил, допусти они хоть мысль, что леди может заговорить о столь щекотливом деле! Ладно, если не знаешь, как сказать, говори прямо! – Я не невинна, поэтому...

Запас воздуха закончился вместе со словами, и Айлин вскинула голову, готовясь достойно встретить поспешную просьбу забыть о необдуманном предложении...

Роверстан улыбнулся и качнул головой, камешек в его сереге заблестел на солнце, рассыпая яркие, празднично разноцветные искры.

– Милая леди, – вздохнул он и посмотрел на нее с сочувствием, но не оскорбительным, как жалость, а понимающим. – Я благодарен вам за откровенность и клянусь, что вы о ней не пожалеете... Но мне не нужно ваше имя, или связи вашей семьи, или ваша невинность. Мне нужны вы. Только вы. Я сожалею лишь о том, что у меня не будет возможности сделать вашу первую ночь незабываемой. – Он вздохнул, глядя на залившуюся краской Айлин, и спокойно, почти весело, добавил: – Но если хотите, я убью для вас Грегора Бастельеро. В первый миг Айлин даже не осознала смысла только что прозвучавших слов, во второй – от ужаса голова у нее закружилась, а потом перехватило дыхание.

Слова магистра прозвучали так просто и буднично, что не могло быть никаких сомнений. Если она скажет: «Хочу», – или просто кивнет, или хоть на миг дольше, чем нужно, промолчит – убьет.

И никто даже не удивится, дуэли за честь дамы нередки, и убивают на них едва ли не чаще, чем на войне!

А ведь мэтр Бастельеро ни в чем не виноват, никто не виноват, только она сама!.. Мэтр Бастельеро... холодный, надменный, зачастую – недобрый, но неизменно защищающий своих Воронов...

«Каким бы он ни был, только пусть будет живым! Пусть живет долго и будет счастлив!» – взмолилась Айлин, сама не зная кому.

– Нет! – крикнула она шепотом. – Нет, прошу вас, магистр! Мэтр Бастельеро... он совершенно ни при чем!

– Как пожелаете, моя леди, – откликнулся магистр, словно только и ждал ее слов. – Надеюсь, больше никаких... препятствий?

Еще мгновение Айлин позволила себе промедлить, глядя в лицо магистра и вдыхая еле уловимый аромат арлезийских благовоний.

– Я слышала, что вы сватались к леди Ревенгар, когда она была еще Гвенивер Морхальт, – выпалила она, едва сдерживаясь, чтобы не зажмуриться. – Если вы видите во мне ее...

«Если он скажет, что сватовства не было... Или назовет ее моей матерью, зная, что я отказалась от рода... Если только дело действительно в этом проклятом сходстве...»

На лице магистра мелькнуло изумление.

– Что?.. Нет, моя леди! Ни в коем случае! Я действительно делал предложение леди Гвенивер и теперь, признаться, очень рад, что она мне отказала. Мы совершенно не подходим друг другу. Впрочем, должен признать, – он понизил голос почти до шепота, и

Айлин невольно затаила дыхание, чтобы не прослушать чего-нибудь важного: – Теперь я понимаю, что в леди Гвенивер всегда видел вас.

Айлин закрыла глаза и глубоко вдохнула. Что ж, похоже, причин больше нет? Этот человек знает о тебе все, что нужно. Больше, чем кто угодно другой! И готов принять тебя такой, какая ты есть. И да, он наверняка тебя никогда не упрекнет, бессмысленно даже думать об этом. Ну и чего ты медлишь? Ведь тому, другому, нужна не ты, а чистая совесть?»

Айлин открыла глаза и взглядела в спокойное красивое лицо мужчины напротив, словно увиденное ею в первый раз.

– Я благодарна вам, милорд магистр, – проговорила она медленно и отчетливо. – За ваше благородство и великодушие... Но я не люблю вас.

– Я знаю, девочка моя, – так спокойно и просто ответил Роверстан, будто Айлин сообщила что-то очевидное и обыденное. – Но в браке любовь приходит со временем, а я... поверьте, я сделаю все, чтобы завоевать ваше сердце. Просто дайте мне такую возможность. Он замолчал. Айлин чувствовала его взгляд – тяжелый, как меховое одеяло, и такой теплый, что бьющий ее озноб вдруг исчез, словно его и не было.

«А ведь вчера, – подумала она вдруг. – Вчера магистр спас мне жизнь. Бросил щит, единственный из всего Совета, не думая о себе. И держал сколько мог, а ведь ему, разумнику, это наверняка давалось куда тяжелее, чем, скажем, боевику! И сейчас – сейчас он снова меня спасает, хотя и знает, что преподавателям запрещены личные отношения с адептами!»

– Хорошо... – сказала она дрогнувшим голосом. – Я непременно постараюсь полюбить вас. Я буду очень стараться! Но пообещайте, что никогда и ни в чем не станете мне лгать. Пусть правда будет сколь угодно горькой, но только не лгите! Обещаете?

– Милая Айлин, – вздохнул Роверстан. – Каким же трудным путем вы предпочитаете идти, но в этом вся вы. И это самое прекрасное, что в вас есть. Обещаю. Я никогда вам не солгу.

– Тогда я согласна, милорд. Но с условием, что помолвку мы заключим не раньше лета, – твердо сказала она. – Когда в наши... отношения перестанет вмешиваться Устав Академии. Разумник улыбнулся какой-то новой, совершенно незнакомой Айлин улыбкой, от которой у нее вдруг закружилась голова, а запах сандала и ладана словно сгустился вокруг них.

– Благодарю вас за чуткость, моя леди. Ничего иного я от вас не ожидал. Насколько я понимаю, раз вы не хотите объявлять о помолвке, то мое кольцо примете несколько позже?

Айлин кивнула, невольно вспомнив то, с сапфиром, которое отказалась взять у... лорда Бастельеро. Лорда! Или мэтра! Никаких больше Грегоров, даже в мыслях! Она выйдет за человека, который ее любит, и из всех сил постарается сделать его счастливым. Может быть, у нее даже получится стать счастливой самой. Ну хоть немного...

– Да, – сказала она, понимая, что должна пообещать. – Мое слово. Я выйду за вас... милорд магистр.

– Дункан, – улыбнулся разумник. – Для вас отныне и всегда – Дункан. И я надеюсь, что срок помолвки будет небольшим и осенью вы уже вернетесь в Академию моей женой. А пока... Могу я попросить у вас что-нибудь... не в залог, разумеется, но в знак вашей благосклонности? Какой-нибудь пустяк, безделушку?

Ленту? Айлин покраснела еще сильнее, вспомнив, чем сегодня торопливо перевязала косы. Подарок в знак согласия на обручение – традиция древняя, как сам Дорвенант, но не отдавать же простой кожаный шнурок! Или перо Воронов, подаренное Даррой. А больше у нее из украшений и нет ничего.

– Возможно, прядь волос? – ласково подсказал Роверстан. – Обещаю хранить ее бережно и с должным почтением.

Айлин кивнула, словно завороченная его горячим взглядом. Странно, и как эти глаза могли показаться ей похожими на полынью? В мыслях мелькнуло, что прядь волос – это очень доверительный подарок! На ней можно навести пятнадцать видов порчи, только описанной в учебнике, не считая самодельной. И Гре... мэтр Бастельеро неоднократно подчеркивал, что волосы и кровь нельзя никому давать! Но... Роверстан ведь не некромант! И он ее любит... И вообще, довериться магистру можно – он разумник!

Торопливо выхватив ритуальный кинжал из ножен на поясе, она поспешно чиркнула по кончику косы, отрезав толстую прядку, и протянула ее Роверстану.

«Мы теперь жених и невеста, – подумала она, утопая в сладком, но с отчетливым горьким привкусом, смущении, когда губы Роверстана удивительно нежно коснулись ее губ. – Я дала слово... И я полюблю его... Хватит быть маленькой взбалмошной дурочкой, детство кончилось. Теперь-то уж точно! И я стану счастлива, как бы это ни было сложно!»

Отцветающая вишня, по веткам которой прошелся ветерок, осыпала их дурманно душистым облаком, и Айлин вдохнула этот запах счастья, изо всех сил стараясь не смотреть на небо, синее, как... чьи-то глаза. Она выбрала свой путь – как всегда! – и собиралась идти по нему так, чтобы никто и никогда больше не мог ее упрекнуть.

[illegible]